

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ
«СОЮЗНАЯ ИНИЦИАТИВА ПАМЯТИ И СОГЛАСИЯ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

ФОНД СОДЕЙСТВИЯ АКТУАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

М. М. Смольянинов

**Беларусь в Первой мировой войне
1914–1918 гг.**

Москва
Фонд «Историческая память»
2017

УДК 94(476)“1914/1918”
ББК 63.3(4Бен)524
С51

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *А. М. Литвин*
доктор исторических наук, профессор *А. В. Шарков*

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп и на основании конкурса, проведённого Общероссийским общественным фондом «Национальный благотворительный фонд»

Смолянинов, М. М.

С51 Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смолянинов. – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – 415, [34] с. : ил.

ISBN

В монографии впервые освещены вопросы мобилизации в белорусских губерниях в русскую армию в начале Первой мировой войны, формирования новых полков и дружин государственного ополчения, показано выдвижение их в места сосредоточения и развёртывания для начала военных действий. Исследованы вопросы эвакуации населения, учреждений и предприятий, проблема беженства мирных жителей и её решение на белорусских землях. Освещены боевые действия на территории Беларуси, падение морально-боевого духа в войсках Западного фронта, названы причины и последствия этого явления. Говорится о нарушении германскими войсками мирного договора и захвате огромной территории, показана организация отпора противнику советским правительством.

УДК 94(476)“1914/1918”

ББК 63.3(4Бен)524

ISBN

© Смолянинов М. М., 2017

© Фонд «Историческая память»,
оформление, издание, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война 1914–1918 гг. является одним из крупнейших событий в истории человечества. Развязанная правящими кругами двух группировок империалистических держав – Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Англия, Франция, Россия), она втянула в свою орбиту 38 государств с полутора миллиардным населением, из которых 74 млн человек были поставлены под ружьё и приняли участие в сражениях. В ходе войны, которая впервые в истории войн носила глобальный характер, наряду с применением новейших на тот период видов вооружения и боевой техники: тяжёлой артиллерии, миномётов, пулемётов, огнемётов, аэропланов, танков, подводных лодок, использовались ранее не известные химические отравляющие вещества. Это вызвало огромные разрушения и массовые человеческие жертвы, горе и страдания многих миллионов людей.

Белорусские земли, входившие в состав Российской империи, оказались в зоне геостратегических интересов России и Германии и вскоре стали одним из эпицентров глобального военного конфликта. С объявлением войны на белорусских землях было введено военное положение. Здесь размещалась Ставка Верховного главнокомандующего русской армией (с начала войны – в Барановичах, с августа 1915 г. – в Могилёве), был усилен военно-полицейский режим, в спешном порядке проводились мобилизация и пополнение частей действующей армии, формирование новых полков и дружин государственного ополчения, кратковременное их обучение и выдвижение к местам сосредоточения и развёртывания

для участия в сражениях 1914 г. в Восточной Пруссии, Галицийской, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях. Довоенным планом подготовки к войне и мобилизационным расписанием Генерального штаба русской армии с целью обеспечения скорейшего сосредоточения и развёртывания войск для начала военных действий было предусмотрено комплектование в первую очередь призванными из местного населения по штатам военного времени войск, дислоцировавшихся в военных округах, приграничных к враждебным государствам – Германии и Австро-Венгрии.

В результате неудачного для Российской империи развития военных действий и последующего отступления русских войск в глубь территории своей страны весной–летом 1915 г. белорусские земли стали одним из главных театров боевых действий. Здесь по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск на два с половиной года стабилизировался участок российско-германского фронта со всеми вытекающими из этого последствиями: необходимостью проведения эвакуации населения, учреждений и предприятий, установлением на захваченных германскими войсками землях оккупационного режима, проблемой беженства, кровопролитными боевыми действиями, разорением, разрушением и сожжением городов и сёл,

Здесь более всего легли тяжёлым бременем на плечи мирного населения неоккупированной части белорусских земель неоднократные мобилизации мужчин, многократные реквизиции лошадей, крупного рогатого и другого скота, фуража, зерна и иного продовольствия, привлечение трудоспособных жителей на строительство военно-оборонительных сооружений и рытьё окопов, устройство беженцев и другие тяготы войны.

Несмотря на прошедшее столетие, многие из названных вопросов до сих пор не получили своего системного и комплексного глубокого научного исследования. С точки зрения изучения отдельных событий, имевших место на территории Беларуси, из научных трудов советского периода можно

выделить монографии российских военных историков Н. Ф. Евсеева «Свенцянский прорыв (1915 г.)...»¹, Е. А. Меньчукова «Бои под Логишиным в 1915 г. Наступательная операция 31-го армейского корпуса в лесах и болотах»², Н. Е. Подорожного «Нарочская операция в марте 1916 г.»³, А. Н. Де-Лазари «Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.»⁴, А. П. Жилина «Последнее наступление (июнь 1917 г.)»⁵. О сражениях на белорусских землях в 1915–1917 гг. кратко повествует военный историк И. И. Ростунов, освещая ход военных действий на русском фронте Первой мировой войны⁶. С конца 90-х годов XX и в начале XXI в., по мере приближения к 100-летию юбилею начала Первой мировой войны интерес к истории стал заметно возрастать. На постсоветском пространстве наибольшую активность в изучении проблем истории Первой мировой войны проявили российские историки. Достаточно назвать только фундаментальные обобщающие труды, подготовленные коллективами авторов и изданные к 100-летию начала этого глобального военного конфликта, такие как «Мировые войны XX века» в четырёх книгах, первая книга которого представляет исторический очерк, вторая – сборник документов, посвящённые истории Первой мировой войны⁷;

¹ Евсеев Н. Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.): военные действия на Восточном фронте мировой войны в сентябре–октябре 1915 г. М. : Гос. воен. изд-во, 1936. 272 с.

² Меньчуков Е. А. Бои под Логишиным в 1915 г.: наступательная операция 31-го армейского корпуса в лесах и болотах. М. : Воениздат, 1937. 73 [3] с.

³ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М. : Воениздат, 1938. 180 с. : схемы.

⁴ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. М. : Гос. воен. изд-во, 1935. 144 с.

⁵ Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 года). М. : Наука, 1983. 104 с.

⁶ Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М. : Наука, 1976. 389 с.

⁷ Мировые войны XX века : в 4 кн. М. : Наука, 2002. Кн. 1 : Первая мировая война : ист. очерк / науч. рук. В. Л. Мальков ; отв. ред. Г. Д. Шкундин. 686 с. : ил., карт.

«Первая мировая война 1914–1918 годов» в шести томах, в третьем томе которого, наряду с другими вопросами, освещены военные действия на всех сухопутных театрах мировой войны в 1916–1918 гг., в том числе интересующие нас события вооружённой борьбы противоборствующих сторон на белорусских землях¹; «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис», в котором рассмотрен широкий круг вопросов, связанный с положением страны в годы военного противоборства²; «Европа и Россия в огне Первой мировой войны», где в числе других вопросов кратко освещены боевые действия в 1914–1918 гг. на всех театрах войны, в том числе на белорусских землях³.

В белорусской исторической науке Первая мировая война до 90-х годов XX в. являлась по сути неизвестной войной. И это несмотря на то, что в 1915–1918 гг. белорусская земля была искусственно разделена на две части линией фронта, с обеих сторон которой дислоцировались более чем 1,5 млн германских и столько же российских войск, велись активные боевые действия. Специальные научные исследования по данной проблеме не проводились. Вопросы истории Первой мировой в определённой степени затрагивались лишь в контексте общей истории Беларуси в крупных обобщающих трудах, при освещении революционных событий и деятельности большевиков, прежде всего в войсках Западного фронта. Предпочтение отдавалось изучению проблем истории Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн.

---

¹ Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. М. : Кучково поле, 2015. Т. 3 : Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 годы) / под общ. ред. С. К. Шойгу. 864 с.

² Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М. : Полит. энцикл., 2014. 982 с. : ил.

³ Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М. : ИНЭС, РУГИН, 2014. 880 с.

С начала 1990-х годов внимание белорусских историков стали больше привлекать темы, связанные с национально-освободительным движением и процессом становления и развития белорусской государственности в годы Первой мировой войны, а также вопросы просвещения и культуры в этот период на оккупированной территории¹. В Беларуси в эти годы отдельные историки занимались исследованием процессов и событий, происходивших в российских армиях Западного фронта, деятельности государственных и общественных организаций по оказанию помощи беженцам, мероприятий гражданских и военных властей белорусских городов по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности, проблем заключения Брестского мира и его влияния на развитие процесса государственного самоопределения белорусского народа. Освещению этих и ряда других вопросов были посвящены монографии М. М. Смольянинова, С. Ф. Лапановича, В. Н. Черепицы, С. А. Третьяка, А. В. Шаркова, В. Д. Селеменева и др.²

Значительному повышению исследовательского интереса к событиям Первой мировой войны послужили подготовка и проведение в 2007 г. Институтом истории Национальной

---

¹ Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920). Мінск : БДУ, 1999. 128 с. ; Рудовіч С. С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск : Тэхналогія, 2001. 201 с. ; Шчаўлінскі М. Б. Беларуская культура ў гады першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.). Мінск : РІВШ БДУ, 2002. 78 с. ; Ляхоўскі У. В. Адукацыя Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 гг.). Беласток : Беларус. гіст. т-ва ; Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2010. 340 с.

² Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск : Беларус. наука, 2007. 259 с. ; Лапановіч С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). Мінск, 2010 ; Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. Гродно : ГрГУ, 2006. 536 с. ; Трацяк С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы у Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. Мінск : Беларус. навука, 2009. 208 с. ; Последний приют солдата: друзья и враги смертью соединены / А. В. Шарков [и др.]. Минск : Изд. дом «Звезда», 2014. 207 с.

академии наук Беларуси совместно с Сморгонским райполкомом Международной научно-практической конференции «Беларусь в годы Первой мировой войны: Сморгонщина: трагедия, героизм, память», посвящённой 810-дневной обороне Сморгони. Материалы конференции были изданы отдельной книгой. Авторы докладов коснулись вопросов источниковедения и историографии проблемы, локальных боевых действий, беженства, социально-национального характера, музеефикации и мартирологии, заключения перемирия на одном из участков российско-германского фронта¹.

Более пристальному вниманию белорусских учёных к событиям Первой мировой войны и её последствиям способствовало менявшееся отношение государства и общественности к изучению и популяризации исторического боевого прошлого нашей страны, увековечению памяти её героев и жертв. С этой целью в Республике Беларусь была разработана и принята Государственная программа по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн, рассчитанная на 2011–2014 гг. В соответствии с ней были приведены в порядок воинские захоронения, создан мемориал в г. Сморгонь, посвящённый памяти воинов и жертв 810-дневной защиты города, в ряде мест установлены мемориальные доски.

Особенно активизировалась исследовательская и публикаторская деятельность белорусских учёных в связи с подготовкой к 100-летию юбилею начала Первой мировой войны. На основе изучения большого круга опубликованной литературы, с привлечением архивных документов В. М. Ходанёнком была подготовлена и опубликована небольшая по объёму, но интересная по содержанию монография, в которой повествуется о социально-экономическом положении населения неоккупированной части белорусских земель в период

---

¹ Беларусь у гады Першай сусветнай вайны: Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Сморгонь 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд.: А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. Мінск : Чатыры чвэрці, 2009. 739 с.

1916–1917 гг. и изменениях его социального состава и морально-психологического состояния, вызванных последствиями войны¹. Тема «Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг.» Института истории Национальной академии наук Беларуси являлась частью Государственной программы научных исследований. Результаты исследований отражены в монографии и в научных журналах и сборниках². На страницах журналов и сборников было опубликовано большое количество научных статей, посвящённых различным вопросам проблем истории Первой мировой войны³.

---

¹ Хаданёнак В. М. Сацыяльна-эканамічнае становішча насельніцтва неакупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (кастрычнік 1915 – кастрычнік 1917 гг.). Віцебск : УА ВДГУ, 2015. 160 с.

² Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Минск : Беларус. навука, 2014. 317 с. ; Его же. В окопах под Сморгонью. Газовые атаки на территории Беларуси в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2012. № 4. С. 86–95 ; Его же. Укрепление Западного форпоста. Мобилизация в белорусских губерниях Российской империи в начале Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 5. С. 79–83 ; Его же. Обречённые на исход. Проблема беженства и её решение на белорусских землях в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 10. С. 76–83 ; Его же. Мобилизованные и добровольцы. Дружины государственного ополчения белорусских губерний в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2014. № 1. С. 89–94 ; и др.

³ Коваленя А. А. Помнить уроки прошлого. К вопросу научной разработки истории Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 3. С. 41–49 ; Бобков А. М. Беженцы в Белоруссии в годы первой мировой войны (1915–1916) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя в Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : у 2 ч. Мінск, 1994. Ч. 1. С. 131–138 ; Его же. Эвакуация промышленности Беларуси в годы Первой мировой войны // Гісторыя. Культуралогія. Мастацтвазнаўства : матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г. Мінск, 2001. Кн. 21. С. 135–141 ; Бруханчик Е. Смертельный тыл: медицинская помощь раненым и мирному населению Беларуси в годы Первой мировой войны // Беларус. думка. 2013. № 3. С. 89–92 ; Дмитриева О. П. Положение национальных общностей Беларуси в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2013. № 2. С. 53–61 ; Смольянинов М. М. К вопросу о мобилизации в белорусских губерниях в начале Первой мировой войны // Беларусь і Германія:

Значительно активизировалась деятельность в этом направлении белорусских краеведов, музейных работников и отдельных историков и журналистов, направленная на выявление и пропаганду исторических сведений о событиях, очевидцах и участниках той далёкой войны. В последние годы подготовили и опубликовали свои научно-популярные работы В. В. Бондаренко, В. Н. Лигута, В. А. Богданов, В. Н. Белявина, А. Ю. Каркотко и М. А. Российский¹.

Особо необходимо отметить подвижничество в деле популяризации событий Первой мировой войны на белорусской земле известного художника, музеификатора Б. Б. Цитовича.

В 2014 г., в преддверии 100-летия со дня начала Первой мировой войны, вышел первый в отечественной историографии сборник документов по истории Беларуси в годы Первой мировой войны, в котором опубликованы документы из фондов и коллекций Национального исторического архива Беларуси и Национального исторического архива в Гродно,

---

гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнар. навук. канф. Мінск, 6 крас. 2012. Мінск, 2013. Вып. 11 : у 2 т. Т. 2. С. 86–92 ; Его же. Первая мировая война в историографии Беларуси // Гіст.-археал. зб. Мінск, 2013. Вып. 28. С. 63–66 ; Хаданёнак В. М. Цяжкасці пры правядзенні мабілізацыі на беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.) // Беларус. гіст. часоп. 2013. № 8. С. 30–35 ; Самович А. Л. Смертью своей запечатлев. Георгиевские кавалеры – уроженцы Беларуси на фронтах Первой мировой войны // Беларус. думка. 2015. № 11. С. 98–105 ; и др.

¹ Бондаренко В. В. Утерянные победы Российской империи: события Первой мировой войны на белорусской земле, изменившие ход мировой истории. Минск : Харвест, 2010. 445, [2] с., [16] л. ил. ; Его же. Западный щит Российской империи, 1915–1917. Историческая реконструкция событий. Вильнюс : Ин-т воен. истории, 2015. 328 с. ; Лигута В. Н. Наша кровь у Сморгони. Минск : Виктор Хурсик, 2005. 53 с., [14] л. ил. ; Его же. У Сморгони под знаком Святого Георгия. Минск : Виктор Хурсик, 2010. 336 с. ; Богданов В. А. Битва у Нарочи, 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении. (Нарочская операция) : мемориал. Брест : Полиграфика, 2016. 376 с. ; Белявина В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны. Минск : Беларусь, 2013. 396, [2] с. ; Каркотко А. Ю., Российский М. А. На линии огня. Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года. М. : Вече, 2015. 320 с.

систематизированные по четырём разделам: военное положение в Беларуси; организация помощи гражданскому населению и лицам, пострадавшим в результате военных действий; положение на территории Беларуси, занятой оккупационными войсками; военнопленные германской и австро-венгерской армий на территории Беларуси¹.

Из приведённого краткого историографического обзора следует, что белорусскими учёными-историками и журналистами в последние годы проделана значительная работа по изучению, отражению в научных и научно-популярных изданиях и прессе и популяризации событий периода 1914–1918 гг. Однако следует признать, что большинство научных статей, опубликованных в журналах и сборниках, посвящены отдельным, узким, регионального характера вопросам из событий Первой мировой войны. В основном это краткие, справочного характера статьи в энциклопедических изданиях и в историко-документальных хрониках районов и городов Беларуси – книгах «Память», увидевших свет в 1985–2006 гг. До сих пор не до конца исследованными остаются вопросы проведения всеобщей мобилизации в белорусских губерниях, формирования дружин государственного ополчения, их функциональной деятельности и участия в сражениях. Требуют более глубокого изучения вопросы эвакуации населения, предприятий и учреждений, проведения реквизиций у местных жителей скота, продовольствия и фуража. Необходимо дальнейшее осмысление причин и факторов, оказывавших влияние на изменение морально-психологических настроений в армейской среде и обществе, раскрытие социально-классовой структуры и национального состава российских войск, дислоцировавшихся и формировавшихся на белорусских землях. Требует более глубокого исследования проблема беженства из белорусских губерний и реэвакуация беженцев в родные места после окончания

---

¹ Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918) : сб. док. / сост.: В. В. Врублевский [и др.] ; предс. редкол. В. И. Адамушко. Минск : Беларусь, 2014. 355 с. : ил.

войны. Необходимо всестороннее изучение такого нового явления для XX в., как женская мобилизация, привлечение женщин к возведению оборонительных укреплений и дорожно-строительным работам, их участие в лечебно-оздоровительной, санитарной и благотворительной деятельности. Пока неизученной остаётся проблема детской беспризорности в годы войны, забота государства об устройстве приютов, организации школьного обучения детей.

Исследование проблем военной истории Беларуси периода Первой мировой войны затруднено тем обстоятельством, что основной комплекс архивных документов по данной теме находится за пределами Беларуси (в центральных архивах России, Украины, Литвы, Польши и Германии). Белорусские историки зачастую не имеют возможности для долговременной научно-исследовательской работы в архивах Москвы, Петербурга, Киева, Вильнюса, Варшавы, Берлина.

В данной монографии автор на основе многолетних поисков архивных материалов поставил своей целью осветить вопросы мобилизации в белорусских губерниях и пополнения до штатов военного времени соединений и частей русской армии, дислоцировавшихся здесь к началу Первой мировой войны, формирования новых частей действующей армии и дружин государственного ополчения; сосредоточения и развёртывания войск для начала военных действий; проследить боевой путь и участие в сражениях соединений и частей, выступивших из белорусских земель; шире раскрыть панораму боевых действий на территории Беларуси и установить причины неудач в сражениях; показать разрушительные последствия войны, обрушившиеся тяготы и лишения на мирных жителей; на примере российских войск Западного фронта проследить начало падения морально-боевого духа солдатских масс, процесс его развития в ходе войны, установить причины и показать пагубные последствия этого негативного явления для Российской империи, и особенно белорусских земель, почти полностью оккупированных германскими войсками. Источниковой основой

исследования явились в основном архивные документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), Национальном архиве Республике Беларусь (НАРБ). Особое внимание было уделено изучению приказов и распоряжений и переписки Ставки Верховного главнокомандующего со штабами Северо-Западного (с августа 1915 г. – Западного) фронта, а последних – со штабами 1, 2, 3, 4 и 10-й армий; приказы и журналы военных действий корпусов и дивизий, входивших в состав названных армий, многие другие документы и материалы.

Выявленные документы и материалы позволили автору установить, какие соединения русской армии дислоцировались на территории белорусских губерний перед Первой мировой войной, показать их пополнение по штатам военного времени по объявлении мобилизации, а также формирование из местных жителей новых полков и дружин государственного ополчения с белорусскими названиями, проследить их боевой путь и участие в сражениях.

МОБИЛИЗАЦИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Нараставшие с конца XIX в. экономические и геополитические противоречия между ведущими государствами Европы привели к Первой мировой войне 1914–1918 гг. Начавшись столкновением между Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция, Россия), война вовлекла в свою орбиту более 30 государств на всех континентах и впервые в истории приобрела мировой характер.

Белорусская земля так же, как и земли Малороссии, Царства Польского, Лифляндии и Курляндии, являлась форпостом Российской империи на Западе и в первые же дни войны была объявлена на военном положении. Сразу же по объявлении мобилизации в русскую армию пополнялись дислоцировавшиеся здесь и формировались новые войсковые части и подразделения, выдвигаясь затем в места сосредоточения и развёртывания для начала военных действий.

Следует отметить, что телеграфное сообщение из Петербурга о «высочайшем повелении призвать чинов запаса и ратников ополчения первого разряда с поставкой лошадей и повозок с упряжью, согласно мобилизационному расписанию 1910 года», поступившее вечером 17 июля¹, не застало врасплох белорусские губернские и уездные власти. Нестабильность миропорядка в Европе тут была замечена задолго до начала военного конфликта. Минский губернатор Я. Е. Эрдели ещё 11 марта 1912 г. под грифом «Совершенно

---

¹ В издании даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю (кроме цитат).

секретно. Циркулярно» сообщал полицмейстерам и уездным исправникам губернии о том, что «по подготовительным работам учреждений Красного Креста и воинских частей, квартирующих в гор. Минске, можно предположить, что политический горизонт омрачён некоторыми разногласиями соседних с нами государств и что при всём нежелании войны наша империя может очутиться в таких условиях, при которых нельзя будет уклониться от военных действий». Ещё тогда губернатор предписал полицейским властям «немедленно дополнить, поправить, сличить и согласовать все свои подготовительные работы (по мобилизации. – М. С.)... с работами местных уездных по воинской повинности присутствий, приняв меры к тому, чтобы эти работы... находились в полном порядке»¹.

В связи с этим в западных округах активизировалась работа по уточнению и совершенствованию мобилизационных планов, отрабатывались временные рамки мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения, оповещения их и населения путём проведения «пробных» мобилизаций во взаимодействии полицейских властей с воинскими начальниками: по распоряжению Министерства внутренних дел (МВД) полицейские власти на местах для штабов военных округов составляли сведения «о наличном числе годных для войск лошадей, повозок и комплектов упряжи» по данным переписи в каждом военно-конском участке с целью «составления расписания для правильного распределения по частям войск в зависимости от времени доставки их на сдаточные пункты»². Также проводились и другие военно-мобилизационные мероприятия.

Благодаря соответствующей подготовке губернские и уездные власти оперативно отреагировали на телеграфное сообщение о мобилизации. Например, минский полицмейстер, получив телеграмму вечером 17 июля, в течение двух часов нарочным порядком разослал участковым приставам города

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 31. Л. 30.

² Там же. Л. 12.

заранее заготовленные «особые красные конверты» с объявлениями для населения и личного оповещения мобилизуемых. По распоряжению Минского уездного воинского начальника началась организация и оборудование сборного пункта для приёма и медицинского осмотра мобилизуемых, временного их расквартирования и обеспечения порядка¹.

Явка чинов запаса в соответствии с предписанием была назначена на 8 часов утра 18 июля. Приём и отправление их в воинские части производились на второй-пятый дни мобилизации.

В Минске признанные годными к службе чины запаса поступали на пополнение квартировавшихся тут частей 4-го армейского корпуса, 30-й и 76-й артиллерийских бригад, 30-го паркового артиллерийского дивизиона, 30-й пехотной дивизии, 119-го Коломенского и 120-го Серпуховского пехотных полков. На территории Минской губернии мобилизованными комплектовались дислоцировавшиеся в Несвиже 40-я артиллерийская бригада, в Барановичах – 6, 9 и 10-й железнодорожные батальоны, в Бобруйске – 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки, 12-й обозный батальон, в Лиде – 4-я авиационная рота².

Как видно из донесения губернатора Витебской губернии в МВД, «объявленная мобилизация, благодаря подробной разработке мобилизационных планов и детальному ознакомлению с ними лиц», непосредственно руководивших мобилизацией на местах, «прошла успешно»³. Мобилизованными комплектовались 25-я и 43-я артиллерийские бригады, 99-й Ивангородский, 100-й Островский, 106-й Уфимский и 114-й Новоторжский пехотные полки, 5-й железнодорожный батальон, другие части, квартировавшиеся на территории губернии⁴.

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 19, 20.

² Там же. Л. 24, 30–49 ; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6. Л. 127, 130, 176, 204 ; Ф. 2910. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49069. Л. 9.

⁴ Там же. Ф. 2795. Оп. 1. Д. 636. Л. 1, 2 ; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1917. Л. 160.

Организованно и спешно проходила мобилизация и в Гродненской губернии. К этому понуждало и командование. Так, командир 19-го армейского корпуса генерал В. М. Горбатовский, штаб которого дислоцировался в Брест-Литовске, в своих телеграммах начальникам 17-й и 38-й пехотных дивизий требовал «ввиду серьёзности положения, вести мобилизационные работы при полном напряжении. Всё, что можно сделать раньше, чем назначено по мобилизационному плану, должно быть сделано»¹. В Гродно уездным воинским начальником были организованы подготовка помещения для приёма и медосмотра запасных и ратников ополчения, оборудование питательного пункта, определены места расквартирования мобилизованных. Из прошедших медицинскую комиссию комплектовались маршевые роты, которые направлялись к пунктам формирования воинских частей. На территории губернии пополнялись дислоцировавшиеся тут части 2-го и 19-го армейских корпусов, 26, 38 и 75-я артиллерийские бригады, 17, 26, 38 и 43-я пехотные дивизии, 102-й Вятский, 171-й Кобринский, 172-й Лидский пехотные полки, 3-й обозный и 4-й сапёрный батальоны, другие части, а также подразделения гарнизона Гродненской крепости².

Проводилась мобилизация чинов запаса и в Могилёвской губернии. Например, в Могилёве формировался 303-й пехотный Сенненский полк, в Быхове – 30-я артиллерийская бригада, в Чаусском уезде – 11-й обозный батальон³.

Архивные документы свидетельствуют, что в целом по белорусским губерниям мобилизация военнообязанных проходила успешно и в основном своевременно. Об этом в штаб округа в Вильно сообщал 24 июля минский уездный воинский начальник полковник Горбачёв: «Формирование команд

---

¹ РГВИА. Ф. 2216. Оп. 1. Д. 124. Л. 21, 22.

² Там же. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6. Л. 88, 201, 276, 322 ; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1917. Л. 127, 146.

³ Там же. Л. 90 ; Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–6.

запасных нижних чинов окончено полностью»¹. По словам донесения председателя Гродненского уездного присутствия А. И. Ушакова гродненскому губернатору, «результаты призыва благоприятны» в Гродненском уезде, где до 24 июля со сборного пункта к нему явились 4900 человек из 5000 призываемых².

В ряде уездов по укомплектовании дислоцировавшихся там войсковых частей на сборных пунктах оставался излишек мобилизованных. Об этом сообщали в штаб округа в Вильно уездные воинские начальники из Минска, Борисова, Бобруйска, Игумена (современный Червень), Мозыря, Речицы, на сборных пунктах которых на 24 июля насчитывалось в общей сложности около 4500 мобилизованных³. Причём их численность продолжала увеличиваться. Вот как об этом, например, сообщал из Речицы воинский начальник подполковник Саркисов: «Прибывают отставшие. Излишек по всем категориям увеличивается» (на 26 июля он составлял более 2000 человек⁴. – М. С.). Чиновник был озабочен их размещением, просил «спешный наряд на большее количество, чтобы избежать задержки запасных на сборном пункте», так как «сборный пункт для ратников и запасных тесен».

В ответ на тревожные телеграммы воинских начальников с мест начальник штаба округа распорядился «излишки пока задерживать при управлениях для пополнения недоукомплектованных ещё строевых частей». В соответствии с этим распоряжением уже в ночь на 24 июля из Бобруйска была отправлена «команда излишков» в 500 человек на комплектование 171-го пехотного Кобринского полка в Гродно, из Речицы около 300 человек были отправлены в Сувалки⁵.

---

¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 14. Л. 10.

² Черепица В. Н. Город – крепость Гродно в годы Первой мировой войны. С. 56.

³ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 14. Л. 10, 12, 13, 20.

⁴ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 14. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 24, 31.

Согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», объявленному приказом № 446 по Военному ведомству от 23 июля 1914 г., на шестой день мобилизации началось формирование дружин государственного ополчения. Оно проводилось после того, как в основном были сформированы части и подразделения действующей армии. Дружинам присваивались общие номера, причём к номеру дружины добавлялось название губернии, из ратников которой она формировалась полностью или в большинстве. Формирование ополченских дружин и команд производилось при управлениях уездных воинских начальников, а также при войсковых частях.

Ратники ополчения делились на два разряда. Порядок призыва ратников 1-го разряда на сборные пункты, медицинский осмотр и приём на службу, довольствие и обмундирование, отправление принятых по назначению осуществлялись по тем же правилам, что и для призыва нижних чинов запаса в части действующей армии.

В ратники ополчения этого разряда зачислялись лица до 38-летнего возраста, имевшие льготы от призыва в войска, а также уволенные из постоянных войск. Сформированные из них дружины привлекались к несению гарнизонной службы в пунктах постоянного квартирования войсковых частей, выступивших в поход к театру военных действий. Они несли охрану железных дорог и коммуникаций оборонного и стратегического назначения, службу в крепостях, а также использовались для пополнения контингента войск действующей армии через запасные батальоны.

В ратники ополчения 2-го разряда зачислялись льготные при ежегодных призывах в армию, а также уволенные из частей войск и из запаса по негодности к строевой службе, но способные носить оружие. Данная категория ратников после обучения так же, как и 1-я категория, привлекалась к несению караульной службы, выполнению других служебных обязанностей, но не направлялась на пополнение войсковых частей действующей армии.

На командные должности в части государственного ополчения назначались «обязанные службой в ополчении лица офицерского звания» с соответствующим должности военным образованием. Причём на высшие должности (начальников бригад, штабов, командиров дружин) утверждались штабами военных округов по кандидатским спискам, составленным в мирное время Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ); на должности командиров конных сотен, сапёрных полурот, рабочих рот, начальников отдельных команд – в дни призыва уездными воинскими начальниками по согласованию со штабами военных округов¹.

Формирование ополченской части осуществлял её командир. Предельный срок формирования был установлен двухнедельный со дня прибытия в пункт формирования последней партии укомплектования.

Из-за недостатка офицеров при формировании ополченских частей возникали сложности с назначением на командные должности, особенно на должности низшего звена. Об этом свидетельствуют сообщения уездных воинских начальников в штабы военных округов. Так, в Вильно и Двинск телеграфировали из Минска, Мозыря, Речицы, Игумена, Слуцка, Борисова, Лепеля, Новогрудка, Пинска, Гродно, Бобруйска, Мстиславля, Чаус, Черикова, Быхова². В связи с этим последовали указания ГУГШ призвать всех оставших офицеров, «не перешедших предельного возраста», «если их зачисление в ополчение не противоречит установленным требованиям», а также принять на учёт и зачислить в ополчение всех офицеров, перешедших предельный возраст, но годных к службе по состоянию здоровья и пожелавших добровольно служить в ополчении³. 2 августа 1914 г. об этом сообщалось губернаторам и это позволило решать вопросы с недостающим контингентом офицерского состава, так как прибыло много добровольцев – старших и младших

¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 134. Л. 4.

² Там же. Л. 71, 240–249, 258–260, 338, 339.

³ Там же. Оп. 8. Д. 7. Л. 34.

офицеров, желавших поступить на службу в ополчение. Например, с заявлениями о «добровольном желании поступить на службу в ополченские части» обратились к гомельскому воинскому начальнику «отставные» генерал-майоры Стадницкий и Гриневич, полковники Масловский и Архаров, подполковники Трезвинский и Ушаков; к бобруйскому воинскому начальнику – «изъявившие желание служить в ополчении, перешедшие возраст» полковники Данилевский, Касаткин, Хлопецкий и Белугин, подполковники Цебулевский и Слобичкий. К полоцкому воинскому начальнику с «прошением» принять на службу в ополчении обратились, «несмотря на предельный возраст», генерал-майор Кусаков, полковник Терлецкий и поручик Михайлов. В Гродненское губернское воинское присутствие добровольно поступили на учёт и были призваны в распоряжение уездных воинских начальников полковники Марциновский и Петров, подполковники Лючинский и Бобицкий. В Дриссенское уездное воинское присутствие Витебской губернии «явились призванные из отставки на службу в государственное ополчение» полковники Надольский и Савков. Патриотические настроения и чувства «отставных» хорошо видны в документах тех лет. Так, в своём обращении к командующему 1-й армией подполковник Г. А. Марков написал: «Будучи совершенно здоров и физически силен, находиться в отставке в лучшую годину нашей жизни я не в силах, потому прошу о принятии меня на службу...»¹

Кроме многочисленных добровольцев офицеров и генералов запаса, заявления о добровольном призыве в действующую армию и на службу в дружинах государственного ополчения подавали бывшие в отставке служащие полиции, студенты, гимназисты и учащиеся². Например, добровольцами в действующую армию поступили вышедшие в отставку чины Минского городского полицейского управления

¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7. Л. 480–482, 501, 601, 613.

² НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 91. Л. 412 ; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49069. Л. 53–54 ; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7. Л. 460–484.

прапорщик А. В. Голомбиевский, подпрапорщики Е. С. Антипов и М. И. Милюк, зауряд-прапорщик Н. П. Сальников, унтер-офицер Ф. П. Оскерко, помощник пристава Б. М. Клишевский, канцелярский служитель Ф. Г. Тумилович; из Рогачёвской учительской семинарии «добровольцами ушли на войну» четыре воспитанника: Маршин Юлиан, Мозоляко Николай, Мацулев Алексей и Шпаковский Николай. Находясь на фронте, они поддерживали контакты с директором семинарии М. Ф. Назарьиным, сообщали о фронтовых буднях¹. По этно-конфессиональному и социальному составу среди ополченцев преобладали православные крестьяне-белорусы. Были также представители дворянства, купечества, мещан и чиновничества.

На должности младших офицеров в дружинах государственного ополчения назначались вольноопределяющиеся ратники с образованием 1-го или 2-го разряда, а также не проходившие службы в войсках, но имевшие образовательный ценз. Уже 17 августа губернатор Минской губернии А. Ф. Гирс сообщал начальнику штаба Двинского военного округа о том, что «во всех ополченских частях командиры имеются»².

Обмундирование ополченских частей и команд осуществлялось «попечением» интендантств. Причём, согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», в качестве обмундирования использовалась «второсрочная мундирная одежда», которая осталась после обмундирования частей действующей армии. Обувь выдавалась из «войсковых и интендантских запасов».

Снаряжение производилось также из «наличия оставшегося в войсковых складах», в том числе «отменённых образцов», «выслуживших табельный срок», а также из специально созданных запасов снаряжения для ополченских частей в пунктах их формирования³.

¹ НИАБ. Ф. 3260. Оп. 1. Д. 231. Л. 11.

² Там же. Л. 593.

³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 134. Л. 4.

Немалые трудности возникали при экипировке ополченских частей. Обмундирование и снаряжение ополченские дружины, согласно мобилизационному расписанию, должны были получать от назначенной для каждой из них части войск при выступлении последних в поход к местам сосредоточения и развёртывания для боевых действий. Из-за «экстренного» выступления войск оставшееся обмундирование не было передано дружинам, а оказалось запертым в цейхгаузах (складах), которые были вскрыты только по распоряжению главного начальника снабжения армии и в присутствии специально созданных комиссий. Годное обмундирование, снаряжение и принадлежности для обоза немедленно были переданы ополченским частям по акту. Однако этого оказалось недостаточно. Последовал целый ряд обращений в штаб Двинского военного округа из Минска, Могилёва, Гродно с просьбой отдать распоряжение интенданту округа об отпуске недостающего¹. В сложившейся ситуации имели место случаи, когда командиры ополченских частей обмундировывали личный состав за свой счёт. Так поступил командир 400-й Минской дружины в Бобруйске полковник Кириаков. Он, «помня присягу и долг выступить в поход 9 августа», обмундировал дружину за собственные средства. Сообщая об этом командующему 1-й армией генерал-адъютанту П. К. фон Ренненкампфу, он просил «приказания выслать деньги», так как «свои наличные были уже истощены совершенно»². 15 августа начальник штаба Двинского военного округа, признавая, что «почти все формирующиеся и формировавшиеся ополченские части не получили полностью обмундирование, снаряжение, сёдла», просил окружного интенданта «сделать соответствующее циркулярное распоряжение о пополнении ополченских частей названными предметами»³.

---

¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7. Л. 391, 405.

² Там же. Л. 34.

³ Там же. Л. 394.

Мобилизация перевозочных средств (лошадей, повозок и упряжи) производилась одновременно с пополнением и формированием войсковых частей. В этом также имелись некоторые сложности: неполной была поставка лошадей, не хватало повозок, сёдел и сбруи. Дополнительными поставкой и закупкой эти недостатки устранялись. Основными поставщиками выступали частные хозяйства, главным образом помещиков и крестьян, а также мещан. Сложнее было с оснащением обозами ополченских частей. Согласно «Положению об устройстве государственного ополчения», оно производилось повозками «произвольного образца», лошадьми и сбруей, поставленными от населения по «военно-конской и обозной повинности».

Однако при поставке коней, подвод и упряжи для частей действующей армии всё лучшее уже было отобрано. Поэтому комиссиями при проверке дополнительно поставляемого многое забраковывалось. Например, в Могилёвской губернии населением Сенненского уезда для ополченских дружин было поставлено 1347 упряжных лошадей, 532 парные повозки и 736 комплектов упряжи. Но из-за низкого качества принято было только 638 комплектов упряжи. Своё неудовлетворение поставками повозок и упряжи для ополчения населением Гомельского уезда выразил командир 398-й Могилёвской дружины в донесении Гомельскому уездному по воинской повинности присутствию. Причём командру дружины просил выслать «недостающие предметы упряжи» и деньги на «необходимый ремонт телег». Об этом он одновременно сообщал могилёвскому губернатору, которого просил «сделать распоряжение о скорейшем удовлетворении дружины предметами обозного снаряжения и приведения его в должный порядок». Населению Чаусского уезда предписывалось дополнительно поставить для 11-го обозного батальона 75 «парных дышловых» повозок и 150 комплектов «дышловой» упряжи, в действительности же комиссией были признаны годными только 17 парных дышловых

и 58 «оглобельных с пристяжкой» повозок. Недобор упряжи составлял 97 комплектов, причина – «неимение в уезде достаточного количества годной для поставки упряжи»¹.

Недостающие предметы для обозов ополченские части закупали у помещиков и зажиточных мещан, а также у крестьян. Так, дворянин Витольд Славинский, владелец поместья Заречно-Толочинской волости, сдал 24 лошади для обоза за 3339 руб.; граф Аполлинарий Хребтович, дворянин А. В. Воронкович, С. Л. Здравский и другие – по три лошади².

Материальной частью: артиллерией, снарядами, патронами боевого комплекта и для прохождения курса учебной стрельбы, а также предметами вооружения ратников ополченские части должны были снабжаться в пунктах формирования из заготовленного ещё в мирное время.

Поставка технических средств (автомобилей и мотоциклов) на сдаточные участки производилась с 9 часов утра 21-го по 26 июля. Поставщиками по заранее составленным учётным спискам являлись зажиточные владельцы – помещики, купечество, мещане. Количество поступивших в основном легковых автомобилей было незначительным. Например, на сдаточные пункты в Гродно поступило 29 автомобилей и 7 мотоциклов; в Минске – 28 автомобилей и 13 мотоциклов. Имели место случаи признания комиссиями при осмотре поступившей техники непригодной для войск и возвращения её владельцам. Распределялись технические перевозочные средства, как правило, в штабы управления войсками³.

Следует сказать и о том, что в дни мобилизации случались уклонения от призыва, особенно среди лиц иудейского вероисповедания, путём устройства в тылу, неявки на призывные пункты и нанесения вреда своему физическому состоянию (удаление до десятка зубов), вследствие чего

¹ НИАБ. Ф. 2053. Оп. 1. Д. 74. Л. 120–121, 127.

² Там же. Л. 33.

³ Там же. Д. 63. Л. 103–136 ; Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. С. 48–52.

медицинской комиссией при обследовании призываемые признавались негодными к службе в войсках¹.

Кроме того, в первые дни мобилизации имело место проявление социально-классового антагонизма, выразившегося в буйствах и погромах, насильственных акциях мобилизованных крестьян по отношению к помещикам, особенно там, где были застарелые конфликты на почве потрав и захвата сенокосов, лесных порубок и т. п. Также недовольство мобилизованных было вызвано запретом властями продажи спиртных напитков и закрытием всех казённых и частных лавок в местах расположения сборных пунктов и по пути следования мобилизованных. Это явилось причиной массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами и разграблением винных лавок и погребов. Так, в Витебской губернии, где пьяная толпа ратников и запасных с сопровождающими их родственниками численностью около 8–10 тыс. человек, «чинившая по пути следования разгромы и насилия», прибыв в Лепель «серьёзно угрожала общественному порядку». В Полоцком уезде партия ратников в 60 человек, по сообщению уездного исправника витебскому губернатору, следуя через селение Сухой Бор, «напала на казённую винную лавку, вскрыла окна и забрала часть вина». Велижский уездный исправник в рапорте витебскому губернатору докладывал об ограблении казённой винной лавки в Велиже и селе Верховье запасными и ратниками с участием мещан и крестьян.

Подобные случаи имели место и в других белорусских губерниях. Особенно это проявилось там, где местные власти не были к этому подготовлены. Например, в Лепельском уезде Витебской губернии отсутствовала охрана питейных заведений, не всегда были подготовлены подводы для перевозки мобилизованных, не обеспечено сопровождение следовавших колонн полицией. Погромы помещичьих имений и винных лавок происходили в Мозырском,

---

¹ РГВИА. Ф. 1915. Оп. 4. Д. 3. Л. 208, 611 ; НИАБ. Ф. 2537. Оп. 1. Д. 250. Л. 29, 94.

Новогрудском, Игуменском и Сенненском уездах. Всего за период с 19 по 25 июля в белорусских губерниях призывниками с участием местных крестьян было разгромлено 43 помещичьих имения, два фольварка, 67 казённых и частных винных и продовольственных лавок и складов¹.

Все эти разбойного и преступного характера действия совершались под влиянием морально-психологического заблуждения во вседозволенности и безнаказанности в условиях военной обстановки. Для наведения порядка власти принимали экстренные меры, вплоть до применения оружия и военно-полевых судов². Только в Мозырском уезде около 90 человек были заключены в тюрьму, один по приговору Минского военно-окружного суда казнён. Часть погромщиков успела уйти в войсковые части, где также привлекались к полемому суду командующим 1-й армией генералом П. К. фон Ренненкампом, четыре обвиняемых были повешены.³

Следует сказать, что в белорусских губерниях совершённые мобилизуемыми акции погромного характера были немногочисленны по числу участников в них и ликвидировались усилиями местных властей. Куда более масштабные «беспорядки» происходили в глубинных губерниях Российской империи. Например, в Казанской губернии – в 12 уездах, в Омской – в шести уездах. В Омском военном округе, по сообщению начальника округа военному министру, «беспорядки среди запасных возникли во многих местах округа, особенно резко в Змеиногорском, Барнаульском, Кузнецком и Бийском уездах», «главное внимание сосредоточено на подавлении беспорядков в Барнауле», где было «большое число запасных, доходящее до тридцати тысяч»⁴.

---

¹ Савицкий Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 г.). Минск : Наука и техника, 1981. С. 95.

² НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 28 ; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48806. Л. 41.

³ Там же ; Документы и материалы по истории Белоруссии : в 3 т. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1953. Т. 3. С. 759–761.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 263, 273.

Военный министр В. А. Сухомлинов уже 24 июля телеграфировал командующим войсками Казанского и Омского военных округов «безотлагательно принять самые решительные меры к немедленному подавлению беспорядков и восстановлению полного порядка самыми энергичными и быстрыми действиями»¹. Для подавления взбунтовавшихся мобилизованных военными властями направлялись значительные силы – сотни 5-го Сибирского и 7-го Оренбургского казачьих полков и других казачьих подразделений. В Барнаул для руководства подавлением беспорядков был командирован генерал-майор А. С. Полянский².

Мобилизация среди населения белорусских губерний после объявления войны в основном прошла успешно и в установленные сроки. Этому способствовали как заранее отработанные мобилизационные планы и мероприятия, связанные с мобилизацией, так и целенаправленная официальная пропаганда, внедрявшая в массовое сознание идею о справедливом оборонительном характере войны со стороны России, призывавшая к единению и верноподданничеству «царю и Отечеству» и сумевшая вызвать (на первых порах) патриотические настроения среди всех слоёв населения. Для правительственных кругов и местных властей это было особенно важно, так как белорусские губернии являлись форпостом Российской империи. Дислоцировавшиеся и пополненные здесь войсковые соединения и части действующей армии, сформированные дружины государственного ополчения одними из первых выдвигались в места сосредоточения и развёртывания для начала военных действий.

По нашим подсчётам, в белорусских губерниях к началу августа 1914 г. сформировались 52 дружины государственного ополчения, восемь ополченских конных сотен, семь ополченских рабочих рот и 27 крепостных рабочих рот³.

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 251.

² Там же.

³ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 120, 132, 134, 167.

Только в Минской губернии в соответствии с мобилизационным расписанием необходимо было создать 23 дружины и три конных сотни. Численный состав дружины, как правило, составлял до 1 тыс. человек.

В основном дружины государственного ополчения по объявлении мобилизации в белорусских губерниях сформировались до середины августа 1914 г. По имеющимся сведениям, их количественный состав по уездным городам был следующим:

в Минской губернии: в Минске, Бобруйске, Новогрудке, Пинске и Речице сформировалось по три дружины; в Борисове, Игумене и Мозыре – по две; в Слуцке – одна;

в Могилёвской губернии: в Гомеле – три; в Рогачёве и Сенно – по две дружины; в Быхове, Горках, Климовичах, Могилёве, Мстиславле, Орше, Чаусах и Черикове – по одной;

в Витебской губернии: в Невеле – две дружины; в Витебске, Двинске, Дисне, Лепеле, Люцине, Полоцке, Свенцянах и Себеже – по одной;

в Гродненской губернии: в Гродно и Волковыске – по две дружины, в Слониме – одна¹.

Обучение ратников ополчения начиналось уже по прибытии первых партий в пункт формирования дружин, конных сотен и других подразделений офицерами с помощью унтер-офицеров, ранее проходивших войсковую службу. При этом ратники, мобилизованные из запаса, ранее проходившие строевую подготовку, обучались по сокращённой программе.

В соответствии с мобилизационным расписанием № 20 ГУГШ дружины, а также конные сотни и рабочие роты, сформированные в белорусских губерниях, были распределены следующим образом:

---

¹ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 7 ; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

В распоряжении Минского военно-окружного управления					
Дружины		Конные сотни		Рабочие роты	
№ и название	пункт формирования	№	пункт формирования	№	пункт формирования
374-я Минская	Бобруйск	72-я	Бобруйск	43-я	Гомель
371-я Минская	Борисов	71-я	Гомель	41-я	Слоним
398-я Могилёвская	Гомель	69-я	Минск	42-я	Слоним
369-я Минская	Минск	70-я	Пинск		
390-я Минская	Мозырь				
367-я Минская	Новогрудок				
368-я Минская	Новогрудок				
379-я Минская	Новогрудок				
394-я Могилёвская	Орша				
387-я Минская	Пинск				
391-я Минская	Речица				
540-я Могилёвская	Рогачёв				
366-я Гродненская	Слоним				
515-я	Смоленск				
В распоряжении Двинского военно-окружного управления					
364-я Виленская	Вилейка	67-я	Витебск	29-я	Двинск
376-я Витебская	Витебск	68-я	Двинск	30-я	Двинск
384-я Витебская	Двинск			32-я	Дрисса
378-я Виленская	Дисна			33-я	Дрисса
377-я Витебская	Лепель				
363-я Виленская	Ново-Свенцяны				
362-я Витебская	Полоцк				
Назначены в 1-ю армию					
385-я Виленская	Вильно	65-я	Вильно	38, 39, 40, 41-я	Ошмяны
403-я Могилёвская	Сенно	66-я	Лида	42, 43, 44-я	Лида
404-я Могилёвская	Горки				
539-я Могилёвская	Климовичи				
370-я Минская	Минск				
396-я Могилёвская	Мстиславль				
393-я Могилёвская	Сенно				

Окончание таблицы

Дружины		Конные сотни		Рабочие роты	
№ и название	пункт формирования	№	пункт формирования	№	пункт формирования
537-я Могилёвская	Чаусы				
538-я Могилёвская	Чериков				
361-я Ковенская	Шавли				
Назначены во 2-ю армию					
400-я Минская	Бобруйск			45–59-я	Новогеоргиевск
405-я Минская	Бобруйск			75, 76, 77-я	Осовец
372-я Минская	Борисов				
365-я Гродненская	Гродно				
386-я Гродненская	Гродно				
373-я Минская	Игумен				
381-я Минская	Игумен				
380-я Минская	Минск				
382-я Минская	Слуцк				
Назначены в 3-ю армию					
417-я Могилёвская	Могилёв				
Назначены в 4-ю армию					
389-я Минская	Мозырь				
388-я Минская	Пинск				
401-я Минская	Пинск				
392-я Минская	Речица				
402-я Минская	Речица				
Назначены в 5-ю армию					
397-я Могилёвская	Быхов			60–74-я	Брест-Литовск
399-я Могилёвская	Гомель				
525-я Могилёвская	Гомель				
395-я Могилёвская	Могилёв				
541-я Могилёвская	Рогачёв				

Примечание: таблица составлена автором по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836.

После того как дружины государственного ополчения в основном были сформированы, обмундированы и снаряжены, они выступали в поход к местам назначения. Например, 392-я Минская дружина, сформированная в Речице, прибыла в Люблин (Царство Польское); 368-я Минская дружина, сформированная в Новогрудке, находилась в Лыке (территория Восточной Пруссии); 537-я Могилёвская, сформированная в Чаусах, выступила в поход к месту назначения – станция Радзивилишки Либаво-Роменской железной дороги; 4 августа из Черикова выступила в поход 538-я Могилёвская дружина, 397-я Могилёвская дружина 8 августа выступила в поход из Быхова в Кобрин Гродненской губернии; 377-я Витебская дружина, сформированная в Лепеле, частями (поротно) была направлена в Лиду и на станцию Рожанка также Гродненской губернии. По прибытии в пункты назначения дружины, конные сотни несли караульную службу, службу по охране железных дорог, мостов, этапов транспортов, военных гуртов скота.

Необходимо отметить, что император Николай II и военные власти Российской империи до последнего проявляли осторожность в подготовке к военным действиям. Даже в последние предмобилизационные дни они надеялись на разрешение конфликта дипломатическим путем. Генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов 15 июля (за три дня до объявления мобилизации), ставя в известность начальника штаба Варшавского военного округа о намерении, «если это окажется возможным, перевезти 5-ю кавалерийскую дивизию и 2-ю и 3-ю отдельные кавалерийские бригады», просил «уведомить о желательных пунктах высадки, имея в виду, что выдвигение 5-й кавалерийской дивизии на границу с Германией до объявления мобилизации по политическим соображениям нежелательно»¹. 19 июля, уже после объявления мобилизации, он телеграфно просил начальников военных округов «немедленно подтвердить, что до получения

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 55.

особой телеграммы открытие военных действий с нашей стороны недопустимо... несоответствующим общей обстановке, требующей избегать пока актов, могущих повлечь перерыв продолжения дипломатических переговоров»¹.

Войсковые соединения и части, дислоцировавшиеся на территории белорусских губерний, пополненные в дни мобилизации по штатам военного времени, были выдвинуты в места сосредоточения и развёртывания для начала военных действий. Они влились частично в состав 1-й армии (командующий генерал П. К. фон Ренненкампф) и 2-й армии (командующий генерал А. В. Самсонов), образовавших Северо-Западный фронт (главнокомандующий генерал Я. Г. Жилинский), направленный против германских войск, сосредоточенных в Восточной Пруссии. Часть войск с крепостью Брест-Литовск была влита в состав 5-й армии (командующий генерал П. А. Плеве), входившей в Юго-Западный фронт (главнокомандующий генерал Н. И. Иванов), направленный против Австро-Венгрии.

Дружины государственного ополчения согласно мобилизационному расписанию намечалось распределить следующим образом: 10 ополченских частей – в 1-ю армию, девять – во 2-ю, пять – в 4-ю, пять – в 5-ю, одну – в 8-ю армию. 14 дружин были назначены в распоряжение начальника Минского военно-окружного управления, семь дружин – в распоряжение начальника Двинского военно-окружного управления².

Ещё в период сосредоточения армий в Ставке Верховного главнокомандующего (генерал-адъютант Великий князь Николай Николаевич) назревало решение о скорейшем переходе в наступление обоих фронтов с целью поддержки французов ввиду готовившегося против них главного удара германцев. Начало наступления на Северо-Западном фронте намечалось к 14-му дню мобилизации, что отвечало сроку, установленному военной конвенцией с Францией, а на

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1848. Л. 106.

² Там же. Д. 1836. Л. 120–192.

Юго-Западном фронте – на 19-й день мобилизации, когда могла быть развёрнута только 1/3 русских войск при почти полной неготовности тыловых учреждений обеспечить длительное наступление¹.

Следует отметить, что по причине слабой развитости сети железнодорожного сообщения в Российской империи пополнение войск мобилизованными, их выдвигание в места развёртывания значительно затягивалось. Имели место случаи, когда на укомплектование частей, дислоцировавшихся на территории белорусских губерний, в дни мобилизации не прибыло пополнение из центральных и других отдалённых губерний. Так, на укомплектование 9-го железнодорожного батальона в Барановичи не прибыли две партии: Мелитопольская – 118 человек и Самарская – 100 человек². В 12-й обозный батальон, формируемый в Бобруйске, не поступили 610 человек из Ченстохова. Сообщая об этом в штаб Двинского военного округа, уездный воинский начальник просил разрешения дать людей в обозный батальон из «излишка запасных разных категорий», которых насчитывалось 700 человек. Разрешение было получено³. Обозный батальон пополнился мобилизованными из местного населения.

Ещё сложнее было с перевозкой войск из сибирских военных округов и Приамурья. Об этом сообщалось Главным штабом из Петрограда по «прямому проводу», «секретно» в Ставку Верховного главнокомандующего: «Вследствие разницы пропускной способности железных дорог к западу и к востоку от Байкала на четыре пары и учитывая важное значение прибытия эшелонов с пехотой в район театра военных действий, направил одновременно с 1-м Сибирским корпусом 12-ю и 14-ю Сибирские дивизии с их артиллерией»⁴. Из-за слабой пропускной способности железной дороги

---

¹ См.: Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. : в 2 т. М. : Воениздат НКО СССР, 1938. Т. 1 : Кампания 1914–1915 гг. С. 69–70.

² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6. Л. 184.

³ Там же. Л. 235.

⁴ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1852. Л. 126.

произошло значительное скопление войск, нарушился порядок их продвижения по Восточно-Сибирской железной дороге: половина 1-го Сибирского корпуса, 13-я Сибирская дивизия, Забайкальская казачья бригада; затем – вторая часть 1-го Сибирского корпуса, 12-я и 14-я Сибирские дивизии. Это в свою очередь повлекло непоследовательность прибытия 5-го Сибирского корпуса, одна дивизия которого уже проследовала, а 6-я Сибирская должна была следовать только после 6-го Сибирского корпуса¹. Создавшуюся путаницу командование объясняло «стремлением скорейшего направления на запад эшелонов» с войсками. Таким образом, дивизии сибирских корпусов начали прибывать на фронт только в октябре, когда войска Северо-Западного фронта, в состав которых были направлены соединения и части, дислоцировавшиеся и пополненные мобилизованными на территории белорусских губерний, уже перешли в наступление и вели боевые действия в Восточной Пруссии. Соединения и части (19-й армейский корпус), влившиеся в состав 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта, вступили в сражения на территории Польши и Галиции.

Таким образом, мобилизация в белорусских губерниях в начале Первой мировой войны прошла оперативно и в установленные сроки. В целом чины запаса и ратники ополчения проявили дисциплинированность и законопослушание, свою верность присяге, «царю и Отечеству». Известие о начале войны населением белорусских губерний было воспринято как суровая реальность, угроза государству. Преобладали патриотические настроения, желание помочь православным сербам, выступить в защиту славянства. Этому способствовала пропагандистская агитация деятельности государственных органов, церкви, образовательных и общественных организаций. По неполным сведениям, из белорусских губерний летом 1914 г. было мобилизовано до 150 тыс. человек. Мобилизованными пополнились по штатам военного

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1852. Л. 126.

времени соединения и части, дислоцировавшиеся на белорусской территории, сформировались новые полки действующей армии и дружины государственного ополчения, подразделения тылового снабжения. В ряде уездов имел место «излишек» мобилизованных. Это позволило воинским начальникам пополнить части и подразделения, не дождавшиеся пополнений из отдалённых губерний Российской империи. По причине неразвитости сети железных дорог на огромной территории страны (особенно в Сибири и Приамурье) затягивались по срокам как мобилизация, так и доставка на фронт пополненных мобилизованными дислоцировавшихся там частей и соединений. В конечном счёте соединения и части из белорусских губерний, в «спешном» порядке выдвинутые в места сосредоточения, составили неполный комплект формируемых 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта и 4-й и 5-й армий Юго-Западного фронта, одними из первых двинутых Верховным командованием, в соответствии с франко-русской военной конвенцией, в наступление.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И РАЗВЁРТЫВАНИЕ ВОЙСК. УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В АВГУСТЕ–ДЕКАБРЕ 1914 г.

Сосредоточение и развёртывание войск русской армии для начала военных действий против войск противника осуществлялось в соответствии с планом развёртывания войск, составленным Генеральным штабом в 1913 г. и «высочайше» утверждённым 25 сентября 1913 г. При составлении плана Генштабом принимались во внимание и учитывались прогнозы того, что «глава враждебного России Тройственного союза – Германия», «обладающая наиболее могущественной армией и весьма высокой боевой готовностью... по всей вероятности направит главные свои силы» против союзницы России – Франции, «ограничиваясь выставлением против русских лишь строго необходимого заслона... готового к наступательным действиям с первых же дней войны, опираясь на сильно подготовленный в инженерном отношении Восточно-Прусский район с его оборонительными линиями Мазурских озёр и Вислы»¹. Считалось, что «такая обстановка требует при назначении войск для действий против Германии прежде всего заботиться о скорейшей боевой готовности этих войск, чтобы облегчить им отражение возможных уже в первые дни ударов». Предусматривалось, чтобы численность войск была «достаточной... не только отразить удар, но и перейти затем в наступление, однако без излишнего нагромождения войск»².

Генштабом принималось во внимание наличие у Германии «хорошо развитой сети стратегических железных дорог»,

---

¹ РГВИА. Ф 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 392.

² Там же.

что позволяло ей «свободно внести коренные изменения в свой оперативный план в самое короткое время». На этот случай, «чтобы гарантировать себя от тяжёлых последствий», планировалось «иметь некоторый запас сил на германском фронте, пока окончательно не выяснится действительная обстановка». Такая необходимость, по мнению Генштаба, вызывалась «наиболее короткими оперативными направлениями именно из вероятных районов развёртывания немцев к нашим обеим столицам», а также «обязанностями по отношению к союзнице (Франции. – М. С.), заинтересованной в оставлении возможно больших наших сил именно против Германии...»¹

«Исходя из всех этих соображений и принимая во внимание» к тому времени дислокацию войск русской армии, считалось «целесообразным, прежде всего, оставить на местах в Виленском и Варшавском военных округах против Германии те корпуса, которые уже по мирной дислокации нацелены на этот фронт, а именно: XX, III, II, VI, XV и XXIII армейские корпуса» – всего 12 пехотных дивизий и две стрелковых бригады с «наиболее быстрой готовностью»². С целью «обеспечить... некоторое превосходство в силах... на тот случай, если бы немцы... оставили бы на своём восточном... фронте вероятный максимум сил, исчисляемый в 25 дивизий», предусматривалось дополнительно «к поименованным выше пограничным корпусам добавить на Северо-Западный фронт ближайшие IV (дислоцировался в Минске. – М. С.) и Гвардейские корпуса, а также несколько второстепенных дивизий (судя по расчётам – 10 дивизий. – М. С.)». Всего предполагалось иметь 27 пехотных дивизий против 16–25 немецких. Таким образом, по расчётам Генштаба, создавались «условия перехода в наступление», которыми обеспечивался бы «тыл войск, долженствующий развить наступление против австрийцев и расширяющий

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 393.

² Там же.

маневренный район для будущих операций против Германии путём захвата Восточной Пруссии»¹.

Боевым расписанием было намечено следующее распределение войск по армиям и фронтам.

На Северо-Западный фронт: 1-я армия в составе XX, III, IV армейских и Гвардейского корпусов, семи второстепенных дивизий, 1-й и 2-й гвардейских, 1, 2 и 3-й кавалерийских дивизий и 1-й отдельной кавалерийской бригады. Всего 15 пехотных дивизий, одна стрелковая бригада, 5½ кавалерийской дивизии. Кроме того, командующему армией входили в подчинение крепости Ковно и Усть-Двинск. Штаб армии размещался в Вильно. Главные силы 1-й армии развёртывались на среднем Нёмане между Вислой и Друскениками².

Состав 2-й армии был следующим: II, VI, XV и XXIII армейские корпуса, одна стрелковая бригада, три второстепенные дивизии, 1, 5, 6 и 15-я кавалерийские дивизии. Всего 11 пехотных дивизий, одна стрелковая бригада, четыре кавалерийские дивизии. В подчинение командующего армией входили крепости Гродно, Осовец, Новогеоргиевск. Штаб армии должен был размещаться в Варшаве, затем – в Волковыске. Развёртывание 2-й армии планировалось по Бобру и Нареву, главными силами в районе Гродно – Ломжа – Белосток³.

В руках главнокомандующего Юго-Западным фронтом объединялись 4, 5, 3 и 8-я армии. С объявлением войны территория юго-западных белорусских уездов – Брестского, Пружанского и Кобринского – входила в подчинение командующего 5-й армией⁴.

В состав 5-й армии, наряду с XIII, XVII и XXV армейскими корпусами, входил XIX армейский корпус, штаб которого накануне войны передислоцировался из Варшавы

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 393.

² Там же. 395.

³ Там же. Л. 396.

⁴ Там же. Л. 2.

в Брест-Литовск. В корпус были включены: 38-я пехотная дивизия (размещалась в Брест-Литовске), 17-я пехотная дивизия (в Холме), 7-я кавалерийская дивизия (во Владимир-Волынке), 1-я Донская казачья дивизия (в Замостье)¹. Командующему 5-й армией входила в подчинение крепость Брест-Литовск, где намечалась и дислокация штаба армии. 5-я армия развёртывалась в районе Холм – Ковель – Брест-Литовск. Первоначальной задачей армии намечалась разведка противника в Восточной Галиции, прикрытие мобилизации и общего развёртывания, подготовка к наступлению на фронте Любачев – Жолкиев. Район Брест-Литовск – Кобрин 5-я армия должна была сохранять в своих руках «при всякой обстановке»².

По объявлении войны мобилизация, сосредоточение и развёртывание русских войск в основном осуществлялось по заранее разработанному плану войны. Однако из-за отдалённости расположения многих частей от театра военных действий и слабо развитых путей сообщения их прибытие в места сосредоточения значительно затягивалось. Российская империя на 15-й день мобилизации могла закончить сосредоточение только около 1/3 части войск от запланированного, на 30-й день – до 2/3. В период от 30-го до 60-го дня мобилизации прибывали второочередные части кавалерии и войска из отдалённых округов. После 60-го дня были доставлены войска из Сибири и Приамурья. В то время как Германия закончила мобилизацию 23 июля, 25 июля началась и к 4 августа завершилась перевозка войск в намеченные для них районы на бельгийской и французской границах. В Восточной Пруссии развёртывание германских сил закончилось 28 июля. После этих сроков в течение нескольких дней подвозились тыловые службы. Оперативности перебрасывания войск способствовала хорошо развитая и предварительно подготовленная сеть железных дорог.

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1917. Л. 160.

² Там же. Д. 1836. Л. 397.

В Австро-Венгрии мобилизация полевых дивизий с обоими заканчивалась на 6–8-й день мобилизации, вспомогательных дивизий – на 9–10-й день. Перевозка войск против России была начата 24 июля и в основном завершилась 7 августа¹.

Таким образом, Российская империя в проведении мобилизации и сосредоточения армий в местах развёртывания значительно отставала по времени от своих противников и с самого начала была поставлена в неблагоприятные условия. Однако ещё во время сосредоточения войск в Ставке Верховного главнокомандующего (Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, начальник штаба генерал Н. Н. Янушкевич) назревало решение о скорейшем переходе в наступление с целью поддержать французов ввиду готовившегося против них главного удара германцев. Сроки начала наступления были намечены на Северо-Западном фронте на 14-й день мобилизации, на Юго-Западном – на 19-й день. Это отвечало сроку, установленному военной конвенцией с Францией. Следовательно, решение о начале наступления принималось в условиях, когда армии были развёрнуты только на 1/3, при почти полной неготовности тыловых учреждений обеспечить длительное наступление.

В свою очередь сложившаяся ситуация заставила прибывшую в Барановичи Ставку Верховного главнокомандующего русской армией внести некоторые коррективы в план развёртывания войск. Великий князь Николай Николаевич, будучи и сам сторонником наступательных действий на левом берегу Вислы – «в сердце Германии», под давлением французского союзника, потребовавшего наступления русских армий не только в Восточной Пруссии, но и от Варшавы через Познань на Берлин, принял решение сосредоточить у Варшавы маневренную группу. С этой целью он приказал свернуть на Варшаву следовавший из Петербурга в состав 1-й армии гвардейский корпус.

---

¹ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 109.

Окончательное развёртывание русских армий, в состав которых влились части и соединения, дислоцировавшиеся на территории белорусских губерний, сложилось следующим образом.

Северо-Западный фронт (главнокомандующий генерал Я. Г. Жилинский, начальник штаба генерал В. А. Орановский) – в составе 1-й и 2-й армий. В свою очередь, 1-я армия (командующий генерал П. К. фон Ренненкампф, начальник штаба генерал Г. Г. Милеант) в составе 20-го (комкор генерал В. В. Смирнов), 3-го (комкор генерал Н. А. Епанчин), 4-го (комкор генерал Бек-Алиев) армейских корпусов, 1-й и 2-й гвардейских, 1, 2 и 3-й кавалерийских дивизий и 1-й отдельной кавалерийской бригады; 2-я армия (командующий генерал А. В. Самсонов, начальник штаба генерал П. И. Повостовский) в составе 2-го (комкор генерал С. М. Шейдеман), 6-го (комкор генерал А. А. Благовещенский), 15-го (комкор генерал Н. Н. Мартос) и 23-го (комкор генерал К. А. Кондратович (белорус)) армейских корпусов; 4, 6 и 15-й кавалерийских дивизий.

Юго-Западный фронт (главнокомандующий генерал Н. И. Иванов, начальник штаба генерал М. В. Алексеев) – в составе 4, 5, 3 и 8-й армий. 5-я армия (командующий генерал П. А. Плеве, начальник штаба генерал Е. К. Миллер) состояла из 25, 19, 5 и 17-го армейских корпусов, сводной кавалерийской, 3, 4 и 5-й Донских казачьих дивизий. Таким образом, в 5-ю армию влился 19-й армейский корпус (комкор генерал В. Н. Горбатовский) в составе 17-й и 38-й пехотных дивизий (последняя дислоцировалась в Брест-Литовске). 4-я армия (командующий генерал барон А. Е. Зальц, начальник штаба генерал А. Е. Гутор) состояла из 14-го и 16-го армейских и гренадерского корпусов, 5, 13 и 14-й кавалерийских дивизий, Уральской казачьей и отдельной гвардейской бригад и так же, как 1, 2 и 5-я армии, обслуживалась многочисленными тыловыми подразделениями, сформированными в белорусских губерниях.

Военные действия русских войск начались в Восточной Пруссии. План наступления был определён Ставкой и изложен в письме начальника штаба генерала Н. Н. Янушкевича главнокомандующему Северо-Западным фронтом Я. Г. Жилинскому от 28 июля 1914 г. Своё окончательное оформление он получил в директивах главнокомандующего фронтом.

Директива Северо-Западного фронта ставила русским 1-й и 2-й армиям задачу поражения германских войск, оставленных германским командованием на востоке, и овладения Восточной Пруссией с целью развития дальнейших операций для вторжения в глубь Германии. 1-й армии предстояло, перейдя Государственную границу и оставив заслон в сторону Летцена, наступать на фронт Инстербург – Ангербург в обход Мазурских озёр с севера для охвата левого фланга противника. 2-й армии была поставлена задача наступать с линии Августов – Граево – Мышенец – Хоржеле и нанести главный удар на фронт Летцен – Рудшаны – Ортельсбург, обойти Мазурские озёра с запада для удара во фланг и тыл расположенным там германцам. Общая идея операции – охватить группировку германских войск с обеих сторон.

4 августа 1914 г. 1-я армия была двинута в наступление. 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й пехотных дивизий, накануне войны дислоцировавшийся на территории Минска и губернии, занимал южный левый фланг и двигался на линии Пжерось – Гольдап – Даркемен.

С самого начала наступавшие соединения корпуса столкнулись с большими трудностями. Уже 5 августа начальник 30-й пехотной дивизии генерал А. К. Коленковский в своём донесении командиру корпуса сообщал о значительном повреждении моста через протекавшую на их пути следования р. Гурна, восстановление которого заняло около 4 часов. Это замедлило продвижение войск, особенно артиллерии. Кроме того, войскам дивизии на пути к Гольдапу предстояло преодолеть заминированное пространство

и укрепленные позиции противника¹. 6 августа 120-й пехотный Серпуховский полк дивизии занял Гольдап. Сюда же по приказу командира корпуса был немедленно из Пжеросли перебазирован штаб корпуса².

Справа от 4-го корпуса наступал 3-й армейский корпус в составе 25-й и 27-й пехотных дивизий, начавший поход на 6 часов раньше других. Сбив германское сторожевое охранение, дивизии 3-го корпуса успешно атаковали части 1-го германского корпуса на фронте Кальвейтшен – Допенен, отбросили их на линию Геритен – Йогельн и оттеснили почти к Сталюпенену. С целью окончательного поражения противника в охват правого их фланга был направлен 105-й пехотный Оренбургский полк 27-й пехотной дивизии, который, энергично наступая, не принял мер для прикрытия своего левого фланга. Подошедшее к германцам подкрепление ударило из артиллерии в тыл 105-му полку. Полк отступил, открыв тыл всей 27-й пехотной дивизии, которая также вынуждена была отступить с огромными потерями – более 6500 человек. Причиной неудачи явилось отсутствие связи и взаимодействия 27-й дивизии с соседними частями: с 25-й дивизией своего же корпуса (справа) и с 40-й дивизией 4-го корпуса, находившегося уступом назад (слева)³. Последняя к этому времени наступала в направлении Эцергален – Роментен – Гольдап одним 160-м Абхазским полком с двумя орудиями через Роментенский лес на Терпуде, к северу от леса – тремя полками с шестью батареями к шоссе Эцергален – Роментен⁴.

Наступление 1-й армии продолжалось в заданном направлении. 30-й пехотной дивизии, занявшей Гольдап, 7 августа командующим 1-й армией было приказано «немедленно перейти в наступление против правого фланга противника

---

¹ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.

² Там же. Л. 14.

³ См.: Коленковский А. К. Маневренный период мировой империалистической войны 1914 г. М.: Воениздат НКО СССР, 1940. С. 180.

⁴ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

в направлении Вальтеркемен». Сообщая об этом начальнику дивизии, командир 4-го корпуса в свою очередь приказал «немедленно атаковать противника на фронте Шкуонен – Буйлиен»¹.

Произошло первое крупное столкновение с неприятелем дивизии, пополненной мобилизованными из белорусских губерний. По сообщениям командира корпуса генерала Бек-Алиева командующему армией генералу П. К. фон Ренненкампу, уже в тот же день «вся 30-я дивизия ввязалась в упорный бой... Неприятель насадет... На тридцатую дивизию обрушились значительные силы с севера и северо-запада... Под вечер дивизия израсходовала все резервы...» Подвоз боеприпасов был «крайне затруднён» по причине значительного удаления от базы снабжения – Сувалок². Начальник дивизии генерал А. К. Коленковский характеризовал этот бой, как «страшно кровопролитный», с «очень большими потерями в офицерском составе» и «значительными в нижних чинах»³.

В этот день произошел упорный бой под Гумбиненом – на правом фланге 3-го армейского корпуса и левом 20-го армейского, занимаемом 28-й пехотной дивизией, с войсками 1-го германского корпуса, подкреплённого частями Кёнигсбергского гарнизона. Главный удар был нанесён по 28-й пехотной дивизии, понёсшей огромные потери: 104 офицера, 6945 нижних чинов, 8 орудий и 23 пулемёта. Атака германцев была отбита при помощи артиллерии⁴.

Одновременно 17-й германский корпус, отеснив сторожевое охранение 27-й и 40-й пехотных дивизий на восточном берегу р. Ромента, повёл наступление в северо-восточном направлении. Поверив донесениям воздушной разведки об отсутствии русских войск южнее шоссе Гумбинен –

---

¹ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

² Там же. Л. 18, 31.

³ Там же. Л. 35.

⁴ См.: Керсновский А. История русской армии: 1881–1916. Смоленск : Русич, 2004. С. 150.

Сталюпенен, командир корпуса генерал Макензен принял решение повернуть и атаковать, чтобы завершить успех, одержанный 1-м корпусом. Однако его части были встречены дружным артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём 27-й пехотной дивизии и трёх полков 40-й пехотной дивизии. Противнику был нанесён большой урон: 8000 человек, в том числе 200 офицеров, взято в плен около 1000 человек, захвачено 12 орудий¹.

Начальник 40-й пехотной дивизии генерал Н. Н. Короткевич (белорус) в донесении командиру 4-го корпуса вечером 7 августа сообщал следующее об этом сражении: «Сегодня бой длился более 12 часов, с 8 утра и до 8½ вечера. Войска дрались стойко. Благодаря запасным происходили некоторые заминки... Бой был упорный и довольно тяжёлый. Главный удар был направлен сначала на 159-й пехотный Гурийский полк в стык 40-й и 27-й пехотных дивизий, затем перенесён на 158-й пехотный Кутаисский полк и к вечеру закончен охватом левого фланга дивизии. К концу боя в общем резерве оставалось только 1½ батальона... Против гурийцев немцы в середине дня ходили в штыки, но они были почти уничтожены пулемётным огнём»². По предположению начальника дивизии, фронт 40-й дивизии «атаковало не менее дивизии с 8-ю батареями, из которых две – тяжёлые гаубицы». В ходе сражения дивизии её 160-й пехотный Абхазский полк зашёл «во фланг и отчасти в тыл противника», что явилось, по оценке генерала Н. Н. Короткевича, «весьма целесообразным и значительно обеспечившим положение дивизии». Из допроса пленного поляка – солдата германской армии командованием было установлено, что «бой начал 1-й германский корпус, затем в него стали вливаться части подходящего на помощь 17-го корпуса. К концу боя подошёл 20-й корпус, но уже поздно было. Части 1-го и 17-го корпусов отступали в беспорядке», оставив в д. Вальтеркемен госпитальные шатры и 40 раненых солдат,

¹ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 120.

² РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 125–126.

в одном из оврагов у деревни – около 400 трупов германцев, на поле сражения – семь подбитых зарядных ящиков¹.

Потерпев поражение в Гумбинен-Гольдапском сражении, германские 1-й и 17-й корпуса были отведены. Командующий 8-й германской армией генерал Притвиц, получив известие о переходе южной границы Восточной Пруссии 2-й армией русских, что угрожало тылу и пути отхода 8-й армии к Висле, в ночь на 8 августа отдал распоряжение об отходе к Висле.

2-я армия выступила 4 августа 1914 г. с рубежа р. Нарев. Преодолев за трое суток 80-километровое расстояние, 7 августа войска перешли Государственную границу и вступили на территорию Восточной Пруссии севернее Нарева. Центральную группировку армии составляли 6, 13, 15 и 23-й армейские корпуса. Правый фланг армии обеспечивался 2-м, левый – 1-м армейскими корпусами. Войска медленно продвигались, преодолевая песчаную, болотистую и лесистую местность. В течение трёх дней они прошли от 20 до 30 км и к вечеру 9 августа вышли на фронт Ортельсбург – Нейденбург². В этот же день 2-й армейский корпус был передан в состав 1-й армии с приказанием 10 августа наступать дивизией на Ангербург, выставив заслон против Летцена³.

Ставка Верховного главнокомандующего придавала большое значение наступлению 2-й армии, требовала вести его «самым энергичным и безостановочным образом на фронт Зенсбург – Алленштейн, который занять не позже 12 августа»⁴. Однако планы русского командования совершенно не отвечали истинному положению дел. В Ставке считали, что противник разгромлен 1-й армией и спешно отступает к Висле и Кёнигсбергу. В действительности же штаб 8-й германской армии, изучив обстановку, убедившись в пассивности 1-й русской армии, принял решение отменить план

¹ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 145.

² Коленковский А. К. Манёвренный период мировой империалистической войны 1914 г. С. 190.

³ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 18. Л. 99, 156.

⁴ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 121.

отступления за Вислу, оставить часть войск для прикрытия от армии П. К. фон Ренненкампа, а остальные, основные силы направить против 2-й армии генерала А. В. Самсонова с целью окружения и разгрома её центральных корпусов (13-го и 15-го). 13 августа германское командование, завершив перегруппировку войск, приступило к осуществлению своего замысла.

В штабе Северо-Западного фронта о намерениях противника стало известно только вечером 14 августа. Начальник штаба генерал В. А. Орановский от имени главнокомандующего телеграфировал генералу А. В. Самсонову отвести корпуса от Алленштейна на линию Ортельсбург – Млава и заняться устройством армии. Однако приказ до войск не дошёл. Одновременно генералу П. К. фон Ренненкампу Ставкой было приказано для оказания содействия 2-й армии двинуть левофланговые 2-й и 4-й армейские корпуса и конницу. Наступление этих войск началось во второй половине 15 августа, а вечером следующего дня, 16 августа, штаб фронта, считая, что 2-я армия, согласно приказу, уже должна была отступить к границе, приказал П. К. фон Ренненкампу приостановить дальнейшее выдвижение 2-го и 4-го корпусов в поддержку 2-й армии¹. «17 августа вечером получено приказание ввиду неуспеха 2-й армии начать отход», – записано в журнале боевых действий 4-го корпуса². В действительности уже с утра 16 августа германские корпуса вели наступление, охватывая центральные 13-й и 15-й корпуса 2-й армии, которые в итоге были окружены (около 30 тыс. человек и 200 орудий). В ночь на 17 августа командующий 2-й армией генерал А. В. Самсонов покончил с собой.

Таким образом, отсутствие надёжной связи между штабами армий и фронта, плохо налаженная разведка привели к катастрофе 2-й армии. Выпавшая для 2-го и 4-го армейских корпусов миссия оказать содействие корпусам 2-й армии

¹ См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 125.

² РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 413. Л. 3.

была бездумно отменена главнокомандующим Северо-Западным фронтом Я. Г. Жилинским.

Одновременно развивались события и на Юго-Западном фронте, в состав 5-й и 4-й армий которого влились части и подразделения, дислоцировавшиеся и сформированные на территории белорусских губерний. По причине уже известных обстоятельств наступление тут началось без полного сосредоточения и развёртывания войск. В директивах Верховного главнокомандующего Юго-Западному фронту приказывалось «перейти в наступление 3-й и 8-й армиями соответственно 6 и 5 августа, не дожидаясь сосредоточения 3-го Кавказского и 24-го армейского корпусов, чтобы в связи с намеченным наступлением 1-й и 2-й армий (Северо-Западного фронта. – М. С.) приковать к себе вторжением в Галицию возможно большие силы австрийцев и тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу р. Вислы и против запаздывающих в своём развёртывании 4-й и 5-й армий»¹, войска которых частично подвозились из Казанского и Московского военных округов.

Только с 8 августа 4-я и 5-я армии приступили к выдвиганию своих авангардов на линию Вильколаз – Избица – Грубешов – Владимир-Волынский, затем подтягивая и главные силы. 10 августа обе армии перешли в общее наступление: 4-я армия – в направлении Перемышля, 5-я – на фронт Монциска – Львов, содействуя выполнению задачи 4-й армии не допустить отхода противника на запад, к Кракову. Кроме того, 4-й армии было приказано вести наблюдение за войсками противника и обеспечивать свой правый фланг и фланг всего фронта².

С 5–6 августа началось сближение противников, которое с 10 августа развернулось в 33-дневное сражение на 320-километровом фронте между реками Висла и Днестр, получившее название Галицийской битвы.

---

¹ Цит. по: Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 70.

² См.: там же. С. 118.

В этой операции 10 августа войска 4-й армии (командующий генерал А. Е. Зальц) в составе 6½ дивизии численностью 109 тыс. человек и 352 орудия сразились с вдвое сильнейшей 1-й австро-венгерской армией (командующий генерал В. Данкль) в составе 12 дивизий численностью 228 тыс. человек с 520 орудиями. В трёхдневном сражении у Красника 4-я армия потерпела поражение и отступила в сторону Люблина, потеряв до 20 тыс. человек (в том числе 6 тыс. пленными) и 28 орудий¹.

Одновременно с 4-й армией перешла в наступление на 95-километровом фронте 5-я армия (командующий генерал П. А. Плеве) в составе 19, 25, 5 и 17-го армейских корпусов (10½ дивизии численностью 147 тыс. бойцов и 456 орудий). В ночь на 13 августа армия вышла на рубеж Машов – Замостье – Комаров – Варенж – Соколь. Ближайшей целью её действий являлся выход правофланговыми 25-м и 19-м корпусами во фланг 1-й австрийской армии, атакующей 4-ю армию, что привело к встречному столкновению с 8 пехотными и 1½ кавалерийской австрийскими дивизиями в районе Замостья и Комарова².

13–14 августа 25-й корпус вёл бой в районе Замостья с превосходящими силами австро-венгров, пытавшимися охватить русский корпус с флангов. Чтобы избежать окружения и разгрома, 25-й корпус отступил на Красностав, что привело его к отрыву на 25 км от 19-го корпуса, который тем временем при наступлении в юго-западном направлении был остановлен встречным ударом 6-го австро-венгерского корпуса и после двухдневного боя в районе Тарноватки отошёл на север, к Комарову.

Следует сказать, что первое столкновение частей 19-го корпуса с противником 13 августа явилось для них неожиданным. Вот что писал в своих «показаниях» вольноопределяющийся 2-го батальона 151-го пехотного Пятигорского полка А. Волшинов: «13 августа мы вышли с последней

¹ Керсновский А. История русской армии: 1881–1916. С. 165.

² Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 153.

стоянки в 7 час. утра... Люди шли спокойно. По слухам впереди были замечены небольшие отряды неприятеля, но ничего определённого не знали ни господа офицеры, ни нижние чины. В 9¼ нас остановили среди леса за дер. Юзефовка. Люди сели по обочинам дороги. Впереди нашего 2-го батальона, который шёл в голове отряда, расположились... офицеры... штабс-капитан Перетяжкин, подпоручики Соколовский и Есипов, капитан Охременко. Ели яблоки, шутили. Проехал с поля полковник Артезиани (командир отряда. – М. С.) и сказал, что не видно ничего подозрительного. Но не прошло и 10 минут, как прискакал на коне подполковник Кундин (командир батальона. – М. С.), наблюдавший от стогов лес на противоположном конце поля, и приказал немедленно рассыпать роты в цепь, так как им были замечены густые цепи австрийцев, выдвигавшиеся из леса... Все дружно двинулись вперёд, а через 5–6 минут люди наскоро окапывались, приноравливались прицеливаться, перебрасывались шутками, грозили “показать австрийцу”. Около 10 час. утра... на левом фланге наших войск затрещал пулемёт. Австрийцы ответили. Люди наши сгруппировались за домом и открыли убийственный огонь по правому флангу противника. Пулемёт, поддержанный дружным огнём из цепи, выбивал противника рядами, но за каждым упавшим австрийцем появлялись два¹. Предполагая необходимость пополнить запас боеприпасов, комбат «послал двуколку за патронами и приказал сражающимся беречь патроны, так как наши солдаты в азарте стреляли без отдыха и устали». В первый раз патроны были доставлены, во второй – их не дождались. В то время как из «цепи были слышны крики: “Патронов! Лежим без патронов! Стрелять нечем!”». Увидев их беспомощность (нет боеприпасов и подкрепления), австрийцы предприняли попытку зайти во фланг и тыл сражающемуся батальону. Последний в «6½ часа вечера» вынужден был отступить, понеся большие потери в личном

---

¹ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2, Д. 601. Л. 6.

составе. Были убиты офицеры подполковник Лазаренко, капитан Охременко, фельдфебель Храмков, тяжело ранен поручик Есипов¹.

Об этом бое и причине отступления частей 38-й пехотной дивизии написал в «Памятной записке» командир 152-го Владикавказского полка полковник М. Н. Ганский: «13 августа в неравном бою с тройным по составу противником, притом ещё окопавшимся, Ермоловцы показали себя истыми воинами русскими. В этом боевом для настоящего состава полка крещении я... видел много примеров храбрости и мужества. Неравен, тяжёл и кровопролитен был бой. Мы потеряли 14 офицеров и до 1300 нижних чинов, но дух наш не смутился и скорее бы полк лёг костями, чем подался назад, если бы соседняя часть, лишённая патронов, не стала отступать, обнажая наш фланг. Воспользовавшись этим, противник, перешёл в наступление, сделал глубокий охват... Пришлось отходить на удобные для защиты позиции...»²

В ходе боя, по словам полковника М. Н. Ганского, «неся огромные потери... роты смело сходились с противником и неоднократно бросались в атаку, отбиваемую пулемётами». Имел место случай, когда «противник, не приняв штыкового удара, стал подаваться назад. Появились белые флаги». Однако, когда «храбрецы во главе с поручиком Случановским стали к ним подходить, чтобы забрать в плен, то оказались в ловушке и были немедленно все перебиты перекрёстным огнём противника и ложно сдававшихся»³.

Таким образом, эти и другие факты говорят о том, что в первые дни сражения в войсках проявлялись случаи неорганизованности и беспечности. В приведённых фактах обращает на себя внимание отсутствие артиллерии. И это не случайно. Из «описания боевых действий 38-й артиллерийской бригады» (перед войной дислоцировалась в Пружанах) следует, что 13 августа в 10 часов вечера командир бригады

¹ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601. Л. 7.

² Там же. Л. 76.

³ Там же. Л. 1.

генерал С. Л. Фуфаевский приказал командиру 1-го артиллерийского парка подпоручику Копцюку выдвинуть артиллерию в один из пунктов начавшегося сражения – д. Буды Джеронские. Однако, прибыв в местечко Комаров, парк вынужден был остановиться, так как «все улицы были забиты обозами». Попытка пробиться утром 14 августа также не увенчалась успехом, так как на пути в заданном направлении уже располагался неприятель. Артиллерийский парк отошёл к местечку Комаров¹. В это же время артиллерийская батарея под командованием подполковника Славинского (по его словам о бое под Тарноваткой), изнурённая непрерывным маршем, по «неосведомлённости о противнике... попала не туда... и пришлось переезжать на другое место», затрачивая лишние усилия и время. Отмечая «успешные действия» батареи в бою, командир относил их в заслугу «офицерскому составу (поручики Шульц и Харитонов, подпоручик Ольховский и прапорщик Михайлюк), который, несмотря на частое нахождение под огнём неприятеля, всегда был на своих местах, действовал энергично и умело»².

15 августа австро-венгры организовывали свои силы для окружения и разгрома 19-го армейского корпуса. Части и подразделения корпуса сражались, отстаивая занимаемые позиции и делая попытки перейти в наступление. Ещё в середине дня 14 августа командиру 152-го Владикавказского полка полковнику Ганскому было приказано возглавить отряд в составе 152-го Владикавказского, 151-го Пятигорского пехотных полков и трёх артиллерийских батарей, перейти в наступление и «овладеть неприятельскими позициями у Домброва» с целью захвата его и «оттеснить врага»³.

Составив боевой расчёт, командир отряда приступил к выполнению приказа. Батальоны пехоты развернулись в боевой порядок, батареи, выехав на обозначенную им позицию, открыли огонь по Домброве. Пехота, постепенно

¹ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 1. Д. 601. Л. 59.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 64, 75.

продвигаясь вперёд, открыла ружейный огонь, на подступах к местечку пленила 127 австрийцев, от которых наступавшие узнали, что Домброва противником оставлена, «благодаря сильному и меткому огню наших батарей». Около 8 часов вечера отряд вступил в местечко, «не понеся потерь»¹.

Сложнее складывалась ситуация на другом участке фронта, занимаемом частями 1-й бригады 38-й пехотной дивизии 19-го корпуса у д. Снятычи. По причине плохой организации разведки, так как, по словам комбрига, «при бригаде не было конных частей, дальняя разведка не производилась» и о «местонахождении противника, его численности не было известно». Поэтому, когда в штабе в 8 часов утра 16 августа было получено приказание начальника штаба 38-й пехотной дивизии бригаде «задержать колонну противника, наступающего от селения Брудоки», то для этого был выдвинут один 149-й пехотный Черноморский полк. Однако этого оказалось недостаточным, так как «стало очевидно – перед полком развёртывались превосходящие силы», открывшие ружейный и пулемётный огонь. Командиром бригады был вызван на поддержку из д. Снятычи 150-й пехотный полк с опозданием. Батальоны 149-го полка приостановили своё наступление и под «ураганным» огнём противника отступили.

Во второй половине дня стали организовываться силы. В 17 часов 45 минут на позиции прибыл 151-й пехотный Пятигорский полк, к правому флангу которого примкнули собранные командиром полка полковником Ольшевским батальоны 149-го пехотного Черноморского полка. Противник был отброшен артиллерийским огнём 38-й артиллерийской бригады. С наступлением темноты бой прекратился.

17 августа с 6 часов утра бой возобновился по всему фронту занимаемой позиции. Все попытки противника перейти в наступление «густыми цепями» отбивались огнём артиллерии и пехоты. В 7 часов 30 минут подошли на под-

---

¹ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601. Л. 64.

крепление батальоны 150-го и 152-го пехотных полков. Однако к этому времени «во всех батареях истощился запас снарядов». В то же время у противника появились автомобили с установленными на них артиллерийскими орудиями и пулемётами, которые, «постоянно меняя позиции, поражали фланговым огнём»¹. Полки 38-й пехотной дивизии вынуждены были отойти на заранее подготовленные позиции у деревень Снятычи, Антоновка.

Во второй половине дня в расположение отряда прибыл начальник 38-й пехотной дивизии. Отряду было приказано перейти в наступление. Войска заняли прежние позиции. В 18 часов к д. Снятычи прибыл 39-й пехотный Томский полк, которому было приказано «немедленно атаковать», как только в тыл противника будет направлен 324-й пехотный Клязьминский полк. Однако это наступление не состоялось. В середине следующего дня (18 августа) австро-венгры перешли в наступление по всему фронту. Сражение происходило с переменным успехом. В 17 часов начдив приказал отряду отойти к д. Зубовице².

В боях 16–18 августа части бригады понесли значительные потери. В 149-м пехотном полку были убиты капитаны Панасевич и Джавахия, подпоручики Иванов и Павлов, 82 нижних чина; ранены подполковник Лепарский, капитаны Табачник и Никитин, штабс-капитан Анджапаридзе, подпоручики Лещинский, Бузин, Шахов, Фрейман, Жудро и Можайровский и 484 нижних чина; без вести пропали подпоручик Гололобов и 453 нижних чина. В 150-м пехотном полку погибли подпоручик Носов и 9 нижних чинов, пролучили ранения 80 нижних чинов³.

В своих донесениях командование отмечало наиболее отличившихся в боях: командира 3-го парка 38-й парковой артбригады поручика Касоцкого, прапорщиков Авсиевича, Гижицкого, Заграйского и Яроцкого, «питавших патронами

---

¹ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601. Л. 11.

² Там же.

³ Там же.

и снарядами артиллерию и пехотные полки 38-й пехотной дивизии», доставляя их из д. Грубешов; командира разведгруппы поручика Кузьминского, доставившего «ценные сведения» о численности и вооружении противника, занимавшего д. Дуб. По взятии деревни он организовал «вынос» из горящего дома свыше 500 человек раненых «наших и австрийцев». Во втором случае этот же поручик, будучи во главе разведгруппы, «наткнулся на запрягаемое австрийцами орудие», в перестрелке обратил неприятеля в бегство, захватил орудие и трёх лошадей и доставил их в штаб дивизии. Командование отмечало и рядового Ивана Каминского, спасшего своего командира, «под сильным огнём противника» и в непосредственной близости от него («50 шагах») подавшего лошадь вместо убитой; рядового Тита Нестеровича, захватившего у д. Домброва австрийского самокатчика с планами и картами; рядовых Фому Рудковского и Александра Кручека, задержавших в разъезде под г. Замостье австрийского шпиона, тем самым «давших возможность... выяснить силы неприятельского гарнизона... и взятие его нашими войсками», и многих других¹.

В ожесточённых атаках 14 и 15 августа прошли в 5, 17 и 25-м корпусах 5-й армии. При этом 5-й и 17-й корпуса отражали атаки австро-венгров, хотя 17-й корпус постигла неудача – внезапный удар во фланг со стороны группы Иосифа Фердинанда, заставивший отступить к северу. 25-й корпус отступал к Красноставу.

Поражение 17-го корпуса и отход 25-го корпуса поставили в тяжёлое положение 5-ю армию. Её центр обнажился, создалась угроза его окружения. Командующий армией генерал П. А. Плева неоднократно обращался за содействием к командующим 4-й и 3-й армиями. Однако генерал А. Е. Эверт (был назначен вместо генерала барона А. Е. Зальца) отказывал в помощи, ссылаясь на тяжёлое положение своих войск; генерал Н. В. Рузский направлял все свои помыслы и усилия на взятие Львова.

¹ РГВИА. Ф. 2363. Оп. 2. Д. 601. Л. 61, 62, 70, 75.

Русское командование возлагало большие надежды на наступательные действия 5-й армии, направлявшей свой удар во фланг 1-й австро-венгерской армии. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал М. В. Алексеев считал, что сложившееся положение в районе Томашова может быть ликвидировано, если 5-я армия силами трёх корпусов нанесёт поражение австро-венграм. Об этом он сообщал в Ставку Верховного главнокомандующего. Такого же оптимистического взгляда придерживался сам командующий 5-й армией генерал П. А. Плевэ, отдавая 16 августа приказ всем корпусам энергично наступать с тем, чтобы 25-му корпусу отобрать у противника Замостье, а южной группе корпусов (19, 5 и 17-му) нанести удар во фланг в направлении Томашова.

В свою очередь и австро-венгры не оставили своего плана окружения и разгрома трёх русских корпусов 5-й армии (19, 5 и 17-го). Этому способствовали отражение ими наступления 25-го армейского корпуса, атака с западной и северо-западной сторон 19-го армейского корпуса и глубокий охват его правого фланга, перехват путей отхода 5-й армии в северном направлении.

Командующий 5-й армией генерал П. А. Плевэ, понимая сложившуюся обстановку, вечером 17 августа отдал приказ об отходе 5-й армии в северо-восточном направлении на линию Красностав (или Холм) – Владимир-Волинский, на одну линию с 4-й армией, произвести перегруппировку и затем силами двух армий перейти в наступление.

Вечером 19 августа, остановив контратаками наступление противника, 5-я армия под прикрытием 17-го корпуса стала отходить. Этим закончилась Люблин-Холмская операция. Срыв плана противника окружить 5-ю армию был предопределён натиском гренадерского, гвардейского, 3-го Кавказского и 25-го армейского корпусов, полукольцом окруживших армии Данкля¹.

Люблин-Холмское сражение – одна из ряда одновременных и последовательных операций армейских группировок

---

¹ См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 139.

Галицийской битвы, одной из крупнейших стратегических операций Первой мировой войны. В сражении приняли участие войска 5-й армии, и в частности 19-й армейский корпус, которые в боях под Тарноваткой имели большой успех. В составе 5-го армейского корпуса отличились следующие воинские формирования: 67-й Тарутинский полк взял знамя 11-го венгерского полка и шесть орудий, 68-й Бородинский – два орудия, 27-й пехотный Витебский разгромил 10-ю австро-венгерскую кавалерийскую дивизию и захватил коновязи, 28-й Полоцкий, 39-й Томский и 40-й Кольванский пехотные полки разгромили 15-ю венгерскую пехотную дивизию и взяли 4000 пленных, два знамени и 22 орудия¹.

Сложившаяся обстановка на фронтах требовала от Верховного командования принятия новых стратегических решений. Особое его беспокойство вызывала возможность наступления 8-й германской армии из Восточной Пруссии на Седлец. Чтобы не допустить этого, было принято решение нанести противнику контрудар из района Люблин – Холм. В соответствии с указанием Ставки штаб Юго-Западного фронта приступил к разработке плана операции. На правом фланге 4-й армии из её 18-го и 14-го корпусов с приданными последнему частями была создана 9-я армия (командующий генерал П. А. Лечицкий)².

Все армии Юго-Западного фронта 22 августа должны были перейти в общее наступление: 5-я армия – на фронт Туробин – Щебрешин – Красноброд, оказывая своим правым крылом помощь развитию удара левого крыла 4-й армии³. Однако до начала общего наступления произошли разрозненные, частные атаки: на флангах 4-й армии 20 августа, на стыке 4-й и 5-й армий 22 августа 25-м корпусом из Красностава в тыл отходившим на юг частям 10-го австро-венгерского корпуса, 23 и 24 августа 9-я армия своим левым флангом совместно с правым флангом 4-й армии вели фронтальные

¹ Керсновский А. История русской армии: 1881–1916 г. С. 166.

² Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 196.

³ Там же.

атаки укрепленных позиций 1-го и 4-го австрийских корпусов на 45-километровом фронте, 25 августа 4-я армия своим левым флангом продолжала атаки на 12-километровом участке, занятом 5-м австрийским корпусом. Эти разновременные фронтальные атаки не принесли больших результатов. Русские на отдельных участках смогли продвинуться лишь от 1 до 3 км, но не сломили укрепленного фронта противника частными сражениями 9-й и 4-й армий, требовалась мощная поддержка 5-й армии, занявшей к этому времени исходное положение для атаки фронта Туробин – Щебрешин – Красноброд, и преследования на Томашовском направлении австро-венгерских войск эрцгерцога Иосифа Фердинанда (командир XIV армейского корпуса 3-й армии).

Учитывая эти обстоятельства и просьбу командующего 3-й армией генерала Н. В. Ружского о поддержке его войск левофланговыми корпусами 5-й армии, главнокомандующий Юго-Западным фронтом потребовал от генерала П. А. Плеве более энергичных действий. В соответствии с директивой штаба Юго-Западного фронта от 26 августа 1914 г. 5-я армия для содействия наступлению левого фланга 4-й армии направил 25-й и 19-й корпуса к рекам Пор и Вепрж на фронт Туробин – Запоже – Бодачев, а 5-й и 17-й армейские и кавалерийский (командир генерал А. М. Драгомиров) корпуса – на Томашев, во фланг 3-й австро-венгерской армии у Равы-Русской¹.

Итогом отданных распоряжений явилась назначенная на 27 августа общая атака укрепленных позиций австро-венгерских войск с целью их прорыва и дальнейшего наступления: 9-й армии – на Юзефов, 4-й и 5-й армий – на р. Сан, чтобы отбросить противника к западу, к рекам Висла и Сан.

В результате четырехдневных боевых действий войска 9, 4 и 5-й армий, создав угрозу окружения большей части сил 4, 3 и 2-й австро-венгерских армий, заставили их отступить за р. Сан с большими потерями – около 240 тыс.

---

¹ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 199.

человек¹. Командование Юго-Западного фронта поставило задачу войскам форсировать р. Сан и энергично преследовать противника. Однако из-за сильных дождей, подъёма уровня воды в реке, смывшей мосты, переправа основных сил замедлилась. Противнику, преследуемому небольшими отрядами русских, удалось оторваться и отойти на линию р. Вислок и далее – на линию рек Дунаец и Бяла. 12 сентября Ставка Верховного главнокомандующего отдала директиву, согласно которой наступление войск Юго-Западного фронта было приостановлено до 20 сентября 1914 г.² Австро-венгерские войска потерпели поражение. Их потери составили около 400 тыс. человек, в том числе 100 тыс. пленными, и 400 орудий. Потери русских – 230 тыс. человек³.

Дальнейшее преследование противника командованием русских войск не производилось, так как в ходе энергичного наступления последние оторвались на большое расстояние от тыловых баз снабжения.

В Восточной Пруссии штаб германского Восточного фронта после разгрома 2-й армии направил свои усилия против 1-й армии генерала П. К. фон Ренненкампа с целью её окружения и разгрома. К этому времени корпуса 1-й армии находились севернее Мазурских озёр, левый её фланг со стороны озёрных проходов прикрывала 43-я пехотная дивизия 2-го корпуса.

28 августа германцы повели наступление против 1-й армии на всём её фронте. Ограничившись севернее Мазурских озёр артиллерийской подготовкой, они развернули энергичное наступление двумя корпусами (1-м и 17-м) против 40-километрового левого фланга, защищаемого одной 43-й дивизией. Генерал П. К. фон Ренненкампф, предприняв меры по укреплению слабого участка перебрской 20-го корпуса и кавалерии, принял решение к отступлению под прикрытием 2-го и 20-го армейских корпусов к Нёману.

---

¹ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 203.

² См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 152.

³ Там же. С. 153.

Отход 1-й армии начался в ночь на 28 августа и проходил под непрерывным преследованием германцев, с боями. В частности, войскам 4-го армейского корпуса, упорно сражавшимся с противником, ружейно-пулемётным огнем, а «в некоторых местах штыками» отбивших ночную атаку, утром 30 августа, когда «бой был в самом разгаре», было приказано отступить. Немцы тут же перешли в наступление и стали преследовать, причиняя «громадные потери». Столкновение с конным отрядом с артиллерией немцев, зашедшими с «фланга и перед фронтом» отхода корпуса, произошло ночью 31 августа. Днём 2 сентября корпус принял участие в бою под Мариамполем, оказывая поддержку 2-му армейскому корпусу. 6 сентября 4-й корпус переправился на правый берег Нёмана, его дивизии отошли к местечкам Стоклишки и Путреманцы. Штаб корпуса разместился на станции Патаранцы.

14 сентября авангарды 1-й армии вновь выдвинулись на левый берег Нёмана, тогда же «подвинулись вперёд» 30-я дивизия в Олиту, 40-я – в Райцонки. 16 сентября 30-я дивизия перешла Нёман, 40-я дивизия продвинулась в Олиту. 15 сентября немцы сожгли Друскеники. Боевые действия на Северо-Западном фронте прекратились, так как германцы стали перебрасывать войска в Силезию для совместных действий с австро-венграми. За время отступления 1-й армии её потери составили около 80 тыс. человек и 150 орудий¹.

Ставка Верховного главнокомандующего русских войск 9 сентября, приостановив отступление 1-й армии, отдала приказ генералу Н. В. Рузскому (3 сентября был назначен вместо Я. Г. Жилинского) направить в район Варшавы 2-ю армию. Фактически переправа была произведена к 19 сентября. Кроме того, туда же по распоряжению Ставки были отправлены из состава 1-й армии 23 сентября 2-й армейский корпус, несколько позже – 4-й армейский корпус, перевозка которых производилась со станций Олита, Ковно и Ораны.

---

¹ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 413.

Высадка 2-го корпуса осуществлялась на станции Гарволин – на юг от Варшавы. 27 сентября головные эшелоны 4-го корпуса стали прибывать в Варшаву. 29 сентября туда же прибыл штаб корпуса¹.

Тем временем германское командование, приняв решение оказать помощь австро-венграм, стало перебрасывать основные силы 8-й армии из Восточной Пруссии в район Краков – Ченстохов – Калиш; сформировало новую 9-ю армию под командованием Гинденбурга, силами которой совместно с австро-венграми предприняло наступление на Средней Висле.

Русское командование, обнаружив переброску германских войск из Восточной Пруссии и сосредоточение их и австро-венгерских войск на левом берегу Средней Вислы, приступило к перегруппировке главных сил Юго-Западного и частично Северо-Западного фронтов, чтобы отразить противника и перейти в контрнаступление. Главные силы планировалось развернуть на правом берегу Вислы от Яблонны до Сандомира².

9 сентября в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего командующему 4-й армией генералу А. Е. Эверту было приказано с 11 сентября начать выдвижение войск к Ивангороду с тем, чтобы к 17 сентября быть готовыми к оперативной деятельности. Выдвижение 9-й армии в новый район началось 15 сентября и было завершено 20 сентября: войска сосредоточились на правом берегу Вислы от Солец до Сандомира, выдвинув авангарды на левый берег. В соответствии с директивой Ставки от 19 сентября на Среднюю Вислу, в район Люблина, перемещались войска 5-й армии, которые по мере выхода в указанный район перевозились по железной дороге к Ивангороду³.

---

¹ См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 166–167; Корольков Г. Варшавско-Ивангородская операция. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. С. 49–50; РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 413. Л. 4–5.

² См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 162.

³ Там же. С. 163–166.

Таким образом, соединениям и частям, дислоцировавшимся к началу войны на территории белорусских губерний, предстояло теперь в составе 2-й армии (2-й и 4-й армейские корпуса) и 5-й армии (19-й армейский корпус) принять участие в Варшавско-Ивангородской операции, охватившей район Средней Вислы (всю западную часть Польши) на фронте в 300 км.

Следует сказать, что перемещение войск проходило в очень сложных условиях из-за неразвитой сети железных дорог, а также вследствие пришедших в негодность из-за осенних дождей грунтовых дорог, местами – в лесисто-заболоченной местности. Так, при перемещении 19-го армейского корпуса на участок по р. Висла от Карчева до Гура Кальвария из района Люблина было решено перевезти по железной дороге только тяжёлую артиллерию и mortarный дивизион. Пехотные части и обозные подразделения передислоцировались своим ходом. Это приводило к нарушению установленных сроков, расстройству материальной части и довольствия войск, подрывало силы конского и личного состава¹.

К концу сентября – началу октября перегруппировка войск в основном была завершена. Командование приступило к их выдвиганию на рубежи развёртывания для начала боевых операций против настойчиво продвигавшихся к Висле войск 9-й германской армии. 21–23 сентября начались боевые действия на фронте от Ивангорода до Сандомира. С 1 по 6 октября под Варшавой и Ивангородом шли ожесточённые бои. Только что прибывшие войска 4-го армейского корпуса во взаимодействии со 2-м Сибирским в кровопролитных сражениях перешли в наступление и оттеснили германцев от Варшавы на линию Блона – Пяечно – Гура Кальвария. Начавшееся с 7 октября общее наступление русских войск и разгром 9-й германской армии у Скерневицы и 1-й австро-венгерской армии в районе Ивангорода

---

¹ См.: Корольков Г. К. Варшавско-Ивангородская операция. С. 111–112.

заставили противника отступить на линию Калиш – Ченстохов – Краков¹.

Варшавско-Ивангородская операция по численности участвовавших в ней войск (шесть армий – около 900 тыс. человек) и по своему стратегическому замыслу являлась одной из крупнейших операций Первой мировой войны². В ней приняла участие примерно половина сил русской армии, действовавших против Германии и Австро-Венгрии, в их составе 2, 4 и 19-й армейские корпуса и другие соединения и части, дислоцировавшиеся и пополненные в белорусских губерниях. Так, 4-й армейский корпус «30 сентября, 1, 2 и 3 октября... выдержал ряд кровопролитных боёв» на подступах к Варшаве, «окончившихся отступлением немцев от Варшавы и нашим переходом в наступление», – записано в журнале военных действий штаба корпуса³. В числе отличившихся в дни Варшавско-Ивангородской операции в документе отмечены «вновь сформированный 119-й пехотный Коломенский полк 30-й пехотной дивизии 4-го корпуса, атаковавший высоту 92,1 у дер. Рзгов, Регель, Модла»⁴; роты 149-го пехотного Черноморского полка 38-й пехотной дивизии 19-го корпуса, отбившие штыковую атаку противника и заставившие его отступить⁵.

В сражениях были понесены значительные потери. Только в 149-м пехотном Черноморском полку с 11 по 14 октября погибли поручики Адамов и Кузьминский и 84 нижних чина; ранены командир полка полковник Ольшевский, подпоручики Тарарин и Иванов, прапорщик Мысик и 481 нижний чин; контужены капитан Кривченко, подпоручики

---

¹ Коленковский А. К. Маневренный период империалистической войны 1914 г. С. 278–280 ; РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 413. Л. 5.

² Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 175 ; Коленковский А. К. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. С. 281.

³ РГВИА. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 413. Л. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601. Л. 108.

Глыбовский и Миловидов; без вести пропали 145 нижних чинов¹.

Значительное удаление русских войск от баз снабжения (до 150 км) не позволило им преследовать отступавшего противника. Ощущался недостаток в боеприпасах, особенно в снарядах для лёгкой артиллерии. Для пополнения вооружения в войсках не хватало винтовок и артиллерийских орудий. Некомплект личного состава частей достигал 50 % от штатного². Кроме того, германцы, отступая, путём разрушений привели в негодность железнодорожные пути, важнейшие дороги, все мосты и переправы. В таких условиях длительное преследование было невозможно. Оно выдохлось в течение нескольких дней. Однако зависимость царского правительства от союзников заставляла Ставку Верховного главнокомандующего планировать «глубокое вторжение в Германию», ближайшей целью которого являлось безостановочное продвижение на исходную линию населённых пунктов Ярочин, Кемпен, Катовиц, Освенцим³.

Вялое преследование русскими отступавшей 9-й германской армии, потерпевшей поражение под Варшавой и Ивангородом, позволило немцам избежать разгрома, произвести быструю железнодорожную рокировку войск вдоль фронта в район Торна и приступить к разработке нового плана военных действий. Из перехваченных радиোগрамм германскому командованию стало известно о времени начала общего наступления русских к границам Германии – 1 ноября. Поэтому его ближайшей целью было нанести упреждающий удар в правый фланг 2-й русской армии в направлении на Лодзь, Петроков, что вело к Лодзинской операции. Для достижения намеченного германское командование объединило свои войска во вновь образованный Восточный фронт, в командование которым 19 октября вступил генерал

---

¹ РГВИА. Ф. 2368. Оп. 2. Д. 601. Л. 109.

² Корольков Г. К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. М., 1934. С. 4.

³ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 233.

П. Гинденбург с начальником штаба генералом Э. Людендорфом. Командующим 9-й армией был назначен А. Макензен¹, принявший решение для нанесения удара выдвинуть корпуса на линию развёртывания Лович, Ленчица.

Одной из помех осуществлению германцами названного маневра явился на их пути 2-й армейский корпус, входивший в состав 2-й армии и занимавший позиции на правом её фланге. Первыми перед 2-м армейским корпусом на фронте между железной дорогой Кутно – Воцлавск и д. Ивины появились части 20-го германского корпуса, которые энергичными контратаками русских были отбиты. Через некоторое время 17-й германский корпус обрушился на левый фланг 2-го корпуса в направлении Кросневице. В ожесточённом бою 1 ноября 2-й армейский корпус отстоял свои позиции. Немцам в этот день, несмотря на их большие потери, благодаря большой устойчивости русских не удалось не только окружить, но даже глубоко обойти их фланг².

2 ноября 2-й армейский корпус был передан в подчинение 1-й армии и получил задачу с утра этого дня совместно с 5-м Сибирским корпусом перейти в решительное наступление и отбросить немцев на запад. Однако это наступление против втрое превосходивших сил противника успеха не имело. Положение, создавшееся на фронте 2-го армейского и 5-го Сибирского корпусов (попытка противника обойти 5-й корпус с флангов), заставило командование 1-й армии отвести корпуса на восток. Сдерживая немцев до вечера, с наступлением темноты 2-й корпус стал отходить на линию Голенске – Шевце Дольне.

Отход корпуса был беспорядочным. Полкам 43-й пехотной дивизии не хватило сил полностью занять отведённые позиции. В более тяжёлых условиях совершался отход частей 26-й пехотной дивизии, 103-й пехотный полк которой

---

¹ См.: Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 175–176.

² См.: Коленковский А. К. Манёвранный период мировой империалистической войны 1914 г. С. 291.

подвергся ночному нападению германцев, захвативших более 1400 человек в плен. В 43-й дивизии только 170-й пехотный полк насчитывал 1600 штыков, остальные имели значительно меньше. В целом 43-я дивизия потеряла до 70 % личного состава. В 26-й дивизии потери составляли до 65 %, в ней только 104-й пехотный полк имел около 3000 штыков, а в 103-м полку осталось не более 600 человек¹.

Неудавшаяся попытка А. Макензена окружить два русских корпуса не остановила П. Гинденбурга от выполнения его основной задачи – глубоко зайти во фланг и тыл 2-й армии. Он потребовал от командующего 9-й армией энергичнее наступать и окружить 2-ю армию.

Так развивались события на правом фланге 2-й армии. Иная обстановка создалась на левом её фланге, занимаемом 4-м и 1-м армейскими корпусами, которые совместно с войсками 5-й и 4-й армий беспрепятственно наступали в западном направлении. Однако здесь с заходом 17-го германского корпуса в тыл с правого фланга создавалась угроза путям отхода названных корпусов. Командующий 2-й армией генерал Шейдеман с целью обеспечить от захвата германцами направления через Згерж на Лодзь принял решение отвести 4-й корпус на линию Сарнов – Пучнев. Позже, когда генералу стало известно о подходе немцев к р. Бзура восточнее Ленчицы, русские 4-й армейский и другие корпуса были отведены на линию Озорков – Пабянице. 30-я и 40-я пехотные дивизии 4-го корпуса выступали в спешном порядке. Им предстоял большой переход, чтобы к вечеру 4 ноября быть готовыми к развёртыванию и началу общего наступления².

Однако поставленные командованием задачи войскам были трудновыполнимыми. Внезапный поворот фронта к правому флангу и связанные с ним передвижения войск привели к дезорганизации работы тыла и создали огромные

---

¹ См.: Корольков Г. К. Лодзинская операция. 2 ноября – 24 декабря 1914 г. С. 61.

² Там же.

трудности с подвозом материальных средств. Это привело лишь к частичному выполнению манёвра частями 2-й и 5-й армий к 4 ноября и намеченное на 2 ноября общее наступление русских армий не состоялось. Войска не успели сосредоточиться в указанных им районах.

Тем временем германские войска, наступая во главе с Шеффером в южном направлении через Брезины, а также корпуса Фроммеля и группы «Познань» – в восточном, создали угрозу окружения 2-й армии. С утра 6 ноября развернулись боевые действия. Германцы прилагали усилия для двойного охвата русских войск, оборонявших г. Лодзь. Положение спасли подошедшие к левому флангу 2-й армии корпуса правого крыла 5-й армии, в том числе 19-й армейский, которые отразили наступление корпуса Фроммеля и энергичным контрударом отбросили немцев на запад, захватив пленных и другие трофеи.

Особенно ожесточённые бои происходили 7–8 ноября. Германцы совершали отчаянные усилия по окружению 2-й и 5-й русских армий, чтобы замкнуть кольцо у Пабянице. 19-й армейский корпус, занимавший позиции на фланге 5-й армии, против которого наступали германские части групп «Бреславль» и «Познань», кавалерийского корпуса Фроммеля и 7-я австро-венгерская дивизия, не только отразил атаки, но совместно с подошедшей 7-й пехотной дивизией в ожесточённом бою отбросил 11-й германский корпус на северный берег р. Невр. В это же время 4-й армейский корпус совместно со 2-м Сибирским вытесняли 17-й и 20-й германские корпуса¹. В результате этих действий и на других участках фронта сражений германские войска, стремившиеся окружить 2-ю и 5-ю русские армии, сами оказались в окружении (группа Шеффера, части 1-го кавалерийского корпуса М. фон Рихтгофена), из которого им удалось вырваться с большими потерями в ночь на 12 ноября.

---

¹ См.: История Первой мировой войны 1914–1918 : в 2 т. М. : Наука, 1975. Т. 1. С. 380–381.

Таким образом, сражения, развернувшиеся в районе Лодзи, в которых принимали активное участие 2, 4 и 19-й армейские корпуса, дислоцировавшиеся и пополненные в белорусских губерниях, не дали австро-германским войскам окружить и разгромить русские армии, в то же время и наступление русских через Познань и Силезию в «сердце Германии» не состоялось.

Потерпев неудачу с окружением двух русских армий, германцы, получив подкрепления с французского фронта, приняли решение развить наступление в двух направлениях: с правого фланга своего фронта в обход 19-го армейского корпуса на Пабянице – с целью овладеть Лодзью, с левого – на Лович, с целью овладеть последним, затем захватить Варшаву. Имея многочисленную артиллерию, в достатке снабжённую снарядами, германцы резко изменили тактику борьбы: вместо атак стали применять сильный артиллерийский огонь против уступавших в этом противнику русских корпусов.

В этот период русские войска также получали пополнения, но их было крайне недостаточно. Истомлённые и расстроенные войска 5-й армии (в их составе 19-й армейский корпус), дав превосходящим силам германцев Пабяницкое сражение, чтобы закончилась эвакуация Лодзи, отступили с 85 км фронта на 45 км. Это дало им возможность прочнее занять новую позицию. В то же время противник также использовал отход русских, перебросив отсюда часть своих сил на левый фланг с целью нанесения сильного удара на Лович.

Завязалось Ловичское сражение. С 17 по 30 ноября прошли ожесточённые бои на участке фронта, занимаемом 2-м армейским корпусом. Превосходство германцев в живой силе и артиллерии и упорство русских войск проявились в этих сражениях в полной мере. В эти дни имел место такой показательный факт: прибывший из Гродно в качестве подкрепления в составе бригады 76-й пехотной дивизии 302-й пехотный Суражский полк, сформированный в июле в Боб-

руйске и уже принимавший участие в боях в Восточной Пруссии, 17 ноября совместно с соседними частями перешёл в наступление, выбил противника из деревень Сержники, Голенска, Недзвяды и остановился на окраине д. Марьянка. При этом отбил у противника взятого ими накануне в плен раненого поручика Кременского, захватил около 60 человек немцев и шесть зарядных ящиков от артиллерийских орудий, много винтовок¹. В бою с германцами 25 ноября 3-я Сибирская дивизия смогла удержаться только при содействии прибывшего 302-го Суражского полка².

27 ноября германцы повели сильную атаку на фронте 2-го корпуса, но были отбиты. С 28 ноября по 2 декабря они усиливали давление. Ведение мощного артиллерийского огня войска противника стали сочетать с атаками. Создалась угроза прорыва фронта на участке между реками Висла и Бзура. Началась эвакуация Ловича. Сражение было выиграно германцами.

30 ноября Ставка Верховного главнокомандующего провела в Брест-Литовске совещание с главнокомандующими Северо-Западным и Юго-Западным фронтами. На нём были признаны слабый численный состав войсковых частей, большой некомплект офицеров, недостаток пополнений из-за нехватки винтовок, недостаток боеприпасов, сапог и тёплой одежды, а также решено начать отвод войск.

К 4–5 декабря 1914 г. русские войска были отведены на линию от р. Висла на севере до д. Любач на юге. Корпуса, вышедшие из белорусских губерний, заняли позиции с севера на юг: 2-й армейский – от Воли Шидловской до д. Земяры, 4-й армейский – между устьями рек Хайнатка и Бялка, 19-й армейский – от д. Подконице Дуже до Любача. Войска приступили к укреплению позиций. Этим завершился маневренный период войны, начался позиционный.

---

¹ РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

² Корольков Г. К. Лодзинская операция. 2 ноября – 24 декабря 1914 г. С. 183.

Таким образом, части и соединения, дислоцировавшиеся накануне Первой мировой войны на территории белорусских губерний и пополненные в дни мобилизации личным составом из местного населения, приняли самое непосредственное участие в сражениях в составе войск Северо-Западного фронта и 5-й армии Юго-Западного фронта в Восточной Пруссии, Галиции и западнее Варшавы против германских и австро-венгерских войск. Начавшись успешно для русских войск сражения в Восточной Пруссии и Галиции, по причине плохого управления войсками, отсутствия взаимодействия между штабами и соединениями при проведении военных операций, а также недостатка вооружения и огнеприпасов привели к огромным потерям и отступлению.

Следует отметить, что удельный вес мобилизованных из белорусских губерний и принявших участие в сражениях в этот период, на наш взгляд, был самым высоким.

БЕЛОРУССКИЕ ПОЛКИ ИЮЛЯ 1914 г. И ИХ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Население белорусских губерний, как и других земель, граничивших с враждебными для Российской империи государствами – Австро-Венгрией и Германией, в начале Первой мировой войны явилось тем «резервуаром» на западе, из которого можно было быстро влить «живую силу» в соединения русской армии для обеспечения противостояния и нанесения первых ударов по противнику.

По объявлении мобилизации в русскую армию и флот 18 июля 1914 г. чины запаса белорусских губерний в течение нескольких дней пополнили по штатам военного времени дислоцировавшиеся тут части и подразделения 2, 3, 4 и 19-го армейских корпусов, в спешном порядке выдвинутых затем в места сосредоточения и развёртывания для начала военных действий. Из местных ратников ополчения были образованы 52 дружины государственного ополчения.

Кроме того, в это же время тут сформировались пять пехотных полков, которым были присвоены общие номера и названия белорусских городов. Таковыми являлись 298-й Мстиславский, 300-й Заславский, 301-й Бобруйский, 302-й Суражский и 303-й Сенненский пехотные полки. Первые два полка (298-й Мстиславский и 300-й Заславский) формировались в Брест-Литовске; 301-й Бобруйский и 302-й Суражский – в Бобруйске, а 303-й Сенненский – в Могилёве.

Для создания «новых» полков выделялся «кадр» из офицеров и нижних чинов, квартируемых в местах формирования полков русской армии. Затем приказом командира образуемого полка эти офицеры назначались на должности

командиров батальонов и рот – «сформирование кадров полка», которые приступали к выполнению необходимых функций при организации новой войсковой единицы: получали карты и планы, полевые и записные книжки, производили осмотр обмундирования и снаряжения, приём оружия; организовывали условия для приёма новобранцев, распределения их по подразделениям и расквартирования.

Структурно каждый полк состоял из четырёх батальонов, в свою очередь батальон – из четырёх рот. Полный состав роты определялся в 250 человек. Полностью укомплектованный полк насчитывал в своих рядах 4 тыс. человек.

Во вновь формируемые полки новобранцы поступали из близлежащих уездов белорусских губерний. Комплектование их личным составом производилось по тем же правилам, что и пополнение дислоцировавшихся тут к началу войны полков русской армии, – с первого дня мобилизации, 18 июля. Однако имели место случаи, когда командованием предпочтение отдавалось последним – «смешанным» полкам, так как они как более подготовленные в военном отношении первыми должны были выступить в поход к местам сосредоточения. Например, так поступил командир 303-го пехотного Сенненского полка, направивший в полк вместо положенных по расписанию партий запасных по 50 человек группы «разной величины», которые «очень незначительно пополняли роты». Основная часть новобранцев отправлялась на пополнение 159-го пехотного Гурийского полка (из него был выделен «кадр» для сформирования 303-го Сенненского полка), который должен был «скоро двинуться в поход»¹.

Пополнения в 303-й Сенненский полк в основном поступали активно. Например, 20 июля с Могилёвского железнодорожного пункта прибыли партии запасных Сенненского уезда – 200 человек, Чаусского уезда – 235 и Оршанского уезда – 450 человек. 21 июля явились небольшие, в 15–20 человек, группы, оказавшиеся излишними в 159-м Гурийском

---

¹ РГВИА. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21. Л. 5–6.

полку, а 22 июля «прибыло 474 человека запасных из Могилёвского, Мстиславского и Оршанского уездов»¹. На шестой день мобилизации, 23 июля, ожидалось 100 человек новобранцев, а прибыло около 370. Такое увеличение получилось за счёт явившихся отставших и оказавшихся излишними в 159-м полку. 24 июля, на седьмой день мобилизации, когда уже «не ожидалось прибытия запасных, их прибыло из разных уездов около 400 нижних чинов»². Все прибывшие были приняты.

Одновременно с комплектованием полка личным составом организовывалась хозяйственная служба: снабжение мясом, хлебом, другим продовольствием; обустроивался быт солдат, производилось их обмундирование, снаряжение и обучение военному делу.

Занятия по военной подготовке стали проводиться на третий день мобилизации – с 20 июля, ежедневно и по расписанию, начавшись с отработки приёмов «одиночной подготовки с ружьём, стойка, повороты, ознакомление с винтовкой»; элементов при стрельбе – «приготовительные к стрельбе упражнения» и «штыкового удара». Кроме того, на пятый день мобилизации было организовано обучение караульной и сторожевой службе, стали назначаться караулы из новобранцев, причём не только «предусмотренные мобилизационным расписанием», но также по охране имущества, поддержанию порядка, в том числе был «поставлен караул у моста через р. Днепр, чтобы предупредить излишнее хождение нижних чинов в город».

На седьмой день мобилизации, кроме занятий по строевой и огневой подготовке, во всех ротах и командах полка началась «укладка обоза», подборка всего необходимого «с собой в поход». Для обоза и другого назначения с Могилёвского сдаточного пункта в 303-й Сенненский полк 24 июля было направлено 165 лошадей. И уже на следующий день,

---

¹ РГВИА. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

² Там же. Л. 5–11.

25 июля, командир полка проверил укладку обоза. Выявились недостатки: «...ещё не был уложен медицинский обоз».

На десятый день мобилизации побатальонно производилась «пристрелка винтовок». В этот же день командиром полка были «осмотрены все лошади и повозки», произведён смотр полка и в 20 часов отправлена телеграмма начальнику 76-й пехотной дивизии и в штаб Минского военного округа о «готовности полка к выступлению в поход»¹.

В последующие три дня (28, 29 и 30 июля) побатальонно выполнялись упражнения по стрельбе, производились «подготовка звена, отделения и взвода, ротные строевые и тактические занятия». Завершающим мероприятием стала «тактическая батальонная учёба» на «участке от предместья Луполово... до р. Днепра». В ходе учений командованием была замечена «большая отсталость нижних чинов в знании обязанностей стрелка в цепи, отделённого и взводного командиров». «Много труда было положено, – отмечено в журнале военных действий, – на урегулирование движения при наступлении, запасные, по старой привычке, стремились делать быстро, но быстрота была беспорядочна, появлялось сразу много мишеней над цепью, делали большие перебежки». «Не на высоте положения в знании уставов оказались прибывшие в полк прапорщики, – записано далее в документе. – Большинство из них объясняют своё незнакомство с требованием военной службы тем, что в мирное время господа ротные командиры всегда смотрели на них не так, как на офицеров, которым нужно учиться и практиковаться, а как на людей отбывающих»².

31 июля занятия уже не проводились. Полк готовился к выступлению в поход.

1 августа в 3 часа ночи 1-й батальон погрузился в эшелон и выехал из Могилёва, вслед за ним – остальные три батальона и штаб полка.

---

¹ РГВИА. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.

² Там же. Л. 15.

Только через двое суток первые эшелоны 303-го Сенненского полка начали прибывать на станцию Гродно, последний эшелон прибыл через трое суток – 4 августа. С этого дня кроме усиленной военной подготовки роты полка стали привлекать к несению гарнизонно-караульной службы в городе, но большей частью они были направлены на форты крепости, где также несли сторожевую службу, выполняли фортификационные работы; со свободными от работ нижними чинами проводились занятия.

Утром 6 августа находившиеся на I, III и XIII фортах роты 2-го батальона «своевременно» заметили и обстреляли пролетавший над крепостью германский аэроплан, «серьёзного повреждения» которому «очевидно не нанесли», но заставили изменить направление полёта с восточного на западное¹.

Формирование 302-го пехотного Суражского полка осуществлялось на базе выделенных кадров офицеров и нижних чинов из 158-го пехотного Кутаисского полка. Здесь тоже работы по формированию проводились согласно мобилизационному дневнику. С 19 по 26 июля полк был укомплектован личным составом, обмундированием, вооружением и снаряжением, а также лошадьми и обозом, кроме походных кухонь. 27 июля командир полка доложил о формировании начальнику 76-й пехотной дивизии и ходатайствовал «о пожаловании знамени» полку. В последующее время, с 28 июля по 5 августа, 302-й полк «в полной боевой готовности оставался в лагерях гор. Бобруйска, производя боевую подготовку нижних чинов»².

6 августа согласно мобилизационному расписанию 302-й пехотный Суражский полк совершил посадку в пять эшелонов на станции Березина Либаво-Роменской железной дороги и был отправлен в крепость Гродно. По прибытии, 8 августа, полк разместился в казармах 102-го пехотного Вятского

---

¹ РГВИА. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

² Там же. Ф. 2911. Д. 2. Л. 1.

полка, частично (2-й и 4-й батальоны) – биваком во дворе и продолжил обучение.

Для формирования 301-го пехотного Бобруйского полка были выделены кадры из состава 157-го пехотного Имеретинского полка. Укомплектование запасными нижними чинами и офицерами производилось со дня объявления мобилизации – 18 июля, и закончилось 30 июля. Затем полк также передислоцировался в Гродно, где по приказу коменданта крепости генерала М. Н. Кайгородова уже 6 августа два батальона полка были направлены на форт № 1 и опорные пункты, занимаемые ротами 303-го пехотного Сенненского полка¹. К 11 августа 76-я пехотная дивизия (начальник дивизии генерал Я. Д. Юзефович), в состав которой входили 301, 302 и 303-й пехотные полки, находилась полностью в Гродно.

Формирование 300-го пехотного Заславского полка осуществлялось также на основании «высочайшего повеления» о мобилизации и началось с выделения офицеров из 152-го пехотного Владикавказского полка, квартировавшегося в Брест-Литовске, и назначения их на должности. Запасные нижние чины на укомплектование полка стали поступать на 4-й день мобилизации – 21 июля (поступили 103 человека). В последующие три дня для встречи команд запасных от каждой роты полка выделялось по одному унтер-офицеру и два ефрейтора. В полк поступало в день по четыре команды новобранцев, производилось их распределение по ротам и обмундирование. Одновременно решались хозяйственные вопросы, проводилось обучение солдат. На седьмой день мобилизации началось комплектование обоза, параллельно шла строевая и огневая подготовка новобранцев. На девятый день, 26 июля, новобранцам полка были выданы боевые винтовки и патроны в Брест-Литовской крепости. 27 июля (10-й день мобилизации) в полку производилась «укладка офицерских двуколок», побатальонно были проведены строевые занятия и стрельбы, в конце дня командир

---

¹ РГВИА. Ф. 2910. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

полка телеграфировал в штаб 75-й пехотной дивизии и штаб округа об окончании мобилизации с сообщением о «нехватке для окончательного укомплектования 800 нижних чинов, четырёх врачей, заведующего оружием, начальника хозяйственной части, 18 младших офицеров», а также 94 лошадей¹.

28 июля (с 8 до 12 часов) был произведён смотр 300-го полка комендантом крепости Брест-Литовск генералом В. А. Лаймингом. 29 июля командирами батальонов сделана рекогносцировка намеченных стоянок батальонов в деревнях Тришишки, Плоская, Берёзовка и Тричин, в конце дня батальоны выступили в намеченные деревни. В Брест-Литовске оставались штаб полка, нестроевая рота, пулемётная команда и команда связи до тех пор, «пока не будет закончено окончательное укомплектование полка»². В середине дня 1 августа штаб полка со знаменем и названные подразделения также перешли в господский двор Берёзовка.

До 13 августа подразделения 300-го пехотного полка несли гарнизонно-караульную службу в городе и крепости, «выставляли сторожевые заставы и полевые караулы» на участке железной дороги, других «главных путях, ведущих к крепости»³.

После ускоренной строевой, огневой и боевой подготовки новобранцев командование начало выдвигать вновь сформированные полки в места боевых действий. Первым был направлен 11 августа из крепости Гродно в Восточную Пруссию 302-й пехотный Суражский полк «для сопровождения 76-й артиллерийской бригады, входящей в состав 2-го армейского корпуса»⁴. Поход совершался пешим порядком по маршруту Гродно – д. Курьянки – Августов – Маргграбово – д. Бенкхейм – Ангербург – д. Поссесерн. В течение восьми дней был преодолен путь протяжённостью более 180 км, в основном по грунтовым дорогам, в холмистой местности.

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 5–6.

⁴ Там же. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

«Переход был труден», – отмечено в документе. В пути следования принимались необходимые меры предосторожности по охранению колонны: во время движения высылался авангард побатальонно под руководством (попеременно) офицеров штабс-капитана С. М. Тиссаревского, капитанов Лялина, Виноградского и других; на ночлеге для охранения выставлялись заставы. Столкновений с противником не было¹. Когда полк находился под Ангербургом и был построен для перехода в направлении деревень Приновен и Стулихен, командир полка получил «приказание» временно командующего 2-м армейским корпусом генерала В. А. Слюсаренко, в котором тот сообщал, что «170-й пехотный Молодечненский полк, находящийся на линии Поссесерн, Круглянкен, Шиблинскен, в данную минуту ведёт бой с противником», и потребовал взять один дивизион 76-й артиллерийской бригады и выдвинуться с полком в том направлении, занять «крепко позицию на высотах Поссесерн», войти «в связь с командиром 170-го Молодечненского полка и батальоном 171-го Кобринского полка»².

По прибытии в указанный пункт в 9 часов вечера 20 августа роты полка заняли позиции боевого участка к западу от шоссе Летцен – Поссесерн (шесть рот) и к востоку (шесть рот), четыре роты остались в резерве. Утром 21 августа подразделения полка под руководством прибывшего 4-го сапёрного батальона занялись укреплением позиций у д. Поссесерн. В 11-м часу позицию полка обстрелял неприятель со стороны крепости Летцен из тяжёлой и лёгкой артиллерии³.

Полк был передан в распоряжение начальника 43-й пехотной дивизии, прикрывавшей левый фланг 1-й армии со стороны проходов через Мазурские озёра в районе Летцена, с задачей удерживать участок между озёрами Швензейт и Гольдапгар. 22 августа батальоны 302-го полка разместились на позиции в следующем порядке: участок № 1 в составе

¹ РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–6.

² Там же. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 335. Л. 218.

³ Там же. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

9, 10, 11 и 12-й рот и двух пулемётов под начальством поручика Чернявского; участок № 2 в составе 1, 3, 14, 15 и 16-й рот под начальством капитана Пенского занял позиции от озера Летцен до шоссе на Летцен, на участке находилось 14 орудий; участок № 3 в составе 5, 6 и 8-й рот под руководством капитана Виноградского; участок № 4 заняла 7-я рота с двумя пулемётами¹. Штаб полка находился в д. Поссесерн и со всеми участками установил телефонную связь.

В тот же день, 22 августа, в штаб полка поступило телеграфное сообщение о передвижении крупных сил противника: в северо-западном направлении – 26 автомобилей с пехотой; в южном «прошли пехотный и восемь конных полков, 48 орудий, 23 автомобиля с пулемётами»². Командир 302-го полка приказал войскам «производить усиленную разведку как днём, так и ночью». Однако разведчики не смогли проникнуть на значительные расстояния, так как «были встречены более сильными партиями неприятельской пехоты и кавалерии», а также обстреляны из артиллерии. Активно действовала неприятельская разведка с аэропланов. Особенно часто они появлялись над участком № 3 позиций между шоссе Поссесерн – Летцен и вершиной условной № 153.

Командование усиливало оборону: продолжало укреплять позиции, «приводило в оборонительное состояние восточную и южную окраины» занимаемой д. Поссесерн. В состав отряда прибыли три роты 172-го пехотного Лидского полка, сотня Донского казачьего полка, производилась перегруппировка сил на участках.

Тем временем от разведывательных партий и сторожевых застав стали поступать донесения о накапливании пехоты и кавалерии противника, об «отчётливо» слышанном «в ночь с 25 на 26 августа шуме перевозимых повозок или орудий... по дороге Оганкен – Летцен, за озером Дгаль».

---

¹ РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 ; Ф. 2183. Оп. 1. Д. 335. Л. 220–222.

² Там же. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 335. Л. 218.

А в 14 часов была получена телеграмма с сообщением о развернувшемся наступлении противника «по всему фронту». И тут же начался обстрел из крепостных орудий русских позиций напротив перешейка между озёрами Поссерн и Гальдапгар, развившийся в «ураганный» по всему фронту обороны. Разрушались и горели дома деревни. Появились раненые на перевязочном пункте, вскоре их стало много. После перевязки легкораненые «сами охотно возвращались в строй», тяжелораненые отправлялись на главный перевязочный пункт.

Направленный на подкрепление батальон 101-го пехотного Пермского полка, не доходя двух вёрст до д. Поссерн, попал под артиллерийский огонь. Упавшим в колонну снарядом был убит командир роты и около 40 нижних чинов убито и ранено. Батальон оставался в резерве, а артиллерийские батареи «заняли позиции севернее деревни, параллельно полотну железной дороги».

Во время артобстрела командир полка полковник Буйвид с адъютантом поручиком Исаковым пошли в окопы «с целью подбодрить нижних чинов, лично увидеть их состояние». Командир полка прошёл по окопам 5, 6 и 16-й рот. «Нижние чины были бодры, – отмечал он. – На моё предупреждение о возможной атаке немцев ночью (залегли в 600 шагах. – М. С.) отвечали: “Пусть идёт, мы его встретим с честью”». В этот раз орудийный обстрел прекратился только около двух часов ночи на 27 августа.

Утром артобстрел возобновился и корректировался с аэроплана подачей сигналов сначала над расположением артиллерийских батарей, затем – над окопами. Фугасные снаряды «стали почти беспрерывно рваться» над этими целями. В 8 часов командование заметило отступление отдельных нижних чинов из окопов участка № 3. Когда предприняли попытку остановить их, то оказалось, что их было «очень много» – как 302-го полка, так и 101-го Пермского и 172-го Лидского полков. Чтобы вернуть солдат обратно в окопы,

командиру полка, по его словам, «приходилось угрожать оружием»¹.

Позже, около 14 часов дня, когда командиру полка доложили, что роты 2-го участка отступают и неприятель приближается к окопам, он бросился туда. С криком «Суражцы, вперед!» вернул около 200 человек левой половины участка. На правой половине этой линии возвращал солдат капитан Пенский. На линии окопов «велась учащённая стрельба из ружей и пулемётов, рвались бомбы и шрапнели». Проходя по окопу, который занимали 1-я и 14-я роты, командир полка, по его словам, «говорил нижним чинам, что отступать мы не можем. Я тоже пришёл сражаться вместе с вами до последней капли крови». Одни стояли как истуканы, бледные с оловянными глазами, прижимались к стенке окопа. Другие снимали шапки, крестились и говорили: «Умрём вместе».

Тем временем немцы уже заняли окопы 15-й роты участка № 2, густыми цепями наступали на линию окопов участков № 3 и № 4. Причём окопы 5, 6 и 8-й рот местами были «разрушены фугасными снарядами и эти роты несли большие потери, – говорится в документе. – В окоп 8-й роты одновременно упали две бомбы, которые убили и ранили до 40 человек. В среднем окопе 6-й роты убиты командир роты поручик Голобородько, прапорщик Богданов и до 30 человек нижних чинов убитых и раненых. В 5-й роте также много убитых». Около 15 часов остатки этих рот отошли в окопы 2-й линии и в уцелевшие дома д. Поссерн, где продержались ещё около часа. Затем поступила команда начальника отряда отступать на Кутен. 26 августа на боевом участке № 4 после двухчасового артиллерийского обстрела перешла в наступление неприятельская пехота, но была сдержана ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём, «остановилась и залегла». Тогда артиллерия противника усилила огонь, который продолжался «беспрерывно»

---

¹ РГВИА. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 335. Л. 221.

до часу ночи 27 августа. С 6 часов утра до 15 часов неприятель продолжал громить окопы. Затем его пехота, усиленная пулемётными батальонами, снова перешла в наступление. Роты боевого участка, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Утром 28 августа последовал приказ № 23 по 2-му армейскому корпусу, в § 7 которого указывалось: «302-му полку и 76-й артиллерийской бригаде собраться в д. Попеиолен». Однако к этому времени противник обошёл обороняемый перешеек с обеих сторон и назначенный пункт уже был занят.

Отступавшие взяли курс на Бенкхейм. Остатки рот 1, 3 и 4-го батальонов под командованием командира 2-го батальона капитана Виноградского «собрались к знамени» и приняли участие в бою под г. Даркемен, затем были отведены к д. Сталупенен, где «соединились с подошедшими туда другими частями полка». 30 августа 302-й полк под давлением больших сил противника и ударами его артиллерии вынужден был отступить по направлению к Вержболово, а 31 августа перешёл границу и утром 1 сентября прибыл в Мариамполь. 4 сентября по приказанию главнокомандующего полк перешёл в г. Олита для посадки в железнодорожный эшелон, чтобы следовать в г. Гродно. Утром 6 сентября полк прибыл в г. Гродно и разместился в казармах 101-го Пермского полка. Затем распоряжением коменданта крепости батальоны полка были направлены на форты «северной и восточной стороны крепостного обвода», где под командованием капитана Виноградского и штабс-капитана С. М. Тиссаревского несли сторожевую службу, занимались укреплением фортов и опорных пунктов.

В бою под Летценом полк понёс большие потери в личном составе: 29 офицеров, два чиновника и 1763 нижних чинов, а также 20 лошадей¹. «Все офицеры, бывшие в сражении под Летценом 26 и 27 августа, – отмечал в донесении штабу 2-го армейского корпуса командир полка полковник

---

¹ РГВИА. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 355. Л. 223.

Буйвид, – проявили мужество и твёрдость в исполнении своих обязанностей и действительно служили примером нижним чинам своею неутомимостью, спокойствием и готовностью отдать свою жизнь за царя и Родину». Особо он выделял капитанов Виноградского и Пенского, штабс-капитана С. М. Тиссаревского, поручиков Дуванского, Исакова и Кременского, подпоручика Самсони-Тодорова¹.

300-й пехотный Заславский полк, входивший в состав 75-й пехотной дивизии, боевое крещение получил, принимая участие в боях во время Галицийской и Варшавско-Ивангородской операций.

Получив «распоряжение о погрузке», три батальона 300-го Заславского полка утром 13 августа выступили из крепости Брест-Литовск к железнодорожной станции, погрузились в эшелоны и отправились на среднюю Вислу в крепость Ивангород. 4-й батальон полка остался на месте для охраны железной дороги. Прибыв на место назначения, полк был включён в состав крепостного гарнизона, и уже 18 августа в составе отряда из 5½ батальона выступил в г. Ново-Александрия. Переход совершался в «очень тяжёлых, особенно для артиллерии, условиях» по «грунтовой, песчаной дороге» в холмистой местности (18 вёрст были преодолены за 14 часов).

19 августа полк на пароходе, пароме и в баржах был переправлен на правый берег р. Висла и остановился в городе в казармах Белевского полка и по квартирам. 20 августа «впереди шёл артиллерийский бой передовых частей Ковельского и Тульского полков» с австро-венгерскими войсками. Неприятельские снаряды долетали и до батарей 300-го полка. В 15 часов этого же дня в полк поступило распоряжение «поддержать двумя батальонами 72-й пехотный Тульский полк, атакующий д. Замбержен». Для поддержки атаки были выведены 1-й и 3-й батальоны. К 19 часам совместными действиями противника «выбили» из деревни.

---

¹ РГВИА. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 355. Л. 223.

Одновременно Ковельский полк выбил австро-венгров из укрепленной позиции у д. Пословская Воля. Противник отступил за р. Висла, на правый берег. Бой продолжался на переправе. 1-й и 2-й батальоны 300-го полка заняли позиции вдоль левого берега Вислы¹.

Вечером 25 августа противник сжёг местечко Юзефов, а утром 26 августа «открыл частый огонь» по окопам 300-го полка. Русские войска ответили ружейно-пулемётным огнём на огонь и по группам противника, «временами появлявшимся из мест. Юзефов к Висле». Огонь противника вскоре прекратился.

К вечеру 26 августа австро-венгры, теснимые наступавшей вдоль правого берега Вислы гвардейской бригадой, стали отступать. Батальоны 300-го Заславского полка содействовали гвардейцам своим пулемётным огнём, нанося противнику большие потери. «Ночью был слышен шум, скрип повозок, усиленный лай собак» – явный признак отступления. Противник оставил Юзефов².

Утром 28 августа в полк поступило распоряжение переправиться через р. Висла в местечко Селец и двигаться к местечку Юзефов. Переправившись по понтонному мосту, полк «немедленно» следовал в указанном направлении. Австро-венгры поспешно отступали, оказывая сопротивление. В последние дни августа – начале сентября 300-й полк из Юзефова следовал по маршруту деревень Яшен, Камень, Домбровице в направлении д. Залевщик, при подходе к которой противник открыл артиллерийский огонь, «шрапнели стали рваться над колонной». Деревня была занята укрепившимся противником.

300-й Заславский полк развернулся в боевой порядок и перешёл в наступление, в ходе которого освободил окружённую австрийцами батарею 37-й артиллерийской бригады, захватил 149 пленных. В то же время одна рота 300-го полка попала под сильный артиллерийский и ружейно-

---

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–12.

² Там же. Л. 13.

пулемётный огонь и понесла «значительные потери». Противник упорно оборонялся, «пули свистели со всех сторон: с окопов, со зданий, из-за плетней и заборов». Совместными усилиями 300-го полка с подразделениями соседнего 721-го Дубисского полка противник был выбит и стал отступать к заранее подготовленным окопам, преследуемый ружейно-пулемётным огнём подразделений 300-го Заславского полка под командованием подпоручика Петухина и подпрапорщика Гремалая, «нанёсших австрийцам большие потери». Вследствие этого «дальнейшее наступление и атака окопов... обошлась легко и быстро. Противник, не принимая штыкового боя, бежал». К вечеру 2 сентября австро-венгерские войска отступали на всех участках фронта.

Во время боя 300-й Заславский полк понёс потери: были убиты командиры 9-й роты поручик Жданович и 12-й роты штабс-капитан Никитин, взводный командир пулемётной команды прапорщик Кондратович, младший офицер 4-й роты прапорщик Жужаловский, поручик Устинович; ранены командир 4-й роты штабс-капитан Благодарный, младший офицер 9-й роты поручик Деревяго, прапорщик Берхольд, 11-й роты младший офицер прапорщик Катаржинский; убиты 48 нижних чинов, ранен 171¹.

Ранним утром 3 сентября 300-й Заславский полк выступил из д. Залевщик, переправился через р. Висла и направился в г. Сандомир. При расквартировании в городе проявилось «несочувственное отношение к русским местного (в основном евреев) населения. Приходилось силой входить в дома». Далее полк следовал по маршруту д. Капржевица, г. Сташов, пос. Вержбице, д. Грживова Гура. 19 сентября поступило приказание из штаба 75-й дивизии полку «отойти к д. Мирувин, затем в пос. Вержбице, Блендов, гор. Радом, по прибытии в последний расквартировались на ночлег по ул. Люблинской»².

---

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

² Там же. Л. 24.

22 сентября в соответствии с приказом по дивизии 300-й Заславский полк в составе главных сил выступил из Радома. Противник «открыл стрельбу из тяжёлых орудий по окопам южнее и юго-западнее гор. Радома, занимаемым двумя батальонами Дубисского полка», заставил последних отступить, занял Радом и «стал пристреливаться по колонне, вытянувшейся по шоссе в направлении гор. Козенице». Из Козенице полк передислоцировался в крепость Ивангород.

10 октября приказом по 75-й дивизии полк был направлен для совместных действий с 3-м Кавказским корпусом и «поступил в распоряжение начальника 21-й пехотной дивизии генерала Мехмандарова». На следующий день полк получил задачу совместно с Дагестанским полком атаковать позиции противника у Козеницкого леса. Успешными действиями противник был «выбит из леса, понёс большие потери убитыми, ранеными и пленными». Батальоны 300-го Заславского полка «заняли позиции вдоль Козеницкого леса». Противник обстреливал фугасными снарядами и ружейным огнём.

Во второй половине дня 12 октября было получено распоряжение генерала А. А. Веселовского – начальника боевого участка, в состав которого входили батальоны полка, «произвести рекогносцировку направления» к напротив расположенной д. Домброва. Как только разведка установила, что деревня не занята, противник располагается на позициях у её западной окраины, батальоны 300-го полка двинулись в наступление. Враг открыл сильный артиллерийский огонь, от которого «начались потери убитыми и ранеными». Наступление продолжалось до открытия германцами ружейно-пулемётного огня, «благодаря которому выяснились» основные огневые точки противника. Не желая дальнейших потерь, командование отдало распоряжение полку отойти на прежние позиции.

На следующий день, 13 октября, наступление 300-го Заславского полка повторилось одновременно с Дагестанским и Ингерманландским полками под командованием

генерала А. А. Веселовского. Противник встречал наступавших «фугасными снарядами и шрапнелью». Батальоны несли потери, но «мужественно продолжали двигаться вперед». По достижении «дистанции действительного ружейного огня – 800 шагов» огонь противника достиг предела: «...к ружейному огню прибавился перекрёстный огонь с мельницы и высоты. Пулемёты трещали почти непрерывно. Передовые батальоны не дрогнули, наступление шло безостановочно, без выстрелов с нашей стороны и завершилось штыковым ударом, от которого противник дрогнул и частью был переколот штыками, частью сдался в плен, остальные разбежались», – записано в журнале военных действий 300-го пехотного Заславского полка¹.

8 ноября 1914 г. по распоряжению начальника 76-й пехотной дивизии 302-й Суражский полк был снят с фортов и укреплений Гродненской крепости, сосредоточен в г. Гродно для подготовки к отправке в составе бригады дивизии в Варшаву. 9 ноября бригада 76-й дивизии в составе 301-го Бобруйского и 302-го Суражского пехотных полков со станции Гродно была отправлена на запад и, проследовав через Варшаву, 11 ноября прибыла на станцию Сохачёв, временно расположилась в д. Развязлов. Затем 14 ноября ночью из штаба 76-й пехотной дивизии поступило приказание отряду под командованием генерала П. И. Постовского немедленно выступить в район Ловича. По прибытии 302-й Суражский полк ночью 16 ноября получил приказание выступить в д. Марьянка и войти в связь с занимавшим там позиции 2-м Туркестанским корпусом. По пути следования утром произошло столкновение с неприятельской колонной, которая подвергла 302-й полк обстрелу перекрёстным артиллерийским огнём. Во время столкновения с противником 9-я и 10-я роты полка были им обойдены и «почти полностью уничтожены», причём командиры рот прапорщик Пересвет Солтан и поручик Кременский ранены и взяты в плен. Полк

---

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 8. Л. 29–31.

вынужден был отойти на линию деревень Сержники и Голенска. С занятой позиции полк перешёл в наступление и оттеснил противника к д. Марьянка, а с наступлением темноты по приказанию генерала В. И. Гурко отошёл в д. Лагушево, «вошёл в связь» с 11-м Сибирским и 13-м Белозерским полками и «начал укреплять деревню, успев к утру 17-го исполнить всё предназначенное»¹.

Утром 17 ноября от командира 14-го Олонецкого полка в 302-м Суражском полку было получено предписание генерала В.-К. К. Нордгейма «с выяснением всей обстановки и о предстоящих действиях полку». В 11 часов утра после получения сведений о переходе в наступление соседнего 11-го Сибирского стрелкового полка 302-й пехотный Суражский полк около 13 часов перешёл в наступление, выбил противника из деревень Сержники, Голенска, Недвзвяды и приостановился на северной окраине д. Марьянка. При этом был отбит у противника взятый накануне в плен раненый поручик Кременский, взяты в плен около 60 германцев и захвачены шесть зарядных ящиков от артиллерийских орудий, много винтовок². В бою с германскими войсками 25 ноября 3-я Сибирская дивизия смогла удержаться только при содействии прибывшего 302-го Суражского полка³.

27 ноября 2-й батальон 302-го полка, согласно приказанию командира 2-го корпуса, приступил к укреплению позиции, а 28 ноября по предписанию начальника 76-й пехотной дивизии должен был перейти в д. Домбковице. В этот же день при посредстве дозоров установилась связь с 301-м пехотным Бобруйским полком. В последующие дни 302-й Суражский полк оставался в резерве отряда генерала Г. К. Рихтера, занимался укреплением позиций. Поздно вечером 3 декабря в соответствии с предписанием об отводе полк из д. Домбковице выдвинулся по направлению местечка

¹ РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–21.

² Там же.

³ Корольков Г. К. Лодзинская операция. 2 ноября – 12 декабря 1914 г. С. 183.

Неборов, обозы – в деревни Гухов и Воля Шидловская. С этого времени 302-й Суражский полк, составляя резерв генерала Г. О. Рауха, побатальонно направлялся на подкрепление оборонявшихся войск. 5 декабря одному из батальонов было приказано занять позицию от шоссе Болимов – Гумин и «держаться на ней упорно до смерти». Батальон успешно выполнил свою задачу: несколько раз отражал попытку противника переправиться через р. Равка¹.

301-й пехотный Бобруйский полк также принимал участие в боях в районе средней Вислы, г. Лович в составе отрядов, возглавляемых генералами П. И. Постовским и Г. О. Раухом. Например, утром 1 декабря полку был отдан приказ «занять фольварк с костёлом к Хруслину, подготовив атаку артиллерийским огнём». После артиллерийской подготовки командир полка приказал 3-му батальону под командованием капитана Лебедева перейти в наступление. Роты батальона «постепенно продвигались». Вслед за ними под командованием поручика Алтуфьева продвинулись роты 2-го батальона и заняли окопы 3-го батальона. Тут же противник, заметив «движение вперёд», открыл артиллерийский огонь шрапнелью по батальонам, резервам и тылу. «Больших трудов стоило капитану Лебедеву и его офицерам продвинуть людей вперёд, – отметил в своём рапорте командир полка. – Люди, видя потери от шрапнельного огня, имели тяготение к только что покинутым окопам». Связь с наступавшими ротами нарушилась, командир наступавшей 12-й роты был ранен. Оставшуюся без командира роту повёл в атаку вольноопределяющийся Словецкий, «бросившийся на “ура”, увлекая за собой роту». Затем продвинулись к намеченным этим подразделениям рубежам 9-я рота под командованием прапорщика Околовича с четырьмя пулемётами, 10-я рота с прапорщиком Ермоловичем, часть 11-й роты под командованием поручика Пунинского. Полк понёс большие потери в офицерах.

---

¹ РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–30.

Поручику Алтуфьеву «удалось собрать» в окопах человек 60–70 нижних чинов перешедших в наступление рот. Командир полка приказал отправить их под командованием прапорщика Кржижевича в распоряжение капитана Лебедева. По пути следования к этой группе присоединились ещё человек 30. Прапорщик Кржижевич явился к капитану Лебедеву с командой человек в 90. Всю ночь направление наступления обстреливалось артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём противника. Утром огонь усилился. Наступавшие «все попрятались, боясь высунуть голову. Тогда капитан Лебедев, желая воодушевить людей для продолжения атаки, встал из окопа и приказал сделать несколько залпов, но... пошатнулся и упал. Пуля попала в сердце»¹.

Командование батальоном принял поручик Пунинский и получил приказ «держаться во чтобы то ни стало!». Однако через некоторое время он был ранен осколком снаряда. Командование добровольно взял на себя прапорщик Кржижевич.

В поддержку 3-му батальону были направлены две роты 268-го полка, которые из-за сильного огня австрийцев не смогли пройти, затем – 7-я рота 2-го батальона 301-го полка с заданием войти в связь с 3-м батальоном и «содействовать дальнейшей атаке». Собранным подразделениям предстояло «атаковать костёл и строения, выбить оттуда и из окопов противника и окопаться на северной окраине посёлка Хруслин». Однако приготовления к атаке затянулись. Прапорщику Кржижевичу «много труда пришлось положить, чтобы обойти весь фронт, предупредить об атаке и отдать распоряжения. Ему пришлось во весь рост бегать под огнём противника по всему пространству и поднимать силой людей, зарывшихся в отдельных ячейках и боявшихся высунуть голову»².

Между тем командование торопило с атакой, а «приготовления всё ещё тянулись». Тогда уже поздним вечером, в 22–23 часа, к атакующим был направлен со «взводом

---

¹ РГВИА. Ф. 2910. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

² Там же. Л. 50.

пулемётов» поручик Гетманов, который вступил в командование ротами и, «предварительно ознакомившись с обстановкой», доложил командиру полка о том, что «люди два дня не ели, не спали и переутомлены. Раненые ещё в большинстве не убраны и своими стонами угнетают окружающих». Однако командир полка вновь повторил приказание «Атаковать!». Через некоторое время всё же поступило приказание «не атаковать, а быть готовыми к атаке». Затем «приказание – отойти на прежнюю позицию».

Отход был произведён «благодаря распорядительности поручика Гетманова и его ближайшего помощника прапорщика Кржижевича, в полном порядке». Отступавшие роты «унесли с собой убитых и раненых, все ружья и патроны». Отход был закончен в 6 часов утра. 301-й Бобруйский полк понёс потери: убитыми 2 офицера и 35 нижних чинов, ранеными 7 офицеров и 395 нижних чинов, без вести пропали 68 солдат. После отступления противник в «течение наступившего дня обстреливал весь боевой участок тяжёлой артиллерией». В 22 часа в полку было получено приказание отходить с занимаемой позиции на д. Ямно. Соседние части 55-й и 67-й пехотных дивизий к этому времени уже отошли. Батальоны 301-го Бобруйского полка покинули позиции последними.

Таким образом, сформированные в дни мобилизации в белорусских губерниях пехотные полки после ускоренной строевой и боевой подготовки в местах формирования (Могилёв, Бобруйск и Брест-Литовск) и в Гродненской и Брест-Литовской крепостях были выдвинуты в места боевых действий, получали «боевое крещение», участвуя в боях в местах крупных сражений (Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции). В сражениях «молодые» полки имели как успехи, так и неудачи. Сказывались перевес на стороне врага в боевых средствах, недостаточная боевая выучка, отсутствие надёжной связи и взаимодействия подразделений при наступлении, «необстрелянность» личного состава.

В результате «великого отступления» 1915 г. фронтовые дороги привели 76-ю пехотную дивизию на территорию Беларуси. В сентябре 1915 г. в составе 27-го армейского корпуса она принимала участие в ликвидации Свенцянского прорыва германцев. В марте 1916 г. её полки приняли участие в Нарочской операции.

27-й армейский корпус в составе 45-й и 76-й пехотных дивизий входил в северную группу генерала М. М. Плешкова. 13 марта 1916 г. дивизии корпуса влились в боевую линию. Однако в наступление были назначены только два полка 76-й пехотной дивизии – 301-й Бобруйский и 302-й Суражский. Остальные части эшелонировались в глубину, составляя дивизионный и корпусной резервы¹.

Наступление 27-го армейского корпуса вначале развивалось успешно. 302-й пехотный Суражский полк захватил сторожевое охранение германцев у Бучелишек и фланговый со стороны д. Целина, дальше продвинуться не смог. За 302-м Суражским полком остановился в своём продвижении и 301-й Бобруйский полк. Оба полка подверглись сосредоточенному обстрелу артиллерии противника. Своевременно и достаточно не поддержанные 2-й бригадой 76-й дивизии полки вынуждены были отойти в своё исходное положение.

Очередная атака на участке северной группы была намечена генералом М. М. Плешковым в ночь с 11 на 12 марта. Главный удар планировалось нанести частями 27-го армейского корпуса при содействии 1-го армейского и 1-го Сибирского корпусов. Однако командующий 2-й армией генерал А. Ф. Рагоза, усмотрев неподготовленность частей к атаке, приказал отложить таковую на сутки и «принять все меры, чтобы надлежащим образом нацелить части и обеспечить фланги»².

---

¹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на фронте мировой войны. С. 113.

² РГВИА. Ф. 2910. Оп. 1. Д. 1. Л. 140.

Отмена атаки внесла очередную путаницу и нервозность в войска, которые уже подтягивались к исходному положению, чтобы подготовиться к атаке. Теперь им предстояло в таких неблагоприятных условиях весенней распутицы возвращаться обратно. Вечером 11 марта была назначена очередная атака в ночь с 12 на 13 марта, в том же направлении – на Бучелишки, Микулишки, нанесение основного удара всё тем же 27-м армейским корпусом. Исходное положение для атаки частями корпуса было занято в 3 часа 13 марта, на час позже намеченного. В атаку полки перешли в 4 часа.

К 4 часам 30 минутам 301-й Бобруйский и 302-й Суражский полки заняли первую линию германских окопов. 302-й полк, пройдя вперёд, атаковал вторую линию. Однако так как его левый фланг не был прикрыт опаздывавшими с наступлением частями 1-го Сибирского корпуса, полк понёс огромные потери и вынужден был отступить. Отход 302-го Суражского полка задержал продвижение соседних с ним 301-го Бобруйского и 304-го Новгород-Северского полков. Войскам необходима была поддержка, которой не последовало. 76-я пехотная дивизия под сильным огнём противника стала отступать.

Командир 27-го корпуса генерал Д. В. Баланин, который не знал о сложившейся ситуации в наступающих частях, в 11 часов отдал приказ находившейся в резерве 45-й пехотной дивизии «развить успех 76-й дивизии». Дивизия развернулась и двинулась вперёд, встретив на пути перемещавшиеся остатки понёсших огромные потери 301, 302 и 304-го полков разгромленной 76-й пехотной дивизии. Причины неудач были те же, что и для Нарочской операции в целом: наступившая весенняя распутица, бездорожье, мешавшее передислокации артиллерии, своевременной доставке огневых припасов, плохое управление войсками, допускаящее несогласованность действий.

Таким образом, белорусские полки, сформированные в дни мобилизации в июле–августе 1914 г., принимали уча-

стие в боях в Восточной Пруссии, Лодзинской и Ловичской операциях в 1914 г., в ликвидации Свенцянского прорыва германской кавалерией в сентябре 1915 г., Нарочской операции в марте 1916 г. Почти во всех случаях они проявляли упорство в достижении поставленных командованием задач. Однако по причине неполной готовности к операциям, слабой поддержки артиллерией, недостаточного обеспечения боеприпасами, плохого управления войсками, как и все другие части, принимавшие участие в сражениях, не всегда достигали намеченного, несли большие потери.

**ОТСТУПЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК.
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА БЕЛОРУССКОЙ ЗЕМЛЕ
В 1915 г.**

Сражения 1914 г. не оправдали надежд противоборствующих сторон на достижение быстрой победы. Война приобрела затяжной характер. Силы противоборствующих сторон в состоявшихся кровопролитных сражениях были значительно ослаблены. В связи с угрозой длительной войны экономика государств Антанты и Тройственного союза требовала перестройки на военный лад. Войскам необходимы были большие пополнения. Например, некомплект русских армий достигал полумиллиона человек. При этом англо-французское командование, не планируя никаких крупных стратегических операций на своём фронте, где их силы превосходили германские, переложило всю тяжесть предстоящих сражений на вооружённые силы России.

Неподготовленность австро-германского блока к длительной войне на два фронта заставило германское верховное командование перенести направление главного удара с Западного фронта против англо-французов на Восточный – против русских, чтобы сначала разгромить их, а затем всеми силами обрушиться на французов. Началом осуществления этого плана явились кровопролитные сражения в январе 1915 г. на польском участке русско-германского фронта у Боржимова и Воли Шидловской для того, чтобы отвлечь внимание командования русских войск от подготавливаемой против них крупной операции в Восточной Пруссии, а также измотать резервы Северо-Западного фронта. Конечной целью замысла германцев было путём мощных встречных ударов с флангов австро-германского Восточного

фронта – из Восточной Пруссии и со стороны Карпат – совершить глубокий обход русских армий, сосредоточенных в так называемом «польском балконе», окружить и разгромить их. Тем самым вывести Россию из войны¹.

Вслед за сражением в пределах русской Польши в феврале–марте 1915 г. разгорелись ожесточённые бои в Восточной Пруссии и Карпатах. В ходе зимней кампании русские также предприняли очередную попытку наступления в Восточную Пруссию. В январе–феврале развернулись бои на августовском направлении. Однако атака корпусов 10-й армии успеха не имела. Германское командование нанесло сильнейший контрудар с целью охвата русских с флангов, окружения и уничтожения. Три германских корпуса отбросили правофланговый 3-й армейский корпус (перед войной дислоцировался на территории Виленской губернии) и вышли во фланг и тыл 10-й армии. Ценой самоотверженной борьбы и гибели войск попавшего в окружение 20-го армейского корпуса (потери составили более 30 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными) была сорвана попытка противника взять в клещи всю 10-ю армию. 20-й корпус прикрыв отход остальных соединений. Наступление германцев было остановлено².

К концу февраля германцам удалось вытеснить русские войска из Восточной Пруссии и до 100–200 км продвинуться в глубь территории Царства Польского. Причинами поражения русских войск являлись плохое управление войсками командующего 10-й армии генерала Ф. В. Сиверса и штабом Северо-Западного фронта; допущенные оперативные просчёты в маневрировании войск, выборе путей отхода, плохо организованная разведка мест нахождения противника и направлений его движения, потеря связи между частями и соединениями, а также зимние погодные условия.

---

¹ См. об этом: Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 266–267.

² Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. М.: Кучково поле, 2014. Т. 1 : Происхождение и основные события войны. С. 273–274.

Завершающим этапом боевых действий в зимней кампании 1915 г. на правом фланге русско-германского фронта явилась Праснышская операция (21 февраля – конец марта) в районе Нижнего Бобра и Нарева, в которой русские войска 1, 10 и 12-й армий своим контрударом отразили наступление 8-й и 12-й германских армий, перешли в контрнаступление, освободили занятый немцами г. Прасныш и отбросили противника на территорию Восточной Пруссии. Данным сражением русские расстроили план германцев в весенней кампании 1915 г. и похоронили их надежды на переброску части своих сил на французский фронт¹. Так завершились активные действия войск российского Северо-Западного фронта. Верховное командование приняло решение на этом участке фронта перейти к обороне.

Одновременно с боями на северном фланге русско-австро-германского фронта ожесточённые сражения происходили на южном – в Карпатах. Сражения 8-й армии Юго-Западного фронта с превосходящими по численности австро-германскими войсками велись в сложных зимних условиях с большими потерями с обеих сторон. За две недели тяжёлых боёв корпуса 8-й армии продвинулись на 20 км. Большие потери, усталость войск заставили главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Н. И. Иванова отдать директиву о закреплении войск 3-й и 8-й армий на достигнутых рубежах.

Овладение войсками Юго-Западного фронта карпатскими перевалами, угроза выхода их на Венгерскую равнину поставили австро-германский блок в крайне сложное положение. Чтобы предотвратить эту угрозу, командование австро-германских войск приняло решение о проведении крупной операции в Галиции, связанной с прорывом фронта на участке между Верхней Вислой и Бескидами – в районе Горлице. Для проведения Горлицкой операции германское командование скрытно сосредотачивало крупные силы. Сюда

---

¹ Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 1. С. 274–275.

были переброшены многие соединения с французского фронта. На участке 35 км сосредоточилось 32 дивизии и 1500 орудий, что значительно превышало численность русских войск в пехоте и артиллерии¹.

Превосходство австро-германцев в 2 раза в живой силе и в 40 раз в тяжёлой артиллерии, изобилие снарядов, применение нового мощного средства для осуществления прорыва – миномётов, при слабом взаимодействии между русскими соединениями в результате трёхдневных боёв позволило неприятелю 22 апреля произвести прорыв русского фронта. Это явилось началом осуществления замысла германского Верховного командования путём концентрического наступления с юга между Вислой и Бугом и с севера из Восточной Пруссии окружить и разгромить русские армии в пределах русской Польши и вывести Россию из войны.

Атака войск генерала А. фон Макензена началась в 10 часов утра 2 мая после мощной, из 600 орудий, артиллерийской подготовки, затем – обстрелом из 70 миномётов. Несмотря на полное разрушение окопов и проволочных заграждений, русские оказывали противнику упорное сопротивление. За первые два дня наступления австро-германцы смогли продвинуться всего на 4–6 км. Лишь с вступлением в сражение крупных резервов противника глубина его прорыва на 6-й день от начала наступления достигла 40 км².

Несмотря на угрожающее положение Верховное главнокомандование русской армии и главнокомандующий фронтом генерал Н. И. Иванов требовали перехода в контрнаступление войск Юго-Западного фронта. Только 11 мая ими был отдан приказ о переходе к обороне. Однако остановить наступление австро-германских войск не удалось. 3-я армия, прикрываясь арьергардами, отходила: 13 мая – на водный рубеж р. Сан, 3 июня – оставила Перемышль. 22 июня 8-я армия сдала Львов. В этот же день генерал Иванов отдал

---

¹ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 280.

² Там же. С. 300–311.

директиву об отходе 3-й армии в русскую Польшу, на фронт Люблин – Владимир-Вольнский.

Одновременно с наступательными действиями австро-германских войск в Галиции началось наступление армейской группы германских войск под командованием генерала М.-К.-В. фон Гальвица из Восточной Пруссии в Риго-Шавельский район, а 13 июля – на наревском направлении у Прасныша. На стороне германцев был большой перевес сил на направлении главного удара: в 3,5 раза в пехоте и в 7 раз в артиллерии¹.

Над войсками армий Северо-Западного фронта нависла угроза быть отрезанными от коммуникаций и баз снабжения, окружёнными и разгромленными. Чтобы избежать катастрофы, Верховное командование русской армии на совещании в Седлеце 22 июня 1915 г. с руководством Северо-Западного фронта приняли решение об отводе войск в глубь своей территории². Это должно было привести к постепенному спрямлению фронта. К этому времени армии русских продолжали действовать в составе двух фронтов: Северо-Западного (главнокомандующий генерал М. В. Алексеев) в составе восьми армий (5, 10, 12, 1, 2, 4, 3 и 13-й) и Юго-Западного (главнокомандующий генерал Н. И. Иванов) в составе трёх армий (8, 11 и 9-й)³.

На белорусские земли отходили войска: правого фланга 3-й армии – в северное Полесье; 4, 10, 2 и 1-й армий – в центральную часть и в северную часть – левый фланг 5-й армии. В соответствии с приказом «об отходе правого фланга 3-й армии... и левого фланга 4-й армии» 31-й армейский корпус, в составе которого была 75-я пехотная дивизия с белорусскими полками (298-м Мстиславским и 300-м Заславским), «должен был отойти на правый берег Вислы в общем направлении на Юзефов... Аннополь»⁴.

¹ Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 1. С. 284.

² История Первой мировой войны : в 2 т. М. : Наука, 1975. Т. 2. С. 46–47.

³ Там же. С. 37.

⁴ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 24. Л. 51.

Совершив переправу с большим переходом в 40–45 вёрст, части 75-й пехотной дивизии 15 июня получили приказание о посадке в эшелоны на станциях железной дороги для следования в Ковель и Владимир-Волынский. По прибытии 18 июня к месту назначения полки 75-й пехотной дивизии заняли позиции по правому берегу р. Западный Буг от Леончицы до Липовице, а также по левому берегу против пункта Крилова – для обеспечения переправы, и до д. Малишов¹. Уже при подходе к позициям полки были обстреляны германцами, окопы которых, как оказалось, располагались в 800–1000 шагов от Буга. Все последующие дни, с 23 июня по 2 августа, обстрелы продолжались, временами сильным ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём, включая тяжёлую артиллерию. Каждый раз среди защитников позиций имелись убитые и раненые.

Следует сказать, для усиления 31-го армейского корпуса 9 июля 1915 г. ему была «придана» 27-я пехотная дивизия, дислоцировавшаяся перед войной на территории Виленской губернии. В состав дивизии входили 107-й Троицкий и 108-й Саратовский пехотные полки, в дни мобилизации пополненные призывниками из Речицкого уезда Минской губернии. Теперь эти полки находились в тесном взаимодействии с частями 75-й пехотной дивизии. Проводились совместные атаки противника². Между тем противник укреплял свои позиции, накапливал силы и развивал активность боевых действий. 10 июля германцы атаковали позиции 77-й пехотной дивизии и прорвали её левый фланг, соседний с правым флангом 27-й пехотной дивизии. Следующие два дня противник, воспользовавшись прорывом, «упорно» атаковал правый фланг 27-й дивизии. «Благодаря» введению в бой 299-го Дубненского пехотного полка 75-й пехотной дивизии временно «атаки противника были прекращены»³. Австро-германские войска, имевшие большое преимущество перед

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 24. Л. 56.

² Там же. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 72–73.

³ Там же. Л. 73.

русскими в вооружении (особенно в тяжёлой артиллерии), изобилие боеприпасов, развернули наступление по всему фронту. Российское командование продолжало отвод войск, давая арьергардные бои, временами контратакуя противника. 5 августа была оставлена Варшава, 7 августа – Новогеоргиевск, 9 августа – Осовец и Ковно. Командующий германской Бугской армией генерал Линзинген стремился переправиться через Буг южнее Брест-Литовска и двинуться крупными силами в северо-восточном направлении на Кобрин, чтобы отрезать путь отступавшим русским войскам. В связи с этим, а также «ввиду отхода 4-й армии под напором противника, главнокомандующий приказал отвести 3-ю армию». В ночь на 9 августа было приказано отодвинуть главные силы 23-го и 31-го корпусов на линию Столинские Смоляры – Любомль – Клюск – Зимовце, в том числе частям 75-й пехотной дивизии отводились позиции на линии Любомль – Онеск – Туричаны¹.

31-й армейский корпус, преследуемый противником, отходил на северо-восток, оставляя одну позицию за другой. 10 августа корпусу было приказано отойти на линию высот севернее д. Старая Гута, д. Седлище, села Комарово, в том числе 75-й дивизии – на линию деревень Галиновичи, Седлище, Буцин; 11 августа части этой дивизии отошли на линию деревень Песочно, Замшаны; 12 августа с боем отступили в направлении приграничных деревень на юге Гродненской губернии – Мокраны, Борки, Борисовка². В то же время по приказу командующего группой германских войск генерал-фельдмаршала Макензена Бугская армия продвигалась через Олтуш, Малориту, Збураж к Брест-Литовску с целью обложить город с юга и запада, а по прибытии осадной тяжёлой артиллерии – атаковать и взять город штурмом³. Одновременно неприятелем планировалось развивать

¹ РГВИА. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 88.

² Там же. Л. 97–98.

³ Бои на реке Западный Буг летом 1915 года / обработано капитаном Пельман по официальным данным Германского генерального штаба. СПб., 1921. С. 38.

наступление на дорогу Брест – Кобрин, чтобы отрезать путь к отступлению русским войскам из Бреста. С северо-западного направления к Бресту подступали части 11-й германской армии. Обстановка для русских войск складывалась крайне неблагоприятно. Подступы к Брест-Литовску при поддержке крепостной артиллерии до вечера 12 августа обороняли соединения 3-й армии, которые с трудом сдерживали натиск противника, несли большие потери. Только на участке, обороняемом Преображенским полком 1-й гвардейской пехотной дивизии, при взятии линии противник насчитал в окопах 500 убитых и перед укреплениями – 1000 человек, несколько сотен было взято в плен во время рукопашного боя¹. После быстрого падения крепостей Новогеоргиевск, Осовец и Ковно Верховное командование утратило всякую веру в их стойкость и, несмотря на настойчивые заверения коменданта крепости Брест-Литовск генерала В. А. Лайминга о готовности и способности цитадели к длительной обороне, было приказано утром 8 августа начать эвакуацию.

Эвакуация проводилась в сложных условиях, под давлением наступавшего противника. Срочно вывозилось военное имущество и вооружение. Железнодорожный узел Брест-Литовск и ближайшая станция Жабинка были перегружены перевозками. Ещё 5 августа главнокомандующий Северо-Западным фронтом «в целях сокращения железнодорожных перевозок из Бреста... приказал Гвардейский корпус продолжать грузить в Бресте, за исключением конницы, артиллерии (батареи и парки), дивизионного и корпусного обозов», которым для посадки назначалась не ближайшая станция Жабинка, так как также была перегружена, а «незамедлительно следовать походным порядком»². На рассвете 13 августа неприятель частями германского Бескидского и 6-го австро-венгерского корпусов штурмом взял линию фортов и цитадель, части 11-й германской армии ворвались

¹ Бои на реке Западный Буг летом 1915 года. С. 35.

² РГВИА.Ф. 2177. Оп. 1. Д. 1310. Л. 19.

в Брест-Литовск с северо-запада, корпус под командованием Герока – с юга и юго-востока. Крепость и город были захвачены противником. С захватом Брест-Литовска германские войска в составе 41-го резервного корпуса продолжили наступление в восточном направлении, преследуя дивизии 31-го армейского корпуса (командир генерал П. И. Мищенко). 15 августа с утра противник «довольно крупными силами атаковал сторожевое охранение» 300-го Заславского полка. Четыре атаки были отбиты с нанесением атакующим «большого ущерба». Однако силы были неравны. Во второй половине дня противник «повёл решительное наступление», отеснил сторожевое охранение соседних 299-го Дубненского и Изборского пехотных полков. 75-я дивизия вынуждена была отступить под сильным артиллерийским огнём. 300-й Заславский полк «понёс довольно серьёзные потери»: убитыми 24 нижних чина, ранеными 88, без вести пропали 10 человек, ранены два прапорщика. Снарядами была сожжена д. Ляхчицы¹.

В последующие дни натиск германцев продолжался. Полки 75-й дивизии упорно оборонялись. По признанию командира 300-го пехотного полка, «двухдневный бой (15–16 августа. – М. С.) у д. Ляхчицы занимает видное место по сравнению с предыдущими боями, которые приходилось вести полку. Яростные атаки отбивались нашими полками с упорством. Сила артиллерийского и ружейного огня достигала зенита. Противник засыпал окопы и д. Ляхчицы тяжёлыми снарядами». Полк понёс «очень серьёзные потери». Был убит подполковник Горбенко, ранены командиры рот: 16-й – прапорщик Агетнер, 13-й – прапорщик Гладун; нижних чинов убито – 72, ранено – 649, без вести пропало – 2952. После этого боя дивизии 31-го корпуса отступали в глубь Белорусского Полесья через Городец, Антополь, Ровины, Дроботы, Достоево. По мнению командира 300-го Заславского полка, расположение на его участке фронта

---

¹ РГВИА. Ф. 2177. Оп. 1. Д. 24. Л. 99.

² Там же. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 24. Л. 100.

местечка Дрогичин, шоссе и железной дороги «придавало ему очень важное значение, поэтому противник непрерывно подвергал обстрелу окопы и предпринимал настойчивые атаки». В этих сражениях были ранены штабс-капитан Яковчик, прапорщики Шатенко и Кравченко и 214 нижних чинов, убито – 2¹. Большие потери понёс 298-й Мстиславский полк, занимавший позиции справа от Заславского. За 23 августа потери насчитывали убитыми – 26, ранеными – 145, пропавшими – 55 человек; на 24 августа в этом полку потери составили около 500 человек. «Люди до крайности (были) истощены», – записано в журнале военных действий полка². Следует сказать, что войска противника также были утомлены. Натиск их пехоты ослабевал. Разведка русских на 26 августа установила, что пехотных частей на фронте 298-го Мстиславского полка не было замечено. «По слухам», пехота численностью около двух рот находилась против частей 27-й пехотной дивизии в районе д. Бяла. Разведкой и из опроса пленных было установлено, что на фронте, занимаемом частями 75-й пехотной дивизии, действовала 5-я кавалерийская дивизия германцев с полком артиллерии. Противником к этому времени была занята д. Дроботы; русскими – деревни Вавуличи, Гутово³.

Архивные документы свидетельствуют о том, что германцы в эти дни (27–29 августа) свои атаки на данном участке фронта подготавливали «ураганным» артиллерийским огнём. Русские упорно оборонялись, периодически меняя позиции. Зафиксирован лишь один случай 1 сентября, когда противник «выбил из окопов» батальон 300-го Заславского полка, заставив его отступить. Однако командир полка (с начальником пулемётной команды) остановил отступавшие роты и лично повёл их в атаку на немцев. Положение было восстановлено, но с «очень тяжёлыми потерями». Тем временем «ураганный огонь противника не прекращался».

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 24. Л. 102–103.

² Там же. 34. Л. 3.

³ Там же. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 4–5.

Все резервы были исчерпаны. К вечеру «на подмогу» прибыли 297-й Ковельский полк и дружина государственного ополчения. «Завязался очень сильный бой». Одновременно противник атаковал занимаемые уступом справа позиции 298-го Мстиславского полка. Это заставило 300-й Заславский и 297-й Ковельский пехотные полки отступить на 100–200 шагов в лес. На этой линии немцы были остановлены. С отходом этих полков и «в случае сильного натиска» 298-й Ковельский получил приказ отходить, «задерживаясь и защищая дорогу от Достоево до господского двора Вулька». Полк отошёл в направлении Достоево, Кротово, Новосёлки, Рудка. Его потери на 1 сентября составляли: нижних чинов убито 12, ранено – 98, контужен прапорщик Ляубе. Отведённая полку позиция, по словам документа, была «очень плоха, не имела никакого тыла: река Ясельда имела глубину не выше колена, всюду проходима в брод, болото Ложицкое всюду доступное для движения повозок». Предполагалось, что «держаться на этой позиции будет тяжело»¹. Не успев закрепиться на занятой позиции, 298-й Мстиславский полк был сменён 105-м Оренбургским пехотным полком 27-й дивизии и «немедленно» двинут в направлении Сенин, Оснежичи, до господского двора Добрая Воля с задачей занять позиции от д. Любополь до железной дороги с целью не допустить переправы противника через р. Ясельда. В середине дня 4 сентября отведённую позицию полк занял. Сведений о противнике не было. В тот же день поздно вечером последовало приказание по 75-й пехотной дивизии об отходе на позиции по линии Борки – Сошна. По прибытии на место полки дивизии в середине дня 5 сентября заняли позиции севернее д. Сошна до оз. Погостское, д. Камень. Левее от Сошны заняла позиции 83-я пехотная дивизия. Преследование противником прекратилось.

Разведкой было установлено, что германцами занята д. Новый Двор. В течение трёх дней полки 75-й дивизии, поочередно сменяясь, находились на занятых позициях,

---

¹ РГВИА. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 12, 13.

пополнялись личным составом (прибыло пополнение численностью 425 нижних чинов и 12 прапорщиков)¹.

Как позже выяснилось, германское верховное командование в то время приняло решение о прекращении на данном участке фронта наступательных операций и о скорейшей переброске освобождающихся сил на другие театры войны. В связи с этим была произведена их перегруппировка в Белорусском Полесье. В частности, на участке фронта, занимаемом дивизиями 31-го русского армейского корпуса, сняты и удалены противостоявшие германские 1, 22 и 107-я пехотные и 1-я Баварская кавалерийская дивизии. Вместо них выдвинулись 270, 271 и 272-й резервные полки 82-й резервной пехотной дивизии². Германское командование позже признавало, что «только у Ясельды продолжались активные действия 22-й пехотной дивизии и Бескидского корпуса. Подвоз армии грозил прерваться (тылы оторвались от наступавших войск до 150 км. – М. С.), перешивка рельс, восстановление мостов и искусственных сооружений не могли идти таким же темпом, как наступление войск»³.

Ранним утром 8 сентября в 75-й пехотной дивизии был получен приказ о наступлении на линии Новый Двор, оз. Погостское, Стошаны и далее на Логишин. В ходе наступления частей дивизии выяснилось, что немцами заняты Ковнятин и Мокрая Дубрава, артиллерией – «бугры по обе стороны дороги господский двор Стошаны – Ковнятин»⁴. 9 сентября из состава 75-й дивизии был передан в распоряжение 27-й пехотной дивизии 300-й Заславский полк, два батальона которого из д. Лыща были «двинуты» в д. Заборовцы, «чтобы обеспечить правый фланг 27-й дивизии», «зайти противнику во фланг и тыл» и «атаковать Козловку. Оба батальона ввязались в очень сильный лесной бой, атакуя повсюду рассеянного противника». Во время боя полк

¹ РГВИА. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 24. Л. 106.

² Меньчуков Е. А. Бои под Логишиным в 1915 году ... С. 14.

³ Бои на реке Западный Буг летом 1915 года. С. 53.

⁴ РГВИА. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 16–19.

понёс большие потери: погибли прапорщики Степанов и Скобинский (похоронены на кладбище в усадьбе Лыща), ранены прапорщики Дзюбенко и Попов, «очень серьёзные были потери в нижних чинах»¹.

С утра 10 сентября 300-й Заславский полк занял Козловку, затем атаковал Мокрую Дубраву. «Атака была настолько решительной, – записано в журнале военных действий полка, – что противник дрогнул, затем начал поспешное, беспорядочное отступление». Полком были взяты пленные, оружие и снаряжение. Во время атаки погиб прапорщик Каменский, ранен штабс-капитан Свирица. Полк преследовал отступавших германцев и в 7 часов вечера вступил в Логишин². 11 сентября 300-й Заславский полк снова поступил в распоряжение начальника 75-й пехотной дивизии и был размещён в местечке Логишин.

Наступление 298-го Мстиславского полка началось в очень сложных условиях, по «совершенно открытой» болотистой местности, под «почти продольным обстрелом» неприятельской батареи. Две попытки атаковать в дневное время укреплённые позиции противника южнее д. Ковнятин «не дали результатов». Было принято решение атаковать с наступлением темноты «по всему фронту одновременно» с 297-м Ковельским и 299-м Дубненским полками. Однако по занятии исходного положения оказалось, что «дубненцы оторвались и ушли далеко вправо от дороги Стошаны, Ковнятин». Командир сводного батальона 298-го полка капитан Злотницкий «вынужден» был «перевести две роты своего батальона» и 3-ю роту из резерва, чтобы закрыть разрыв. До 24 часов атаки соседнего Ковельского полка не последовало. Тогда командир 298-го Мстиславского полка приказал, не дожидаясь атаки последнего, сводному батальону атаковать с фронта, 3-му батальону – охватывая правый фланг противника. В течение 40 минут с криком «Ура!» атакующими одна за другой были взяты три линии окопов

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 24. Л. 107.

² Там же. Л. 107–108.

противника. Об этом сообщал в донесении штабу полка капитан Злотницкий с просьбой дать подкрепление для «дальнейшей атаки». По получении двух рот из резерва наступающими Ковнятин был взят, а в середине дня (10 сентября) противник «бежал» и из Логишина: по направлению к Перевозу двигались «колонны разных родов войск, а также обозы». 46-й Донской казачий полк «перерезал отступавшим дорогу», часть обозов была захвачена. По занятии Логишина 298-й полк получил приказ преследовать противника. При взятии Ковнятина и Логишина полк понёс потери: был ранен прапорщик Тушенюк, убито – 38 солдат, ранено – 173. Германцы отступили за Огинский канал, сожгли мосты и стали «закрепляться» на противоположном, правом берегу канала¹.

Таким образом, части 41-го германского корпуса в трёхдневном бою у д. Мокрая Дубрава потерпели поражение и были отброшены частями 31-го армейского корпуса за Огинский канал и р. Ясельда.

11 сентября командир 31-го армейского корпуса генерал П. И. Мищенко отдал приказ о выдвигании позиций корпуса к северу, на левый берег Огинского канала и р. Ясельда. Дивизии корпуса заняли позиции: от Озаричей до шлюза № 4 Огинского канала – 27-я пехотная дивизия, от шлюза № 4 до Перевоза – 75-я пехотная дивизия, далее от хутора Ясельда до Городища – 83-я пехотная дивизия. Начинался позиционный период войны. Общий фронт корпуса составлял до 50 км². Войскам было приказано «наблюдать и оборонять Огинский канал и р. Ясельда». Личный состав приводил в порядок себя и оружие, части пополнялись, занимались укреплением позиций, попеременно несли службу на позициях, обучались³.

Трагично сложилась ситуация в районе Гродно, который представлял собой старинную модернизированную, мощную

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 24. Л. 21–22.

² Меньчуков Е. А. Бои под Логишиным в 1915 году ... С. 60–61.

³ РГВИА. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 21–24 ; Ф. 2009. Оп. 1. Д. 24. Л. 108–111.

крепость, состоявшую из 13 фортов и 24 опорных пунктов и готовившуюся встретить врага упорной обороной. Однако по распоряжению главнокомандующего Севера-Западным фронтом крепость была низведена до обычной «армейской укрепленной позиции» с «минимальным числом орудий, необходимыми для оказания содействия полевым войскам». Комендант крепости генерал М. Н. Кайгородов оставил 12 орудий и 53 пулемёта, всё другое вооружение и интендантские запасы были переданы полевым войскам ближайших армий или эвакуированы. Гарнизон крепости к 16 августа состоял из 12 дружин государственного ополчения. Крепость «прикрывалась» частями 10-й и 1-й армий. Коменданту крепости в это время были подчинены также сводный Осовецкий корпус (командир генерал Н. А. Бржозовский) в составе 57-й и 3-й пехотных дивизий и 1-й армейский корпус (командир генерал А. А. Душкевич) в составе 22-й и 24-й дивизий и по его приказу вечером 16 августа заняли 20-километровые позиции по правому берегу Немана от местечка Перелом до д. Баля Сольная и передовые крепостные позиции на левом берегу (до 30 км). В процессе отхода с боями эти соединения были сильно обескровлены и насчитывали в общей сложности 32,5 тыс. штыков¹. В ночь с 16 на 17 августа противник «настойчиво атаковал» у Липска и занял его. Оборонявшая участок 28-я пехотная дивизия отступила, переправилась у д. Гожа на правый берег Немана и направилась на присоединение к своему 20-му корпусу. Передовые части противника, продвигаясь в направлении Гродно с северо-запада, заняли фольварок Святск, деревни Голынка и Богатыри. На фронте Гродненского отряда наступление германцев началось во второй половине дня 17 августа на позиции, занимаемые 1-м армейским корпусом. Потеснив его сторожевое охранение, они обстреляли из тяжелой артиллерии 4-й форт крепости, а с утра 18 августа, развернув значительные (до дивизии) силы, повели наступление

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 510. Л. 2.

и вынудили части 1-го корпуса отступить с передовой позиции у д. Рогачи на крепостной обвод. Это предредило падение 4-го форта.

Заняв Рогачёвскую позицию и установив на ней свою тяжёлую артиллерию, немцы стали наносить «фланкирующие» удары по форту, прилегающим к нему с юга укреплениям и всему тылу этого участка крепостного обвода. Начались ожесточённые бои. В результате штурма и нескольких атак немцы овладели фортом. С его захватом противник получил возможность бить по тылам защитников, нанося им огромные потери, и под натиском – заставить их отступить. Кровавопролитные бои продолжались на улицах города. Из-за слабости вооружения, просчётов командования, огромных потерь крепость пала. 21 августа. Гродно оккупировали германцы¹.

С захватом противником Гродно русские войска Северо-Западного фронта отходили дальше на восток. 3 августа Верховное главнокомандование русской армией на совещании в Волковыске с командованием Северо-Западного фронта, учитывая сложившееся положение (обширность охватываемого фронтом оперативного района, сложность стоявших перед ним задач, а также большое число входивших в его состав армий (5, 10, 12, 1, 2, 4, 3 и 13-я), приняли решение о разделе фронта на два – Северный (главнокомандующий генерал Н. В. Рузский) и Западный (главнокомандующий генерал М. В. Алексеев) с непосредственным подчинением каждого из них Верховному главнокомандующему (с августа 1915 г. – император Николай II).

Командование германских войск, узнав об этих организационных и в управлении переменах в русских войсках, распорядилось о немедленном проведении в районе Вильно операции с целью нанесения удара в стык фронтов, прикрытый конными отрядами генералов М. С. Тюлина

---

¹ Памяць: гіст-дакум. хроніка горада Гродна. Мінск : БелЭн, 1999. С. 211–212.

и Н. Н. Казнакова. Германские войска перешли в наступление 27 августа. Правофланговые части Нёманской армии, предприняв демонстративные действия для сковывания 5-й армии Северного фронта, заставили 3-й армейский корпус отходить к Двинску. Штаб 5-й армии, опасаясь за свой левый фланг, приказал конному отряду Н. Н. Казнакова отходить на северо-восток. Конный отряд М. С. Тюлина в течение суток отбивал атаки превосходящих сил противника, а затем начал отход на юго-восток. Таким образом, своим давлением на левый фланг Северного и правый фланг Западного фронтов немцам удалось обеспечить 60-километровый разрыв линии фронта.

В образовавшийся прорыв в направлении на юго-восток ринулся сконцентрированный германский конный корпус из четырёх дивизий под командованием генерала О. Гарнье, усиленный ещё двумя дивизиями. 1 сентября германцы заняли Вилейку и Сморгонь для разрушения железных дорог, затем – Молодечно. 6 сентября их передовые отряды достигли железнодорожной линии Минск – Смоленск и испортили путь в районе станции Смолевичи. Три железнодорожные магистрали оказались под ударами противника. В тылу русских войск 10-й армии нарастала паника. Германская кавалерия уничтожала склады, разгоняла учреждения и этапные батальоны. Для ликвидации прорыва русское командование в спешном порядке производило перегруппировку войск. Было оставлено Вильно. Войска Западного фронта отступили восточнее – на линию Олькеники, Радунь, Василишки, по р. Щара, до Добромысля, что позволило командованию выделить в резерв шесть корпусов для борьбы на угрожаемом направлении. Кроме того, в районе Молодечно высаживался 27-й армейский корпус, не успевший проследовать в Двинск из-за перехвата германской конницей железной дороги¹. Чтобы не допустить выхода противника в тыл всей Виленской группировке русских войск, по распоряжению Ставки 10, 1, 4 и 3-й армии Западного фронта

---

¹ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 325.

были отведены на более глубокую линию – Михалишки, Ошмяны, Новогрудок, Барановичи, оз. Выгоновское.

Соединения сосредотачивались для наступления в северном направлении с целью вытеснения германцев из прорыва и восстановления положения на стыке Западного и Северного фронтов. 5 сентября войска 2-й армии нового состава (36-й, 4-й Сибирский, 27-й и 14-й корпуса) повели наступление. 4-й Сибирский корпус выступил двумя колоннами на Крево и Боруны. По обнаружении наступления русских германцы бежали из Борунов в Сморгонь, оставив телефонный кабель и гурт скота. В начале наступления корпуса осложнялось тем, что его фланги были «открытыми», так как левофланговый 36-й армейский корпус ещё не успел подойти и «сведений о нём не имелось», а правофланговый 27-й корпус ещё был разбросан на железной дороге Кривичи – Молодечно – Лифиади. 14-й корпус отстал на два перехода. Кроме того, «из-за отсутствия конницы не была налажена разведка»¹.

К вечеру того же дня в штабе 4-го Сибирского корпуса стало известно, что 36-й корпус, овладев местечком Сола, развернул наступление на фронте Свиридовичи, Данюшево, что обезопасило левый фланг корпуса, а утром 6 сентября в состав корпуса вошла бригада генерала Бондарева, на которого была возложена задача «разведать в полосе движения корпуса (Заскевичи, Нарочь, оз. Нарочь, мест. Сморгонь, Нефёды, восточный берег оз. Свирь), а также поддержания связи с корпусной конницей соседних 27-го и 36-го корпусов»². 6 сентября наступление соединений 2-й армии развивалось более сосредоточенно и во взаимодействии. Дивизии 4-го Сибирского корпуса продвигались на линию деревень Шиловичи, Засковичи, Залесье, Оленец, Белков, Закошь, Богуши, Шутовичи, Бяла, Кунава. К вечеру того же дня дивизии 27-го армейского корпуса сосредоточились в районе Молодечно. 36-й армейский корпус левым флангом

---

¹ РГВИА. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 571. Л. 32.

² Там же. Л. 36.

подошёл к д. Липнишки. Его атака на Сморгонь не увенчалась успехом. 13-я кавалерийская дивизия, «тесня уходящих немцев», переправилась через р. Вилия и остановилась в районе Ордея – Гиры.

Для оказания содействия 36-му армейскому корпусу во взятии местечка Сморгонь командующий армией распорядился задействовать в этой дивизии 4-го Сибирского корпуса. В связи с этим 9-я Сибирская дивизия на 7 сентября получила задание, действуя с правым флангом 36-го корпуса, после артиллерийской подготовки атаковать противника в местечке Сморгонь с восточной стороны, выделив для этого достаточные силы, и охватить поселение с севера. 10-й Сибирской дивизии предписывалось, оставив небольшой заслон для обеспечения переправ у Мариамполя и Рудня, наступать за 9-й дивизией и перейти к д. Бяла в корпусной резерв, выслав разведчиков по правому берегу Вилии на путь отступления немцев у Перевоза.

С утра 7 сентября части корпуса приступили к выполнению поставленной задачи. 9-я Сибирская дивизия, наступая в направлении Сморгони, в середине дня заняла д. Клиденяты, взяв пленных и три пулемёта, «обратив немцев к беспорядочному бегству к Сморгони». 10-я Сибирская дивизия главными силами сосредоточилась у д. Бяла, имея часть войск у переправы у деревень Белков и Рудня. Одновременно бригада генерала Бондарева сосредотачивалась у д. Ордея, а 13-я кавалерийская бригада сдерживала попытки германцев наступать на деревни Новосёлки, Ковбея и Трилесино¹. В третьем часу того же дня 9-я Сибирская дивизия атаковала Сморгонь и в штыковом бою освободила местечко. Противник, оставив раненых, пулемёты и велосипеды, бежал к Перевозу, преследуемый артиллерийским огнём и стрелками 9-й дивизии. Удачным попаданием мост у Перевоза был разрушен, противник не смог переправиться и понёс огромные потери. За день (7 сентября) только 9-я Сибирская дивизия взяла в плен 5 офицеров, 950 солдат

---

¹ РГВИА. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 571. Л. 33–34.

и большие трофеи: 40 велосипедов, 7 телефонных станций, более 150 ружей и 27 лошадей¹. Дивизии 4-го Сибирского корпуса заняли позиции от Перевоза по линии деревень Хрипачи, Ордея, Ручица, Ягодково, Ганута, Ковбея и Трилесино.

Германцы наращивали силы, подтягивали тяжёлую артиллерию, оказывали упорное сопротивление. В конце дня 7 сентября они повели наступление против левого фланга соседнего 36-го армейского корпуса и оттеснили 25-ю дивизию на линию деревень Рыбаки, Язэп. Упорное сопротивление противник оказывал войскам 27-го армейского корпуса, наступавшим от Молодечно, «сильно отставших и потерявших связь» с 4-м Сибирским корпусом. Вечером 10 сентября части 27-го корпуса получили новый приказ – продолжать наступление в направлении Вишневого и Нарочанского озёр. Однако их атаки на неприятельские позиции в районе д. Порса не удались. Успеху помешали стойкое сопротивление немцев и природные условия – непроходимые болота².

Упорные бои продолжались в последующие дни. С утра 10 сентября части 4-го Сибирского корпуса пошли в наступление на фронте деревень Принта, Уляны, Кулеши, Кули. 10-я Сибирская дивизия (40-й полк) штыковым ударом выбила противника из д. Мацевичи, захватив 48 пленных. Во второй половине дня немцы повели наступление на части 36-го армейского корпуса на правом берегу р. Вилия и против левого фланга 9-й Сибирской дивизии. При поддержке артиллерийского огня 9-й артиллерийской бригады атака была отбита. К вечеру части 36-го корпуса остановились на линии деревень Кузьмишки, Мацевичи, Залесье, Уляны, Кулеши, Холмы, Черняты. В этот же день 27-й армейский корпус с 45-й дивизией освободили Вилейку³.

11 сентября наступление войск 2-й армии продолжалось. 4-й Сибирский корпус «крайне медленно» продвигался

¹ РГВИА. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 571. Л. 34.

² Там же. Л. 36.

³ Памяць: гіст.-дакум. хроніка Вiлейскага раёна. Мiнск : БЕЛТА, 2003. С. 166.

в полосе населённых пунктов Нарочь, Колотко, Плижаны по причине малочисленности (6000 штыков на 18 вёрст фронта) и сильного сопротивления немцев, переходивших в контратаки. Благодаря упорству стрелков 36-го Сибирского полка в штыковом бою была взята д. Остров. Во время боя погиб капитан Добровольский, первым ворвавшийся во главе батальона в деревню. На участке фронта 27-го корпуса эскадрон гусар Литовского полка совместно с разведчиками 302-го Суражского полка атаковали и освободили д. Скоповище. Для «энергичного развития» наступления частей 4-го Сибирского корпуса в его состав вошла бригада (98-й и 100-й полки) 25-й пехотной дивизии и перешла в распоряжение начальника 10-й Сибирской дивизии генерала Елчанинова.

К вечеру 19 сентября войска 4-го Сибирского и 27-го армейского корпусов вытеснили противника к озёрам Нарочь и Вишневское. Чтобы обеспечить тыл от ударов немцев, занимавших позиции на западном берегу р. Спяглица, и содействовать решительному наступлению 4-го Сибирского корпуса, командование отдало распоряжение 20 сентября атаковать противника на фронте Абрамовщина – Новосёлки тремя полками 29-й пехотной дивизии, а на линии от Боровых на Свенту – двумя полками 76-й пехотной дивизии. Одновременно пошли в наступление части 4-го Сибирского корпуса. Из-за сильного огня германцев и открытой местности наступление продвигалось очень медленно. За день, например, части 104-й дивизии продвинулись ползком всего на 600 шагов. Полкам 29-й и 76-й пехотных дивизий к вечеру удалось очистить от противника восточный берег р. Спяглица и переправиться на западный по линии деревень Абрамовщина – Новосады.

В целом, наступление войск 2-й армии развивалось в сложных условиях и очень медленно. Противник на р. Вилия оказывал упорное сопротивление. Для скорейшего прикрытия направления на Полоцк и Дисну и установления прочной связи между Западным и Северным фронтами Верховное командование приняло решение развернуть на Полоцком

направлении 1-ю армию нового состава (20-й и 1-й армейские и 1-й Сибирский корпуса)¹.

Важную роль в период операции по ликвидации Свенцянского прорыва сыграла конница. С целью облегчения маневра 2-й армии командование приняло решение сосредоточить на её правом фланге всю кавалерию. Сюда 6 сентября форсированным маршем направился 1-й конный корпус генерала В. А. Орановского, чтобы, следуя на Молодечно и Кривичи, отбросить германскую конницу к западу, прикрыть железную дорогу Вилейка – Полоцк и восстановить связь с 5-й армией Северного фронта. Корпусу предстояло развить самые активные действия в тыл противника на линии р. Виляя в сторону Двинска с целью вытеснения его в район озёр Нарочь и Свирь и местечка Поставы. В подчинение Орановского поступил также сводный корпус генерала Н. Е. Туманова (6-я и 13-я кавалерийские дивизии)².

Одновременно на полоцком направлении создавался сильный конный отряд генерала А. С. Потапова, в который влилась прибывшая в Полоцк 7 сентября с Юго-Западного фронта 3-я Донская казачья дивизия. Отряду была поставлена задача прикрыть подступы на участке Дрисса – Полоцк. Участок Дрисса – Дисна должен был обеспечить кавалерийский отряд генерала Н. Н. Казнакова.

8 сентября конные отряды приступили к активным действиям в пространстве между флангами Западного и Северного фронтов. Их объединёнными усилиями германская кавалерия была вытеснена к западу от местечка Поставы. Отряды вошли в соприкосновение между собой. Была восстановлена связь между флангами двух фронтов. Прорыв был ликвидирован. Фронт стабилизировался по линии от Рижского залива до устья Дуная. На территории Беларуси – по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск.

Таким образом, в связи с переходом стратегической инициативы в руки противника и переносом последним главного

---

¹ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 271.

² Там же.

театра военных действий на восток, против русских войск, с целью окружения и разгрома их главных сил, Верховное командование русской армии, чтобы избежать катастрофы, приняло решение глубокого отвода войск из-под ударов противника. Отступление русских войск осуществлялось планомерно, с арьергардными боями. В боях принимали участие 75-я и 76-я пехотные дивизии, сформированные в белорусских землях в дни мобилизации 1914 г. В пределы белорусских земель активные военные действия 1915 г. переместились в начале августа и завершились в двадцатых числах сентября ликвидацией Свенцянского прорыва германских войск и стабилизацией линии фронта. Противоборствующие стороны, понёсшие большие потери, перешли к долговременной обороне. Белорусские земли стали одним из театров военных действий Первой мировой войны.

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ В ИЮНЕ–НОЯБРЕ 1915 г.

Весной 1915 г. военные действия развернулись с новой силой. Для германских войск в соответствии со стратегическим планом их Генерального штаба главный театр военных действий был перенесён на Восточный фронт против русских войск. Установив острую нехватку у русских всех видов артиллерийских снарядов, слабость тяжёлой артиллерии, германское командование приступило к подготовке и проведению широкомасштабного и длительного наступления, ближайшей целью которого было нанесение удара мощной группировкой немецких войск между Вислой и Карпатами.

Русская Ставка Верховного главнокомандования разгадала замысел противника. Ещё 8 февраля её начальник штаба генерал Н. Н. Янушкевич телеграфировал главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу Н. И. Иванову о том, что «германцы решили, по-видимому, проводить в жизнь новый план, цель которого – давление на фланги нашего растянутого по огромной дуге фронта». Признавая слабость сил на левом берегу Вислы для противодействия плану противника, Н. Н. Янушкевич видел «единственный способ – за счёт войск левого берега Вислы усилить наше расположение на правом берегу Вислы и в Карпатах»¹. Ослабленным «до крайнего предела» войскам левого берега Вислы отводилась роль по прикрытию флангов русских войск на Бобр – Нареве и в Галиции.

По причине военно-технической отсталости русские войска Юго-Западного фронта не удержали обороны в районе

---

¹ Цит. по: История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. С. 28.

Горлице в развязанной германскими войсками Горлицкой операции (19 апреля – 9 июня) и вынуждены были оставить ранее занятые Перемышль и Львов. Оставление Галиции серьёзно ухудшило стратегическое положение русских армий, действовавших в Польше. Германское командование замышляло план окружения и разгрома этих войск. Разгадав замысел противника, русское командование приняло решение осуществить глубокий стратегический отход главной группировки войск из центральных районов Польши, занимавших положение, которое охватывалось противником с двух сторон: с севера – 12-я и 8-я германские, с юга – 11-я германская и 4-я австро-венгерская армии, развивавшие наступление с целью окружения русских войск¹.

Оставление левобережья р. Висла было настолько быстрым, что войска, не задерживаясь даже на заблаговременно хорошо подготовленных укреплениях у г. Козенице, следовали дальше. С ними ушли полиция и уездный воинский начальник, не предупредив об отступлении население, казначейство и почту². 8 июня начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич «секретно» телеграфировал начальнику снабжений армий Северо-Западного фронта генералу Н. А. Данилову в г. Седлец: «Изменение обстановки требует обсудить заблаговременно, планомерно и подробно вопросы эвакуации Варшавы. Убрать оттуда пригодные в “военном отношении” запасы промышленности, заводов и мастерских; иностранных и, может быть, отчасти своих подданных, возраста военно-обязанных от 18 до 50 лет; госпиталей, семейств служащих, ценностей и т. д.». В заключение начальник штаба выяснял: «Не признаете ли своевременным... наметить основные данные, предоставив разработку и приведение в исполнение Варшавскому генерал-губернатору?»³

---

¹ См.: История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. С. 39–40.

² Никольский Е. А. Записки о прошлом. М. : Рус. путь, 2007. С. 206.

³ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 23.

Из ответа генерала Н. А. Данилова следует, что по осуществлению выше перечисленного им были «уже приняты меры... Эвакуация [же] семейств служащих и обсуждение вопроса об эвакуации иностранных подданных, а равно некоторых военнообязанных русских» им было возложено на генерал-губернатора¹.

Следовательно, в начале отступления вопрос о выселении и эвакуации всех жителей ещё не стоял. Эвакуировали только всех больных и раненых, за исключением «тех, кому перевозка угрожает смертью, и выздоравливающих от отравления газами». Хотя Верховное главнокомандование русской армии ещё в апреле, во время Горлицкой операции, отдало войскам распоряжение при отступлении в широких масштабах проводить разрушение важных объектов: мостов, железнодорожного полотна, станционных сооружений; угон подвижного состава, вывоз интендантских грузов и другого имущества, чтобы замедлить продвижение противника. При невозможности вывезти – уничтожить.

При отступлении из пределов левобережной Польши эти меры стали применяться и здесь, причём в более широких масштабах, вылившись в проведение тактики «выжженной земли». Население добровольно и насильственно военными и гражданскими властями выселялось, его имущество и посеы уничтожались, лошади и крупный рогатый скот реквизировались. «Благоволите распоряжением при отступлении заблаговременно все средства, особенно железнодорожные, интенсивно вывозить в тыл, уничтожать посеы косьбой или иным путем. Мужское население, кроме жидов, возраста военнообязанных удалять в тыл, дабы не оставлять в руках противника. Все запасы скота, хлеба, фуража, лошадей обязательно вывозить. Легче будет вновь снабдить население при нашем наступлении, но не оставлять противнику, который всё равно отберет. По возможности все рельсовые пути свёртывать, увозить в тыл, а не ограничиваться местной порчей путей; мосты, водокачки взрывать

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 27.

окончательно, где возможно взрывать плотины», – «секретно» по прямому проводу 16 июня 1915 г. в г. Седлец приказывал из Ставки начальник штаба генерал Н. Н. Янушкевич начальнику снабжений армий Северо-Западного фронта генералу Н. А. Данилову¹.

Естественно, всё это вызвало возмущение и недовольство среди населения. «Об уничтожении целых селений на некоторых корпусных участках, о бессистемности эвакуационных распоряжений, о неправильно создавшемся, видимо, у населения и войск понятии, что это меры репрессии, уничтожение частного имущества без оценки и права сохранения его владельцем порождает уныние, озлобление, смуту», – доложили Верховному главнокомандующему прибывшие в Ставку гофмейстер А. Б. Нейдгарт и флигель-адъютант граф А. С. Велепольский².

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич потребовал от всех генерал-губернаторов, главнокомандующих фронтами и командующих армиями «всё это немедленно прекратить» и приказал «при уничтожении имущества жителей (селений, отдельных дворов, посевов) уничтожать только то, что необходимо по военным требованиям – закрывает обстрел». При этом «составлять акты, дабы население могло получить соответствующее вознаграждение», как и за уничтоженные посева; чтобы население не было «срывается со своих мест поголовно», а только военнообязанные мужчины от 18 до 45 лет, которых привлекать к работам с организацией их довольствия. Остающееся на местах население должно быть обеспечено запасами продовольствия. К выполнению этих мер Верховный главнокомандующий требовал «широко привлечь все без исключения гражданские власти», которые «должны работать не покладая рук», чтобы внести «успокоение» в население, «порядок в передвижении тех, которые добровольно

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.

² Там же. Л. 56.

покидают свои места, и направлять их в строго определённые районы, не загромождая тыла армий»¹.

В заключение он потребовал «немедленно, самими решительными мерами прекратить самовольное уничтожение войсками имущества жителей». Верховный главнокомандующий к тому же ещё был обеспокоен и тем, что «если это не будет поставлено всеми начальниками в святую для себя обязанность, то падение воинской дисциплины неизбежно».

Однако «процесс пошёл», и не только остановить, но даже упорядочить его было уже непросто. Тем более что, доводя до вверенных им войск приказы и распоряжения Верховного главнокомандования, командующие армиями, командиры корпусов, начальники дивизий нередко делали свои дополнения, ещё более расширяя область применения разрушительных мер, внося путаницу и «разное понимание» в войсках приказов Верховного. Об этом, например, сообщал командующему 10-й армией генералу Е. А. Радкевичу (по приказу главнокомандующего) генерал Н. А. Данилов, в очередной раз доводя содержание и порядок проведения реквизиций, эвакуации и вывоза имущества, уничтожения посевов².

Искажения отданного Верховным главнокомандующим распоряжения допускали и гражданские власти. Как сообщалось в Ставку, варшавский губернатор «вопреки распоряжения» предписал своим приказом начальнику Гроецкого уезда «обязать всех землевладельцев приступить к уничтожению всех своих посевов». В результате войты гмин потребовали от владельцев имений выкашивания посевов, картофеля и свёклы³. «Приказы об истреблении посевов, выселении жителей, вознаграждении за убытки отдаются начальниками уездов, местными или командированными солтысами в большинстве случаев устно, словесно, те в свою

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 56.

² Там же. Л. 7.

³ Там же.

очередь устно передают их владельцам и крестьянам. Вследствие этого приказы обогащаются по пути угрозами, вводят в недоумение, порождают панику, становятся безусловно несогласными с объявлением губернатора населению. Во всей практике царит хаос, причиняющий колоссальные материальные и нравственные жертвы. Из целой массы имеющихся у нас фактов и жалоб мы избрали лишь для представления проверенные нами. Общее их число и содержание наполняет чувством полной безотрадности и опасения за нравственную устойчивость и экономическое сопротивление населения в случае занятия страны на более продолжительное время», – сообщал в Ставку граф А. С. Замойский¹.

26 июня Верховный главнокомандующий отдал приказ № 523, в котором, констатируя дошедшие до него сведения о действиях отступающих войск по отношению к местному населению и его имуществу, выражавшихся «в различного рода насилиях, истреблении строений, лесов и других насаждений», отмечая, что «подобные явления в корне противоречат тем указаниям и распоряжениям, которые были одновременно отданы» им, требовал от «строевого начальства неуклонного и беззамедлительного принятия мер к прекращению по отношению местного населения и его имущества насилий»; допускал «уничтожение имущества лишь в случаях, когда это вызывается требованиями боевой обстановки и вообще военными целями и притом по распоряжению соответствующего строевого начальства». Ответственность за неисполнение приказа возлагал «на начальников отдельных частей», которым предписывал за «совершение означенных преступлений немедленно привлечь к законной ответственности... в самом высшем раз- мере, до смертной казни включительно»².

Вынужденное под давлением и ударами превосходившего в военной технике противника отступление ожесточало

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 129.

² Там же. Л. 28.

войска. Попытки Верховного командования и главнокомандующих фронтами сдерживать войска от разрушительных действий своими расплывчатыми распоряжениями и приказами не имели успеха. В Ставку Верховного главнокомандующего потоком шли обращения и письма от владельцев имений, священнослужителей и общественных организаций с сообщениями о продолжавшихся поголовных выселениях жителей, сжигании деревень, усадеб, дворцов, уничтожении имущества. «Помимо объявленного во всеобщее сведение приказа Вашего Императорского Высочества... отходящие на новые позиции войска в Плонском и Плоцком, а по полученным сейчас данным в Блонском, Сухачевском и Гроецком уездах продолжают срывать поголовно с мест население, применяя меры насилия, уничтожают или отбирают всё имущество, не составляя актов и не выдавая реквизиционных квитанций, сплошь выжигают деревни, фольварки, костёлы», – сообщал Верховному главнокомандующему 5 июля из Варшавы председатель исполнительной комиссии Центрального обывательского комитета Святополк-Четвертинский и просил «поддержать веру в населении, что приказания Ваши святы, и спасти население от отчаяния и смуты... Не допустить дабы... могли продолжаться беспощадно разрушительные действия отходящих войск»¹.

О неисполнении отданного войскам приказа, о том, что «с полной беспощадностью сжигаются деревни и посадки на громадных пространствах целых уездов, уничтожается имущество жителей, вытесняемое из своих хат обезумевшее от испуга население бежит куда глаза глядят», – сообщал Верховному архиепископ Варшавский Александр (Каковский). Он также просил «внять рвущемуся из удручённого сердца воплю народа! Спаси!»² Бежавшая в Люблин графиня Ядвига Полетыло сообщала, как, по её мнению, «без видимой надобности, вызванной военными действиями, сожжены

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 70.

² Там же. Л. 85.

казаками в [её] имении Красничин Красноставского уезда все фольварочные здания, дома прислуги с их имуществом и [её] шестнадцатикомнатный дом» и просила «содействие»¹.

Целый ряд обращений был упреждающего характера. С «ходатайством приказать войскам в случае отступления не уничтожать дворца и здания Яблонны, имеющий историческое значение как памятник польской культуры», обращался от имени графини Евгении Потоцкой член Центрального и Варшавского обывательского комитета Г. Кониц. Такое же ходатайство поступило в Ставку от уполномоченного имения Виллянов К. Браницкого. Просьбы были удовлетворены: войскам «подтвердили необходимость исполнения приказа Верховного главнокомандующего»². С просьбой приказать командиру корпуса «оставить медные и бронзовые вещи, составляющие историческую память, и предметы роскоши» обратился к Верховному главнокомандующему владеец имения Козлувка Любартовского уезда граф А. Замоиский. Верховным было разрешено³.

В Ставке Верховного главнокомандующего с целью упорядочить вопрос эвакуации 23 июня состоялось «Особое совещание о мерах при очищении войсками некоторых местностей Северо- и Юго-Западного фронтов» под председательством начальника штаба генерала Н. Н. Янушкевича с участием начальников снабжений армий этих фронтов генералов Н. А. Данилова и А. А. Маврина, варшавского генерал-губернатора генерала князя П. Н. Енгальчева, дежурного генерала при Верховном главнокомандующем генерала П. К. Кондзеровского и начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем генерала С. А. Ронжина. При обсуждении применяемых мер совещание признало желательным установить порядок выселения населения, уничтожения имущества и реквизиций.

Обязательному выселению в «местности вне театра войны» за свой счёт подлежали немцы-колонисты, за исключе-

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 81.

² Там же. Л. 98–100.

³ Там же. Л. 104, 105.

нием «благонадёжных жён и матерей с детьми колонистов, состоящих на службе в действующей армии».

Польскому населению как Варшавского генерал-губернаторства, так и других местностей при «желании оставить место постоянного жительства» должно было оказываться «возможное содействие» в этом, предоставляться бесплатный проезд по железным дорогам до мест водворения, определяемых министром внутренних дел; по пути следования распоряжением военных властей должны были устраиваться питательные пункты и этапы.

Совещание считало желательным «возложить» на МВД и ведомства земледелия и землеустройства, торговли и промышленности «попечение о предоставлении беженцам заработка и дальнейшее их отправление через распределительные комитеты при участии земских и городских общественных организаций и обществ и представителей промышленности».

На совещании был установлен порядок уничтожения имущества и посевов. Разрушению и уничтожению, по распоряжению военных властей, подлежали только те «строения и леса, необходимость истребления которых вызывалась условиями боевой обстановки»¹. За скошенные и уничтоженные посевы устанавливалась оплата их владельцу в размере 25 % от полной стоимости. Выплата оставшейся суммы предполагалась «по возвращении властей на место», то есть после освобождения местности от неприятеля. Учреждалась процедура оценки понесённого владельцем ущерба.

Реквизиция у населения продовольствия, лошадей, другого скота и перевозочных средств вводилась «обязательно платная и с немедленной выдачей вознаграждения в порядке, устанавливаемом подлежащим командующим армией». При реквизиции продовольственных продуктов нового урожая должны были «отбирать весь излишек» их «сверх годовой потребности населения». Однако «в местностях, угрожаемых

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 13–14.

нашествием неприятеля», населению оставлялось «не свыше нормы месячного потребления».

При реквизиции и вывозе машин, станков, заводского оборудования и материалов первоочередная роль отводилась предметам, которые имели «военное значение». Последнее должны были определять специально созданные комиссии с участием назначенных военными властями специалистов или «приглашённых за особое вознаграждение частных техников»¹.

Тем временем отвод русских войск продолжался. Были оставлены крепости Осовец, Новогеоргиевск, эвакуировалась Варшава. «Эвакуация гражданских учреждений закончена... Остаются моё управление, почта, телеграф, магистрат, полиция. Продолжается вывоз заводов, полностью признанных необходимыми для государственной обороны», – сообщал в Ставку князь П. Н. Енгальчев². 23 июля была оставлена Варшава. Полиция эвакуировалась в Старые Дороги, Оршу и Гомель; временный отдел прокуратурии и прокуратурия Царства Польского – в Витебск; Варшавское железнодорожное почтовое отделение – в Минск, Гомель и Полоцк; Варшавский Центральный обывательский комитет и 2-й Варшавский сводный полевой запасной госпиталь – в Рогачёв³. Варшавская казённая палата с подведомственными 12 казначействами вывозилась в Минск⁴.

Фронт приближался к границам белорусских губерний. 4 августа начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего сообщал в Слоним генералу Н. А. Данилову: «Центральный Военно-промышленный комитет ходатайствует приступить теперь же к вывозу станков, заводского оборудования, рабочих Белостока, Двинска, Вильно».

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

² Там же. Л. 90.

³ Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и должностных лицах. Петроград, 1916. С. 12, 13, 15.

⁴ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 107.

Давая своё согласие, Ставка одновременно сообщала об этом военному министру генералу М. А. Беляеву¹.

В пределы белорусских губерний отступали войска 2,10 и 1-й армий (по линии большей части Гродненской и Виленской губерний), 3-й и 4-й армий (южная часть Гродненской губернии) и 5-й армии (западная часть Витебской губернии). Распоряжения командования о подготовке этих мест к эвакуации были отданы ещё в середине июня 1915 г. Так, начальник штаба 10-й армии 14 июня, сообщая командиру 26-го армейского корпуса о том, что при отступлении войск «в Риго-Шавельском районе... вследствие неподготовленности населения к неожиданному вторжению неприятеля, жители были вынуждены при поспешном уходе в глубь страны оставлять неприятелю имущество, лошадей, скот, запасы продовольствия и фуража», распорядился, чтобы «при часто меняющейся обстановке на войне все жители Гродненской, Сувалкской и Виленской губерний должны быть подготовлены к временному оставлению своих постоянных мест жительства настолько, чтобы своевременно извещённые они могли в один-два дня выехать в глубь страны, забрав с собой всё им необходимое»².

Далее он сообщал: «Чтобы оставляемое жителями имущество и запасы не попадали в руки неприятеля, командующий армией приказал заблаговременно оценить имущество и запасы населения особыми комиссиями, чтобы в случае ухода жителей можно было своевременно реквизировать их за плату для надобностей наших войск».

«Ввиду изложенного, – продолжал начштаба, – командующий армией приказал: теперь же предложить жителям к северу и западу от линии Штабин – Глембокий Брод (Глубокий Брод. – М. С.) – Краснополь – Пунск... выселиться за Неман, забрав с собой лошадей, скот и всё, что возможно, из имущества. Оставляемые жителями запасы продовольствия и фуража, а также находящийся на корню хлеб, овёс

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 166, 167.

² Там же. Л. 6.

и сено теперь же реквизируют для надобности расположенных вблизи войск», предварительно оценив специально созданными в районе дивизий комиссиями, составив акты, согласно которым «деньги населению войска должны уплачивать немедленно».

В остальном тыловом районе 10-й армии (восточнее и южнее названной линии) командирующим армией предписывалось «командирам корпусов при помощи гражданских властей подготовить жителей к выселению внутрь страны по первому требованию. Для этого теперь же произвести комиссиями оценку запасов продовольствия и фуража, посевов, скота, лошадей». Однако, «реквизиций отнюдь не производить до распоряжения о выселении. Настоятельно необходимо посевов на корню в этом районе пока не трогать, дав возможность жителям, если позволят обстоятельства, убрать и быстро обмолотить посевы и тогда урожай реквизируют»¹.

Далее в распоряжении командующего армией говорилось о порядке эвакуации технических средств и изделий из цветных металлов: «Теперь же немедленно приступить во всём районе армии к вывозу станков, машин и всякого рода медных изделий со всех бездействующих фабрик и заводов». Для оценки стоимости и пригодности для военных целей эвакуируемого также предписывалось создание «особых» комиссий в составе офицера от корпуса, уездного начальника или представителя от гражданских властей (по назначению губернатора), специалиста по оценке станков и машин и двух понятых от местного населения, а в городах – от городского управления.

По завершении работ оценочных комиссий и выдачи владельцам квитанций станки, машины и медь предписывалось «по распоряжению корпусных комендантов немедленно вывезти на ближайший этап для отправки в Москву в распоряжение штаба округа».

---

¹ РГВИА. Ф. 2394. Оп. 3. Д. 20. Л. 5, 7.

Предусматривалось в случае, когда военные обстоятельства могли заставить войска отходить из занимаемых районов ранее полного завершения вывоза и эвакуации технических средств и имущества, уничтожать «всё находящееся в районах расположения и по пути следования войск, дабы не оставлять неприятелю имущества, скота и запасов, а также железнодорожных путей, сооружений и мостов»¹.

Однако с отступлением войск к пределам Гродненской губернии требования военных властей в вопросах выселения жителей, реквизиций и уничтожения имущества несколько изменились. 28 июня командующий 10-й армией приказал подведомственным соединениям «в полосе боевых действий выселение окончить», в «дальнейшем поощрять лишь добровольное»; «немедленно скосить посевы... для чего привлечь местных жителей», о потребном «количестве рабочих снести с губернатором». 19 июля главнокомандующий фронтом сообщал, что он «категорически запрещает удалять население из оставляемых районов и уничтожать строения и имущество жителей, если это не вызывается условиями боя». Руководствуясь этим, командующий 10-й армией в свою очередь «приказал прекратить выселение жителей, а при уничтожении строений и усадеб строго руководствоваться» приказом главнокомандующего фронтом.

16 июля 1915 г. начальник штаба 10-й армии под грифами «Спешно», «Секретно» препровождал командирам корпусов для руководства сводку «разновременного последовавших распоряжений о производстве реквизиций, уничтожении и вывозе частного имущества на случай оставления местностей, входящих в состав 10-й армии».

В документе кроме ранее объявленного конкретизировалось, что реквизиции подлежали «медь в виде лома и медные изделия, кроме церковных колоколов, медной утвари, медной посуды и мелких предметов домашнего обихода и произведений искусства»; медные части машин, не поддающихся вывозу; олово, свинец, цинк, алюминий и изделия

---

¹ РГВИА. Ф. 2394. Оп. 3. Д. 20. Л. 30.

из этих металлов. Это имущество и цветные металлы подлежали вывозу в Петроградский артиллерийский склад.

Реквизировались хлопок, запасы льна, мешки (кроме необходимых для повседневного обихода), шерсть, шерстяная пряжа, сукно, кожа, приводные ремни, сахар. Перечисленное (кроме хлопка) подлежало отправке в Московский вещевой интендантский склад; хлопок – в Московский артиллерийский склад.

Реквизированный скот (кроме племенного) предписывалось направлять на пополнение армейских гуртов. Излишек скота и лошадей (в конские запасы) – в Вильно. Рабочие лошади с повозками направлялись на «пополнение некомплекта обозов и транспортов». Племенной скот подлежал «приобретению Главным управлением землеустройства и земледелия».

Запасы продовольствия и сахар рекомендовалось «прежде всего обращать на пополнение корпусных расходных магазинов», а излишки «отправлять в Виленский расходный магазин»¹.

В документе констатировалось, что главнокомандующий фронтом «категорически воспретил уничтожать церкви, костёлы, дворцы, замки и другие исторические памятники». Казённые запасы спирта подлежали вывозу, при невозможности вывезти – уничтожению. Частные запасы спирта оставались владельцам.

Колокола церквей и костёлов с наклейкой о принадлежности предписывалось вывозить в «Двинский или Бобруйский артиллерийские склады, а по окончании войны вернуть по принадлежности»². После 21 июля снятые колокола надлежало отправлять в Московский артиллерийский склад³.

20 июля войскам Северо-Западного фронта сообщалось «для сведения», что «Главномкомандующий приказал прекратить совершенно выселение жителей и впредь не выселять

¹ РГВИА. Ф. 2394. Оп. 3. Д. 24. Л. 33–34.

² Там же.

³ Там же. Л. 58.

принудительно даже при отходе войск»¹. С 23 июля не подлежали удалению в тыл и мужчины в возрасте от 18 до 45 лет.

К концу июля район боевых действий достиг линии Карповичи – Штабин – Глембокий Брод – Сейны – Премы – Олита – Кошедары – Ширвинты. Командованием отступавших войск 10-й армии было приказано реквизиционной комиссии «производить реквизиции только взрослого рогатого скота теперь же... Невыселившимся жителям оставлять по одной голове скота на семью, который реквизируют дополнительно при самом оставлении местности»². В то же время севернее, в районе отступления войск 3-го армейского корпуса, входившего в состав 5-й армии, по приказанию её командующего производилась «поголовная реквизиция скота». Вследствие этого оказалось скопление большого поголовья овец и свиней. Несмотря на трудности, связанные с уходом за ними, командование предписывало не отказываться от приёма этих животных и «теперь же их израсходовать вместо рогатого скота, иначе казна понесет крупные убытки»³.

Посевы и покосы, которые не успели убрать и реквизировать, предписывалось уничтожать, выдавая владельцам удостоверения за подписью войта и двух понятых и заверенные печатью гмины. В документе должны были оговариваться размер уничтоженной площади и разряд её ценности (плохой, средний, высокий). С этой целью уездными исправниками Гродненской губернии были составлены сведения о «существующих справочных ценах на посевы, покосы и скот» по уездам, которые были представлены в реквизиционную комиссию для руководства⁴. Полученные владельцами удостоверения должны были обмениваться в уездных управлениях на реквизиционные квитанции с указанием суммы понесённого убытка, «установленной командующим

---

¹ РГВИА. Ф. 2394. Оп. 3. Д. 24. Л. 40.

² Там же. Д. 24. Л. 64.

³ Там же. Д. 1206. Л. 12.

⁴ Там же. Д. 20. Л. 55–56.

армией в приказе». Оплата квитанций производилась в полевых и уездных казначействах в размере 25 % от суммы убытка.

При поспешном отводе войск властям не всегда удавалось планомерное и до конца проведение реквизиционных мероприятий. Имели место нарушения правил. Командование признавало, что «при реквизиции у местного населения различных припасов войсковые части выдавали квитанции, по которым из-за несоблюдения установленных правил» владельцам не представлялось «возможным получить стоимость реквизированного», и потребовало от войсковых начальников «обратить самое серьёзное внимание на необходимость в будущем совершенно устранить подобные явления». Войскам же «разъяснять, что русская армия не может допускать, чтобы страдавшее и без того от войны население не получало бы вознаграждение за убытки, которые терпит, лишаясь принадлежащего ему имущества»¹.

На этот случай командование распорядилось земледельческие машины отправлять в Москву и Орёл с обозначением имени и владельца, где будет производиться стоимостная оценка машины и денежная выплата направленному туда владельцу².

Верховное командование приказало коменданту Брест-Литовской крепости генералу В. А. Лаймингу утром 8 августа 1915 г. начать эвакуацию. На эвакуацию было отведено трое суток и проводилась она в сложных условиях, под давлением наступающих германских и австро-венгерских войск. К 12 августа были вывезены около 1900 артиллерийских орудий, снаряды. Однако из-за недостатка железнодорожных составов всё военное имущество крепости вывезти не удалось. Часть чёрного пороха была затоплена в р. Мухавец, а вещевой склад сожжён. По данным крепостного интендантства было уничтожено около 300 тыс. пудов ржи

---

¹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 1206. Л. 16.

² Там же. Л. 119.

и пшеницы, около 280 тыс. пудов муки, около 70 тыс. пудов крупы, 100 тыс. пудов сена, 700 тыс. порций консервов¹.

Эвакуация жителей проходила несколько дней, в основном на подводах и пешим порядком в восточные белорусские губернии и в глубь России.

Крепостные сооружения и здания в центре города были взорваны или сожжены. Всего было уничтожено примерно три четверти городских построек².

Под давлением и ударами противника проводилась эвакуация Гродно. Телеграммой главнокомандующего Северо-Западным фронтом, полученной в крепости 7 августа, приказано было считать Гродно сильно укрепленным участком общей армейской позиции на Немане и на линии Гродно – Брест и тут же «указывалось начать эвакуацию запасов Гродно, оставив из артиллерийского вооружения лишь необходимые для упорной обороны...»³ Были вывезены все орудия и снаряды, всё наиболее ценное инженерное и интендантское имущество. Не успели вывезти 550 тыс. пудов муки и крупы, 60 тыс. пудов гороха, 40 тыс. пудов овса и ячменя, 94 тыс. пудов сена, 500 тыс. пудов цемента. В ночь с 20 на 21 августа русские войска оставили Гродно, взорвав форты крепости и уничтожив имущество⁴.

Оставив крепости и города Брест-Литовск и Гродно, русские войска под ударами германской тяжёлой артиллерии поспешно отходили на территорию белорусских земель, не всегда давая арьергардные бои. Так, из записей в журнале военных действий штаба 4-го Сибирского корпуса 4-й армии видно, что входившие в его состав части в течение июля–августа оставляли одну позицию за другой: «21 августа...

¹ Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска : у 2 кн. Мінск : БелТА, 1997. Кн. 1. С. 218 ; Бобков А. М. Эвакуация промышленности Беларуси в годы Первой мировой войны // Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дзялёгу цывілізацый». Мінск, 2001. С. 135.

² Брест. На перекрестке дорог и эпох: 1019–2009. Брест : Полиграфика, 2009. С. 117.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 510. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 6.

противник около полудня подошел к д. Редейки и открыл огонь из тяжёлой артиллерии по 41-му полку... Под прикрытием огня противник в течение двух часов накапливался перед фронтом 10-й дивизии в лесах... Продолжительным обстрелом тяжёлой артиллерией немцам удалось разрушить часть окопов 37-го и 38-го полков, но наступление на д. Зубатовщизну было отбито. Вечером получена директива о дальнейшем отходе армии... в район пос. Пески, куда должна прибыть и 9-я Сибирская дивизия, действовавшая в районе Волковыска»¹.

Противник действовал уверенно и нередко безнаказанно. «К ночи 27 августа левый берег р. Зельвянки был очищен нашими войсками, – записано далее в журнале военных действий. – С утра на левом берегу р. Зельвянки начались передвижения неприятельской пехоты открыто и безнаказанно, так как находилась вне досягаемости нашей лёгкой артиллерии». Из-за отсутствия какой-либо охраны на станции Жабинка германские аэропланы бомбили «цистерны с бензином и произвели пожары» Сообщая об этом в штаб 3-й армии, комендант станции просил «об охране станции от неприятельских аэропланов»².

Следует сказать, что германские аэропланы уже в 20-х числах июля на подступах к границам белорусских губерний, в районе отступления войск 4-й армии «усиленно» и «совершенно безнаказанно» бомбардировали узловые железнодорожные станции Малкин, Седлец, Луков, Белосток и Черемха, где было большое скопление отступавших войск. Охранение же станции Луков дружинниками (192-й Тамбовская, 401-й Минская дружины), вооружёнными берданками, противнику «вреда не приносило». Сообщая об этом начальнику штаба 4-й армии, исполняющий должность начальника Луковского гарнизона (он же командир 401-й пешей Минской дружины) просил «распоряжений об экстренной высылке взвода артиллерии для стрельбы по аэропланам»³.

¹ РГВИА. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 571. Л. 27.

² Там же. Д. 464. Л. 535.

³ Там же. Л. 370.

В условиях поспешного отвода войск местные гражданские и военные власти не успевали осуществить в полной мере реквизиции и эвакуацию имущества, которое уничтожалось, расхищалось или попадало в руки противника. Характерным явился случай в Новогрудском уезде Минской губернии, где, по сообщению члена Государственной Думы М. И. Коваленко в МВД, имели место «чрезвычайные беспорядки»: реквизиция запаздывала, «масса скота, всякого ценного инвентаря, хлеба и сена оставалось врагу. Спирт винокуренных заводов расхищался населением и проходящими войсками»¹.

Министр внутренних дел князь Н. Б. Щербатов телеграфировал об этом в Ставку Верховного главнокомандующего. Начальник штаба Ставки в свою очередь «перетелеграфировал» главнокомандующему Западным фронтом (главкозапу) генералу А. Е. Эверту. По выяснении произошедшего начальник штаба фронта генерал М. Ф. Квевцинский (со слов минского губернатора) сообщал в Ставку генералу М. В. Алексееву о причинах случившегося, объясняя это «особым географическим положением Новогрудского уезда по отношению к г. Минску, оказавшемуся совершенно отрезанным от него, благодаря загруженности железной дороги и Барановичского узла в особенности». Причиной случившегося стало прекращение телефонно-телеграфного сообщения, посему новогрудский предводитель дворянства «не был своевременно осведомлен о распоряжениях по производству реквизиций», как и «о том, что он и земские начальники должны оставаться на местах своего пребывания вплоть до отхода наших войск, вследствие чего они преждевременно выехали в предназначенный им по общей эвакуации гор. Бобруйск»².

Следует отметить, что это был не единственный случай, когда гражданские власти оставляли свои уезды и губернии до завершения дел по эвакуации и отступления войск.

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 247.

² Там же. Л. 252.

В связи с этим начальник снабжений армий Северо-Западного фронта вынужден был 2 августа обратиться в Ставку Верховного главнокомандования: «Признаю необходимым присутствие начальников эвакуированных губерний с канцеляриями [в] районе фронта при главных начальниках округов. Управление губернии нельзя считать совсем свободным. После эвакуации остаётся много вопросов, которые надо ликвидировать. Кроме того, губернаторы, как лица с административным опытом, могут привлекаться [к] исполнению поручений по части гражданского управления»¹. В имевшем место случае в Новогрудском уезде предводителю дворянства было предложено возвратиться, вместе с земскими начальниками «немедленно приступить к реквизиции... и не оставлять своих районов до отхода штабов дивизий».

Вопросы по эвакуации населения, уничтожению имущества, несмотря на неоднократные распоряжения, продолжали оставаться нерешёнными. 13 августа в Ставку Верховного главнокомандующего обратились с письмом (за шестью подписями) члены Государственной Думы, сообщившие о том, что «вслед за войсками продолжают беспощадно срывать поголовно с мест население; применяя меры насилия, уничтожают или отбирают всё имущество, сплошь выжигают деревни, фольварки. Дороги переполнены голодными, большими беженцами. Эпидемии разносятся по всем местам». Они просили Верховного «поддержать веру в население», что «приказания [его] святы и спасти население от отчаяния и смуты, не допустить, чтобы... могли продолжаться бесцельные массовые высылки и беспощадно разрушительные действия»².

Военные власти были не способны решить вопросы эвакуации предприятий своими силами. Это видно из «Общих оснований постановления эвакуации промышленных предприятий из угрожаемых нашествием неприятеля местностей», «изложенных по повелению Верховного главнокомандую-

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 169.

² Там же. Л. 179.

щего» начальником штаба генералом Н. Н. Янушкевичем председателю Совета Министров И. Л. Горемыкину. Сообщая о «необходимости эвакуации в связи с отходом наших войск промышленных предприятий, работающих на надобность государственной обороны», а также тех, оборудование которых могло быть использовано полностью или отдельных имеющихся на них машин для той же цели или для «общей промышленности», он признавал, что «правильная сама по себе мысль эта далеко не во всех случаях получила последовательное и точное осуществление». Объясняя это «отсутствием заблаговременного обследования» объектов, «неимением у войсковых начальников соответствующего технического персонала, незначительным числом чинов местной фабричной инспекции и отсутствием на местах людей, знающих потребности промышленности, условия производства и наши рынки», считал «при таких условиях задачу эвакуации для военной власти непосильной» и что до этого «эвакуация производилась спешно и недостаточно продуманно, без предварительной подготовки помещений для перевозимых предприятий, а реквизиция отдельных станков и машин выполнялась по несогласованным между собой требованиям различных заводов и мастерских того или иного ведомства». В таких условиях, предполагал он, «могли быть допущены случаи оставления на местах того, что подлежало эвакуации, и вывоза менее важного»¹. Ссылаясь на «предпринимаемую мобилизацию промышленности» в стране, Н. Н. Янушкевич полагал, что «рассматриваемый вопрос приобретает особое значение и выходит за пределы задач, поставленных военной власти в этой области по закону – озаботиться лишь уничтожением или истреблением того, что может благоприятствовать неприятелю». Наиболее же заинтересованным в вопросе эвакуации промышленных предприятий, по его мнению, являлись Военное министерство и Министерство промышленности

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 212.

и торговли. Причём последнее, «как располагающее подготовленным персоналом и соответствующими организациями и непосредственно ведающее промышленностью», считал он, «должно бы иметь и первенствующее значение в этом, согласуя свою деятельность с требованиями Военного министерства, которому предоставить право окончательного решения лишь вопроса об эвакуации предприятий в военных видах»¹.

И. Л. Горемыкин, констатируя факт «многочисленных заявлений членов законодательных учреждений, местных деятелей и должностных лиц о производстве эвакуации в некоторых районах театра войны путём огульного выселения всех жителей... с насильственным уничтожением имущества и посевов, местных запасов», выразил штабу Верховного главнокомандующего опасения Государственного Совета «повторения подобных мер в связи с осуществлением предположений генерала Янушкевича»².

По причине быстрого отступления войск, отсутствия плана эвакуационных мероприятий эвакуация предприятий проводилась, как признавало само Верховное командование, «спешно и недостаточно продуманно». Для реквизиции и вывоза оборудования предприятий требовались время и большие транспортные средства, которых катастрофически не хватало. Так, в понёсшей наибольшие потери Гродненской губернии многие владельцы заводов и фабрик не смогли вывезти оборудование из-за недостатка транспорта и поспешности эвакуации. Только в одном Гродненском уезде созданным восьми реквизиционным комиссиям необходимо было описать и оценить имущество 50 предприятий, владельцы которых обратились к губернским властям с просьбой об оказании содействия в эвакуации заводского оборудования и имущества. Однако поспешное отступление войск из пределов уезда не дало в полной мере провести работы по реквизиции. Начавшие 13 августа свою деятельность

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 215.

² Там же. Л. 205.

комиссии уже с 17 по 22 августа вынуждены были прекратить работу. В таких условиях, признавал осуществлявший общее руководство работой комиссий предводитель уездного дворянства А. И. Ушаков, «главной целью реквизиций было угнать лошадей, скот и уничтожить продовольственные запасы и фураж...» Таким образом, в Гродненском уезде эвакуировать успели только три фабрики, из Брест-Литовска – шесть предприятий. Всего из Гродненской губернии было эвакуировано только 12 предприятий¹. В основном это были пивоваренные и кожевенные заводы, а также табачные, конвертные и переплетные фабрики.

Более организованно и успешно была осуществлена эвакуация правительственных и духовных учреждений, учебных заведений, средств связи, больниц и благотворительных обществ. И это потому, что гродненский губернатор ещё накануне войны на основе «Временных правил» по эвакуации, разработанных штабом Виленского военного округа, определил перечень правительственных учреждений, руководителей которых обязал составить планы своих действий по обеспечению своевременного вывоза казённого имущества и семейств служащих и представить ему. По объявлении войны названные приготовления были откорректированы на основе утверждённого 17 июля 1914 г. военными властями «Временного положения о вывозе за счёт казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств», а 31 июля по распоряжению губернатора была образована «Особая комиссия» по оценке оставляемого служащими Гродно имущества. Реальный вывоз губернских учреждений из города начался уже 29 июля 1914 г. Тогда были перевезены из Гродненского тюремного замка в Смоленскую уголовную тюрьму особо опасные преступники². Следует

¹ Подсчитано автором по: Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. С. 286–287 ; Бобков А. М. Эвакуация промышленности Беларуси в годы Первой мировой войны. С. 285–287.

² См.: Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. С. 40, 286–287.

сказать, что в зависимости от военного положения эвакуация гродненских городских и уездных властей по распоряжению губернатора дважды совершалась в г. Слоним (в сентябре 1914 г. и январе 1915 г.). Летом 1915 г. эвакуация учреждений Гродненской губернии производилась в центральные губернии Российской империи. Так, в г. Калугу были эвакуированы канцелярия Гродненского губернатора и губернское правление, Гродненское губернское жандармское управление, Гродненское присутствие по крестьянским делам, Гродненское присутствие по воинской повинности, Управление земледелия и государственных имуществ, Гродненское дворянское депутатское собрание, Гродненская губернская чертёжная, Гродненский губернский статистический комитет, Гродненское губернское по земским и городским делам присутствие, Гродненская губернская типография, Гродненская городская управа, Дирекция народных училищ Гродненской губернии; в города Калужской губернии – уездные полицейские управления: Волковыское (г. Медынь), Кобринское (г. Мосальск), Слонимское (г. Жиздра), Гродненское (г. Калуга), Брестское городское (г. Боровск); уездные воинские присутствия: Брестское (г. Боровск), Волковыское (г. Мещовск), Гродненское (г. Медынь), Кобринское (г. Мосальск), Пружанское (г. Козельск); канцелярии уездных предводителей дворянства: Кобринского (г. Мосальск), Слонимского (г. Жиздра), Гродненского (г. Калуга); в города других губерний: казначейства: Брестское (г. Моршанск), Гродненское (г. Тамбов), Волковыское (г. Усмань), Кобринское, Слонимское и Пружанское (г. Лебедянь); учебные заведения: Гродненская мужская гимназия с канцелярией (г. Липецк), Волковысская казённая женская гимназия (ст. Лосяноостровская, Северная железная дорога); Гродненское реальное училище с канцелярией (г. Калуга), Брест-Литовское коммерческое училище «Товарищество преподавателей» (г. Мозырь); учреждения частного характера: Слонимское отделение русско-французского коммерческого банка

(г. Москва), мыловаренный завод Эпштейна в Бресте (г. Могилёв)¹.

С приближением фронта военных действий к границам Минской губернии главнокомандующий Северо-Западным фронтом поставил перед губернскими властями вопрос об эвакуации. 20 августа начальник снабжений армий фронта генерал Н. А. Данилов телеграфировал главному начальнику Минского военного округа генералу барону Е. А. Раушу фон Траубенбергу: «Главномандующий приказал теперь же приступить к эвакуации Минска, поручив её энергичному генералу...»²

Для осуществления эвакуационных мероприятий в телеграмме предлагалось под председательством назначенного Е. А. Раушем фон Траубенбергом генерала «образовать комиссию из представителей эвакуируемых учреждений железной дороги и коменданта станции, поручив ей установление плана эвакуации и выяснение общего количества потребных вагонов, размера ежедневной возможной по условиям работы узла их подачи и размера эвакуации по обеим расходящимся от Минска в тыл железнодорожным линиям»³. Кроме того, главному начальнику округа вменялось в обязанность «установить наблюдение и руководство подачей вагонов под грузы сообразно ценности и значения» их.

Эвакуацию рекомендовалось «начать с вывоза семейств железнодорожных служащих» из Минска и железнодорожных линий до Борисова и Бобруйска, Березино. Однако эвакуировать эти семьи было приказано «по обстоятельствам военного времени».

Размещавшийся в Минске вещевой интендантский склад намечалось направить в Брянск, медь и колокола – в Курск, полевую аптеку – в Москву, гражданские учреждения –

---

¹ Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и должностных лицах. С. 36–37, 40, 45, 127–130.

² НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 394. Л. 80.

³ Там же.

согласно указаниям соответствующих министров или по назначению главного начальника Минского военного округа, но восточнее Смоленска; военные госпитали и лазареты Красного Креста – в Москву. Окружные учреждения пока предполагалось оставить на месте в Минске¹.

По получении телеграммы в Минске состоялось два совещания представителей ведомств по вопросам эвакуации: одно под председательством минского губернатора А. Ф. Гирса, другое под председательством назначенного главным начальником Минского военного округа, председателем эвакуационной комиссии генерала А. Н. Войцеховского. На последнем была заслушана вышеназванная телеграмма начальника снабжений армий Северо-Западного фронта. Совещание, взяв на себя функции комиссии по эвакуации, «ввиду неизвестности момента» её начала, не могло наметить «определённых решений», уяснив лишь для себя «исключительно вывоз казённых дел учреждений, личного их состава и членов семейств служащих»². Оно обратилось с ходатайством к главному начальнику Минского военного округа о выделении для этого необходимых вагонов в составах формируемых в Минске поездов. А. Н. Войцеховским эта просьба была удовлетворена: он отдал распоряжение, чтобы в Минске на линиях Александровской и Либаво-Роменской железных дорог в формируемых поездах выделялись «для обеспечения наискорейшего и удобного отъезда семей служащих один вагон второго и один третьего класса»³.

Эвакуация промышленных предприятий была возложена на созданную 20 августа при Минском военно-промышленном комитете (ВПК) эвакуационную комиссию под председательством председателя Минской губернской земской управы Б. Н. Самойленко. В состав комиссии входили представители военного ведомства, чины фабричной

---

¹ НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 394. Л. 80.

² Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). Т. 3. С. 790–791.

³ НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 394. Л. 86.

инспекции, контроля, акцизного ведомства, фабриканты. Комиссия спешно приступила к обследованию промышленных объектов в местностях, находившихся под угрозой неприятельского нашествия, и к их эвакуации. До ноября 1915 г., по словам сообщения старшего фабричного инспектора Минской губернии в Министерство торговли и промышленности, эвакуационная комиссия при Минском губернском объединённом ВПК «уже выполнила свою главнейшую задачу – эвакуацию торгово-промышленных предприятий гор. Минска. Все более значительные промышленные предприятия, работавшие на государственную оборону, уже вывезены... вместе с оборудованием и персоналом служащих и рабочих»¹.

Из работавших в Минской губернии предприятий, подчинённых фабричной инспекции, были эвакуированы: в г. Москву – механические заводы товариществ «Технолог» и «Энергия»; обувные фабрики товариществ «Орёл», «Быстроход» и «Русь»; фабрики дамских гребней Товарищества «Франсуа Турне» и механической вышивки «Мозер и сыновья»; картонно-бумажная фабрика Кастилян П. И., обмундировочная мастерская Шварц и братьев Ризман; в г. Харьков – механические заводы товариществ Майзель и Шлапакова и Г. Янишевского; кожевенный завод И. Сальмана; в г. Царицын – обувная фабрика «Труд»; в г. Самара – фабрики сапожных колодок Каменецкого и Лившица и в г. Ярославль – И. Ошеровича; в г. Саратов – парфюмерная фабрика². Кроме того, проводился вывоз меди, льна, скипидара, кожевенного и другого ценного для народного хозяйства сырья.

В сентябре–октябре 1915 г., говорится в отчёте старшего фабричного инспектора «о состоянии промышленности Минской губернии», комиссией были эвакуированы все металлообрабатывающие заводы и мастерские, медь, наиболее

¹ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). Т. 3. С. 791, 810, 813.

² Там же. С. 811; Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и должностных лицах. С. 106–107.

ценные станки и машины, кожа, дубильные вещества, сукна и мануфактура из Минска и района, лежащего к западу от него. Кроме того, были составлены планы эвакуации ближайших промышленных городов Борисова и Бобруйска.

В разные местности империи были эвакуированы 16 «наиболее ценных в техническом отношении» заведений с 942 рабочими. 39 предприятий с 2072 рабочими остались в районе, частью занятом неприятелем или прилегающем к фронту военных действий¹.

Из Минска были эвакуированы учебные заведения: учительский институт, духовная семинария и духовное училище – в г. Ярославль; торговая школа – в г. Рязань; Свислочская семинария – в г. Медынь Калужской губернии; императора Николая II мужская гимназия и частная женская гимназия В. И. Левитской, а также реальное коммерческое училище – в г. Москва; художественно-ремесленная учебная мастерская Алексеевой – в г. Тамбов².

В Витебской губернии ещё 1 августа 1915 г. по поручению губернатора старшим фабричным инспектором лично и через полицейские управления было разослано объявление владельцам фабрик и заводов, подчинённых надзору фабричной инспекции, с указанием сообщить о желании «эвакуировать свои заведения во внутренние губернии России». На это объявление вскоре поступило более 50 заявлений, преимущественно из г. Двинск, где уже в августе была произведена эвакуация³. В списке фирм, владельцы которых изъявили желание вывезти оборудование в названные ими пункты, значились, например, скипидарная фабрика Н. А. Денермана из местечка Креславка Двинского уезда и винокуренный завод Х. И. Дамберга из Люцинского уезда – в г. Петроград; табачная фабрика Н. И. Ривлина из г. Полоцка

¹ Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). Т. 3. С. 813.

² Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и должностных лицах. С. 104.

³ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168. Л. 8.

и кожевенный завод И. Х. Валерштейна из местечка Креславка – в г. Орёл; кожевенный завод Д. Манькова и очковая фабрика И. М. Зелич из г. Витебск – в пункты по Московско-Нижегородской железной дороге; табачно-махорочная фабрика наследников А. В. Колбановского из г. Витебск – в г. Козлов Тамбовской губернии; завод колёсной мази братьев Г. и Т. Хибасов из г. Режица – в г. Великие Луки¹ и т. д.

Обращения владельцев об эвакуации предприятий и имущества особенно массовый характер приняли в дни совершения германскими войсками Свенцянского прорыва фронта. Созданная 5 сентября 1915 г. Особая комиссия по эвакуации оборудования фабрик и заводов Витебской губернии работала почти ежедневно, рассмотрев на своих заседаниях с 5 по 29 сентября около 160 заявлений и «прошений» владельцев². Плотный график работы в значительной мере был обусловлен и тем, что на территории губернии к этому времени осели ранее эвакуированные предприятия из Варшавы, Шавли, Риги, Курляндии, владельцы которых теперь обратились с ходатайствами о повторной эвакуации в центральные города Российской империи – Москву, Орёл, Тулу, Нижний Новгород, Кострому, Вятку, Харьков, Ярославль и др.³ «При рассмотрении ходатайств об эвакуации, – было отмечено в одном из журналов заседаний, – Особая комиссия в первую очередь рассматривала ходатайства беженцев из других губерний при желании их эвакуировать дальше из Витебской губернии» и принимала решение о выдаче требований на провоз по железным дорогам оборудования, рабочих и служащих, имущества как за казённый счёт, так и (в большинстве) за счёт просителей⁴.

По неполным сведениям, Особой комиссией было решено вывезти свыше 13 600 пудов различных металлов как в изделиях, так и в чистом виде; около 40 000 пудов

¹ НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 2399. Л. 42.

² Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168.

³ См.: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168. Л. 5–12.

⁴ Там же. Л. 7.

выделанных кож и кожевенного сырья; 45 000 пудов льна, 4350 пудов шерстяных и шёлковых тканей, белья, пряжи и другой мануфактуры; 1800 пудов скипидара, 80 000 пудов оконного стекла, 10 000 пудов толи и много другого имущества¹. Причём разрешения выдавались на вывоз только того, что комиссией признавалось «необходимым в государственных интересах». Было предписано выделить для перевозки в общей сложности более 1000 железнодорожных вагонов и платформ.

В то время как работа Особой комиссии по эвакуации уже шла полным ходом, витебский губернатор 16 сентября внёс предложение «о выработке плана действий Особой комиссии по эвакуации фабрик и заводов Витебской губернии» и «плана эвакуации льнопрядильной фабрики “Двина”». Предложение губернатора было рассмотрено на заседании Особой комиссии 21 сентября. План эвакуации комиссия приняла, при этом она признала, что «промышленность развита более или менее в г. Витебске, а в остальных уездах она незначительна, не считая винокуренных и пивоваренных заводов, о которых уже [были] собраны все сведения». Также было отмечено, что, наряду с первоочередным рассмотрением ходатайств беженцев из других губерний об эвакуации, «также в первую очередь рассматривались ходатайства заведений, расположенных в тех уездах, в которых уже объявлена эвакуация»².

Касаясь выработки плана эвакуации льнопрядильни «Двина», было отмечено, что «по соглашению с директором фабрики... уже выдано требование на платный провоз 110 вагонов льна», а «по объявлении эвакуации Витебска и уезда льнопрядильня “Двина”, сократив работу на чесальных машинах, приступит к вывозу части их в г. Елец в арендованное там здание...» В последующем предусматривалось «окончание работ на прядильных станках», что будут «остановлены двигатели и паровые котлы», «с тех

¹ Подсчитано автором по: РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168. Л. 1–16.

² РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168. Л. 10.

и других будут сняты все медные части» и приведены «в такое состояние, чтобы на них нельзя было возобновить работу до получения снятых частей» из Ельца¹.

Относительно эвакуации винокуренных и пивоваренных заводов комиссия считала «необходимым вывезти только медные аппараты и части, а также снятую арматуру с паровых котлов и машин». И так как эти заводы находились «под непосредственным надзором местных (по уездным городам) чинов акцизного ведомства», Особая комиссия полагала необходимым назначать его представителей в реквизиционные комиссии на местах, в необходимых случаях посылала своих чинов для образования комиссий по осмотру фабрик и заводов.

Работе Особой комиссии по эвакуации фабрик и заводов Витебской губернии оказывал содействие эвакуированный в августе 1915 г. из Вильно в Минск областной ВПК Северо-Западного края, направив в Витебск секретаря с полномочиями «войти в соглашение с местными промышленными учреждениями (военно-промышленными комитетами и т. п.) об организации эвакуационного отдела в Витебской губернии». Заявление об этом прибывшего в Витебск ВПК, было заслушано и принято к сведению 9 сентября на заседании Особой комиссии. Вскоре в Витебске был организован Эвакуационный отдел ВПК Северо-Западного края в составе 13 человек, утверждённый 13 сентября главным начальником Двинского военного округа². Уже 15 сентября в ответ на поступившее ходатайство наследников Эпштейна Гаркави о выдаче им субсидии в сумме 160 000 руб. и вагонов Особая комиссия приняла решение передать прошение на предварительное рассмотрение на совещании названного отдела. 18 сентября в тот же отдел было направлено ходатайство жителя Витебска Х. В. Витенберга о разрешении вывезти в 10 вагонах резиновые изделия и предметы

---

¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168. Л. 11.

² Там же. Л. 4, 10.

торговли его магазина в г. Тверь, с просьбой «произвести проверку заявления на месте и своё заключение сообщить Особой комиссии»¹.

В Витебской особой комиссии рассматривались «прошения»: акцизного общества «Витебский трамвай» о «возможном» вывозе в Харьков 9476 пудов рельс и рельсовых креплений на сумму 16 446 руб. и было выдано требование на вывоз в первую очередь за казённый счёт; владельца топорного завода Т. С. Бушунова с просьбой предоставления ему 10 вагонов и платформ для эвакуации его завода из Полоцка в Орёл. Кроме того, последний просил выдать взаимобразно 5000 руб. и безвозвратно пособие на переезд 50 рабочих. Особая комиссия приняла решение: удовлетворить просьбу и выделить восемь вагонов, в том числе один классный; выдать ссуду до 3000 руб. (по усмотрению губернатора) и 500 руб. на пособие рабочим².

Из Витебской губернии были эвакуированы учреждения частного характера, такие как военнообмундировочная мастерская из Витебска в Нижний Новгород; двинские ремесленная школа со слесарными и механическими мастерскими и обмундировальная мастерская – в г. Москва; фирменный завод братьев Рязанских и Лихтенберг из Двинска в г. Буй Костромской губернии и др., а также учреждения Духовного ведомства: Полоцкий Спасо-Евфросиньевский женский монастырь с мощами преподобной Евфросинии Полоцкой – в г. Ростов; учебные заведения: канцелярия Полоцкого кадетского корпуса – в г. Симбирск, Полоцкая мужская гимназия – в г. Ярославль, Полоцкое духовное училище – в г. Владимир; Полоцкое Спасо-Евфросиньевское епархиальное женское училище – в г. Ростов, Полоцкая Кульневская учительская семинария и Полоцкая женская гимназия – в Вязники Владимирской губернии³.

¹ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 168. Л. 6.

² Там же. Л. 2.

³ Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и должностных лицах. С. 28, 29, 132.

С ликвидацией Свенцянского прорыва и стабилизацией фронта по линии Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск проведение эвакуационных мероприятий стало замедляться. В Витебской губернии они были осуществлены не до конца. Ещё меньше ими была затронута Могилёвская губерния. Так, по плану эвакуации учреждений Могилёвского губернского земства, разработанному губернской управой, предусматривалась эвакуация учреждений и заведений губернского земства вместе со служащими и их семьями одновременно с правительственными учреждениями МВД г. Могилёва со служащими и их семьями путём передвижения в пункты своей губернии «пока будет оставаться свободной какая-либо часть её территории» и «в зависимости от положения фронта». Только «при возникновении необходимости оставить пределы губернии» губернская земская управа одновременно с эвакуацией учреждений МВД должна была выехать в избранный по согласованию с властями пункт¹. Могилёвскую казённую палату с подведомственными ей 11 казначействами на случай эвакуации планировалось перевозить из г. Могилёва в г. Орёл². Из Могилёвской губернии были эвакуированы Сенницкая учительская семинария в г. Воскресенск Московской губернии и Гомельская мужская гимназия в г. Кашин Тверской губернии³.

Следует сказать, что в Могилёвской губернии к этому времени были размещены многие учреждения, ранее эвакуированные из губерний Царства Польского, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний. В начале сентября главным начальником снабжений армий Западного фронта генералом Н. А. Даниловым было отдано распоряжение о повторной эвакуации их «во внутрь империи». Уведомлённый об этом начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, изучив вопрос «какие

---

¹ НИАБ. Ф. 2084. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1851. Л. 151.

³ Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и должностных лицах. С. 107.

именно управления предположено вывезти из Могилёва и уездов», не возражал (к 18 сентября) против эвакуации их из Могилёва, признал «своевременным эвакуировать Сенненский уезд», Оршу – «по мере потребности штаба фронта», но «не усматривал оснований к эвакуации» (перемещённых учреждений) из Гомеля и Рогачёва¹.

Эвакуация населения добровольная и насильственная (несмотря на запреты), реквизиции и уничтожение жилья и имущества при отступлении войск продолжались. С приближением линии фронта к границе Слуцкого уезда своё беспокойство за сохранность Несвижского замка и города выразила княгиня Мария Радзивилл, направив 18 августа письма от своего имени и жителей Несвижа в адрес Верховного главнокомандующего и члена Государственного Совета графа А. С. Велепольского с просьбой о защите их от разорения². Последний обратился с ходатайством к военному министру А. А. Поливанову. 22 августа от военного министра поступила телеграмма начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву следующего содержания: «Член Государственного Совета граф Велепольский ходатайствует, чтобы город Несвиж и замок там княгини Радзивилл не были сожжены распоряжением русской военной власти». 23 августа генерал М. В. Алексеев передал эту телеграмму главнокомандующему Западным фронтом генералу А. Е. Эверту, добавив: «Верховный главнокомандующий повелел исполнить эту просьбу, принять меры к сохранению»³. Одновременно Николай II уведомлял княгиню: «Письмо Ваше получил. Озаботился, чтобы желание Ваше было исполнено»⁴.

Позже, в сентябре, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев проявил заботу о сохранении усадьбы и имения графа Венедикта Тышкевича,

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 40. Л. 263, 268, 271.

² Там же. Л. 195.

³ Там же. Л. 201, 202.

⁴ Там же. Л. 200.

приказав командованию 10-й армии, в полосе действий войск которой находились усадьба и имение («в лесах между Ивенец и Першай»), отдать распоряжение, чтобы названные объекты «не подверглись разорению, не вызванным военными соображениями»¹.

До крайнего разорения реквизициями военных властей было доведено население прифронтовой полосы. Озабоченные «критическим положением населения не занятой неприятелем полосы Новогрудского уезда», А. Радзивилл, М. Святополк-Мирский и И. Кашиц 14 октября 1915 г. сообщали об этом начальнику штаба Верховного главнокомандующего и просили «о срочном распоряжении прекратить дальнейшее истощение фуража в крае»². Генерал М. В. Алексеев тут же, 18 октября, отреагировал на обращение, передав его содержание главнокомандующему Западным фронтом генералу А. Е. Эверту «для зависящего распоряжения».

Уже на второй день, 19 октября, генерал А. Е. Эверт через своего начальника штаба М. Ф. Квецинского информировал генерала М. В. Алексеева о том, что им «уже давно сделано распоряжение оставить крестьянам по одной корове и лошади на двор, а помещику необходимое количество коров и лошадей, смотря по хозяйству, и корм для их прокормления, а реквизировать лишь что сверх того», и что им «вновь подтверждается [это] командующим армиями к исполнению»³.

Таким образом, процесс «великого отступления» русских войск Северо-Западного фронта под ударами германских войск сопровождался поспешными реквизициями у населения лошадей, крупного рогатого скота, зерна и фуража для войск, принудительным и добровольным выселением жителей и уничтожением оставляемого ими жилья, имущества и посевов. Попытки Верховного командования под влиянием нараставшего недовольства обращённого в беженство

¹ РГВИА. Ф. 2394. Оп. 3. Д. 20. Л. 110.

² Там же. Л. 298.

³ Там же. Л. 300.

населения прекратить принудительное выселение жителей оставляемых мест, отменить тактику «выжженной земли» полного успеха не имели. Насильственные меры к мирным жителям со стороны военных и гражданских властей, такие как реквизиции и выселение с уничтожением жилья и оставшегося имущества, во многих местах продолжались вплоть до стабилизации линии фронта.

Эвакуация правительственных учреждений и учебных заведений с персоналом служащих и их семьями проходила более организованно, на основе разработанного и утверждённого военными властями «Временного положения о вывозе за счёт казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств». Для их вывоза предоставлялся железнодорожный транспорт, выдавались из казны денежные субсидии.

Совершенно неподготовленными были власти к эвакуации фабрично-заводских предприятий и материалов промышленного производства, других материальных ценностей. В начальный период – до осени 1915 г. – не было плана эвакуации предприятий, последняя проводилась стихийно, без единой системы, а в условиях стремительного наступления германских войск и быстрого отступления русских – поспешно и неорганизованно. Из-за недостатка транспортных средств (железнодорожный транспорт в первую очередь производил военные перевозки) заводское оборудование по снятию наиболее ценных деталей, особенно медных, подлежало уничтожению. Владельцы частных предприятий, за редким исключением, не имели возможности вывезти оборудование и имущество за счёт казны. Преимущество в этом отводилось тому, что «работало на государственную оборону», то есть стратегически важным сырьём и материалам.

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНСТВА МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ И ЕЁ РЕШЕНИЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Проблема беженства является одной из самых трагичных в истории Первой мировой войны. Она стала проявляться уже в результате первых военных сражений и приняла массовый характер в то время, когда маневренный период войны перерос в позиционный, когда фронт военных действий стал сплошным и, передвигаясь, всё сметал на своём пути.

Беженство было как добровольным, так и принудительным.

Добровольным прежде всего в местах фортификационных укреплений и крепостных районов, где сражения принимали затяжной и разрушительный характер, с наиболее плотным применением артиллерийского огня.

Принудительным – в основном по причине применения Верховным командованием русской армии тактики «выжженной земли», разрушения и опустошения оставляемых под напором противника территорий с целью усложнить и замедлить его продвижение. Принудительное выселение особенно широко применялось весной – в начале лета 1915 г., когда русская армия под ударами германских войск, имевших превосходство в вооружении, особенно в тяжёлой артиллерии, чтобы избежать окружения и разгрома, отходила в глубь страны, оставляя одну позицию за другой. Население оставляемых мест по приказу военных и гражданских властей выселялось. Захватив самые необходимые пожитки, оно многими десятками тысяч, в основном гужевым транспортом и пешим порядком, перед отступавшими войсками двигалось на восток.

Сняв огромные массы людей с насиженных мест, в одночасье лишив их своего крова и всего нажитого, власти не подготовили плана и условий эвакуации. И неслучайно, так как, развязывая войну, противоборствующие стороны рассчитывали на её кратковременность, быстрый разгром противника. Именно поэтому действия властей по эвакуации населения были разрозненными и стихийными. Государственной помощи беженцам первое время почти никакой не оказывалось. Лишь добровольные и общественные организации, такие как Всероссийский земский союз (ВЗС), Всероссийский союз городов (ВСГ) и Комитет Великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет), действовавшие к этому времени на Северо-Западном фронте по оказанию помощи больным и раненым воинам, по распоряжению командования приняли на себя попечительство и о беженцах, что было далеко недостаточным.

Естественно, причиняемый населению материальный и моральный ущерб, обращение его в беженство вызывали недовольство властью. Уже 20 июня 1915 г. прибывшие с Северо-Западного фронта в Ставку Верховного главнокомандующего председатель Татьянинского комитета А. Б. Нейдгарт и граф С. И. Велепольский доложили об «унынии, озлоблении и смуте» среди населения, порождаемых «бессистемностью эвакуационных распоряжений», «уничтожением целых селений на некоторых корпусных участках», «частного имущества без оценки и права сохранения его владельцами»; о понимании населением таких действий как «меры репрессии». Верховный тотчас же по прямому проводу «срочно», «секретно» отдал распоряжение главнокомандующему Северо-Западным фронтом генералу М. В. Алексею: «Прикажите всё это немедленно устранить», то есть прекратить насильственную эвакуацию и уничтожение жилья и частного имущества¹.

Но к этому времени уже были сняты с насиженных мест и двигались на восток сотни тысяч беженцев из Волыни,

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1453. Л. 22.

пределов Польши, Литвы и западных уездов белорусских губерний. Территория Беларуси в силу своего геополитического и военного положения уже тогда стала первым пристанищем для них. 4 июля 1915 г. военные власти потребовали от губернаторов прифронтовых Житомирской, Холмской и Люблинской губерний «безотлагательно принять экстренно энергичные меры к освобождению от беженцев территории, прилегающие к линии фронта», направлять их не по железным дорогам, дабы не создавать помех военным перевозкам, а «по обычным дорогам в Кобринский и Пружанский уезды»¹.

Уже 9 июля руководство благотворительных организаций ВЗС, ВСГ и кауфмановского лазарета с тревогой сообщали из Кобрина главному начальнику снабжений армий Северо-Западного фронта генералу Н. А. Данилову о громадном скоплении беженцев и ежедневном прибытии всё новых и новых партий. В целях предотвращения распространения заразных болезней в ближайшем тылу войск они просили не допускать дальнейшего скопления беженцев в Кобрине, а направлять их, так как «подвод очень мало», по железной дороге в Пинск. В свою очередь начальник Минского военного округа барон Е. А. Рауш фон Траубенберг, получив известие о направлении в Минскую губернию 150 тыс. беженцев только из Плоцкой губернии (о том же ему сообщил и варшавский генерал-губернатор), признал «не возможным скопление массы беженцев в ближайшем боевому району тылу, особенно ввиду нахождения там Ставки», и просил у генерала Н. А. Данилова распоряжения о «направлении всех беженцев за Днепр, в губернии, находящиеся в менее тяжёлых условиях». Последним было дано на это согласие. Он просил барона Е. А. Рауша фон Траубенберга срочно распорядиться «о подготовке новых районов сосредоточения беженцев в Смоленской и Могилёвской губерниях и о продвижении их избытка из Кобринского

---

¹ РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 131. Л. 6.

и Пружанского уездов по железной дороге», обеспечивая в пути бесплатной врачебно-питательной помощью¹.

С ростом массового движения беженцев своё участие в организации им помощи начали принимать органы власти. 4 июля 1915 г. министр МВД князь Н. Щербатов в телеграмме губернатору Минской губернии предложил «немедленно выяснить места, где выселяемые могли бы найти... приют и заработок», определить виды и объёмы работ, организовать в губернском и уездных городах комитеты с участием земских и городских самоуправлений и широким привлечением «лиц, могущих оказать пользу», возложив на них заботы о помещении, питании и врачебно-санитарной помощи беженцам². Верховный главнокомандующий «повелел» военным властям по пути следования беженцев устраивать питательные пункты. Выполняя это указание, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта распорядился, чтобы к устройству таких пунктов и этапов привлекались и «гражданские власти, Красный Крест, Союз Городов и Земский Союз». Денежные средства на продовольствие беженцев и колонистов выделялись из военного фонда.

Следует сказать, что большую организационную работу по оказанию помощи беженцам проводили власти Минской губернии. По получении распоряжений вышестоящих властей минским губернатором А. Ф. Гирсом вопрос о размещении беженцев в Минской губернии был вынесен для рассмотрения на заседании Особого совещания 7 июля 1915 г. Этот вопрос, по словам губернатора, «возник во второй половине июня 1915 г., когда из губерний Царства Польского предполагалось эвакуировать в Минскую губернию несколько сотен тысяч населения». Уже тогда руководством губернии и уездов было признано необходимым в г. Минске и уездных городах создать комитеты по оказанию помощи беженцам. В общих чертах были определены порядок и способы осуществления возлагаемой на них работы. Но

¹ РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 131. Л. 29.

² Там же. Л. 9–10.

с прекращением принудительного выселения жителей эта работа была приостановлена в расчёте на то, что не будет большого числа беженцев¹.

После обсуждения вопроса на совещании было признано, что для размещения беженцев в губернии пригодны только шесть уездов – Минский, Слуцкий, Игуменский, Борисовский, Бобруйский и Новогрудский, так как в трёх уездах – Пинском, Мозырском и Речицком – среди жителей наблюдались случаи заболевания холерой. Предводителям дворянства так называемых благополучных уездов были даны указания «созвать экстренные совещания» ранее созданных комитетов (пополнив их представителями гарнизона, врачебным персоналом и чинами ведомства Земледелия и Государственных имуществ) с целью разработки плана организации и трудоустройства беженцев; наметить маршруты их передвижения из Барановичей в назначенные уезды; оборудовать на станции Барановичи продовольственный, врачебный и изоляционно-распределительный пункты для обслуживания беженцев и их «рассеивания» в уездах губернии; «озаботиться принятием исчерпывающих мер» по устройству беженцев на службу или работы в местах их размещения, с привлечением волостных организаций, возложив на них размещение беженцев по сёлам и деревням.

Участники совещания также обратились к председателю Минской губернской земской управы Б. Н. Самойленко, председателям уездных земских управ, начальникам полиции с просьбой «оказать возможное содействие успешному осуществлению возложенной на уездные комитеты задачи»; запросили у главного начальника Минского военного округа о выделении из военного фонда 100 тыс. рублей для размещения и устройства беженцев. В заключение из участников совещания «для заведывания делами беженцев» был образован губернский комитет под председательством начальника губернии².

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 498.

² Там же. Л. 499.

Спустя три недели, 28 июля 1915 г., на очередном заседании Особого совещания был рассмотрен вопрос об устройстве врачебно-питательных пунктов для немцев-колонистов и беженцев, следовавших через Минскую губернию транзитом по железным и грунтовым дорогам. По словам докладчика – губернатора Минской губернии, «по распоряжениям военных властей» через губернию должны проследовать немцы-колонисты, выселяемые из Волынской, Гродненской и других губерний во внутренние губернии России, численностью свыше 100 тыс. человек, часть их численностью 30 тыс. человек уже проследовала за пределы Минской губернии, а около 1 тыс. находится в пути в её пределах¹. Перевозили колонистов на общих условиях по железной дороге от Пинска и станции Горынь на Новозыбков. Прибывавшие колонисты из Волынской губернии от станции Пхов направлялись по железной дороге в Могилёвскую губернию. По пути их следования «заботами земств» были устроены питательные и врачебные пункты. Однако имевшихся на местах врачебно-санитарных сил было совершенно недостаточно для тщательного осмотра немцев-колонистов, следовавших через охваченные эпидемией холеры Пинский, Речицкий и Мозырский уезды. В связи с этим «в дополнение ранее принятых мер» экстренно было принято решение об обслуживании врачебной помощью выселяемых через Минскую губернию партий колонистов возложить на ВЗС и ВСГ.

По полученным губернатором 27 июля 1915 г. сведениям, из Гродненской губернии по Московско-Брестскому шоссе пешком и на подводах, со скотом и домашним скарбом передвигались через Минскую губернию в Могилёвскую около 60 тыс. беженцев. А. Ф. Гирс признал, что «организация продовольственной и врачебной помощи беженцам, следующим по шоссе, нуждается в весьма существенном развитии», так как организованных питательно-врачебных пунктов в Слуцком и Бобруйском уездах было недостаточно. Совещание приняло решение немедленно командировать

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 551.

три врачебно-санитарных отряда для обслуживания беженцев, двигавшихся по Московско-Брестскому шоссе от границ Гродненской до Могилёвской губернии, а также организовать питательные пункты в Синявке, Лубенце, Киевичах, Ляно, Слуцке, Горках, Бобруйске.

Беженцы, следовавшие железной дорогой через Минскую губернию в Смоленскую, обслуживались военным ведомством на питательных пунктах железнодорожных станций, а врачебной помощью – военно-санитарным надзором и врачами железнодорожного ведомства. Кроме того, было принято решение организовать питательно-врачебные пункты: по линии Александровской железной дороги – на станциях Барановичи, Столбцы, Минск, Ново-Борисов; по линии Полесских железных дорог – на станциях Пинск, Луинец, Житковичи, Мозырь, Калинковичи; по линии Либаво-Роменской железной дороги – на станциях Минск, Осиповичи, Бобруйск.

С целью сосредоточения наибольших сил на устройстве и оборудовании врачебно-питательных пунктов на пути следования беженцев и колонистов через Минскую губернию было принято решение ходатайствовать перед главным начальником Минского военного округа, чтобы организация, работавшая под руководством генерала С. Д. Быстревского, при участии представителей ВЗС, ВСГ, Российского общества Красного Креста и других благотворительных обществ в западных губерниях продолжала свою деятельность на всех железнодорожных и шоссеиных путях следования через Минскую в Могилёвскую губернию. В то же время предлагалось уездным предводителям дворянства, уездным земским управам, земским начальникам, начальникам полиции и всем крестьянским должностным лицам «оказывать во всём полное содействие представителям организации генерала Быстревского при исполнении возложенного на него поручения», а уездным комитетам по оказанию помощи беженцам – войти в «тесное единение с этими представителями, всемерно содействовать им в воз-

можно быстром устройстве и оборудовании врачебно-питательных пунктов в указанных местностях»¹. Уже на второй день, 29 июля 1915 г., минский губернатор А. Ф. Гирс телеграфировал «уездному предводителю дворянства, земству, исправнику, полицмейстеру» о том, что «распоряжением генерала Н. А. Данилова в Минск командирован генерал Быстреевский для устройства врачебно-питательных пунктов на пути следования через губернию беженцев и колонистов». Одновременно он снова просил «по прибытии лиц, работавших в организациях генерала Быстреевского, оказать им всемерное содействие быстрому устройству и оборудованию пунктов»².

Большую роль по оказанию помощи беженцам сыграли благотворительные организации, такие как ВЗС и ВСГ, Татьянинский комитет, национальные благотворительные организации – Белорусское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны, отдел которого в июле 1915 г. был открыт в Минске; Общество вспомоществования евреям, пострадавшим от войны; Общество вспомоществования семьям поляков, участвующих в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий³.

При рассмотрении вопроса об оказании благотворительной помощи пострадавшим от военных действий на заседании Минского губернского отделения Татьянинского комитета 5 августа 1915 г. с докладом выступил его председатель А. Ф. Гирс. Нарисовав картину движения беженцев в Минской губернии, которое, по его словам, «с половины июля приняло огромные размеры», он сообщил о принятых организационных мерах по открытию и оборудованию в пределах губернии врачебно-питательных пунктов; расселению беженцев по сёлам и деревням, их трудоустройству; обес-

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 551.

² Там же. Л. 423.

³ Лапановіч С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанню дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). С. 97–105.

печению планомерного передвижения следовавших транзитом; отметил оказанную финансовую помощь Губернскому отделению Центральным Татъянинским комитетом (10 тыс. руб.) и из военного фонда (100 тыс. руб.) на проведение этих мероприятий. В заключение А. Ф. Гирс считал «необходимым объединение в лице Отделения Комитета Великой княжны всех организаций, работающих в пределах губернии по оказанию помощи беженцам», и предлагал сделать запрос «крупной суммы из средств Комитета Её Высочества для более или менее правильной постановки в губернии дела по призрению беженцев»¹.

Выступивший на заседании заместитель главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта член Государственной Думы А. Д. Зарин признал, что принятые в Минской губернии меры по призрению беженцев следует считать «пока достаточными для удовлетворения их первых запросов», но в дальнейшем это «должно самым быстрым образом получить возможно широкое развитие», так как в связи с «условиями переживаемых на театре военных действий событий число беженцев ежедневно растёт и немедленная эвакуация их необходима в интересах нашей армии». «Сколько и по каким дорогам будет двинута беженцев в Минскую губернию» он затруднялся сказать, но не исключал «возможность их движения по всем направлениям партиями и одиночно в различное время» и считал «долгом местных организаций поставить продовольствие беженцев и оказание им врачебной помощи на широких началах», чтобы они «не голодали, не заражали местное население и не задерживались на дороге по пути следования через губернию»².

Заслушав доклад председателя губернского Отделения и заявление члена Государственной Думы заместителя главноуполномоченного по устройству беженцев, участники совещания поддержали предложение А. Ф. Гирса о слиянии

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 561.

² Там же.

губернского и уездных комитетов по призрению беженцев с отделениями Татьянанского комитета, имевших «однородные цели», признав это «желательным и необходимым в целях более правильной постановки дела призрения беженцев в Минской губернии»; одобрили разработанный губерньским Комитетом по призрению беженцев план расселения, снабжения продовольствием оседавших в губернии; приняли решение по пути следования беженцев по Московско-Брестскому шоссе дополнительно к ранее созданным в Синявке, Киевичах, Слуцке, Горках, Новых Дорогах, Богушевичах, Бобруйске врачебно-продовольственным пунктам открыть на средства Татьянанского комитета чайные с выдачей горячей пищи и хлеба в Городище, Лубенце, Лядках, Слуцке, Олехновичах и Симоновичах, больницу с отделением для заразных больных в Новых Дорогах, построить новые или арендовать имеющиеся для нужд беженцев бани в Слуцке и Бобруйске; предоставить председателям Слуцкого и Бобруйского отделений право арендовать прилегавшие к шоссе луга и пастбища, а также осуществлять покупку фуража для лошадей и скота беженцев, устройство кузниц и мастерских для ремонта их перевозочных средств. Кроме того, совещание обратилось с просьбой к руководству «Северопомощи» об устройстве колодцев с питьевой водой и о немедленном командировании на линию шоссе пяти врачебно-санитарных отрядов ВЗС: по одному в Остров, Киевичи, Слуцк, Горки и Бобруйск, «ввиду полной недостаточности для обслуживания беженцев местного врачебного персонала»; одобрило решение Минского городского отделения о постройке для размещения беженцев в Минске барачков с кухнями и прачечными и рекомендовало «немедленно обратиться в городскую Управу с вопросом об устройстве больницы для лечения заразных больных беженцев на средства “Северопомощи”»; предложило всем уездным отделениям безотлагательно озаботиться постройкой барачков или поиском наёмных помещений для жилья, устройством больниц и организаций снабжения беженцев тёплой одеждой,

лекарствами и молоком для малолетних в местах расселения, выдавая нуждающимся в экстренных случаях денежные субсидии». Для осуществления намеченных мероприятий совещание обратилось в Комитет Великой княжны Татьяны Николаевны за ассигнованием Губернскому отделению 340 тыс. рублей¹.

На заседании специально было рассмотрено предложение Татьянинского комитета об открытии при отделениях Комитета особых комиссий, которые взяли бы на себя регистрацию детей-беженцев школьного возраста и попечение о них. Было принято решение просить городские и уездные отделения учредить особые комиссии по регистрации и оказанию помощи учащимся-беженцам. Кроме того, принимая во внимание, что в Минске и в уездных городах Минской губернии к этому времени было уже сосредоточено огромное количество детей-беженцев, «родители которых за отсутствием средств лишены возможности определить их на платное обучение в учебные заведения», Минское губернское отделение Татьянинского комитета приняло решение просить Центральный комитет о выделении 40 тыс. рублей «для взноса в учебные заведения за право обучения» детей беженцев, не имевших собственных средств. Выделенную сумму предполагалось распределить между Минским городским и уездными отделениями губернии².

Тем временем ситуация на фронте продолжала ухудшаться. Русские войска, чтобы избежать окружения, поспешно отходили под давлением германцев, оставляя одну позицию за другой. В связи с этим масса беженцев всё нарастала. Для упорядочения движения беженцев и освобождения дорог для войск и обозов командующий 4-й армией, войска которой занимали в то время центральный участок Западного фронта, 20 августа 1915 г. отдал приказ, которым предписывалось «всё пространство в тылу позиций корпусов впредь разделять на две полосы». Причём в ближайшей

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 561.

² Там же. Л. 559.

к боевой линии обязанность поддержания порядка движения возлагал на войска, а далее – на начальника этапно-хозяйственного отдела штаба армии. При отступлении в новый район расположения войскам было приказано «немедленно оповещать население... о том, что всем жителям предоставляется оставаться на своих местах, а если кто хочет выселиться, то должен уходить не позже как в течение суток со времени прибытия в этот район войск и обозов». Позже этого срока предписывалось «никакого движения беженцев не только партиями, но и в одиночку – не допускать».

Для поддержания порядка при самом движении потока беженцев предлагалось «весь тыловой путь разделить на участки», в каждом из которых «наблюдение за порядком возложить на особого офицера, а ещё лучше на штаб-офицера». В распоряжение последнего предписывалось, кроме полицейских стражников, выделить «небольшую конную часть». В обязанность офицера вменялось «следить за тем, чтобы движение беженцев совершалось без задержек, дабы возможно скорее направить их в глубокий тыл». Были обозначены пути движения:

- 1) Волковыск – Зельва – Деречин – Яворская Руда – Дятлово – Новогрудок;
- 2) Волковыск – Слоним – Барановичи;
- 3) Ружаны – Слоним – Барановичи.

Приказом предусматривалось: «... в случае, если ко времени отхода войск скопление беженцев на военных дорогах будет препятствовать движению войсковых частей, то сворачивать беженцев в сторону и очищать дорогу для войск». Непосредственное руководство установлением порядка на дорогах «в пределах войсковой полосы» приказом было возложено на командиров корпусов. «Указанные меры к безостановочному проталкиванию беженцев» предписывалось «проводить самым энергичным образом»¹.

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 666.

В свою очередь командующий 3-й армией, войска которой занимали южный участок фронта – северное Полесье, 23 августа приказал всем желающим покинуть прифронтовую полосу по линии от Слонима по р. Щара до Огинского канала и вдоль оз. Выгоновское до с. Горынь и направляться на Смоленск – Рославль¹.

С северного участка фронта, занимаемого войсками 10-й армии, с линии Вильно – Лида беженцы направлялись на Витебск. Следует сказать, что Витебск и Двинск уже в апреле, по сообщению витебского губернатора М. В. Арцимовича главному начальнику Виленского военного округа, были «перегружены пришлым населением». (Туда направлялись беженцы из Гродненской губернии.) «Ввиду переполнения Витебска и Двинска, других городов губернии войсками, госпиталями, беженцами», он просил «более не направлять в губернию выселяемых беженцев». Об этом М. В. Арцимович телеграфировал и гродненскому губернатору².

Однако под давлением наступавших германских войск и отступавших русских обращения к витебскому губернатору с просьбами об «оказании содействия по размещению» эвакуированных учреждений и беженцев продолжали поступать, и с каждым днём их становилось всё больше. Неоднократно с такими просьбами обращались губернаторы Сувалкской, Ковенской, Курляндской и Виленской губерний. Губернатор М. В. Арцимович, несмотря на огромные сложности, почти в каждом случае проявлял к просьбам своё участливое отношение. Так, 25 апреля на поступившее из Вильно телеграфное сообщение о направлении в Полоцк почтово-телеграфного ведомства Ковенской губернии с просьбой оказать содействие по размещению, губернатором было отдано распоряжение местным властям принять меры по размещению его в Полоцке³. 27 июля из Вильно просили о содействии в размещении направленных в Витебск

¹ Керсновский А. История русской армии: 1881–1916 гг.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49191. Л. 2, 4.

³ Там же. Л. 26

учреждений Сувалкской губернии. В Витебск прибыли эвакуированные из Риги Мариинский детский приют численностью более 90 человек и из Ковно детский сиротский приют¹.

Кроме того, через Витебск следовали эшелоны с беженцами из Гродненской губернии, Лифляндии и Курляндии. Сообщая об этом главному начальнику военного снабжения Северо-Западного фронта и о том, что он принимает «все возможные меры по устройству их и организации питания», М. В. Арцимович просил об отпуске денежного кредита. Кредит в сумме 25 тыс. рублей «на питание беженцев и постройку для них бараков» был выделен². 8 июля из Риги прибыл в Витебск эшелон с выселенцами-цыганами численностью около 1000 человек с их лошадьми и повозками, а 14 июля и 27 июля – два эшелона из 24 и 32 вагонов с беженцами-евреями, для которых также было организовано питание. Причём большая часть цыган была отправлена в Витебский уезд, остальные цыгане и евреи проследовали через Смоленск во внутренние губернии России. 11 июля сообщалось об отправлении из Двинска в Полоцк и Витебск 43 вагонов с беженцами³.

Тем временем 11 июля Витебская комиссия по расквартированию войск и воинских учреждений на своём заседании «пришла к заключению, что ввиду необходимости расквартировать в Витебске войска и воинские учреждения, в дальнейшем не представляется возможным направлять в Витебск эвакуируемых из других городов гражданских учреждений и беженцев». «Разделяя» и ссылаясь на это решение, сообщая о нём в Вильно главному начальнику военного округа, витебский губернатор просил «распоряжений»⁴. 14 июля из Вильно князь Н. Е. Туманов телеграфировал витебскому губернатору М. В. Арцимовичу:

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49191. Л. 58, 80.

² Там же. Л. 78.

³ Там же. Л. 42, 49, 72.

⁴ Там же. Л. 37.

«За переполнением Витебска прошу в случае эвакуации не направлять туда более гражданских учреждений и беженцев»¹.

На основании данного распоряжения главного начальника округа гражданские учреждения Сувалкской и Ковенской губерний стали направляться в Рязань, Орёл и Курск; беженцы (с витебского направления) – «по преимуществу» в Ярославль².

К осени 1915 г. беженство достигло огромных размеров. Особенно многочисленно оно было в центральной части Беларуси – в Минской губернии. Об этом и о горестном положении беженцев говорил на заседании Минского губернского отделения Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны 10 сентября 1915 г. председатель отделения губернатор А. Ф. Гирс. Особое внимание было обращено на тяжёлое положение беженцев, двигавшихся на гужевом транспорте: «...израсходовав взятые с собой запасы фуража и не имея возможности» купить «по пути своего передвижения, беженцы вынуждены были продавать лошадей за бесценок евреям, превращаясь в безлошадных, лишённых перевозочных средств для дальнейшего следования из Минской губернии в более отдалённые районы»³. С целью облегчения положения этих беженцев губернское отделение приняло решение обратиться ко всем занимающимся беженцами организациям с предложением «организовать на широких началах закупку фуража и устройство на пути следования беженцев фуражных пунктов» при уже созданных врачебно-питательных пунктах «для бесплатной раздачи нуждающимся переселенцам». Зная, что «осуществление этой задачи» станет нелёгким из-за «недостатка на местах кормовых средств», губернское отделение «признало необходимым призвать» на помощь организациям, занимающимся помощью беженцам, «всех чинов администрации

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49191. Л. 45.

² Там же. Л. 50, 85, 88.

³ Там же. Л. 684.

и полиции Минской губернии», предложить им широко оповестить население о возможности продать имеющиеся запасы фуража для нужд беженцев, организовать его подвоз средствами владельца и местных жителей, а также самих беженцев «хотя бы за особую плату». Кроме того, с разрешения МВД было принято решение «просить организации по устройству беженцев использовать запасы зерна и корма общественных хлебозапасных магазинов за плату»¹.

Сообщая о принятом решении уездным предводителям дворянства, председателям уездных земских управ и начальникам полиции, губернатор А. Ф. Гирс просил их «оказать... всяческое содействие возможно быстрой организации снабжения беженцев в местах их передвижения»².

Одновременно принимались меры к упорядочению движения беженцев. Так, 7 сентября заведующий этапно-транспортной частью штаба 2-й армии, предписывая командиру казачьей конной сотни выставить заставы из казаков по 10 человек каждая для регулирования движения обозов 2-й и 10-й армий на дорогах из Молодечно и из Ракова, распорядился выставить заставу в 5 верстах к юго-западу от Минска (в д. Сенница) на Койдановском тракте для направления беженцев и обозов других армий (предполагались обозы 1, 3 и 4-й армий. – М. С.) и направлять их южнее Минска, «не входя в город», на Игуменский тракт для следования к Бобруйску³.

В этот же день, 7 сентября, минский полицмейстер, «согласно указаний заведующего хозяйственным отделом штаба главнокомандующего Западным фронтом генерала Кислякова», предложил приставам установить полицейские посты в пунктах города и направлять всех беженцев, ехавших с Койдановского, Раковского и Виленского трактов, через Ляховку и Серебрянку на Игуменский тракт⁴.

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 684.

² Там же.

³ Там же. Л. 698.

⁴ Там же. Л. 701.

Военные и полицейские власти были обеспокоены переполнением города войсками, обозами и беженцами, предписывали обозам, за исключением 2-й и 10-й армий, «проходить 3-й армии от д. Сенница на Смиловичи – южнее Минска, 1-й и 4-й армий, обогнув Минск справа, следовать на Свислочь». Въезд обозов (за исключением 2-й и 10-й армий), отдельных повозок, скота и беженцев в город был запрещён¹.

Однако, как показало время, все эти принятые меры не дали ожидаемых результатов. Уже 15 сентября на специально созванном заседании Особого совещания по вопросу урегулирования движения беженцев в городе Минске и его окрестностях минский губернатор А. Ф. Гирс на основе своих «личных наблюдений и донесений подведомственных должностных лиц» изложил мрачную картину массового скопления беженцев в Минске и его окрестностях, достигавшего «нескольких десятков тысяч с детьми, повозками, лошадьми и рогатым скотом»².

Разбив их на три категории, к первой он отнёс безлошадных, прибывших в Минск по железным и грунтовым дорогам, на подводах и пешком. Получив в благотворительных организациях (отделении Татьянинского комитета, главноуполномоченного по устройству беженцев С. И. Зубчанинова) документы на бесплатный проезд по железной дороге, они направлялись на станции Минск Александровской и Минск Либаво-Роменской железных дорог, но так как из-за отсутствия подвижного состава вагонов не подавалось, по нескольку дней сидели «в районе вокзальной территории», набрасываясь на каждый проходящий поезд и усаживаясь в вагоны, на площадки и «вообще где только можно сесть и стать», не считаясь ни с перегруженностью вагона, ни с опасностью для жизни во время движения поезда. Таким путём уезжала лишь незначительная часть беженцев. Большинство же их, численно «всё увеличиваясь», оставались на вокзалах, на улицах и площадях под открытым

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 706.

² Там же. Л. 758.

небом, переполняя город, загромождая железнодорожные пути, мешая маневрированию поездов и работе железнодорожников.

Ко второй категории беженцев губернатор отнёс «многих имевших лошадей и повозки» и способных передвигаться по грунтовым дорогам, но, подъезжая к городу, стремившихся продать «хотя бы и за бесценок свои перевозочные средства». В поисках реквизиционных комиссий или случайных покупателей они загромождали своими лошадьми и повозками центральные улицы города, препятствуя движению воинских грузов и проходивших через город воинских команд. Оставшись безлошадными, они увеличивали «первую категорию беженцев, стремившихся выехать из Минска по железным дорогам».

Третью категорию беженцев, по словам губернатора, составляли «группирующиеся в окрестностях города партии беженцев, достигающие... нескольких десятков тысяч человек, с детьми, повозками, лошадьми и рогатым скотом». Располагаясь «табором под открытым небом на полях, дорогах и в чужих усадьбах», они рубили «в лесах, садах и усадьбах деревья, изгороди и даже постройки для разведения костров, вызывая массовые жалобы частных владельцев». Причём, образовав «пробку», они сами же были «лишены возможности следовать дальше, пока власти не урегулируют их движение и не укажут дорог, по которым они должны следовать из Минской губернии в другие, более восточные и более далёкие от линии боевых действий»¹.

При обсуждении сообщения губернатора выяснилось, что полицейских сил, регулировавших движение беженцев в окрестностях Минска, было «совершенно недостаточно для поддержания планомерного безостановочного следования их на восток». Для обеспечения этого, а также для упреждения проникновения новых партий беженцев в город было принято решение просить начальника губернии усилить состав местной городской полиции за счёт эвакуи-

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 758.

рованной в Минск полиции Виленской губернии, а также военное начальство о выделении конных отрядов для поддержания порядка на привокзальной территории и на улицах города, для обслуживания питательных пунктов в окрестностях Минска и регулирования движения в районе Сенницы.

Чтобы облегчить положение несчастных людей, совещание признало необходимым просить Комитет ВЗС Западного фронта «устроить близ вокзала в помещениях бывшего склада Варшавско-Венской ж. д. убежище с врачебно-питательным пунктом для беженцев», находившихся на привокзальной территории, а «для разгрузки» её, «где собралось уже свыше 6000 беженцев», ходатайствовать перед начальником штаба Западного фронта и представителем главноуполномоченного по устройству беженцев о «крайне необходимой подаче хотя бы по одному поезду в сутки» на железнодорожную станцию Минск, а также в Старые Дороги и Бобруйск, где было «огромное скопление безлошадных беженцев, достигающее многих десятков тысяч»¹.

Совещание приняло решение просить также Комитет ВЗС по устройству беженцев построить врачебно-питательный пункт в окрестностях Минска, чтобы позаботиться «об их размещении в свободных зданиях на время, пока не будет произведена здесь разгрузка скопившихся беженцев», а на всех путях их следования как в Минском, так и Игуменском уезде – открыть пункты для выдачи им фуража, организовав его закупку в других районах и использовав запасы ячменя Интендантства².

С наступлением холодов положение беженцев стало ещё более критическим. Было очевидно, что без организации перевозок беженцев железнодорожным путём эту проблему не решить. К этому времени, в связи с создавшимися трудностями с военными перевозками и с целью решения проблемы в Ставке Верховного главнокомандующего под пред-

---

¹ НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 67. Л. 759.

² Там же. Л. 758, 760.

седательством начальника штаба генерала М. В. Алексеева с участием начальников снабжения армий, главноуполномоченных по устройству беженцев, представителей управления железных дорог, министерств торговли и промышленности, губернаторов прифронтовых губерний 1 октября состоялось совещание, на котором, в частности, работа железных дорог по перевозке беженцев была признана неудовлетворительной. Был отмечен целый ряд непродуманной отправки беженцев в пункты назначения, частые случаи задержек вагонов с ними в узлах ожидания. Констатировалось, что в Минской, Могилёвской, Витебской, Смоленской и Псковской губерниях гужевым путем двигалось 450–500 тыс. человек. Особенно много беженцев находилось между Минском и Смоленском, Гомелем и Брянском. Было принято решение организовать с 5 по 15 октября вывоз беженцев в глубь России и выделять для этого ежедневно 1200 вагонов¹.

Одновременно с направлением беженцев в центральные губернии империи местные власти занимались поселением их на незанятой противником территории белорусских губерний. Наибольшее число их осело в Минской губернии – 123 900 человек, в Могилёвской – 83 671, в Витебской – 52 938 человек².

Как свидетельствуют «Листы обследования беженцев» в Минской губернии, заполненные корреспондентами в ходе переписи в конце 1915 – начале 1916 г., в основном это были крестьяне-хлебопашцы, выселенные российскими военными и гражданскими властями из пределов губерний Царства Польского, а также из Волынской, Сувалкской, Гродненской, Виленской, Ковенской, западных уездов Минской губерний. Измученные дальним и длительным переездом

---

¹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42. Л. 519–520.

² Бобков А. М. Беженцы в Беларуси в годы мировой войны (1915–1916) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Усебеларус. канф. гісторыкаў (Мінск, 3–5 лют. 1993 г.) : у 2 ч. / рэдкал.: М. П. Касцюк (адк. рэд.). Мінск : Універсітэцкае, 1994. Ч. 1 : Гісторыя Беларусі. С. 36.

(от 300 до 400 км в течение 2–3 месяцев), почти все они (особенно многодетные семьи с маленькими детьми) не были согласны на дальнейший переезд. Лишь отдельные семьи обнадёживали власти своим согласием на переезд в глубинные губернии империи при условиях «за исключением Сибири», «весной», в места, «где можно иметь казённую работу» и т. п. Отдельные семейства (Гродненской, Ломжской, Холмской губерний) не были согласны на переезд, надеясь на «скорое очищение их местности от врага» и возвращение к своим очагам¹.

По результатам обследования семейств беженцев можно сделать вывод, что в основном они были размещены по крестьянским хатам, где проживали совместно с хозяевами как без оплаты, так и с оплатой за жильё. Беженцев обеих категорий было примерно поровну. Продовольствие, хотя и в недостаточном количестве, они получали в организованных «Северопомощью», ВЗС и ВСГ продовольственно-питательных пунктах (в Старобине, Березино, Пуховичах, Долгиново, Ракове и др.), а также от благотворительных национальных обществ и местных крестьян. Недостающие продукты многие семейства восполняли за свой счёт, некоторые – путём попрошайничества. Местные жители к беженцам в основном относились сочувственно, доброжелательно, миролюбиво, снисходительно.

Трудоспособные члены семейств имели возможность применить свой труд и заработать на рытье окопов, строительстве оборонительных сооружений, военном дорожном строительстве, подвозе стройматериалов, продовольствия на продовольственно-питательные пункты, а также в помещичьих имениях и крестьянских хозяйствах.

В имущественном отношении в основном все беженские семьи были равны. Снятые с мест проживания, они лишились всего. С наступлением осенних холодов особенно остро среди них ощущалась потребность в тёплой одежде и обуви.

---

¹ НИАБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 886. Л. 134–376.

Благотворительные общества «Северопомощь», ВЗС, ВСГ оказывали помощь путём выдачи полушубков, валенок, другой тёплой одежды. Но всех обеспечить было невозможно.

Особенно страдали дети беженцев, хотя благотворительная помощь оказывалась прежде всего им: бесплатные обеды, пайки (там, где взрослые не могли получить). По возможности обеспечивалось обучение детей школьного возраста в земских, церковно-приходских, сельских школах, народных училищах (Дричин и там, где они имелись), в некоторых местах были организованы школы для детей беженцев (Столин), «подвижные» школы. Однако во многих случаях дети беженцев не имели возможности учиться. Причины были одни: дети не имели тёплой одежды и обуви, не было школ вблизи мест их обитания.

Со стабилизацией линии фронта беженское движение приостановилось, хотя командование частей и соединений, находившихся на передовых позициях, по-прежнему настаивало на выселении всех беженцев и жителей «как в целях боевых, так и по санитарным соображениям, из полосы, примыкающей к позициям». Так, командир 20-го армейского корпуса в донесении от 7 декабря 1915 г. начальнику штаба 2-й армии сообщал: «Расположенные в районе корпуса селения переполнены беженцами, в большинстве хат живёт по нескольку семейств. Такая скученность создаёт благоприятную обстановку для развития среди населения заразных и эпидемических болезней». Кроме того, комкор был обеспокоен тем, что «проживание в районе расположения войск большого числа беженцев, часто не имеющих документов, удостоверяющих их личность, затрудняет точную регистрацию населения в целях борьбы со шпионством». «Изложенные причины, – считал он, – делают крайне желательным выселение всех некоренных жителей из населённых пунктов района корпуса до линии р.р. Спяглинка – Нарочь – Вилия». Кроме того, он видел «крайне желательным выселение также и коренных жителей – как в целях боевых, так и по... санитарным соображениям, из полосы, непосред-

ственно примыкающей к позициям, хотя бы до линии деревень Поповцы – Родзевичи – Дервели – Шостаки – Хаусты – Трилесино»¹. «О разрешении выселить всех жителей из деревень, лежащих в районе позиций», ходатайствовал перед командиром 27-го армейского корпуса начальник 45-й пехотной дивизии, заподозривший в связях с противником жителей д. Боровые².

Поддерживая начальника дивизии, командир корпуса в свою очередь признавал «пребывание жителей в районе позиций крайне нежелательным и выселение их из этого района необходимым» и ходатайствовал об этом перед штабом 2-й армии. В штабе армии, и в частности генерал-квартирмейстер генерал-майор М. М. Ставров, также считали, что «с точки зрения военных интересов безусловно вредным пребывание местных жителей в полосе между окопами передовой линии и местами расположения штабов дивизий, то есть в границах боевого размещения войсковых частей и резервов»³. Однако главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт, констатируя факты «вопреки» его «неоднократным указаниям» продолжавшихся выселений, приказал командующим 1, 2, 3, 4 и 10-й армий «прекратить выселение беженцев и местных жителей... так как это не только нарушает интересы местного населения, но идёт вразрез с интересами государственными»⁴.

Таким образом, беженство мирных жителей в ходе Первой мировой войны явилось одним из самых трагичных её последствий. В расчёте на скоротечную и победоносную войну, ведение боевых действий на территории противника российские правительственные и военные круги не предусмотрели проблемы беженства мирных жителей. Возникнув и развиваясь в невиданно широкие масштабы в ходе военных действий, эта проблема обнаружила неподготовленность

---

¹ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 67. Л. 7.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 29.

властей к её решению в организованном порядке. Все меры, направленные на решение первоочередных вопросов беженства, проводились не в порядке их упреждения, а в ходе развития трагедии.

Большую роль в решении вопросов, связанных с беженским движением, сыграли благотворительные общества ВЗС, ВСГ, Татьянинского комитета, Российского Общества Красного Креста, государственной организации «Северопомощь», а также местные губернские и уездные власти и национальные благотворительные общества. Благодаря их совместным усилиям (пусть не в полной мере) решались вопросы по облегчению участи несчастных людей. Особое место в этом занимает жертвенность местных жителей неоккупированной части белорусских губерний, разделявших с беженскими семьями свой кров, скудные припасы продовольствия и фуража, одежды и обуви, в конечном счёте – их участь.

НАРОЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В МАРТЕ 1916 г.

1916 год стал самым кровопролитным на белорусских землях за два с половиной года противостояния тут враждующих сторон. В этот год дислоцировавшимися здесь войсками Западного фронта русской армии был предпринят ряд наступательных операций с целью прорыва участка австро-германского фронта. Первой из них явилась Нарочская операция в марте 1916 г.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 гг., союзное командование (русской, французской и английской армий) в декабре 1915 г. и в феврале 1916 г. в Шантильи, в Ставке французского главного командования провело межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Союзники не ставили задачи достижения определённых целей. Было только выражено согласие о взаимной поддержке той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооружённых сил Тройственного союза. Совместные действия союзных сил в виде общего наступления должны были начаться весной 1916 г. с установлением благоприятных для наступления на русском фронте условий.

Германцы упредили расчёты союзников по Антанте и во многом спутали их планы, начав 8 февраля 1916 г. наступление для прорыва фронта у Вердена. Первоначальные успехи немцев под Верденом сильно обеспокоили французское командование, а с потерей 12 февраля форта и селения Дуомон положение французских войск под Верденом стало критическим. Уже 19 февраля представитель французского

главного командования при русской Ставке генерал По передал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву письмо от командования французской армии, в котором оно требовало от русских перейти в наступление, оттянуть часть германских сил на себя.

В ответ на обращение французского командования за помощью Верховное командование русской армии 24 февраля 1916 г. провело совещание в Ставке с главнокомандующими фронтами и начальниками штабов, другими служебными лицами, на котором было принято решение о проведении военной операции силами Западного и Северного фронтов нанесением главного удара на стыке этих фронтов (район озёр Вишневское – Нарочь – г. Поставы) для отвлечения германских сил с французского фронта, а в случае успеха – для дальнейшего развития наступления до полного вытеснения германских войск за границу Российской империи. Выбор места для нанесения главного удара объяснялся превосходством тут сил над противником и наиболее выгодной конфигурацией фронта.

Участок местности, на котором планировалось наступление русских войск, ограничивался: с севера многочисленной группой озёр – Эйсита, Дрингис, Дисна, Дривяты, Перебродье и др.; с юга линией населённых пунктов – Ошмяны, Вилейка, Долгиново; с запада линией озёр – Лакай, Освие и г. Ошмяны.

Следует сказать, что первоначально инициатива проведения данной операции исходила от главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, который ещё 4 и 13 января 1916 г. предлагал Ставке Верховного главнокомандующего нанести удар, пока ещё водоёмы скованы льдом¹. Однако согласование со Ставкой, сбор ударной группировки, снабжение необходимыми военными средствами затянулись. Обращение французов заставило Ставку Верховного главнокомандования форсировать события, и 19 февраля

---

¹ См.: Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 10.

ею была поставлена 2-й армии конкретная боевая задача: сосредоточить главные силы на флангах и перейти ими 5 марта в решительное наступление с целью разгромить противника, находящегося перед фронтом, затем наступать дальше, чтобы прочно утвердиться на линии Свенцяны – Михалишки – Герваты. Вспомогательный удар предписывалось нанести силами соседней справа 1-й армии. Остальные армии Западного фронта должны были сковать противника перед собой, а при успехе 2-й армии перейти в общее наступление с целью достижения линии Вилькомир – Вильно – Делятичи.

Операция получила название «Нарочской» и подготавливалась в спешном порядке. Был значительно увеличен боевой состав 2-й армии. К имевшимся на 1 января 1916 г. в наличии 4-му Сибирскому, 5, 20 и 36-му армейским корпусам, Уральской казачьей дивизии и 1-й отдельной кавалерийской бригаде, насчитывавших около 180 тыс. штыков и сабель, были дополнительно направлены шесть корпусов, в том числе один кавалерийский, общей численностью более 230 тыс. штыков и сабель. Эти войска в соответствии с директивой главнокомандующего Западным фронтом от 14 февраля 1916 г. были выделены из состава 3, 4 и 10-й армий и резерва главнокомандующего и следовали в назначенные пункты в большинстве случаев походным порядком. При этом некоторым частям предстояло преодолеть расстояние до 100 км в условиях зимних дорог, с требованием «принятия всех мер к сохранению в секрете подготавливаемого удара»¹.

Разведке противника удалось установить, что «на погрузочных станциях Динабурга (Двинска. – М. С.), Постав и Молодечно и основных магистральных за русским фронтом по Двине и озёрам и к югу от реки шёл непрерывный поток колонн и обозов, движущейся артиллерии, кавалерийских и казачьих полков». И уже 5 марта германцам «стало ясно»,

---

¹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 19–20.

что перед фронтом их 10-й армии «были стянуты 14 русских дивизий, а какие-то ещё находились на подходе»¹.

От наблюдателей неприятеля не ускользнуло не только массовое перемещение русских войск к местам предстоящего наступления, но и такие детали подготовки, как снабжение в феврале колонн и обозов в районе от Вишневого озера до Дисны «новыми лошадьми и упряжью» что было расценено как подготовка к «большим маршам преследования в сложных дорожных условиях».

«Решающим указанием на намерение русских повести наступление против 10-й армии генерал-полковника Эйхгорна стала информация о масштабных работах по расширению всех станционных сооружений на участке Бабичи – Молодечно и о работах на участке Бабичи – Глубокое – Поставы, который большей частью переоборудовался под главную ветку подвоза», – отмечал в своей книге «Русское весеннее наступление 1916 года» германский офицер-фронтвик Вальтер Флекс².

Таким образом, противнику было известно о подготовке русскими наступления, однако немцы предполагали, что главный удар будет им нанесён в районе Сморгони. Только начало русскими артиллерийской пристрелки дало противнику точный ориентир. Так, начальник штаба германского Восточного фронта генерал Людендорф в своих мемуарах отмечал: «Уже 3 марта русские открыли ураганный огонь, но не у Сморгони, как мы ожидали, а против узкого прохода между озёрами Вишневым и Нарочем, по обе стороны узкоколейки Свенцяны – Поставы и к юго-западу от Двинска»³.

Все признаки готовящегося наступления русских вызвали у германцев серьёзную озабоченность и беспокойство,

---

¹ Битва у Нарочи, 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении (Нарочская операция): мемориал : пер. с нем. / авт. текста, сост. В. А. Богданов. Брест : Полиграфика, 2016. С. 25, 28.

² Там же. С. 25.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. : [в 2 т.]. М., 1924. Т. 1. С. 200.

повысили бдительность и настороженность в несении службы охранения. Увеличились их работы по очистке окопов второй линии и ходов сообщения от снега, оплетались колючей проволокой новые дополнительные участки перед фронтом, ближе к боевой линии подтягивались резервы.

К моменту наступления боевой состав русских войск насчитывал более 400 тыс. штыков и сабель. На их вооружении имелись значительные наступательные средства: 605 лёгких артиллерийских орудий и 168 тяжёлых, а также переданные в ходе операции на усиление армии 114 орудий тяжёлых дивизионов, что обеспечивало перевес над противником в тяжёлой артиллерии почти в 2 раза. В 2 раза перевес сил над германцами был в саблях и почти в 5 раз в штыках. Однако в снарядах для тяжёлой артиллерии ощущался острый недостаток.

К началу операции, 27 февраля заболел командующий 2-й армией генерал В. В. Смирнов. Проведение операции было поручено командующему 4-й армией генералу А. Ф. Рагозе. Это назначение, ставшее известным немцам 29 февраля, и перенос А. Ф. Рагозой штаба 2-й армии из Минска в Будслав, напротив фронта 21-го германского корпуса – от Вишневого озера и до р. Камайка к северу от Постав, германцам «словно молния ярко высветила», по их словам, «предположительный фронт наступления» русских. Теперь уже у противника не было «ни малейшего сомнения о направлении русского наступления»¹.

2 марта главнокомандующий германским Восточным фронтом генерал-фельдмаршал Гинденбург сообщил «подчинённым армейским командованиям, что очевидно следует ожидать атак на 10-ю армию». «Намеченные Рагозой направления главных ударов становились день ото дня всё более явными ввиду планомерных пристрелок артиллерии и занятия ударными дивизиями исходных позиций для наступления».

---

¹ Битва у Нарочи, 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении (Нарочская операция). С. 28.

Прибыв во 2-ю армию, перед наступательной операцией, А. Ф. Рагоза не был знаком ни с войсками, оказавшимися в его подчинении, ни с районом предстоящих боевых действий, ни со штабом, с которым он должен был руководить прорывом сильно укрепленного фронта. Первым его решением по организации боевой операции было создание из войск, входивших в состав 2-й армии (по его мнению, для лучшего управления), трёх армейских групп, две из которых заняли позиции на флангах. На правом фланге, к северу от оз. Нарочь, 20 км позиции занимала группа, возглавляемая генералом М. М. Плешковым, в составе 1-го Сибирского, 1-го и 27-го армейских и 7-го кавалерийского корпусов общей численностью 91 499 штыков и 1697 сабель. На вооружении группы было 144 лёгких и 116 тяжёлых артиллерийских орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4660 бойцов и 13 орудий.

На левом фланге, к югу от оз. Нарочь, занимала 22-километровые позиции группа во главе с генералом П. С. Балуевым в составе 5-го и 36-го армейских и 3-го Сибирского корпусов и Уральской казачьей дивизии общей численностью 94 111 штыков и 1543 сабель. На вооружении имелось 153 лёгких и 66 тяжёлых артиллерийских орудий. В среднем на 1 км занимаемого фронта приходилось 4802 бойца и 10 орудий.

Центральный 15-километровый (исключая озеро) участок линии занимала группа, возглавляемая генералом Л. О. Сирелиусом, в составе 34-го армейского и 4-го Сибирского корпусов, общей численностью 65 229 штыков и 1092 сабли. На вооружении имелось 101 лёгкое и 12 тяжёлых орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4421 боец и 7,5 орудия.

Таким образом, войска и артиллерия 2-й армии были рассредоточены по фронту почти равномерно. Не было создано ударного кулака, как это предписывалось директивой Ставки.

На рассвете 5 марта грохот сотен артиллерийских орудий возвестил о начале артиллерийской подготовки. Особенно сильным был огонь на участке Северной группы. Её 1-му

Сибирскому корпусу было приказано прорвать фронт на участке Бучелишки – Лапинский лес и наступать в направлении Камай – Можейки – Неверишки – Ольса. Однако из-за слабости калибра орудий и мёрзлого грунта артиллерийский огонь оказался малоэффективным: проволочные заграждения остались целыми, блиндажи и пулемётные гнёзда не были разрушены, артиллерийский огонь противника не был подавлен. Как только в середине дня войска стремительно бросились в атаку, они были встречены мощным перекрёстным артиллерийским и пулемётным огнём германцев, понесли большие потери. Только на отдельных участках они преодолели проволочные заграждения и заняли окопы противника, но были выбиты сильным фланговым огнём. К концу дня войска вынуждены были отойти на исходные позиции. На исходе дня противник подтянул силы и совершал попытки контратак.

Тремя часами позже Северной группы перешли в наступление войска Южной группы из исходного положения Занарочь – Лядо – р. Нарочь в направлении Проходы – Проньки – Баранов Рог – Бараны – Михалишки – Нестанишки – Сыроватки. Однако, не имея надлежащей подготовки и поддержки со стороны артиллерии, они понесли большие потери от артиллерийского и ружейно-пулемётного огня противника и к исходу дня отошли на исходные позиции.

В составе 36-го армейского корпуса Южной группы в наступлении с участка Чурлионы, Шляпы, Макаричи принимала участие 25-я пехотная дивизия, в которую входили 99-й Ивангородский и 100-й Островский пехотные полки, накануне войны дислоцировавшиеся на территории Витебской губернии и в дни мобилизации 1914 г. пополненныечинами запаса из местных жителей. 5 марта атакующие части 25-й дивизии успешно продвигались вперёд, как вдруг по ним был открыт сильный артиллерийский огонь противника со стороны Мокрицы – Сидоровичи – Железняки. Сопровождавшая атаку артиллерия не смогла подавить огневые точки противника, так как они находились вне досягаемости

выстрелов. Наступающие несли большие потери и залегли перед самым фронтом 48-го германского полка. Затем дважды предпринимали повторные атаки, но продвинуться ближе, чем на 200 м, до траншей противника атакующим так и не удалось. Здесь они оставались под сосредоточенным огнём противника до наступления темноты. Затем с огромными потерями отошли в исходное положение. Потери 36-го корпуса за этот день составили 19 офицеров и 2030 солдат, а в целом в Южной группе – 98 офицеров и 6237 солдат убитыми и ранеными¹.

На центральном участке фронта армии, занимаемом группой генерала Сирелиуса, активных боевых действий не было. Следует сказать, что с самого начала наступательной операции русских войск немцы заметили пассивную роль войск группы генерала Сирелиуса и активно воспользовались этим. Они снимали свои войска с этого участка фронта и оперативно перебрасывали их на угрожаемые участки в ходе наступательных действий Северной и Южной групп.

Таким образом, в первый день проведения операции наступающие войска ни в одном пункте на фронте 2-й армии не овладели укреплениями противника настолько, чтобы удержать их. Потери же за этот день были значительны: 183 офицера и свыше 15 тыс. солдат убитыми и ранеными.

В ночь с 5 на 6 марта пошёл дождь. С утра опустился густой туман, наблюдение для ведения артиллерийского огня сделалось невозможным. Однако германцы уже с рассветом открыли сосредоточенный артиллерийский огонь снарядами с отравляющими газами по участку фронта, занимаемому 25-й пехотной дивизией. Начальник дивизии генерал Н. Г. Филимонов решил воспользоваться завесой тумана и атаковать, чтобы вывести войска из отравленной зоны и захватить окопы противника. Но его расчёты не оправдались: наступающие части были остановлены у проволочных заграждений сильным артиллерийским и пулемётным

---

¹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 94.

огнём и залегли. Всё усиливающийся обстрел 99-го Ивановгородского полка заставил его командира полковника Томина, не предупредив соседей, принять решение отойти в исходное положение. Это повлекло отступление соседних 98-го и 100-го полков 25-й дивизии¹.

В последующие дни атаки русских войск повторялись, но в основном также были безуспешны. Вот как об этом сообщал командующий 2-й армией генерал А. Ф. Рагоза в телеграмме главнокомандующему Западным фронтом генералу А. Е. Эверту: «За первые дни боёв на фронте армии выяснилось, что для овладения укреплениями противника, по причине их мощности, мёрзлого грунта, фланговых уступов, сильных блиндированных блокгаузов и умелого размещения многочисленных заграждений... приходится прилагать огромные усилия. Атака 5-го корпуса в районе д. Занарочь была встречена газами, которые были выпущены из баллонов, местами же противник бросает химические снаряды, что также является трудностью для войск при наступлении». Отмечая действия артиллерии, генерал Рагоза сообщал, что «затрудняется стрельба, особенно корректировка, из-за постоянных туманов, которые держатся в этой местности целыми днями. В полевых снарядах недостатка нет, но тяжёлых, как показывает практика, мало. Между тем от них в значительной мере зависит более быстрый и полный успех. Увеличения числа тяжёлых снарядов просят поголовно все начальники и к их просьбе нельзя не присоединиться»².

Военным действиям не благоприятствовали и погодные условия. Уже на второй день операции пошёл дождь, а на третий, как отмечалось в войсковых сводках, «тающий снег затоплял окопы, болота становились местами уже непроходимыми, лёд в ручьях трескался, наступающие проваливались

---

¹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 105.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 292. Л. 86.

в полыньи по пояс». Кроме того, целыми днями стоял густой туман, который осложнял действия артиллерии.

Несмотря на всё это, 7 марта из Минска прозвучал угрожающий окрик главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта в адрес командующего 2-й армией генерала А. Ф. Рагозы: «Потребовать от начальников групп и командиров корпусов надлежащего управления войсками. Приказываю проявить энергию и дисциплину во всех действиях... что бы там ни было разбить и отбросить противника, потому что наступившая оттепель осложнит наше наступление»¹.

В свою очередь генерал Рагоза срочно телеграфировал командирам корпусов, которые входили в его армию: «Развивать достигнутый успех. Продолжать выполнение поставленных задач». Одновременно он предупреждал об экономном расходовании боевых сил и средств, на скорое получение помощи просил не рассчитывать.

Между тем войска и в этих сложных условиях делали попытки продолжать наступательные действия. 8 марта Северная группа войск генерала Плешкова в ходе наступления захватила первую линию окопов противника, но сильным огнём врага была выбита и с большими потерями отошла к рубежу Лесные Муляры. Солдаты и офицеры действовали безукоризненно и самоотверженно, делали всё возможное и невозможное. С презрением относились к смерти. Под мощным ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём противника они лавиной шли на неразрушенные проволочные заграждения противника и, жертвуя жизнью, стремились преодолеть их. Об этом, например, свидетельствует такой факт: только на участке прорыва вражеского фронта частями 22-й пехотной дивизии похоронной командой было снято с проволочных заграждений 5 тыс. трупов русских солдат. Среди массовой отваги воинов следует отметить патриотический подвиг самопожертвования 17-летней девушки

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 292. Л. 106.

Евгении Воронцовой, которая добровольно прибыла из-под московного Голутвина в 3-й Сибирский полк 1-й Сибирской дивизии 4 февраля 1916 г. Командование, принимая во внимание возраст девушки, зачислило её в команду связи. Но в день наступления полка она категорически заявила о своём желании принять участие в атаке и отправилась в 5-ю роту. На рассвете 8 марта по приказу командира корпуса 3-й Сибирский полк в составе 1-й Сибирской дивизии пошёл в атаку. Наступавшие сразу были встречены сильным ружейно-пулемётным огнём противника, несли большие потери. Достигнув проволочных заграждений, стрелки остановились. Воронцова первой нашла проход в проволочных заграждениях и, как отмечено в журнале военных действий 3-го Сибирского полка, «с криком “Братцы вперёд!” устремилась к германским окопам. Многие последовали её примеру. Но через несколько шагов юная героиня пала мёртвой, сражённая вражеской пулей»¹.

Войска Южной группы генерала Балуюева в тот же день, выпустив по противнику 7 тыс. химических снарядов, перешли в наступление и захватили две, а в отдельных местах – три линии окопов на фронте оз. Нарочь – Августово. Однако из-за отсутствия своевременной поддержки резервами под сильным огнём противника вынуждены были отступить.

Наступление полков 25-й пехотной дивизии в этот день развивалось слабо по причине усталости личного состава и больших потерь в предыдущих атаках. А во время одновременной атаки корпусов Южной группы, начавшейся в 3 часа 30 минут 10 марта и встреченной сильным огнём противника, около 5 часов командир 36-го корпуса доносил командующему группой генералу Балуюеву, что части залегли, 25-я дивизия не боеспособна и выполнить поставленную ей задачу она не в состоянии, и ходатайствовал о смене дивизии другими, менее пострадавшими частями и об отводе её в тыл для отдыха, приведения в порядок и пополнения.

---

¹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 115.

Генерал П. С. Балуев принял решение сменить 25-ю дивизию переданной из армейского резерва 55-й, находившейся в районе деревень Курники, Муляры. До её подхода занимаемый участок фронта удерживать частями 25-й дивизии во что бы то ни стало¹.

К 9 марта наступило полное бездорожье. Дороги на болотистых участках стали полностью непроходимыми. Ведение боевых действий не только с каждым днём, но и с каждым часом делалось всё менее возможным. Однако попытки атаковать противника продолжались. 9 марта перешли в наступление войска Северного фронта и войска Западного фронта должны были их поддержать. 10 марта войска 2-й армии получили приказание вновь продолжать атаки с целью прорыва фронта противника.

Северной группе войск была поставлена задача прорвать германский фронт на участке Вилейты – Бучелишки. Но силы войск выдохлись, их наступательный порыв понизился. По причине неготовности атака войск Северной группы дважды откладывалась. В атаке, которая началась 13 марта, из-за больших потерь в предшествующих боях приняли участие не все корпуса. Соединения, которые пошли в наступление, захватили первую (местами – и вторую) линии окопов противника, но не получили поддержки со стороны артиллерии, так как не имелось снарядов, и в разгар боевых действий 12 пушек тяжёлой артиллерии, 20 лёгкой и часть гаубиц вынуждены были бездействовать.

Следует заметить, что в наступательных действиях войск Северной группы принимала участие сформированная в Бобруйске в дни мобилизации 1914 г. 76-я пехотная дивизия, входившая в состав 27-го армейского корпуса. В начале операции дивизия находилась в групповом резерве и располагалась в районе деревень Перевозники, Юньки. Затем, в соответствии с распоряжением командующего Северной группой генерала М. М. Плешкова, 6 марта передвинулась

---

¹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 126–127.

в район Озерки, Костени, то есть ближе к боевой линии. Утром 7 марта в момент атаки 22-й пехотной дивизии на её поддержку была направлена бригада 76-й дивизии в составе 301-го Бобруйского и 302-го Суражского пехотных полков. Однако по вине командира бригады своевременная поддержка 22-й пехотной дивизии бригадой не была оказана. 7 марта части 27-го армейского корпуса заняли позиции в образовавшемся разрыве между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами. В соответствии с приказом командующего Северной группой об очередной атаке войск 8 марта части корпуса должны были атаковать противника на участке от Микулишек до Бучелишек. Однако из трёх бригад 27-го корпуса в наступление назначались только 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й дивизии. Остальные части были эшелонированы в глубокий тыл, составляя дивизионный и корпусный резервы. Вначале наступление полков шло успешно: 302-й полк захватил сторожевое охранение противника у Бучелишек, но дальше продвинуться не смог, так как был обстрелян сильным фронтальным огнём противника со стороны Бучелишек и фланговым – от Целины. За 302-м Суражским полком остановился в своём продвижении и 301-й Бобруйский полк. Затем полки были обстреляны сильным артиллерийским огнём, не выдержали и отошли в исходное положение. Поддержка со стороны 2-й бригады 76-й пехотной дивизии оказалась слабой и несвоевременной¹. Сказывалось плохое управление войсками со стороны командира корпуса генерала Баланина.

Последнее наступление частей 76-й пехотной дивизии состоялось (в соответствии с приказом генерала М. М. Плешкова) в 4 часа 13 марта. К 4 часам 30 минутам 301-й Бобруйский и 304-й Новгород-Северский пехотные полки заняли первую линию германских окопов. Левofланговый 302-й Суражский полк прошёл первую и атаковал вторую линию окопов. Однако на атаке этой линии оказался открытым

---

¹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 113.

левый фланг полка, так как наступление частей соседнего 1-го Сибирского корпуса запаздывало. 302-й полк понёс огромные потери и вынужден был отступить. Это задержало продвижение 301-го и 304-го полков. Поддержки не поступило. 76-я дивизия не выдержала сосредоточенного артиллерийского и ружейно-пулемётного огня противника и, в одиночку разбитая, отступила. Наступление 27-го корпуса захлебнулось. Огромные потери понесли и соседние войска 1-го Сибирского и 1-го армейского корпусов. Под сильным огнём врага войска отошли на исходные позиции. На этом боевые действия Северной группы войск в Нарочской операции окончились. Её обескровленные корпуса были отведены в тыл, сама группа расформирована.

Боевые действия Южной группы генерала Балугеца продолжались. К этому времени на участке фронта против неё командованием германской армии были сконцентрированы крупные силы. Сначала атака намечалась на день 17 марта, но из-за густого тумана она была перенесена на утро 18 марта. В этот день атакующие встретили упорное сопротивление германцев. Не достигнув линии окопов, русские части залегли под сильным огнём врага. Атака захлебнулась.

Верховное командование, видя крах операции, вынуждено было 16 марта отдать директиву «временно приостановить выполнение операции в определённых ранее размерах до улучшения местных условий».

17 марта главнокомандующий Западным фронтом в приказе войскам, признав, что «начатая 5 марта атака неприятельских позиций в районе 2-й армии до настоящего времени не привела к решительным результатам, между тем наступившая тёплая погода и обильные осадки, выпавшие за последние дни, сильно заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в полном объёме», приказал «прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке

между озёрами Нарочь и Вишневецкое продолжать начатую операцию с целью овладения пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района»¹.

Таким образом, стартовавшая 3 марта 1916 г. Нарочская операция была прекращена. Операция, начатая в не совсем подходящий момент (наступающая весна) и в неподходящей этому времени местности (низина с многочисленными озёрами, речками, болотами, кустарниками да лесами), с самого начала была обречена на неудачу. Кроме того, поспешность операции проявилась в необеспеченности войск боевыми средствами. В продолжение всей операции ощущалась острая нехватка снарядов для тяжёлой артиллерии, около 24 тыс. солдат не были вооружены даже винтовками, посколку их не хватало, не доставало шанцевого инструмента.

Все эти сложности и недостатки, наряду с плохим управлением войсками, стоили русским огромных жертв. За две недели наступления людские потери 2-й армии составили 1018 офицеров и 77 427 солдат² – почти $\frac{1}{4}$ личного состава армии к началу Нарочской операции. Кроме того, были понесены и огромные материальные потери.

Понятно, что такие потери русских войск несопоставимы с захваченными ими в ходе операции трофеями – около 1200 пленных, 15 пулемётов и несколько сот винтовок. Что касается территории, то русские, освободив от противника 10 км² территории на одном участке, уступили его войскам 70 км², хотя и болотистой, непригодной для боевых действий, но своей, российской территории в другом месте.

Неизмеримой потерей для русских войск в итоге Нарочской операции стало падение их морально-боевого духа. Солдаты, которые претерпели трудности и невзгоды наступательных боевых действий, которые были свидетелями бессмысленной гибели множества людей – своих сослуживцев, товарищей, во многом обусловленной необеспеченностью

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97, 118.

² Подорожный Н. Е. Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны. С. 168.

наступавших частей боевыми средствами, бестолковостью распоряжений и приказов высшего командования, скрыто высказывали своё недовольство. Особенно это проявлялось в письмах, что неоднократно отмечала в своих сводках военная цензура. К примеру, в одной из таких сводок за март 1916 г. военный цензор писал об «угнетённых письмах», в которых солдаты «затрагивали эти бои, жаловались на огромное количество у противника пулемётов и артиллерии, на значительность наших потерь». В сводке за апрель отмечалось, что «ещё продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав встречались выражения недовольства плохим управлением тут боем, а также намёки на некое будто имевшее тут место предательство». В дополнение своего сообщения цензор отмечал, что «иногда в письмах встречаются указания: “теперь о многом писать нельзя”» и заключал, что «наблюдение за перепиской не даёт вполне верного понятия о духовном состоянии армии» и что в эти наблюдения требовалось бы внести некоторую поправку в сторону понижения морально-боевого духа¹.

В заключение необходимо отметить, что германское командование с самого начала операции было серьёзно встревожено активностью русских войск на участке фронта 21-го армейского корпуса. На выручку ему были срочно двинуты два армейских корпуса из резерва Восточного фронта. Более того, в продолжение всей операции германское командование вынуждено было перебрасывать сюда дополнительные подкрепления. Уже 6 марта в одной из телеграмм штаба соседней 10-й армии, по сведениям войсковой разведки, отмечались «некоторое усиление противника в районе Криво, особенно у господского двора Мысса, и повышенная бдительность противника на фронте Спяглица – мест. Вишнево. Наблюдением с аэростата 7 марта обнаружено усиленное движение поездов в обе стороны на участке Гауц –

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 118.

Солы». Кроме того, войсковой разведкой и по показаниям взятых в плен немцев было установлено «усиление противника в районе Годутишки переброской туда всей 107-й дивизии и в районе к югу от озера Нарочь подтягиванием туда бригады 80-й резервной дивизии. Предполагалось также передвижение ещё одной дивизии, кроме 107-й, с Северного фронта на Полоцкое направление»¹. За две недели боевых действий, несмотря на потерю 20 тыс. солдат и офицеров, силы германцев, сконцентрированные против 2-й армии русского Западного фронта, выросли на 30 тыс. штыков. Сюда же были дополнительно переброшены 150 лёгких и 82 тяжёлых артиллерийских орудия, свыше 200 пулемётов и прочие боевые средства. Вот что писал позже в своих мемуарах о Нарочской операции русских и о положении германских войск на этом участке фронта в дни её проведения начальник штаба германского Восточного фронта генерал Э. Людендорф: «План был несомненно широко задуман. Расчленение нашей армии должно было начаться с двойного прорыва фронта, как бы вырезающего часть его – между озёрным перешейком и линией Поставы – Свенцяны. Этот участок был достаточно широк и удачно выбран, и наших резервов не хватило бы на заполнение такого прорыва, да и доставлялись они к озеру Нарочь с большим трудом... Если бы прорыв удался, то в последствиях его сомневаться было нельзя, дорога на Ковно была свободной...

От 18 до 21 марта положение 10-й армии оставалось критическим, а численное превосходство русских подавляющим. 21-го неприятель имел очень болезненный для нас успех на озёрном перешейке, а к западу от Постав мы лишь с большим трудом выдержали его атаку... Подкрепления, спешно отправленные 10-й армией и нами, начиная от железной дороги Вильно – Двинск, медленно и с трудом продвигались в болотах. Все мы с огромным напряжением ожидали исхода, но русские уже изнемогали, наступая в более тяжёлых условиях, чем те, в которых находился наш фронт

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 85.

и тыл, и 26-го в момент нового усиления русского натиска мы могли уже считать, что кризис миновал благополучно»¹.

Таким образом, Нарочская операция, хоть и дорого стоила русским, но её проведением они спасали французов от разгрома и, возможно, спасли Париж от захвата германцами весной 1916 г. Противник вынужден был прекратить атаки на французском фронте у Вердена с 9 по 17 марта, как раз в дни Нарочской операции. Это позволило французскому командованию на автомобилях перебросить под Верден значительные подкрепления и не допустить прорыва фронта.

---

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1. С. 266–267.

БАРАНОВИЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ЛЕТОМ 1916 г.

Спустя две недели после завершения Нарочской операции объединённое командование англо-французских войск, ссылаясь на принятые 12 марта 1916 г. на межсоюзнической конференции в Шантильи решения о координации военных действий, просило Верховное командование русской армии ускорить подготовку очередного наступления. Ещё более форсировало подготовку и начало наступления обращение итальянского военного руководства сначала в главную квартиру французской армии с просьбой повлиять на русское командование, а затем и в русскую Ставку Верховного главнокомандующего с настойчивыми просьбами ускорить начало наступления с целью оттянуть австрийские войска, громившие итальянскую армию в районе Трентино¹.

Поддержка итальянцев началась до завершения подготовки, но успешным наступлением войск Юго-Западного фронта 22 мая 1916 г. Войскам Западного фронта директивой Ставки Верховного главнокомандующего от 3 июня 1916 г. была поставлена задача 15–19 июня нанести главный удар из района Барановичи на участок Новогрудок – Слоним с целью выхода на рубеж Лида – Гродно. Одновременно частями 31-го армейского корпуса 3-й армии фронт должен был не позже 6 июня начать атаку для овладения Пинским районом и развития наступления на Кобрин, Пружаны, Брест. Следует сказать, что ещё 26 мая «в связи с удачно развивающимися операциями» на Юго-Западном фронте и «на Волыни и ввиду опасения, что противник может

---

¹ История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. С. 193–194.

отойти или же перебросить туда свои резервы», частям 75-й пехотной дивизии, занимавшей позиции на Огинском канале и р. Ясельда, было предписано «усиленно следить за противником», «активными действиями связать и не дать возможности перебрасывать свои резервы на юг». С этой целью полкам дивизии была поставлена задача, «не останавливаясь перед потерями... немедленно начать усиленную разведку... укреплений противника», «войти в соприкосновение с противником и лишить его возможности перебрасывать на Волынский фронт свои резервы»¹. Во исполнение отданного приказа роты 300-го пехотного Заславского полка в 12 часов 27 мая «по пояс, а местами и выше в воде» продвигались к берегам р. Ясельда и Огинского канала под артиллерийским и ружейным огнём противника. К 16 часам две роты заняли дамбу «вдоль р. Ясельды у Перевоза». Остальным ротам из-за сильного обстрела продвинуться не удалось. В этот день потери в полку были среди офицеров: 1 убит, 1 ранен и 2 контужены. Нижних чинов вышло из строя 235 человек².

Одновременно командир 298-го пехотного Мстиславского полка отдал приказ батареям 75-й артиллерийской бригады своим огнём «подготовить проходы» в проволочных заграждениях противника для наступления пехоты. Однако как только 14-я и 15-я роты полка в 14 часов 30 минут вышли из исходного положения и «беспрепятственно приблизились» к проволочным заграждениям противника, то были встречены ружейным, а затем всё усиливающимся артиллерийским огнём как по наступающим цепям и окопам, так и по артиллерийской батарее у господского двора Шпановка.

Наступающие залегли, против них действовали 8 немецких пулемётов. К 20 часам потери составили: в 15-й роте 71 убитых и раненых, в 14-й роте осталось 46 человек. Сообщая об этом начальнику 75-й дивизии, командир полка

---

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 9. Л. 7 ;Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 80.

² Там же.

считал «своим долгом засвидетельствовать великолепное поведение командира 14-й роты прапорщика Карташёва».

В ночь на 28 мая 14-я рота, как наиболее пострадавшая, была сменена 13-й, 15-я рота пополнена другой ротой. Задача ротам оставалась прежняя: «...по мере возможности продолжать, закрепляя за собой занятое пространство...»¹

До 6 июня полки 75-й пехотной дивизии попеременно сменялись на занимаемых позициях. Затем поступило приказание «быть наготове каждую минуту форсировать Огинский канал и реку Ясельду». Полковой священник 300-го полка отслужил молебен и окропил войска святой водой. Приглашён был и армейский мусульманский мулла, совершивший богослужение для мусульман всей дивизии. В 17 часов 35 минут после «непродолжительной» артиллерийской стрельбы по окопам и проволочным заграждениям противника штурмующие батальоны 300-го Заславского полка выступили из окопов и под «непрерывным ураганным огнём артиллерии противника подошли и заняли дамбу у р. Ясельды». На поддержку названным батальонам выступил и занял позиции на дамбе 4-й батальон 299-го Дубненского полка².

На участке линии, занимаемом 298-м Мстиславским полком, противник, «как бы предупредив» атаку русских, открыл «ураганный огонь». И хотя исходное положение для атаки ротами полка было занято в 2 часа ночи 6 июня, приказ об атаке был отдан только в 16 часов 40 минут. Причинами такой задержки являлись в начале сильный туман, не позволявший до 6 часов утра начать артиллерийскую подготовку; затем в ходе её проведения, по донесениям командиров рот, «наша артиллерия проходов в проволочных заграждениях не сделала, ближайшие окопы противника, блиндажи и пулемётные гнёзда не были разбиты». В то же время противник «довольно удачно сделал пристрелку по всем окопам, ходам сообщения и щелям» русских, наносил урон пехоте, нарушал телефонную связь. Начавшаяся атака не

---

¹ РГВИА. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л.83, 84.

² Там же. Л. 9.

была одинаково успешной для батальонов полка: если 2-й батальон смог подойти к дамбе «на ту сторону канала» и окопаться, то 3-й и другие батальоны, атакующие левее Мартинывки, не смогли продвинуться из-за сильного артиллерийского и ружейного огня противника. В ходе наступления батальоны 298-го Мстиславского полка понесли большие потери: убит прапорщик Уманцев, ранены командиры рот поручик Максимов, подпоручики Смирнов и Фирзаденц, прапорщики Прокопенко, Дереха и Ильин, контужен подпоручик Столяр-Максимук; выбыло из строя 757 нижних чинов¹.

Находившиеся на дамбе по обе стороны шлюза № 2 подразделения 2-го батальона 298-го Мстиславского полка были в «отчаянном положении». Так, командир 3-й роты прапорщик Карасёв доносил комбату: «Я совершенно не имею никаких сведений. Прошу установить со мной какую-нибудь связь. Люди голодны, окопались неглубоко и то лежат в воде. Все без шинелей, промокли и всех бьёт лихорадка». В таком положении 2-й батальон находился в течение всего дня 7 июня. «Немцы группами выходили во фланг на эту сторону дамбы и расстреливали на выбор в упор, – записано в журнале военных действий полка, – эта картина была ясно видна» с наблюдательного пункта. Около 20 часов 7 июня у дамбы разгорелась «оживлённая» ружейная перестрелка. «Неприятель сильно забрасывал бомбами, нанося потери. Были слышны крики и стоны», – записано в документе. В это время командир 1-го батальона и командир полка заметили со своих наблюдательных пунктов, как из «нашей цепи, побросав винтовки, перебежали сначала 15 человек, а затем ещё 5» на сторону противника.

Указанные факты говорят о том, какое острое противоборство развивалось на этом участке фронта. Несмотря на сложность ситуации, командованием было отдано приказание: «Удерживать дамбу канала у шлюза № 2 во чтобы то ни стало!» С этой целью была произведена перегруппировка

---

¹ РГВИА. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 34. Л. 91–96, 98.

сил. Понёсшие большие потери роты были заменены и отведены для пополнения к редутам «Урочище Гора». Усилены огневые средства дополнительными шестью пулемётами и четырьмя бомбомётами. Намечены меры для соединения занятого участка дамбы ходами сообщения с нашими окопами. Эти мероприятия осуществлялись под постоянным обстрелом противника из лёгкой и тяжёлой артиллерии и не до конца были выполнены. Тем не менее поздним вечером 8 июня поступил приказ по 75-й пехотной дивизии, в котором говорилось: «В ночь с 8 на 9 июня частям нашего корпуса приказано повторить атаку для выполнения поставленной ранее задачи». 298-му Мстиславскому полку было приказано «атаковать и овладеть участком укреплённой позиции противника от шлюза № 2 до окопа № 48, имея ввиду, после овладения каналом, закрепить за собой первую линию окопов противника». Затем наступать в полосе деревень Твардовка, Рудка, Велесница.

С целью отвлечь внимание противника от наступающих на шлюз № 2 батальонов 297-го Ковельского и 298-го Мстиславского полков командованием было приказано начать артиллерийский и ружейно-пулемётный обстрел его позиций на всём участке 75-й пехотной дивизии. Противник в свою очередь «беспрерывно освещал позиции ракетами» и «очень оживлённо» вёл артиллерийский и ружейно-пулемётный огонь. Как свидетельствуют ежедневные записи в журналах военных действий полков 75-й пехотной дивизии, на стороне противника было большое превосходство в огневых средствах, которым он активно пользовался. Особенно частыми были обстрелы русских позиций 75-й дивизии артиллерией из-за деревень Твардовка, Мерчицы, Подболоты и Ольшанка.

Видя кризисное состояние подразделений, занявших дамбу у шлюза № 2 Огинского канала, командование приняло решение «отвести людей с дамбы в окопы». В 22 часа 30 минут 9 июня об этом было отдано приказание. Отвод закончился в 3 часа ночи 10 июня. В дни предпринятой

попытки наступления 300-й Заславский пехотный полк понёс большие потери: офицеров раненых – 4, контуженных – 4; нижних чинов убито – 106, раненых и контуженных – 903, без вести пропало – 9 человек¹. В бою 8 июня был ранен и «тяжело контужен в голову» начальник 75-й пехотной дивизии генерал Штегельман, а при отходе с дамбы утром 9 июня смертельно ранен командир 299-го Дубненского полка полковник Бергенстром². На этом участке линии фронта положение осталось без перемен, противоборствующие стороны заняли прежние позиции и активно приступили к их восстановлению и укреплению. «Действительно, русские атаки на северном фланге отряда Линзингена прекратились, – записал в своих мемуарах «Барановичи 1916 г.» Вальтер Фогель, – с утра 19 июня огонь тяжёлой артиллерии был направлен на участок 81-й резервной дивизии от Мартыновки (7 км от Логишина) и к изгибу канала в 5 км к северо-западу отсюда. После того, как огонь временами принимал характер подготовки, в 5 часов по полудни противник (русские. – М. С.) начал атаку густыми колоннами. Немцы отбили своим огнём атаки 75-й русской дивизии к югу от дороги из Логишина и к изгибу канала, а также и 27-й дивизии к северу от этой дороги»³.

Осуществление прорыва фронта противника на Барановичском направлении было возложено на войска 4-й армии (командующий А. Ф. Рагоза), занимавшей 145-километровые позиции от Делятичей до оз. Выгоновское в составе пяти корпусов и трёх пехотных дивизий и пополненной к началу операции тремя корпусами из резерва (3-й Сибирский, 3-й армейский и 3-й Кавказский). План операции состоял в нанесении главного удара войсками 9-го и 35-го корпусов на 8-километровом участке фольварок Дробыши – Заосье. Для обеспечения ударной группы соседние корпуса (на

¹ РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 9. Л. 10,11.

² Там же. Д. 295. Л. 120.

³ Фогель В. Барановичи 1916 г. / пер. с нем. изд. Германского гос. архива А. И. Долина ; под ред. проф. Изметьева. Петербург, 1921. С. 29.

2,5-километровом участке севернее фольварка – 25-й армейский, южнее Заосья в 10 км – гренадерский) одной дивизией должны были атаковать противника. Вспомогательный удар наносился в 20 км южнее главной атаки двумя дивизиями 10-го армейского корпуса в 4 км от Дарево до Лабузы. Ближайшая задача 25, 35 и 9-го армейских и гренадерского корпусов заключалась в прорыве позиции противника и овладении отстоявшим от передовых линий на 3–4 км рубежом Цирин – Олизаровщина – Дубова. Последующая задача – выход на рубеж Новый Свет – Богуши – Жабинцы – р. Мышанка – Чвары – в 5–6 км от первого рубежа. Всего на участке прорыва было сосредоточено 19,5 пехотных и 2 казачьи дивизии, 1324 пулемёта, 742 лёгких и 258 тяжёлых артиллерийских орудий. Общая численность войск составляла 340 тыс. человек. Войскам 4-й армии противостояли укрепленные позиции 9-й германской армии (командующий генерал Войрш), в которую входили 3-й ландверный и 25-й резервный германские и 3-й и 12-й австро-венгерские корпуса, всего около 82 батальонов, 613 пулемётов, 248 орудий и многочисленная тяжёлая армейская артиллерия¹.

На рассвете 19 июня войска 4-й армии начали артиллерийскую подготовку на Барановичском направлении. В этот же день командующий армией генерал А. Ф. Рагоза в телеграмме командирам корпусов, входивших в состав 4-й армии, заявил, что «артиллерийскую подготовку считаю выполненной достаточно хорошо», и приказал «приступить к занятию исходного положения» для атаки, «а в два часа дня 20 июня с Богом вперёд!»²

«В два часа ночи части 46-й дивизии (25-го армейского корпуса. – М. С.), 9-го, гренадерского и 10-го корпусов атаковали неприятельские позиции», – говорится в донесении начальника штаба 4-й армии генерала Стаева в штаб Западного фронта. – Полки 46-й дивизии прорвали две укрепленные линии, овладели южным Карчевским кладбищем

¹ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 2. С. 59.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 266.

и Кутовщинской рошей, захватив в плен 50 офицеров, 1100 нижних чинов и 4 орудия... В 9-м корпусе части 42-й дивизии овладели в районе Выворок двумя рядами окопов, захватив более 300 пленных... Атака 5-й дивизии (9-й армейский корпус. – М. С.), доходившая до второй линии, встречена упорнейшим сопротивлением в лесах западнее Горный Скробов и госп. двор Скробов... Атака частей 81-й дивизии в районе Войковичи и Старые Войковичи и 5-го Киевского и 7-го Самогитского полков в районе Одоховщина не удалась. Части отошли на исходное положение и приводятся в порядок... тремя ротами 6-го гренадерского полка захвачена и закрепляется д. Якимовичи. Части 10-го корпуса овладели д. Мацейковщина и частью Даревской высоты и высоты 86,3, а также восточной окраины д. Лабузы... Частями 31-й дивизии захвачена роща у фольв. Берёзовка, в районе д. Залужья наши небольшие части переправились на левый берег р. Щары...»¹

Противник упорно сопротивлялся. Уже к середине того же дня только части 9-го корпуса продолжали занимать неприятельские окопы на небольшом участке севернее Дольного Скробова и господского двора Скробово. На участке 25-го корпуса «вследствие больших потерь от флангового огня и ряда контратак» противника части 46-й дивизии вынуждены были оставить Карчевское кладбище и западную опушку Кутовщинской роши. В 10-м корпусе полк, занимавший Даревскую высоту, из-за больших потерь в офицерском составе и сильного огня противника отошёл на исходные позиции, а севернее господского двора Лабузы продолжался бой за овладение высотой 86,3². Уже в первый день наступательных действий войска 4-й армии понесли большие потери. По «приблизительным» подсчётам, говорится в документе, только в гренадерском корпусе во 2-й гренадерской дивизии были убиты, ранены, «оставлены на поле сражения» 30 офицеров и 1800 нижних чинов, а в 81-й

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 292.

² Там же. Л. 294.

дивизии – 85 офицеров и 2550 нижних чинов. «Во время штурма пали смертью храбрых» командиры полков: 183-го – полковник Говоров, 165-го – полковник Михайлов, 166-го – полковник Сыртланов; тяжело ранены командиры: 167-го полка – полковник Перцев и 181-го полка – полковник Аджи-ев. 9-й корпус понёс великие потери, в 25-м корпусе был ранен командир бригады генерал-майор Карпов¹. «Оценивая обстановку по донесениям» командиров корпусов, генерал Рагоза утром 20 июня телеграфировал главнокомандующему Западным фронтом генералу А. Е. Эверту: «Вполне определённый успех достигнут только в 46-й дивизии, где молодецкие полки почти выполнили поставленную им задачу. На фронте генерала Драгомирова (9-й армейский корпус. – М. С.) и на участке 10-го корпуса успех переменный и для окончательного перевеса в нашу пользу необходимо ввести в бой свежие войска. Гренадеры содействовали соседям тем, что приковали к своему фронту значительные силы противника, но успеха в смысле захвата участков неприятельской позиции не добились. Части гренадерского корпуса пришли в расстройство и повторить атаку могут только через сутки»².

Далее командующий армией «на основании этой оценки обстановки» излагал своё решение по продолжению наступательных действий, которое в основном заключалось в перегруппировке войск. В частности, «для обеспечения возможности развития успеха войск генерала Драгомирова» он «подводил» из резерва три бригады 3-го Кавказского корпуса в район урочище Россось – Вольна – Бартники для вступления их в бой на стыке 9-го и 35-го корпусов; «для использования успеха 46-й дивизии и прочного обеспечения правого фланга генерала Драгомирова» передал одну бригаду того же корпуса в распоряжение генерала Данилова; «во исполнение директивы» генерала Эверта «переводил» одну дивизию 3-го Сибирского корпуса в район Ишкольди,

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 290.

² Там же.

другую – считал «необходимым задержать пока в районе Мира» ввиду «обнаруженного передвижения резервов противника от погоста Воронча на юг». В заключение телеграммы генерал Рагоза допускал, что «может оказаться выгодным перейти в наступление центром 25-го корпуса от Цирина», добавляя при этом: «...но это возможно осуществить лишь при том условии, если Вы передадите в моё распоряжение 3-й Сибирский корпус, или хотя бы дивизию этого корпуса, оставленную у Мира»¹.

Главкомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт тотчас телеграфировал генералу А. Ф. Рагозе: «Достигнутый, хотя и незначительный успех должен развиваться самым энергичным образом, удар должен быть сплошным, развивающимся непрерывно, а не состоять из повторных ударов. Особенно необходимо такое развитие в направлении главного удара. Для сего передаю в Ваше распоряжение 3-й Сибирский корпус, понесённые жертвы должны быть окуплены во чтобы то ни стало полным успехом в месте главного удара»². В очередной своей телеграмме в ночь на 21 июня в штаб 4-й армии генерал Эверт, ссылаясь на поступившие сведения «о спешном подвозе» противником «ближайших резервов» и «весьма вероятной переброске резервов из района Вильно», полагал, что «атака может быть отложена на 22 июня с целью произвести намеченную перегруппировку», однако «откладывать наступление на продолжительный срок нежелательно»³.

На рассвете 21 июня началась артиллерийская подготовка очередного наступления. Во второй половине дня командующий 4-й армией генерал Рагоза в своём распоряжении войскам, оценив артподготовку, как давшую «хорошие результаты», приказывал «в 18 часов всем корпусам первой линии начать атаку противника», при этом 25, 9, 35 и 10-му корпусам «продолжать выполнение» ранее поставленной

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 290.

² Там же. Л. 275.

³ Там же. Л. 299.

задачи. Гренадерскому корпусу предписывалось атаковать противника в направлении Одоховщина и Дубово, «содействуя атаке 10-го корпуса». Частям армейского резерва было приказано: 3-му Кавказскому корпусу находиться в районе урочище Россошь – д. Полонечка – д. Высадовичи и быть готовым развить успех 46-й дивизии 25-го корпуса на участке Цирин – Дробыши; 3-му армейскому корпусу оставаться в районе деревень Высокая Липа, Радкевичи, Дурицковщина, «имея в виду, направить по одной дивизии в район Бартники и к фронту гренадерского корпуса»¹.

«Около 6 часов вечера, – по словам Вальтера Фогеля, – была произведена атака многочисленными силами... к северу от Одоховщины восемью волнами, но в 7 часов отбита. Ещё горячей и кровопролитней было дело на фланге 3-й ландверной дивизии... Русские пытались прорваться на Даровские позиции... здесь целый день с переменным успехом шёл бой. Русские заняли высоту, но были выбиты 5 июля»².

Следует сказать, что причинами неуспешных попыток прорвать неприятельские позиции с самого начала Барановичской операции являлись недостаточная разведка укреплений и расположения огневых точек противника, прочность блиндажей и других мест укрытий личного состава, которые не поддавались разрушению во время артиллерийского обстрела, имевший место запоздавший подход резервов. Так, в одной из вечерних сводок за 21 июня отмечалось, что на участке 9-го корпуса было «разрушено тяжёлой артиллерией большинство намеченных целей, за исключением вновь обнаруженной группы укреплений у опушки леса северо-западнее Переволоки и блиндированной постройки в лесу западнее Горный Скробов, которая к 19 часам ещё не была достаточно разрушена». На линии 10-го корпуса «оборонительные постройки» противника поддавались «разрушению тяжёлой артиллерией с трудом». В то же время артиллерия противника вела «огонь по некоторым участкам

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 299.

² Фогель В. Барановичи 1916 г. С. 21.

нашего фронта, особенно оживлённо обстреливались захваченные у противника участки позиций на фронте 9-го корпуса».

Уже после второй попытки прорвать укрепления противника, в конце дня 22 июня командующий 4-й армией генерал А. Ф. Рагоза в телеграмме командирам корпусов констатировал: «Выяснилось, что наибольшие затруднения атаки нашей пехоты встречаются от сильного флангового огня неприятельских батарей из района З. Носеки, Сеньковичи, фольв. Скураты. Наибольшие потери 42-я и 81-я дивизии понесли именно от огня этих батарей...» Далее генерал напоминал о том, что его «указаниями по группировке тяжёлой артиллерии предусматривалось это обстоятельство и подавление огня этих батарей ложилось на обязанность дальнобойных батарей левой группы 9-го корпуса».

В проводившейся очередной перегруппировке войск он вновь приказывал «дальнобойным батареям из состава тяжёлой артиллерии 3-го Кавказского корпуса... и батареям Виккерса гренадерского корпуса иметь самое тщательное наблюдение за батареями противника и тотчас же обрушиваться на них, как только будет ими открыт огонь по нашей пехоте». Для обнаружения их позиций, кроме наблюдений с аэростатов, он приказал «немедленно назначить по одному самолёту» в корпус для корректирования стрельбы батарей¹.

Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт в телеграмме генералу А. Ф. Рагозе требовал «настойчиво» продолжать наступление и «во чтобы то ни стало» добиться «достижения поставленной ему задачи», «а главное всем начальствующим лицам вести соответственное управление боем». Главкозоп считал «совершенно недопустимым», когда с «героическим мужеством» преодоленные и захваченные укрепления противника «оставались неиспользованными» и «своевременно неподержанные

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 332.

доблестные полки были вынуждены отходить, неся при этом громадные потери». При этом он указывал на конкретные факты и причины упущений: не успевшая поддержка двум полкам, ворвавшимся в Карчево; не выполнившие своей задачи «блестящие Ширванский и Самурский полки», по его мнению, «вероятно лишь потому, что были посланы ночью и по незнакомой местности», и напоминал: «Всё время в настоящую операцию и в предшествующую я только и повторяю о том, что резервы должны быть близкие, что связь с боевыми частями у них должна быть полная, что они должны немедленно развивать достигнутый успех», и заключал, что «с первого же дня это не выполняется, повсюду и повсюду резервы опаздывают и захваченное кровью теряется с тем, чтобы брать снова с ещё большими потерями»¹.

Намечавшееся на 23 июня очередное наступление войск 4-й армии генерал А. Е. Эверт предложил А. Ф. Рагозе не производить. Он рекомендовал «всем спокойно смениться, осмотреться; сменённые, находящиеся в резерве части, после данного им отдыха, подтянуть; все части окончательно нацелить, прочную связь между ними установить и затем 24 июня произвести действительную, решительную, дружную атаку». Генерал Эверт требовал принять «все меры к тому, чтобы всё нами занятое было прочно закреплено и удержано во чтобы то ни стало», и с этой целью организовать «основательный заградительный артиллерийский огонь». «Ввиду настоятельных просьб» генерала Рагозы главкозап был «вынужден согласиться на передачу» в его распоряжение 5-й стрелковой дивизии².

В полночь 22 июня генерал Рагоза сообщал командирам корпусов: «Чтобы вверенным мне войскам дать возможность спокойно закончить перегруппировку, Главкозап приказал атаковать противника не 23, а 24 июня.

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 319.

² Там же. Л. 322.

Вследствие этого приказываю: 1). Артиллерийскую подготовку начать с рассветом 24 июня... 2). В течение 23 июня держать противника под огнём, лишь с целью не позволять исправлять сделанные разрушения, а из тяжёлых орудий вести огонь только по тем сооружениям, которые ещё не разрушены». В заключение он просил «всех начальников помнить, что лишь при бережном расходовании снарядов 23 июня мы получим возможность выполнить в нужной мере на следующий день необходимую для успеха атаки артиллерийскую подготовку»¹.

Во время перегруппировки войск 4-й армии германцы подтягивали подкрепления и проявляли активность. Войсковое наблюдение русских в эти дни отмечало большое оживление железнодорожного движения по линиям Барановичского узла. Части 9-го армейского корпуса, занимавшие «лесистый выступ» северо-западнее д. Дольное Скробово, обстреливались фланговым артиллерийским огнём со стороны Кутовщинского леса. На линии фронта, занимаемой 9-й и 31-й дивизиями 10-го армейского корпуса, на участке высоты 86,3 и д. Лабузы германцы в течение ночи несколько раз открывали ураганный огонь из орудий тяжёлой и лёгкой артиллерии и под его прикрытием предприняли две «яростные» контратаки в районе Лабузы и Нагорной, которые были заняты 122-м Тамбовским полком. Противник каждый раз отбрасывался ружейно-пулемётным огнём с большими потерями. При этом некоторые роты 122-го полка, преследуя противника, местами врываются в его окопы².

23 июня генерал А. Ф. Рагоза телеграфировал командирам корпусов, входивших в состав 4-й армии: «Артиллерийскую подготовку атаки начать с 8 часов 24 июня. Огонь вести методически, с наблюдением за результатом каждого выстрела». О времени начала атаки он обещал сообщить дополнительно³.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 333.

² Там же. Л. 350.

³ Там же. Л. 362.

По-видимому, не дожидаясь приказа командарма, гренадеры 8-го Московского полка под прикрытием артиллерийского огня бросились в контратаку, «заставили немцев поспешно очистить высоту 88,1 севернее Одоховщины, не приняв удара», и снова заняли её. Об этом сообщалось в утренней сводке штаба Западного фронта за 24 июня. Вечером (в 19 часов 50 минут) того же дня генерал Рагоза сообщал командирам корпусов: «Артиллерийскую подготовку считать законченной. В 2 часа 25 июня с Богом вперёд!»¹

Из оперативной сводки штаба Западного фронта за 25 июня, направленной в Ставку Верховного главнокомандующего, следует, что «в 2 часа 25 числа на фронте 46-й дивизии (25-й корпус. – М. С.) части перешли в наступление: 9-й гренадерский полк атаковал высоту 82,8 западнее Цирина, успеха не имел, но облегчил наступление соседних 183-го и 184-го полков», которые ворвались на позиции противника на высотах южнее д. Подгайная; в 3-м Сибирском корпусе части 27-го Сибирского полка на участке западнее Бытковщины продолжали продвигаться вперёд. Наступление 25-го и 26-го сибирских полков задерживалось сильным огнём противника. Только после обстрела русской артиллерией снарядами с удушливыми газами Карчевского леса эти полки «снова перешли в атаку, развивающуюся планомерно»; в 9-м корпусе артиллерия противника «весь вечер 24 числа вела ураганный огонь» по лесу севернее Дольного Скробова и по району восточнее Горного Скробова; в 3-м Кавказском корпусе 52-я пехотная дивизия вела бой на своём участке. В 7 часов на правом фланге линии фронта корпуса 18-й гренадерский Карский полк достиг проволочных заграждений у «восточной опушки леса юго-восточнее Олизаровщины» и «задерживался фланговым огнём противника из опорного пункта в Рощице». На среднем участке 267-й пехотный Духовщинский полк «занял северо-восточный угол леса». На левом участке корпуса «роты 17-го и 18-го полков

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 399.

9-й стрелковой дивизии, атаковав противника, частью залегли перед проволочными заграждениями, частью отошли в исходное положение»; в гренадерском корпусе «в 2 часа 20 мин. 25 числа части 2-й гренадерской дивизии перешли в наступление на Дубово и Новики и заняли православное кладбище у дер. Новики», но из-за «ураганного» артиллерийского и пулемётного огня и контратаки противника полки, понеся большие потери, отошли в исходное положение; в 10-м корпусе вторую половину дня 24 июня и ночью на 25-е линию фронта 11, 9, и 31-й дивизий обстреливал противник, «наиболее интенсивно» – район Лабузы – Нагорная. Роты 41-го полка 11-й дивизии заняли д. Мацейковщина, которая затем дважды переходила из рук в руки¹. В 13 часов 45 минут 25 июня главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт телеграфировал генералу А. Ф. Рагозе: «Стремительного наступления не вижу. Снова топтание на месте с большими потерями. В то время как рядом два полка 46-й дивизии и фангорийцы проходят вновь болотистую долину Сервеча и врываются на позиции противника, 3-й Сибирский корпус развивает наступление крайне медленно, едва преодолевает долину и залегает перед проволокой. От такой атаки ожидать успеха нельзя. На наиболее важном ударном участке генералов Драгомирова и Ирманова (9-й армейский и гренадерский корпуса. – М. С.) наступление развивается слабо. Вы знаете состояние нашего артиллерийского снабжения, откладывать и задерживать наступление невозможно. Надо использовать результаты пятидневной подготовки и добиться во чтобы то ни стало поставленной задачи».

Главкозап приказывал командарму: «...потребуйте это от всех начальников, внушите, что при стремительном движении потери будут меньше, чем при медленном развитии его и остановкой перед проволочным заграждением»². Выполняя приказание главнокомандующего генерала А. Е. Эверта, генерал А. Ф. Рагоза в тот же день вечером в телеграмме

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 410.

² Там же. Л. 413.

командирам корпусов обращался к войскам: «Доблестные войска 4-й армии, уже в течение 6 дней ведёте вы славный бой с сильным противником, нанося ему всё более и более чувствительный урон. Вам не удалось ещё вполне протаранить ту крепость, которую враг за долгое время затишья воздвиг перед нами, но вы привлекли к себе внимание и силы немцев и облегчили работу наших соседей. Армии Юго-Западного фронта продолжают своё победоносное шествие против австрийцев, и германцы, прикованные вами к Барановичскому району, не могут оказать никакой помощи своим отступающим союзникам. Низко кланяюсь вам за ваши прошлые труды. Вместе с тем, сознавая важность переживаемой нами минуты, призываю вас на новые подвиги. Главнокомандующий требует от нас энергичного продолжения наступления, чтобы использовать результаты, достигнутые за прошлые дни, и добиться во чтобы то ни стало победы». В заключении телеграммы командарм приказывал «всем корпусам продолжать завтра, 26 июня, выполнение поставленных задач», а командирам корпусов – «донести» ему о «принятых ими решениях, имея в виду, что действия каждого корпуса должны быть согласованы с соседями и отвечать условию взаимной поддержки»¹.

Уже в тот же вечер, четырьмя часами позже, генерал А. Ф. Рагоза уведомлял генерала А. Е. Эверта: «Все данные Вами за дни боёв указания мною приняты к руководству и исполнению. Все отмеченные Вами причины неудачного исхода атак частей вверенной мне армии учтены, и мною приняты меры, чтобы наши ошибки не повторялись». В свою очередь командующий армией считал «своим долгом донести» главнокомандующему о том, что «наряду с отмеченными» (генералом А. Е. Эвертом) «причинами неудач, существуют и другие, обнаруживающиеся всё яснее с каждым днём боя». К таким причинам он относил укреплённые позиции противника, состоявшие «во многих местах из долговременных

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 422.

построек, не поддающихся действию нашей тяжёлой артиллерии, представляющих крепостные верки, недоступные для атаки открытой силой и требующие постепенной атаки»; отсутствие «готовых плацдармов для сосредоточения войск перед атакой на фронте армии», а создать их «в короткий промежуток времени подготовки к операции» было невозможно; сосредоточенная к фронту армии «в самые последние дни перед атакой» тяжёлая артиллерия не успевала «вполне подготовиться к выполнению предстоящих ей задач, а главное – наладить должную связь с пехотой... Я почти не знаю случаев, – продолжал генерал А. Ф. Рагоза, – когда наши войска, проникнутые самым острым желанием победы, теряли добытые потоками крови участки неприятельских позиций под влиянием контратак немцев. Но я знаю много случаев, когда части не выдерживали убийственного огня неприятельской артиллерии и, понеся большие потери, уходили назад. Чем больше пехоты скапливалось на таких участках, тем больше было потерь, но последствия не менялись и противник одним артиллерийским огнём возвращал утраченное. Бороться с артиллерией противника возможно было только нашей артиллерией, но положение артиллерии наступающего при разрешении этой задачи не из лёгких. Неприятельские батареи меняли по ночам свои позиции, которые были заранее замаскированы. У нашей же артиллерии было слишком мало времени для предварительного наблюдения, а во время боя наблюдению зачастую мешали пыль, дым, дождь и туман. Корректирование стрельбы с воздуха у нас налажено было к тому же недостаточно, в особенности в тех случаях, когда батареям приходилось действовать с почти неизвестными им авиаотрядами».

Далее командарм отмечал преимущество противника в огневых средствах: «Артиллерийскими снарядами немцы, видимо, были обеспечены вполне. В донесениях с поля сражения часто упоминалось, что артиллерийский огонь противника ведётся с небывалой силой, а нам приходилось

всё время иметь в виду, что наши артиллерийские запасы ограничены и что нужно соблюдать экономию».

Перед названными им причинами неудач в сражениях, считал А. Ф. Рагоза, «бледнеют те ошибки в управлении войсками, которые от времени до времени случались на широком фронте армии, и устранить эти причины войска не могли, несмотря на то, что сражались с необычайным упорством и с необыкновенной доблестью».

«Передав войскам Ваше приказание продолжать без перерыва наступление, – отвечал А. Ф. Рагоза главнокомандующему фронтом А. Е. Эверту, – не могу скрыть от Вас, что не все части к таковому способны. Потери армии очень велики. Есть полки, в которых осталось лишь 500 человек; есть бригады силою в 1000 человек; есть дивизии, например 67-я, в которой осталось 2000 человек. Орудия постепенно изнашиваются и приходят в негодность. Донесениями зарегистрировано уже выбывших из строя более 30 орудий, из них 6 тяжёлых. Причём последние не заменяются. Снарядов для тяжёлой артиллерии в парках нет, выданного запаса хватит лишь на один день»¹.

Несмотря на неудачи в наступлениях и большие потери в личном составе, на слабость артиллерийских средств и недостаток снарядов, командование продолжало атаки на Барановичском направлении. Очередная атака, судя по донесению штаба Западного фронта в Ставку Верховного главнокомандующего, состоялась вечером 25 июня. Части 7-й Сибирской стрелковой дивизии, перешедшие в наступление в 19 часов, успеха не имели по причине отсутствия сквозных проходов в проволочных заграждениях противника и «сильнейшего» артиллерийского огня по атакующим. По разрешению командира 3-го Сибирского корпуса генерала Трофимова стрелки были отведены на основную позицию, так как «передовые плацдармы были залиты водой». Причём комкор решил «утомлённую и расстроенную» 7-ю Сибир-

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 423.

скую дивизию сменить 8-й дивизией. Разведчики 1-го гренадерского Екатеринославского полка 1-й гренадерской дивизии ночью атаковали противника у высоты 96,8 южнее д. Колдычево. Часть защитников высоты ими была переколота штыками, остальные обращены в бегство. Артиллерия противника открыла сосредоточенный огонь по высоте. Разведчики отошли на свои позиции, вынеся раненых и убитых. Среди погибших был руководитель разведки прапорщик Жуленков. В 10-м армейском корпусе предпринятое под вечер 25 июня наступление двух батальонов 35-го Брянского полка с целью поддержки атаки 31-й дивизии на высоту 86,3 севернее господского двора Лабузы также было встречено «упорнейшим сопротивлением» противника. Передовая волна наступающих была «скошена» пулемётами, а следующая волна залегла у проволочных заграждений и стала окапываться.

В заключении названной сводки отмечалось, что «в течение 25-го числа на всём фронте 4-й армии противник отбивал наши атаки артиллерийским огнём небывалой силы»; войскам местами «приходится иметь дело с долговременными укреплениями противника вследствие их исключительной прочности и искусной маскировки»; обращалось внимание на то, что «местные условия часто были неблагоприятны». В частности, «Даревское болото настолько топко, что в нём погибли» две роты 41-го Сибирского стрелкового полка 11-й Сибирской дивизии¹. Почти одновременно с отправленной сводкой в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилёв генерал А. Е. Эверт телеграфировал командующему 4-й армией генералу А. Ф. Рагозе: «Нерешительное наступление 3-го Сибирского корпуса завершилось недопустимым отходом частей 7-й дивизии, которой следовало закрепиться в занятом положении и создать новый плацдарм, а не заставлять снова производить атаку в протяжении версты по открытому пространству»². Кроме того,

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 440.

² Там же.

главкозап напомнил о своём сообщении А. Ф. Рагозе «повеления Государя императора, что никто не имеет права отходить без разрешения командарма», и интересовался «спрашивал ли такое разрешение генерал Трофимов, и если нет, – объявите ему строгий выговор».

В заключение генерал А. Е. Эверт поручил командующему 4-й армией А. Ф. Рагозе «принять непосредственное руководство ударной группой» и полагал, что в «случае надобности фланговые корпуса можно... соединить в группы, действиями же на важнейшем участке руководить лично» командарму. Кроме того, он подверг сомнению способность «слабого численностью состава штаба 3-го Кавказского корпуса справиться с поставленной ему задачей», чему придал «самое серьёзное значение»¹.

Назначенная на 26 июня очередная атака была отложена на 27 июня из-за утреннего тумана, помешавшего своевременному началу артиллерийской подготовки в корпусах. В этот короткий промежуток времени командованием производилась перегруппировка войск: сменялись наиболее пострадавшие части, подтягивались резервы, пополнялись личным составом остававшиеся на исходной линии части. Кроме того, в это время генерал А. Ф. Рагоза принял решение ввести «новую организацию управления войсками». Под командованием генерала Ю. Н. Данилова была создана группа в составе 25-го армейского и 3-го Сибирского корпусов и 2-й Туркестанской казачьей дивизии с задачей «овладеть рубежом Цирин, Олизаровщина и закрепиться» на нём. Под командованием генерала Ирманова создавалась группа в составе 3-го Кавказского, 3-го и 9-го армейских корпусов с целью «овладеть рубежом Олизаровщина, Есенец, западная опушка урочища Замошье, Погорелец». Другим соединениям ставились следующие задачи: гренадерскому корпусу «удерживать противника на фронте Заосье, Забродье, активными действиями на левом фланге содействовать

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 443.

10-му армейскому корпусу в достижении поставленных ему целей». В свою очередь 10-му корпусу в составе 9, 31 и 112-й пехотных, 11-й Сибирской, Сводной пограничной и Уральской казачьей дивизий, «удерживая противника на левом фланге между фольварком Берёзовка и Выгоновским озером включительно, продолжать атаку правым флангом корпуса с целью овладения рубежом от высоты 89,0, что южнее Дубова, через Русины до фольв. Берёзовка». Начальнику Сибирской казачьей дивизии генералу князю Мышецкому предписывалось «сменить части 3-й армии на Огинском канале между оз. Выгоновским и линией Колонск – Речки и упорно оборонять эту линию». Армейскому резерву было приказано расположиться: 35-му корпусу – в урочище Россошь, Бартники; 7-му конному корпусу – в районе Горки, Затурья, Рудавка, ст. Замирье; резерву главнокомандующего фронтом: 4-му Сибирскому корпусу, который переводился из состава 2-й армии, «продолжать сосредоточение в указанном ему районе (Столбцы – Замирье. – М. С.)». Руководителям войсковых групп генералам Ирманову, Юрию и Николаю Даниловым приказывалось «представить сегодня же (26 июня. – М. С.) к 19 часам по телеграфу краткие сообщения о будущих действиях»¹.

В дополнение к приказу о предстоящем очередном наступлении командующий армией генерал А. Ф. Рагоза распорядился о перегруппировке артиллерийских средств в корпусах, «обращая самое строжайшее внимание» командиров корпусов «на борьбу с артиллерией противника, являвшейся злейшим врагом нашей пехоты и главным образом мешавшей её успехам». К тому, считал командарм, «должны быть привлечены все свободные от других задач лёгкие батареи». При этом он обращал внимание на «необходимую большую гибкость в использовании огня как тяжёлых, так и лёгких батарей, особенно в те моменты, когда пехота только что ворвалась в окопы противника или овладела его

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 467.

опорным пунктом, на которую обыкновенно сейчас же набрасываются и артиллерия и пулемёты противника». В таких случаях «для обеспечения возможности закрепиться» пехоте на занятом участке неприятельской позиции этот участок, считал командарм, «тотчас же должен быть окружён заградительным огнём нашей артиллерии». При движении пехоты во время атаки он требовал открывать заградительный артиллерийский огонь «не только перед фронтом, но и с флангов, особенно со стороны тех построек», которые не были разбиты во время артподготовки атаки. В заключение генерал А. Ф. Рагоза в очередной раз предупреждал командиров корпусов: «Во всех случаях стрельбы точно руководствоваться данными уже мной указаниями беречь снаряды и вести исключительно методический, надёжно наблюдаемый огонь, особенно при устройстве огневых завес»¹.

Однако намеченные действия на участке фронта, занимаемом 4-й армией, не были осуществлены. 27 июня в 15 часов главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт телеграфировал командующему 4-й армией А. Ф. Рагозе: «Считаю необходимым для более энергичного удара выждать полного сосредоточения 4-го Сибирского корпуса. Поэтому атаку отложите до 1 июля... Энергично подготовляйте атаку, но тяжёлые снаряды берегите для непосредственной атаки». 4-й Сибирский корпус предписывалось сосредоточить «совершенно скрытно, по ночам 28 и 29 июня в районе Мир, Песочно, Кожево, Большие и Малые Жуховичи с тем, чтобы к вечеру 29 июня корпус был полностью в указанном районе. Комкору 4-го Сибирского со штабом прибыть завтра (28 июня. – М. С.) к генералу Ю. Данилову для ознакомления с районом этой группы»².

Во второй половине дня 27 июня под грифом «Оперативно. Секретно» генерал Рагоза телеграфировал командирам корпусов: «Вследствие требования общей обстановки главнокомандующий отложил атаку вверенной мне армии

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 467.

² Там же. Л. 472.

примерно до 1 июля и приказал энергично приготовиться к атаке, но тяжёлые снаряды беречь для непосредственной артиллерийской подготовки»¹.

С прекращением атак войск 4-й армии германцы продолжали укреплять свои позиции на этом участке фронта. Разведкой русских была обнаружена замена частей 18-й австрийской дивизии германскими на участке Городище–Барановичи, в районе северо-западнее Цирина части 35-й австрийской дивизии сменяли германцы. 29 июня продолжали поступать сведения о смене 12-го австрийского корпуса германцами. Кроме того, по сведениям разведки, противник не только стремился восстановить разрушенные искусственные препятствия, но и усилить их «новыми окопами и проволочными заграждениями». В районе Мацейковщины и Лабузы в ходах сообщения разведчиками были обнаружены «железные заградительные двери», а «многие блиндажи и пулемётные гнёзда оказались неразрушенными». Находящиеся же «вне наблюдения» бетонированные пулемётные гнёзда и широкие полосы проволочных заграждений были совершенно нетронутыми. Восточную опушку леса, что к западу от Горного Скробова, немцы «оплетали сплошной проволокой»².

Одновременно с этим активно действовала воздушная разведка противника. «Над участками фронта 9-го и 3-го Кавказского корпусов, – отмечала одна из сводок за 27 июня, – немцы вели усиленную воздушную разведку». «В течение дня 30 июня противник вёл усиленную воздушную разведку на фронте Березовец – Одоховщина», – сообщалось в другой сводке³.

В ряде мест наряду с разведкой вражеская авиация совершала бомбардировки прифронтовых железнодорожных станций, мест расположения штабов войск и военных объектов. В ежедневных сводках за июнь 1916 г. отмечалось,

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 480.

² Там же. Л. 380, 426, 458, 469, 513.

³ Там же. Л. 270, 533.

что 2 июня германскими самолётами были сброшены бомбы в районе станции Будслав и местечка Постава; 5 июня самолёты противника произвели несколько налётов на станцию Лунинец и сбросили бомбы, часть которых попала в санитарный поезд; 6 июня «альбатросом» были сброшены три бомбы на господский двор Любань «в районе аэродрома», бомбы «полуразрушили дом», погибла одна женщина, ранены один солдат и четыре лошади. В этот же день «немецкие аэропланы усиленно летали над районом» расположения войск 2-й армии, «как по фронту, так и в тылу»; на станцию Вилейка был совершён налёт пяти аэропланов, сбросивших до 40 бомб над железнодорожным мостом, «повреждён путь Молодечно – Вилейка, оборван телеграфный провод, убит один нижний чин и ранено четыре»; 8 июня «эскадра самолётов противника бомбардировала станцию Молодечно», было сброшено до 40 бомб, повредивших железнодорожный путь; 10 июня самолёты противника сбросили до 20 бомб на станцию Полочаны, были убиты 10 и ранены 10 человек и 20 лошадей; 16 июня неприятельские самолёты бомбили станцию Погорельцы, были повреждены две платформы, разбита стрелка, порваны провода, осколками пробиты в нескольких местах вагоны со снарядами; 19 июня неприятельский самолёт сбросил три бомбы на станцию Замирье, было ранено 9 нижних чинов; в этот же день германский аэроплан сбросил бомбы на Молодечно, было убито 12 и ранено 11 человек; 21 июня над Молодечно летало 7 самолётов, сбросивших на станцию несколько бомб, были убиты 2 и ранены 7 человек; 26 июня на станцию Замирье неприятельскими самолётами были сброшены 32 бомбы, имелись пострадавшие; 28 июня сброшенными с самолётов бомбами в Замирье было повреждено здание и в Несвиже сожжено несколько домов; 26 июня «не менее 10 неприятельских самолётов совершили налёт на Молодечно, сбросивших около 40 бомб», были убиты 3 и ранены 4 нижних чина, разрушен «железнодорожный дом», сгорел «склад сена в 14 вагонов»; 30 июня самолёты

противника сбросили более 70 бомб на расположение русских войск «в районе Полонечка», где также были «пострадавшие»; тогда же «в течение дня противник вёл усиленную воздушную разведку» на линии фронта Березовец, Одоховщина¹.

Противник, имея численное превосходство в летательных аппаратах, совершал разведывательные полёты и бомбардировки в основном безнаказанно. В архивных документах за июнь 1916 г. зафиксировано лишь 4–5 случаев, когда русские войска Западного фронта давали отпор полётам противника. Например, 3 июня во время полётов германских аэропланов над позициями, занимаемыми 5-й Донской казачьей дивизией, один из них был сбит, который и «спланировал на западный берег озера Выгоновское»; 8 июня артиллеристами 61-й бригады был «подбит немецкий аэроплан, упавший в районе дер. Макарянты. Лётчик и наблюдатель погибли»; 21 июня артиллеристы 44-го корпуса сбили немецкий аэроплан, который «загорелся и снизился около Рума. Раненый лётчик и наблюдатель были сняты живыми»; 25 июня «в районе Шубинского канала был сбит германский самолёт, совершавший разведывательный полёт с целью обследования района расположения войск Сморгонь – Молодечно – Богданов»; 26 июня во время налёта десяти германских самолётов на Молодечно «два вылетевших наших самолёта-истребителя были атакованы превосходными силами и обстреляны» германцами².

Что касается действий русской авиации на объекты противника, то такие случаи были ещё реже. В военных сводках за июнь 1916 г. удалось выявить только один факт, когда «сводным отрядом в составе шести аэропланов был произведён набег на ст. Барановичи» и «сброшены бомбы общим весом в 10 пудов тротила», при этом была «замечена порча путей и железнодорожных сооружений»; вылетевший на разведку самолет типа «Вуазен» 4-го авиаотряда с лётчиком

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295.

² Там же. Л. 74, 108, 306, 468, 511.

Соловьёвым и наблюдателем подпоручиком Вруцевичем был атакован двумя неприятельскими самолетами, обстрелян пулемётным огнем и спланировал в неприятельское расположение¹.

Здесь необходимо отметить действие речных судов против врага в дни Барановичской операции. Например, 22 июня русская речная флотилия «спускалась по р. Струмени и обстреливала госп. двор Почепово»; ночью 26 июня два катера Пинской речной флотилии, вооружённые пушкой и пулемётами, поднялись по р. Ясельда, подошли к железнодорожному мосту и обстреляли стоявшую там заставу, тем самым вызвали большую тревогу у противника, который открыл беспорядочный артиллерийский огонь. Катера благополучно возвратились. В ночь на 27 июня на оз. Нарочь с катеров лейтенанта Ольховского были обстреляны с тыла германские позиции у д. Пасынки. Противник проявил сильную растерянность, «были потушены прожектора, которые лишь спустя 20 минут после начала обстрела засветили вновь», и был открыт артиллерийский огонь по озеру².

Пока производилась значительная перегруппировка войск 4-й армии с целью подготовки к очередному наступлению, в середине дня 30 июня главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт под грифом «Секретно» телеграфировал командующим армиями Западного фронта, в том числе и А. Ф. Рагозе: «Высочайше указано Западному фронту, имея основной задачей перейти в решительное наступление в Барановичском районе, согласуя таковое с наступлением из Ковельского района на Кобрин – Брест и из Пинского района на Кобрин – Пружаны, ближайшей целью впредь до развития операции в Ковельском районе поставить: на фронте 4-й армии энергичную подготовку к этому наступлению и на фронте всех армий – удержание ныне находящихся перед ними сил противника, держа его под постоянной угрозой энергичной атаки».

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 294, 485.

² Там же. Л. 344, 462, 476.

«Во исполнение» названного распоряжения Верховного главнокомандующего главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт приказывал: «Четвёртой армии деятельно готовиться к нанесению нового удара противнику, для чего энергично подготавливать плацдармы в инженерном и артиллерийском отношении, выдвигать вперёд окопы для сближения с противником и занятия выгодного исходного положения, захватывая у противника участки и местные предметы, улучшающие наше расположение. Занятые боем участки позиции противника прочно закреплять... и всем характером деятельности на фронте армии держать противника под постоянной угрозой готовящейся атаки».

Одновременно в приказе рекомендовалось командующему 4-й армии генералу А. Ф. Рагозе своим распоряжением «немедленно перевести походным порядком» 112-ю пехотную дивизию в район Телехан, а 4-й Сибирский корпус в район Бобрик – Плоскино – Доброславка, придав корпусу один тяжёлый артиллерийский дивизион и дивизион крепостных гаубиц «с возможно полным числом орудий». 4-му Сибирскому корпусу и «ожидаемым прибытием» в район расположения войск 4-й армии выделенным из 10-й армии 61-й и 64-й пехотным дивизиям и из 2-й армии – 7-му конному корпусу приказывалось находиться в резерве главнокомандующего фронтом, подчиняясь командующему армией. Кроме того, главнокомандующим фронтом генералом А. Е. Эвертом было приказано генералу А. Ф. Рагозе «принять наиболее действенные меры к укомплектованию ослабленных боями частей, приложив всю энергию для скорейшего восстановления их полной боеспособности» и с этой целью находящиеся на передовой линии дивизии корпусов «отводить по очереди в резерв»¹.

Выполняя директиву главкозапа, командующий 4-й армией А. Ф. Рагоза приказал в ночь на 2 июля 3-й армейский корпус сменить частями 9-го армейского и 3-го Кавказского

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 536.

корпусов и отвести из боевой линии в ночь на 3 июля подвизионно в район населённых пунктов Подлесь, Новая Вель, Красногорки, Яблоновщина (севернее ст. Замирье) и район деревень Панютичи, Великая Липа, Жанковичи, Тарейка (восточнее Снова). Корпус переводился в резерв фронта.

В этот же день (3 июля) в 15 часов генерал-квартирмейстер 4-й армии генерал Юнаков телеграфировал командующему оперативной группой генералу Ю. Н. Данилову: «Порученная Вам операция не состоится». Одновременно он сообщал приказ командующего армией А. Ф. Рагозы: 3-му Сибирскому корпусу поручить упорно оборонять участок позиции от Цирина до Дробыши, 25-му корпусу – от Боровой до Цирина, польскую стрелковую бригаду отправить в распоряжение командира гренадерского корпуса. О времени расформирования группы Данилову было обещано сообщить дополнительно «после исполнения» пунктов, содержащихся в переданной телеграмме¹. Командовавший в те дни 25-м армейским корпусом генерал Ю. Н. Данилов позже вспоминал, что «25 корпусу... удалось прорвать стык между германскими и австрийскими войсками севернее Барановичей, у Карчева, но это был лишь частичный успех»². Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт в телеграмме начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексею об этой операции сообщал, что это была операция «не как самостоятельная, а как развитие общего успеха 4-й армии неожиданной атакой сильной группы войск в ослабленном противником районе его левого фронта на Сервече». По его словам, он предполагал подчинить генералу Данилову подходившие 61-ю и 64-ю дивизии, а «в случае успеха, для развития его приказать командарму 4 направить Данилову 35-й корпус, усилить тяжёлую артиллерию». При таком составе войск А. Е. Эверт рассчитывал на успешные действия оперативной группы, но «ограниченность тяжёлых снарядов» не давала ему «надежды на

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 549.

² Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М. : Воениздат, 1992. С. 143.

серьёзное развитие этого успеха». По его словам, «бои 20–24 июня не развились в большой успех, вызвав большой расход в тяжёлых снарядах и до 80 000 потерь в людях». Продолжение этой операции при невозможности широкого её развития, «по недостатку тяжёлых снарядов, с узкой целью приковать... силы противника», не дать перебросить их в районы Юго-Западного фронта, А. Е. Эверт считал невыгодной, «так как приведёт к полному истощению запасов тяжёлых снарядов, значительному ослаблению собранных в этом районе наших сил» и не даст «выполнить высочайшее указание об усилении войск гвардии и 3-й армии, так как выводимые в резерв войска из 2-й и 10-й армий... пришлось бы ввести в дело на Барановичском направлении вместо переброски их для усиления войск на Стоходе и в Пинском районе боевых действий»¹.

«Итак за 9 дней три артиллерийских подготовки, четыре отсрочки штурмов, захват и удержание за собой небольшого участка неприятельской позиции у Скробово, высоты севернее Одоховщины и восточной части д. Лабуз, вот в какой форме вылилось наступление Западного фронта, – заключал позже генерал В. Н. Клембовский, в то время начальник штаба Юго-Западного фронта. – Общая цифра потерь доходила до 80 000». «Причинами неуспеха, – считал он, – были недостаток настойчивости начальствующих лиц в достижении цели; плохая ориентировка вследствие не налаженной между ними связи; недостаточность развития достигнутого успеха и даже удержания захваченного у противника вследствие далеко стоявших резервов»².

К серии боевых действий в дни Барановичской операции относится и неизвестное в исторической литературе наступление частей 10-й Сибирской дивизии в Пинском районе на линии Огинского канала 17–18 июля 1916 г. В ходе наступления предусматривалось форсировать Огинский канал на главном участке от отметки 68,3 южнее шлюза № 5 до

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 337.

² Фогель В. Барановичи 1916 г. С. 7.

поворота канала южнее дороги Логишин – Озаричи на побочном участке шлюза № 5, овладеть непосредственно прилегающими к шлюзу укрепленными позициями, продолжая наступление, овладеть деревнями Озаричи и Соколовка¹. Подготовка к наступлению проводилась в «строгой скрытности» от противника. Не допускалась разведка большими партиями и в дневное время. В ночное же время «непременным условием ведения разведки» было действовать с такой осторожностью, чтобы ни один нижний чин не попал в плен. Кроме того, запрещалось светить прожекторами в сторону противника, открывать артиллерийский огонь. Такие требования свели разведку к обзору местности с отдельных наблюдательных пунктов, не позволившему получить достаточных сведений о противнике, системе его укреплений, огневых средствах.

Германские позиции находились на правой стороне от Огинского канала. Окопы и блиндажи были устроены в несколько линий и укреплены проволочными заграждениями. На левом – восточном берегу канала располагались сторожевые неприятельские окопы. Перед главными укреплениями находилось непроходимое вброд водное пространство канала шириной от 16 до 24 м. Оборона противника была хорошо разработанной, имевшей практику отбития ранее предпринимаемых русских атак.

Русские позиции размещались по левую сторону канала на торфяно-болотистой местности, хорошо просматриваемой и простреливаемой противником, что не позволяло производить подготовку к наступлению в дневное время. Лишь в ночные часы сосредотачивались у передовой линии пехота 37, 38 и 39-го полков и артиллерийские батареи, а также саперы с изготовленными плотами, деревянными лестницами и другими подручными средствами для переправы через канал. Сообщение тыла с передовой линией могло осуществляться только по единственной дороге из Логишина на Озаричи да по устроенной гати. Получилось значительное

---

¹ РГВИА. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 580. Л. 19.

скопление войск, изготовившихся к атаке, – хорошая мишень для противника.

Под вечер 16 июля поступил приказ из штаба 4-го Сибирского корпуса о начале утром 17 июля артиллерийской подготовки с целью разрушения неприятельских укреплений, подавления огневых точек, обеспечения более благоприятных условий для атаки. С началом артиллерийского обстрела противник ответил тем же, подвергая ударам ближайший тыл расположения русских войск: особенно артиллерийские батареи, пути подхода резервов – проложенную гать, дорогу на Озаричи, район юго-западнее д. Валише и другие тыловые пункты. В результате неприятельскими снарядами были нарушена телефонная связь наблюдательных пунктов с артиллерийскими батареями, выведены из строя три орудия, нанесён урон живой силе.

Артиллерийская подготовка продолжалась в течение дня с перерывами для разведывания степени разрушения неприятельских укреплений. Разведка высылалась дважды в составе трёх групп, каждая по восемь человек. Разведчикам под сильным артиллерийским огнём противника, пользуясь укрытиями – мелким кустарником и кочками, удавалось подойти к окопам противника на расстояние 150–200 шагов и произвести наблюдения, результаты которых оказались неутешительными: в проволочных заграждениях «существенных разрушений не сделано, проходов нет, пулемётная оборона противника не подавлена». Во время вторичной разведки были убиты три разведчика, в том числе руководитель одной из групп «самоотверженный солдат, герой-разведчик, не раз проявивший себя в полковых разведках», младший унтер-офицер Глазырин¹. Несмотря на это, командир корпуса отдал приказ в 19 часов 30 минут начать атаку, до предела усилив артиллерийский огонь. Передовые батальоны 37-го и 38-го полков бросились в атаку, проваливаясь по колено в размокший от дождя торфянистый грунт, за

---

¹ РГВИА. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 580. Л. 19.

ними шли резервы и сапёры с переправочными средствами. Неприятель открыл ураганный огонь из тяжёлой и лёгкой артиллерии и пулемётов по наступающим, нанося огромные потери пехоте, сапёрам, разбив и разметав переправочные средства. Лишь небольшое число достигло берега Огинского канала. Атака захлебнулась.

После приведения в порядок потерпевших частей в 23 часа поступил приказ возобновить атаку, которая позже была отменена, наступающие отведены на исходные позиции. Наутро 18 июля поступил приказ «спешную атаку отменить, перейти к методической подготовке форсирования Огинского канала». Таким образом, это наспех подготовленное, необдуманное, на неподходящем участке болотистой, хорошо просматриваемой и пристрелянной противником местности наступление не принесло никаких стратегических результатов. Потери были огромны: только в 37-м и 38-м полках убиты пять офицеров и 266 солдат, ранены 16 офицеров и 1190 солдат, контужены четыре офицера и 101 солдат, 170 солдат пропали без вести. В артиллерийских батареях были ранены и контужены по восемь солдат, ранен в голову штабс-капитан Потулов и контужен штабс-капитан Пржевуский, но оба остались в строю. Бесцельно были израсходованы значительные боевые средства – 5137 гранат, 2241 артиллерийский снаряд, много винтовочных патронов¹.

1 июля германские войска предприняли контрнаступление у Скробово и заняли ранее захваченные русскими у австрийцев позиции, взяв в плен 1500 человек и 11 пулемётов. Произведенные 2 июля русскими две сильные контратаки были отбиты германцами. В период 8–12 июля в районе Барановичей вновь возобновились атаки пяти русских дивизий на фронте Скробово – Лабузы, занятом пятью австро-германскими дивизиями. Несмотря на длительную артиллерийскую подготовку и упорство атакующих, русским войскам не удалось достигнуть никаких результатов. На этом Барановичская операция завершилась.

---

¹ РГВИА. Ф. 2282. Оп. 1. Д. 580. Л. 4.

Таким образом, по причине слабого вооружения, прочности укреплений и оборонительных сооружений противника и недостаточной их разведки, зависимости Верховного командования от союзников в планировании и проведении боевых операций, а также плохого управления русские войска не смогли прорвать сильно укрепленные позиции австро-германских войск в районе Барановичей, но способствовали спасению итальянской армии от разгрома австро-германскими войсками и успешному наступлению англо-французских войск. В ходе атак русских войск под Барановичами и в Пинском районе были показательны массовые упорство, храбрость и жертвенность воинов (среди них было много белорусов) в выполнении воинского долга и данной Отечеству присяги. Они лавиной шли на неразрушенные проволочные заграждения, бетонированные блиндажи, блокгаузы и пулеметные гнёзда противника под градом пуль и снарядов, устлав своими трупами долины Щары и Сервеча, пролив кровь и отдав свои жизни в жестокой битве с врагом.

Во время наступательных операций русских войск в 1916 г. наблюдались изменения в оборонительной тактике противника. Уже в дни Нарочской операции в марте при артиллерийской подготовке атаки русских германцы отводили защитников из первой линии своих укреплений во вторую линию или в хорошо защищенные от артиллерийского огня укрытия. Затем, дождавшись атак русской пехоты, встречали её плотным фронтальным и фланговым ружейно-пулеметным и артиллерийским огнём, отбивая атаки с огромными потерями. Особенно широко такая тактика применялась противником в дни Барановичской операции. Кроме того, первая линия укреплений противника (окопы, проволочные заграждения) были пристреляны своей же артиллерией. Поэтому во время атаки русских, в случаях занятия ими неприятельских окопов они тут же подвергались артиллерийским ударам, несли огромные потери и вынуждены были отходить на исходные позиции.

ГАЗОВЫЕ АТАКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Первая мировая война 1914–1918 гг., развязанная двумя группировками крупнейших империалистических держав – Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция и Россия), втянула в орбиту борьбы многомиллионные армии, поставила на службу молота уничтожения людей самые передовые на тот период достижения науки и техники, мобилизовала гиганты промышленности на производство средств уничтожения и разрушения.

В ходе Первой мировой, наряду с мощным огнестрельным оружием – пулемётами и артиллерийскими орудиями – крупнокалиберными гаубицами, впервые было применено оружие массового уничтожения живой силы – химическое оружие. Идея открытия, разработки и производства химических отравляющих веществ зародилась и увенчалась «успехом» ещё в XVIII в. В то время учёными были открыты и стали известны такие ядовитые вещества, как хлор и фосген, а в 1820 г. – и горчичный газ (иприт). Однако отсутствие достаточной материальной базы, соответствующей химической промышленности и, главное, средств и способов защиты собственных войск от пагубного действия ядовитых веществ не позволяло применить отравляющие химические вещества в качестве боевого оружия.

Опыты по использованию химических газов как оружия массового поражения живой силы противника начались во Франции ещё в сентябре 1914 г., но инициатива применения их в широком масштабе принадлежала Германии, имевшей

к тому времени наиболее развитую химическую промышленность. Тут, по признанию начальника штаба германского Восточного фронта генерала Э. Людендорфа, «много потрудились теории ведения газового огня тайный советник Габер»¹. Именно им, немецким доктором Ф. Габером, было предложено применение газа в виде облака.

Началом массового применения химического оружия в военных целях в исторической литературе утвердилось и считается использование его германцами 9 апреля 1915 г. против англо-французских войск при Ипре (территория Бельгии)². Однако, согласно архивным источникам и мемуарной литературе, впервые германцы использовали химическое оружие против русских войск на германском Восточном фронте ещё в середине января 1915 г. у Воли Шидловской (территория Польши). Как об этом писал в своих мемуарах всё тот же генерал Э. Людендорф, «чтобы заставить русских поверить в продолжение наступления, 9-я армия в конце января должна была энергично атаковать в районе Болимова. Для этой цели верховное командование дало в наше распоряжение 18 000 снарядов, в том числе и с удушливым газом... Атака 9-й армии у Болимова состоялась 31 января (по новому стилю. – М. С.). Для успешного действия газа мороз был слишком значителен, но тогда мы этого ещё не знали. И вообще всё произошло так, как было желательно... Атака произвела большое впечатление на русских... Вообще же тактический успех был незначителен. В стратегическом отношении цель была достигнута»³.

В последующих военных действиях германцы периодически осуществляли свои газовые атаки против русских войск – 31 мая 1915 г. повторно у Болимова (Воли Шидловской). Затем подготовили и 24 июля применили газобаллонную

---

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1. С. 324.

² Советская военная энциклопедия : в 8 т. М. : Воениздат, 1976. Т. 2. С. 458.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Минск : Харвест, 2005. С. 122.

атаку в районе крепости Осовец. Так, в боях за эту крепость противник, чтобы взять её открытой силой, заблаговременно, скрытно установил на её северном обводе в четырёх точках по пять батарей с 20 баллонами в каждой. Выждав наиболее благоприятные атмосферные условия для сильнейшего действия отравляющего газа, противник 24 июля одновременно привёл в действие более 400 баллонов. По свидетельству очевидца – коменданта крепости генерала Н. А. Бржозовского, «газ выпущенный из баллонов, тёмно-зеленоватой окраски быстро направился вперёд к крепости, расширяясь в стороны и вверх при быстром поступательном движении. Действие газового облака, с одной стороны, образовало завесу, скрывающую подступы противника, а с другой стороны, смертельно отравляло всё, над чем проходило. Распространение газа вперёд... продолжалось до 25 вёрст, а вверх – на 5–6 сажень. Поражающее действие сказывалось на расстоянии до 12 вёрст, непосредственно на передовые позиции... было чрезвычайно и для людей в большинстве смертельно... в дальнейшем при распространении вглубь на расстоянии 3–4 вёрст – выводящим из строя.

Под действием отравляющих газов первыми жертвами стали разведывательные партии и секреты, которые все и погибли. Действие газа на окопы также надо признать смертельным... Большая убыль в офицерах и унтер-офицерах, которым поневоле пришлось руководить нижними чинами, – они почти все погибли. Из строя гарнизона крепости выбыло отравленных и удушенных более 1600 человек, хотя людьми и были приняты все рекомендованные для противодействия газу меры: противогазовые повязки, распылители, зажигание соломы и пакли впереди, мелкие водяные канавки. Они малоэффективны, в большинстве только отвлекающие защитников от оружия. Если о силе и ядовитости газов свидетельствуют наши потери и почти весь до некоторой степени отравленный гарнизон плацдарма и фортов крепости, то всё-таки я утверждаю, что только благодаря тому, что утро 24 числа было холодное, туманное и сырое,

сильно росистое и газу пришлось пройти частично над мокрым болотом, рекой и водными рвами... и это в значительной степени спасло гарнизон от громадных потерь»¹.

По заключению генерала, «состав газа, имеющего в основе хлор, определить было трудно, но, безусловно, в нём имелась и другая какая-то примесь, усиливающая удушливый эффект». Одновременно «немцами были применены в большом количестве и артиллерийские снаряды, имеющие внутри пикриновую заготовку, которая при разрыве снаряда воспламеняется и выделяет удушливый газ».

Наиболее активно германцы применяли газоболонные атаки против российских войск Западного фронта, которые в течение почти двух с половиной лет (с сентября 1915 г. по 5 февраля 1918 г.) занимали позиции на территории Беларуси от местечка Видзы на севере до северной оконечности припятского Полесья на юге, по линии Постава – Сморгонь – Барановичи – Пинск. Первую газоболонную атаку на территории Беларуси германцы предприняли в ночь с 19 на 20 июня 1916 г. в районе местечка Сморгонь на участке фронта, занимаемом 253-м Перекопским и 254-м Николаевским пехотными полками 64-й пехотной дивизии 26-го армейского корпуса.

Свой коварный замысел германцы вынашивали задолго до его осуществления – мешала дождливая погода. Как только погода стала благоприятной, подул юго-западный ветер, так, по словам очевидца, записавшего в журнал боевых действий 253-го Перекопского полка, в ночь с 19 на 20 июня «в 3 часа 30 минут немцы заиграли на рожках сигналы, затем через несколько минут было обнаружено движение удушливых газов со стороны д. Ходоки на позиции 254-го пехотного Николаевского полка и левофлангового батальона нашего (253-го пехотного Перекопского. – М. С.) полка... Сейчас же немцы дали залп из всех орудий по передовым окопам, а потом перенесли огонь на батареи и штаб полка из орудий

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1453. Л. 73.

тяжёлой артиллерии, снарядами с удушливыми газами. По окопам продолжался ураганный огонь лёгких батарей. В 6 и 7 часов газовые атаки были повторены... Газы от снарядов ели очень сильно глаза, быстро вызывали тошноту и головную боль. Николаевский полк пострадал очень сильно, многие роты пришлось заменять, так как способных драться оставалось по 10–15 человек. У нас пострадал только 4-й батальон, а больше 14-я рота. Немецкий артиллерийский огонь временами сопровождался ружейным и пулемётным и продолжался восемь с половиной часов. При этом на участке Николаевского полка и нашего 4-го батальона, а затем и 1-го батальона, немцы переходили в наступление... Наступали без огня, довольно беспорядочно. Видимо нижние чины были пьяны. Некоторые достигали наших проволочных заграждений, но дружным пулемётным и ружейным огнём были обращены в бегство... Наступление немцев скорее носило демонстративный характер, с целью вырвать у нас инициативу и заставить израсходовать большое количество снарядов»¹.

В результате этой газобаллонной атаки только в 253-м Перекопском полку, который, как считалось, менее пострадал, «общее число отравленных, по первоначальным сведениям, насчитывалось 350 человек из нижних чинов, из которых 150 умерло. Отравлению подверглись все офицеры 2-го и 4-го батальонов, находившиеся при штабе полка»².

На позициях 254-го Николаевского полка «страшный шум, похожий на шум паровоза, послышался в 3 часа 10 минут. Вслед за этим наблюдатели увидели густое облако желтоватого дыма,двигающегося на наши окопы. Не было сомнения, что это был удушливый газ»³. Наблюдатели сразу же сообщили об этом командирам рот, занимавших позиции. Последние предупредили личный состав о надвигающейся опасности, отдали команду «надеть маски, выдвинули

---

¹ РГВИА. Ф. 2865. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

стрелков к бойницам, был сыгран условный сигнал газовой атаки... Были предупреждены и артиллеристы, которые немедленно совместно с ружейным и пулемётным огнём открыли артиллерийский для рассеивания газового облака» и отражения наступления немецкой пехоты. Первая атака была отбита.

Спустя 15 минут после первой газовой атаки германцы повторно выпустили из пяти точек газы на участок 254-го полка, одновременно открыв сильный артиллерийский огонь снарядами с удушливым газом. Как было записано в журнале военных действий 254-го пехотного Николаевского полка, «облако газов окутало позиции 1, 3 и 15-й рот 4-го батальона. Газы были очень сильнодействующие. Бойцы стали падать отравленными. Силы слабели»¹.

Вслед за второй газобаллонной атакой при поддержке артиллерии в атаку пошла немецкая пехота численностью около полка. «Им удалось подойти к нашим проволочным заграждениям, – записал очевидец, – но встреченные в упор ружейным и пулемётным огнём защитников окопов германцы отхлынули назад, в свои окопы, понёсши огромные потери от нашего огня». Потерпев неудачу, германцы открыли «убийственный артиллерийский огонь тяжёлыми и лёгкими снарядами по окопам 1, 2 и 3-й линий, батареям и всем подступам полкового участка, но в атаку переходить больше не решались... После 9 часов огонь и атаки противника утихли».

Вместо выбывших из строя отравленных газами бойцов в боевую линию были введены свежие силы из резерва. Резерв в свою очередь был пополнен батальоном 255-го пехотного Елисаветградского полка.

Поздним вечером того же 20 июня, в 22 часа, германцы «после взрыва горна» открыли сильный артиллерийский огонь по окопам, занимаемым батальонами 253-го пехотного Перекопского полка, и по местечку Сморгонь. Одновременно

---

¹ РГВИА. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 84. Л. 18.

пехота противника численностью до трёх рот пошла в наступление. Оставшиеся в живых после газовой атаки защитники окопов, подпустив германцев почти до своих проволочных заграждений, открыли по ним ружейно-пулемётный огонь. Отражению атаки содействовала артиллерия. Обстрел русских позиций артиллерией противника продолжался до 3 часов утра 21 июня. В результате атак противника 254-й пехотный Николаевский полк понёс большие потери: отравленными газами 19 офицеров и 1114 нижних чинов, умершими от отравления 147 человек, ранеными 167 солдат и одного офицера¹.

Каким было состояние оставшихся в живых защитников окопов говорят слова из донесения командира одного из батальонов подполковника Константинова в штаб 254-го пехотного Николаевского полка: «Вновь подтверждаю свою просьбу о смене меня, так как от переутомления ноги подкашиваются и нет сил больше от такой напряжённой и тяжёлой работы. Голова отказывается служить. Точно также прошу о смене поручика Пилигримова с 42 нижними чинами – остатком вверенного мне батальона, совершенно ослабевших после газовых атак. Роты Елисаветградского полка, выносящие трупы из окопов, тоже заболели. Ротный командир опасается остаться без людей. Люди, которые выносят трупы из окопов за 2 метра, уже не могут идти»².

О слабости сил на участке позиций, занимаемых 3-м батальоном, доносил его командир подполковник Тихонов командиру 254-го Николаевского полка: «В окопах почти никого не остаётся... В настоящее время это не боевая часть, а жидкое сторожевое охранение, мало способное к сопротивлению. Необходимо принять меры к скорому усилению этого участка, так как газы, несмотря на дезинфекцию окопов, ещё действуют. Резервная рота Елисаветградского полка, вынося из окопов трупы, жалуется на отравление газами»³.

¹ РГВИА. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 92. Л. 20.

² Там же. Д. 84. Л. 9–10.

³ Там же. Л. 12.

«Люди продолжают убывать понемногу, так как удушливые газы противника задержались до сего времени в лощинах и во ржи. Кругом разбрызгивается распылителем содовая вода и принимаются все меры к уничтожению газов», – доносил в штаб полка командир 4-го батальона подполковник Петров¹.

Следует заметить, что применяемые в русских войсках средства противохимической защиты в то время были несовершенны, а потому и малоэффективны. Да и было их недостаточно. Германцы это хорошо знали и широко это использовали. Генерал Э. Людендорф, например, позже признавал: «Мы получили газы и ожидали от применения их больших тактических результатов, так как противогазовая защита у русских ещё не была создана»². Для противохимической обработки окопов, ходов сообщения и убежищ в данном случае применялся раствор соды и извести. Однако, по словам комбата подполковника Константинова, «на такой участок требовалось не 10 фунтов выданной извести, а 30 пудов»³. По причине недостатка противохимических средств остатки газа, сообщалось в донесениях, ещё продолжительное время оставались в окопах и продолжали отравлять людей. Командиры батальонов просили прислать фельдшеров для обследования окопов.

Тем временем коварству германцев не было предела. Нарушив Гаагскую конвенцию 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, запрещавшую применение отравляющих веществ в качестве боевого оружия, они пренебрегли многовековыми христианскими законами и традициями своевременно предавать земле усопших, не давали возможности отрыть могилы и похоронить умерших от удушья солдат и офицеров. Как только рабочие команды начинали землеройные работы, германцы тут же начинали обстрели-

---

¹ РГВИА. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 140.

³ РГВИА. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 84. Л. 10.

вать их из артиллерии. Об этом сообщал в штаб полка подполковник Константинов: «Яму для покойников начали копать – противник обстрелял». «Могилы для убитых здесь невозможно вырыть. Я лично водил рабочих на рытьё ям, но неприятель стал обстреливать шрапнелью, и я рабочих отпустил», – сообщал в донесении подполковник Тихонов¹. «Если ночью начнём рыть яму, то до рассвета не закончим и покойников с места не сможем снести, так как у меня их 150 и у полковника Тихонова не меньше», – сообщал подполковник Константинов и считал «необходимым рыть ямы в тылу и немедленно на платформах или на подводах вывозить трупы, которые на солнце уже разлагаются и уже слышно, как воздух заражён»². «Необходимо убрать трупы в окопах, ходах сообщений и во второй линии. Около моего штаба лежат 40 человек – трупов. В одном только месте. Ни одной подводы не прибыло убрать амуницию и массу винтовок, которые заржавели от газов. Прошу незамедлительного распоряжения о содействии мне в этом», – просил комбат в другом донесении.

Сложилась безвыходная ситуация. Отравленные и умершие от удушья солдаты – более 300 трупов – в течение нескольких дней оставались в окопах и ходах сообщений под палящими лучами солнца. Несколько ночей вывозили трупы на повозках. Погибших похоронили в братских могилах в деревнях Белая и Залесье³. В ночь на 22 июня 254-й пехотный Николаевский полк как наиболее пострадавший был сменён с занимаемых позиций двумя батальонами 255-го пехотного Елисаветградского полка и одним из полков 84-й пехотной дивизии и отведён в резерв в д. Оленец, где находился до 27 июня. К утру 27 июня 64-я пехотная дивизия полностью была снята с занимаемого участка фронта, отведена в резерв командующего армией и сосредоточилась в районе д. Сивица, позже в составе колонны проследовала

¹ РГВИА. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 84. Л. 10.

² Там же. Л. 6.

³ Лигута В. Н. У Сморгони под знаком Святого Георгия. С. 76.

в район местечка Ивенец¹. Позиции в районе местечка Сморгонь заняли части 1-й Кавказской гренадерской дивизии.

Ровно через месяц, в ночь с 19 на 20 июля 1916 г., германцы повторили газобаллонную атаку на том же участке фронта, но уже против частей 1-й Кавказской гренадерской дивизии. По-видимому, это произошло не случайно. На участке фронта, где были применены газы, окопы противника находились от окопов русских войск на расстоянии от 550 шагов на правом фланге до 2000–2200 шагов на левом. Местность между ними была ровная, открытая, поросшая довольно высокой травой и рожью, слегка понижаясь от германских окопов в сторону русских. Разведкой было установлено, что данный участок занимаемых позиций представляет большую опасность в случае газовой атаки противника. Кроме того, задолго до этого по ночам наблюдались подозрительные работы на германских позициях: подвоз на автомобилях и поездах и разгрузка с шумом и грохотом каких-то тяжёлых предметов. Накануне газовой атаки из окопов противника доносились звуки музыки и пения песен. В ночь с 19 на 20 июля германцы временами открывали ружейный и пулемётный огонь, бросали мины. Как оказалось всё это делалось для маскировки подготовительных работ для выпуска газов.

Газовая атака началась артиллерийским огнём в начале первого часа ночи 20 июля. Вскоре германцы выпустили газ из баллонов на участке фронта в 3–3,5 версты. Разведчики и секреты русских позиций приняли шум вырывавшегося из баллонов газа за выпуск пара из паровоза или шум мотора. Сигналы красными ракетами, игра на рожках ими также были приняты за обычный шум на позициях противника. Только почувствовав отравляющее действие газа на себе, они догадались о начале газовой атаки германцев, но растерялись, своевременно не дали условленных сигналов; надев противогазы, не могли подать сигналы голосом.

---

¹ РГВИА. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 92. Л. 25.

Некоторые из них бросились бежать в окопы, чтобы предупредить о газовой атаке, но газ быстрее их прибытия накрыл позиции и захватил всё местечко Сморгонь. Продолжительность движения первой волны отравляющего газа наблюдалась от 40 до 50 минут.

Вслед за первой, основной газовой волной до 6 часов утра германцы с определёнными промежутками времени выпустили ещё пять или шесть газовых волн. При попытке выпустить седьмую волну, резко поменялось направление ветра – вдоль окопов, что заставило германцев немедленно прекратить газобаллонную атаку. Как было установлено, газ состоял из хлора и фосгена с примесью других веществ, придававших ему при первоначальном воздействии запах фруктов, скошенного сена, привкус горького миндаля и т. п. Однако после первых вдохов это приятное ощущение резко сменялось неприятным и удушающим. Это свойство газа своим «приятным» запахом вводило защитников окопов в заблуждение, и они вовремя не принимали меры противохимической защиты.

Потери в полках 1-й Кавказской гренадерской дивизии были огромны. Отравленных газами из строя выбыло 46 офицеров и 3800 нижних чинов, в том числе умерли от удушья четыре офицера и 282 нижних чина¹.

Во время газовой атаки вышли из окопов и пошли в наступление четыре цепи германской пехоты. Благодаря активным действиям защитников окопов совместно с артиллеристами атака была отбита. Пример самопожертвования при этом проявили офицеры находившегося на позициях 14-го гренадерского Грузинского полка во главе с командиром 3-го батальона полковником Отхмезури, которые сняли противогазы, чтобы солдатам лучше были слышны их распоряжения и команды. Все они погибли. Самоотверженно сражались находившиеся на дежурстве артиллеристы 1-й батареи 84-й артиллерийской бригады и 3-й батареи

---

¹ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. С. 98.

2-го Кавказского мортирного артиллерийского дивизиона, вслед за ними и вся артиллерия сморгонского участка, открывшие свой огонь по наступавшей немецкой пехоте.

Общие потери в находившихся на позициях полках 1-й Кавказской гренадерской дивизии и соседней с ней 48-й пехотной дивизии составили более 8000 человек¹.

Причин больших потерь было несколько: запоздалое предупреждение о газовой атаке противника, недостаточно отработанные навыки применения средств противохимической защиты и несовершенство этих имевшихся средств, большое скопление людей на позициях по причине происшедшей смены батальонов 14-го гренадерского Грузинского полка батальонами 15-го гренадерского Тифлисского полка, большая продолжительность газовой атаки – более 6 часов.

После этой, наиболее сильной газоболонной атаки германцев против русских войск Западного фронта решило не остаться в «долгу» и российское командование. Главкомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт уже 23 июля 1916 г. телеграфировал командующим армиями фронта: «За последнее время немцы произвели две газовые атаки, которые, главным образом, вследствие их длительности (от 2 до 6 часов) повлекли в атакованных частях значительные потери... Располагая необходимыми для газовых атак средствами, не следует оставаться в долгу у немцев, почему приказываю шире использовать активную деятельность химических команд, чаще и интенсивнее применяя выпуск удушливых газов по расположению противника... Но, конечно, каждая атака должна быть обдумана, хорошо разработана, сопровождаться атакой пехоты»².

Первая газоболонная атака со стороны русских войск Западного фронта против германцев была произведена также в районе местечка Сморгонь на участок неприятельских позиций от р. Вилия у д. Перевозы до д. Боровой Млын,

¹ Керсновский А. История русской армии: 1881–1916 гг. С. 308.

² Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. С. 108.

расстоянием в 2 версты. Для её осуществления был разработан целый ряд мероприятий. В первой линии окопов было устроено 129 ниш для размещения баллонов. Для удобства управления выпуском газа фронт в 1800 м был разделён на четыре участка. Против каждого из них во второй линии окопов устроены по блиндажу (складу) для хранения баллонов. От каждого блиндажа к первой линии окопов были проделаны широкие ходы сообщения.

По окончании подготовительных работ в ночное время 22 и 23 августа в блиндажи (склады) были завезены 1700 малых и 500 больших баллонов (вместивших 2025 пудов жидкого газа) и необходимое для выпуска газа специальное оборудование. Затем, как только из штаба фронта было получено разрешение, велись тщательные метеорологические наблюдения для выбора удачного момента для выпуска газа. С установившимся выгодным направлением ветра 5-я химическая команда при содействии солдат 3-го батальона 5-го пехотного Калужского полка приступила к переноске баллонов в передовые окопы. Эти работы были закончены и сразу поступило разрешение начальника дивизии на выпуск газа.

Газобаллонная атака началась в 3 часа 30 минут 24 августа одновременно на всём участке. Вырвавшись из баллонов, газ поднялся вверх до 4 м, затем, опустившись, сплошной лавиной хлынул на окопы противника. Противник был застигнут врасплох. Только через 8 минут он открыл сильный миномётный, бомбомётный и артиллерийский огонь по русским окопам первой линии, который вскоре был подавлен русскими стрельбой химическими снарядами. Однако артиллерией противника уже были разбиты два блиндажа (склада) и одна ниша с баллонами (три баллона были совершенно разбиты и три сильно повреждены). Вырывавшийся из баллонов в большой массе газ не успевал распыляться, обжигал вблизи находившихся людей, стал заполнять свои же окопы. Кроме того, неожиданным порывом ветра газовую волну, достигшую р. Оксна, сдвинуло влево через русло

и не только захватило более широкий участок позиций германцев, но и двинуло вдоль русских окопов. В связи с этим выпуск газа был немедленно прекращён. Таким образом, газовая атака не удалась. Вместо запланированных 40 минут она продолжалась 15 минут.

9 сентября германцы ответили своей газовой атакой южнее оз. Нарочь против частей 2-й Сибирской стрелковой дивизии. Выпущенные ими две волны удушливых газов проникли далеко за линию фронта по линии деревень Узла – Брусы, выведя из строя 2660 человек¹.

Почти одновременно, 12 сентября, последовала очередная газобаллонная атака германцев в районе станции Барановичи против войск 2-й армии Западного фронта. Объектом для непосредственного нападения был выбран небольшой плацдарм русских на западном берегу р. Щара в непосредственном соприкосновении с противником. Уже за неделю до атаки русские заметили признаки подготовки германцев к химической атаке: слышались шум в окопах и язг устанавливаемых баллонов. Поэтому командованием была принята подготовка к отражению химического нападения: проверена сноровка личного состава в надевании противогазов, подготовлены солома и хворост для костров, налажена сигнализация, роздана мазь для смазывания оружия. Кроме того, начальник боевого участка генерал Носков разработал план действий на случай отказа связи или затруднения в её использовании, согласно которому с начальником артиллерии участка было условлено немедленное открытие заградительного огня по расположенной в центре плацдарма д. Одоховщина и прилегавшей к ней местности. Пулемётчикам и стрелкам приказывалось в случае германской атаки ночью или под прикрытием густого газового облака немедленно открывать огонь по проволочным заграждениям прямо перед собой.

Однако наличие постоянной опасности быть атакованными, слишком частые предупреждения командованием

---

¹ Лигута В. Н. У Сморгони под знаком Святого Георгия. С. 83.

о возможности газобаллонной атаки и назидания притупили чувство опасности у личного состава и привели к разговорам, что «штабы зря пугают вот уже второй день»¹. Кроме того, ко времени начала атаки, с 18 часов 11 сентября, опустился довольно густой туман, постоянно усиливаясь, моросил дождь. Всё это в представлении личного состава делало газобаллонную атаку маловероятной. Поэтому когда наблюдатели и разведчики атакуемого участка позиций услышали характерное шипение выпускаемого из баллонов газа, не сразу поняли в чём дело. Только в начале первого часа 12 сентября, спустя 7–9 минут, ясно почувствовав запах хлора и фосгена и увидев при свете ракеты светло-зелёное облако газа, двигавшееся от окопов германцев, они приняли меры предосторожности и оповещения. Таким образом, время было упущено. Связь бездействовала несколько минут, звуковые и световые сигналы также были даны с запозданием. Через несколько минут полной тишины русские со всего атакуемого участка открыли ружейно-пулемётный огонь, зажгли костры для рассеивания газового облака. Вскоре и германская артиллерия, пользуясь пристрелочными данными и светом зажжённых костров, открыла меткий огонь по русским окопам, командным пунктам и мостам через р. Щара. Под прикрытием артиллерийского огня германцы в противогазах подошли к проволочным заграждениям и залегли. Для отражения штурма противника в окопах осталось мало способных драться (особенно в д. Одоховщина). Выручила артиллерия, открывшая заградительный огонь. Попытки германцев проникнуть в русские окопы были отбиты.

Ширина участка фронта, подвергшегося действию газового облака, была около 5 км к югу от железной дороги. Наиболее густые облака газа были выпущены против рот 6-го гренадерского Таврического полка, занимавших окопы у д. Якимовичи, и рот 8-го гренадерского Московского полка у д. Одоховщина и к югу от неё. На этих местах газовое

---

¹ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. С. 101.

облако проходило в общей сложности около 1,5 часов. Благодаря болотистой местности и дождливой погоде его отравляющее действие в глубь тыла достигло 8 км при общем проникновении до 13 км. Во время газобаллонной атаки в сфере действия газов на позициях находилось 1765 гренадеров 6-го Таврического и 3130 человек 8-го Московского гренадерских полков – всего 4895 человек. Из них получили отравление и были эвакуированы 988 человек, в том числе умерших до 1 октября было зарегистрировано 76 человек¹.

Находившиеся в деревнях Подлесейки и Ятвезь резервные 5-й Киевский и 7-й Самогитский гренадерские полки и часть команд 6-го Таврического и 8-го Московского гренадерских полков почти не пострадали. Случаев отравления со смертельным исходом среди них не было. Два случая тяжёлого отравления наблюдались в господском дворе Подлесейки, имели место отравления и в господском дворе Селявичи. После газобаллонной атаки во всех окопах было обнаружено большое количество мёртвых мышей и птиц, а в 8-м гренадерском Московском полку погибло восемь лошадей.

Относительно небольшая численность жертв среди личного состава в результате газобаллонной атаки, кроме метеорологических условий, объяснялась также тем, что нижние чины 2-й гренадерской дивизии к этому времени вместо марлевых повязок в основном были экипированы противогазами системы Зелинского–Кумманта, а также хорошо обучены их использованию.

Спустя месяц, в ночь с 24 на 25 октября 1916 г., в том же районе станции Барановичи произвели своё первое большое газобаллонное нападение на германцев русские с участка фронта, занимаемого частями 2-й гренадерской дивизии. Подготовка к атаке началась ещё 18 августа передачей штабом 2-й армии 6-й химической команды в распоряжение 3-го гренадерского корпуса с целью осуществления газобаллонной атаки на плацдарме Ольсевичи (северо-восточнее

---

¹ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. С. 103.

станции Барановичи), который химической разведкой фронта армии был признан наиболее подходящим для такой операции по рельефу трёхкилометровой по фронту впереди лежащей местности и оборудованности окопов. По одобрении участка штабом армии, начались работы: выбор места для постройки и строительства девяти блиндажей для хранения 5000 баллонов, ходов сообщений и оборудование мест для контрольной метеорологической и телефонной станций¹.

Фронт газовой атаки был намечен в 750 м, а на участке фронта в 1 км намечалась демонстрация атаки из белого дыма, чтобы ввести в заблуждение германцев, заставить их разбросать свой артиллерийский огонь по всему задействованному участку фронта и уменьшить опасность повреждения газовых батарей. Учитывая неудачный опыт прошлого, подготовка данной газобаллонной атаки проводилась особенно тщательно. Перевозка баллонов, снаряжения к ним, гидропультов, дымовых шашек заняла три ночи – 6, 7 и 8 октября – и производилась с наступлением сумерек специально обученным составом команд. Всего было заготовлено 700 ниш (по числу батарей). К 12 октября завершилась переноска баллонов в ниши. Об этом был уведомлён начальник штаба.

Для оказания медицинской помощи раненым и на случай отравления газом было организовано три медицинских пункта, снабжённые кислородными подушками с достаточным запасом кислорода в баллонах, перевязочным материалом, медикаментами, горячей водой для чая и кофе. Кроме того, в первой линии окопов находились отряды санитаров, снабжённых сумками с медикаментами, противогАЗами и кислородными подушками. На случай отравления были заготовлены горячий крепкий чай и кофе с коньяком, раствор лимоннокислого натрия, нашатырно-анисовые и эфирно-валерьяновые капли².

---

¹ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. С. 104

² Там же. С. 105.

Все подготовительные работы закончились к 12 октября. Дело оставалось за наиболее эффективным для газобаллонной атаки направлением ветра – восточно-северо-восточным с самым незначительным колебанием к северу или югу, так как основной целью для атаки была намечена сильно укреплённая высота под условным номером 92,8, расположенная против центра химического участка, где были сосредоточены наиболее крупные силы германцев. Истекал 13-й день нервного и напряжённого ожидания нужного направления ветра. Как только во второй половине дня 24 октября ветер подул с северо-востока, об этом тут же было доложено начальнику штаба 2-й армии, от которого немедленно получено приказание быть в 19 часов всем наготове. Благоприятное направление ветра с небольшими временными отклонениями продержалось до 24 часов. До 22 часов стрелки – защитники окопов были отведены, чтобы не создавать помех газопускателям, а также для подстраховки от отравления. В первой линии этого участка фронта оставались только пулемётчики и наблюдатели. Даже караулы были сняты.

В 22 часа 40 минут газ был пущен. Первая линия окопов противника на удалении 600 м по центру и до 900 м на флангах участка газовой волны накрылась густым облаком газа. Германцы подняли сильную тревогу. Слышались шум, звуки рожков и удары о металлические предметы. В окопах германцы зажгли костры, которые были редки, слабы и горели недолго. Спустя 7–8 минут противник открыл сильный ружейно-пулемётный огонь по русским окопам. Через несколько минут обстрел стал ослабевать, затем совсем прекратился. Артиллерия же открыла редкий огонь только через 40 минут, который также скоро прекратился.

Вслед за первой газовой волной со стороны русских через 20 минут последовала вторая из четырёх батарей с большими баллонами продолжительностью от 35 до 40 минут. Затем – третья волна. Газовое облако, расширяясь по фронту, на пути своего движения под влиянием ветра охватыва-

ло всё новые и новые участки неприятельских окопов и распространилось в тыл, по предположениям разведки, на 10–12 км. Одновременно с газовыми волнами расположение противника обстреливалось артиллерией химическими снарядами¹.

По завершении газовой атаки русские окопы были очищены от накопившегося газа и заняты их защитниками. Высланные вперёд разведчики и резчики проволоки на неприятельских заграждениях работали до рассвета. Затем они были обнаружены противником и преимущественно с флангов отравленного газами участка обстреляны ружейно-пулемётным огнём. Прорвать заграждения в более 20 рядов сплетённой колючей проволоки не удалось.

Эта газобаллонная атака считалась русскими значительной и весьма удачной. Она нанесла большой ущерб германцам. 25 октября в течение всего дня по дороге от Дукова к Барановичам туда и обратно сновали лазаретные линейки, по-видимому, вывозившие отравленных газами. Пострадавшие от газа были и среди русских: один человек умер, эвакуировано 20 нижних чинов постоянного состава химической команды и 48 человек из команды переменного состава, получившие различной степени раздражение слизистой оболочки бронхов и лёгких, хотя и были защищены респираторами Зелинского–Кумманта².

Спустя несколько дней, 27 октября 1916 г., германцы севернее Барановичей, в районе Скробово, применили против русских не менее варварское оружие – огнемёты. На этом участке фронта позиции русских войск состояли из трёх линий окопов. Причём первая линия находилась на удалении от германцев от 15 до 200 м. Местами проволочное заграждение было общим, а на участке позиций, занимаемых 217-м пехотным Ковровским полком 55-й пехотной дивизии, вообще не было. Такое сближение окопов противников делало

---

¹ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. С. 109

² Там же. С. 105.

удобным применение огнемётов. Личному составу русских войск к этому времени далеко не всегда были известны устройство и принцип действия этого нового типа оружия.

27 октября германцы, совершив три неудачные попытки атаковать русские позиции (они ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём русских загонялись обратно в свои окопы), пошли в четвёртую атаку с применением ранцевых огнемётов. Причём в местах наибольшего сближения окопов (217-го Ковровского и 218-го Горбатовского полков) на 15–20 м они применяли огнемёты, не выходя из своих окопов, поджигали окопы русских и находившихся в них защитников. На других, более отдалённых участках от русских позиций германцы, выйдя из окопов, устраивали перед собой дымовую завесу огнемётами же, под прикрытием которой приближались к русским окопам, направлялись вдоль их, поливая горючей смесью. По показаниям свидетелей и участников этого боя, некоторые аппараты германцев, кроме того, выбрасывали и негорящую жидкость, разъедающую одежду в местах, куда попадали брызги¹. Возможно, это была серная кислота.

Таким образом, германцы, начав применять химические отравляющие вещества в Первую мировую войну против войск российского Северо-Западного фронта ещё в 1915 г. на территории Польши, наиболее активно вели газобаллонные атаки против войск уже Западного фронта на территории Беларуси в 1916 г. Русские войска, отстававшие от германских войск в военно-техническом отношении в целом, уступали противнику и в химическом оружии как средстве массового поражения, а также в умении применять его и в средствах защиты от него. С развитием последних газобаллонное оружие в германских войсках с конца 1916 г. стало уступать место артиллерийским снарядам, начинённым отравляющими веществами, а также огнемётам.

---

¹ Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. С. 50.

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК РОССИЙСКОГО ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ИЮЛЕ 1917 г.

Свершившаяся в России Февральская буржуазно-демократическая революция явилась большим социальным потрясением как для страны в целом, так и для армии в частности. Введение в войсках демократических начал во взаимоотношениях между начальником и подчинённым, политизация армейской жизни, межпартийная борьба за власть вкупе с неудачами в сражениях с огромными потерями, расстройством экономической жизни в стране и снабжения фронта подорвали дисциплину в армии и её боеспособность, вызвали антиправительственные и антивоенные выступления. Пришедшее к власти Временное правительство должно было искать выход из глубокого политического кризиса, но оно ещё больше, чем царизм, было зависимо от союзников по Антанте, под их влиянием взяло курс на продолжение войны и настаивало перед Верховным командованием на ускоренной подготовке к наступлению на фронте.

Военный министр А. И. Гучков уже 9 марта 1917 г. в своём письме временно исполняющему должность Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву сделал запрос: «...какое влияние могут оказать переживаемые ныне государством события и известное расстройство в вопросе снабжения армии на характер наших военных решений на предстоящую весеннюю и летнюю кампании?»¹

Чтобы дать ответ на этот вопрос, генерал М. В. Алексеев в зашифрованной телеграмме главнокомандующим фронтами просил их «срочно сообщить... какое впечатление на

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 65. Л. 130.

армию произвели манифесты», добавляя при этом, что «правительство очень ожидает сообщения об отношении действующей армии к совершившемуся...»¹

Последние запросили об этом во вверенных им войсках по команде до начальника дивизии включительно.

Главкомандующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко, не дожидаясь полных сведений на сделанный им запрос в войска, 24 марта, по его словам, «ознакомившись пока бегло с положением дел» и присоединяясь к «заявлениям Главкоюза и командармов Юго-Западного фронта», полагал, что «как бы мы не были бедны средствами, всё же лучше и выгоднее наступать даже без полной уверенности в успехе, чем уступить инициативу в руки противника... Надо ожидать, что в худшем для нас случае начатые нами удары замрут без решительных результатов. Мы обязаны оказать союзникам активную помощь», чтобы «требовать от них выполнение взятых на себя ими обязательств». Генерал высказывал опасение, что «если союзники увидят нашу неспособность к активным действиям; придут к сознанию, что наше государство расстроено, сделало армию и страну небоеспособными, то они будут считать свободными от принятых по отношению к нам обязательств».

При этом он утверждал, что такие его «впечатления» он вынес «из сношения со многими из представителей союзных государств на конференции» и полагал, что в таком случае «последние легко смогут заключить выгодный для них сепаративный мир за наш счёт с немцами, которые на это легко пойдут, так как они в сущности ничего не ищут от Западных держав и вполне могут быть удовлетворены за счёт России, как в пределах Европы, так и на Ближнем Востоке»². «Твёрдо уверен, – заключал генерал, – что народ, который сумел добиться политической свободы внутренней, должен суметь завоевать себе и политическую свободу внешнюю, имея к тому все средства, хотя и не все они ныне

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 25.

² Там же. Д. 65. Л. 5.

под рукой». В завершении телеграммы Гурко обещал «более подробно» донести по получении сообщений командующих армиями фронта¹.

Сообщения командующих армиями Западного фронта в штаб фронта поступили в двадцатых числах марта. В вопросе состояния воинской дисциплины в войсках, их боеготовности и способности к наступательным действиям эти сообщения были неутешительными. Например, командующий 2-й армией отмечал, что в частях «дисциплина пала», «нравственная упругость войск сдала»; считал, что «наступательные действия желательно отложить на 1–3 месяца, пока острое положение уляжется». Командующий 3-й армией генерал Л. В. Леш сообщал о сильном падении престижа офицеров, считал, что «активные действия пока невозможны». Командующий 10-й армией генерал В. Н. Горбатовский отмечал, что «армия через 1,5 месяца сорганизуется на новых началах и будет боеспособна, тогда предпочтительнее активный способ действий»².

Следует сказать, что те командиры, которые находились в непосредственном контакте с личным составом, были ещё менее оптимистичны в вопросе готовности и способности войск к наступательным действиям. Об этом особенно ярко свидетельствуют донесения командиров полков и начальников дивизий. Так, по заключению командира 167-го пехотного полка, «свои позиции солдаты сохраняют, о продвижении вперёд никто не обмолвился»; командир 669-го пехотного полка утверждал, что «начальники не могут ручаться, что солдаты в бою пойдут за ними». Не было уверенности в этом и у командира 670-го пехотного полка. Все они утверждали, что в данной ситуации «лучше обороняться», «с наступлением лучше подождать». «Всякое наступление до полного успокоения солдатских умов невозможно», – считал начальник 28-й пехотной дивизии. Такого же мнения придерживались начальники 62-й и 69-й пехотных

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 59.

² Там же. Д. 63. Л. 433, 436, 439.

дивизий, которые отмечали, что «для успешного выполнения активных операций необходимо сплотить полки и дать им полный отдых после полутора лет пребывания в боевой линии». Начальник 170-й пехотной дивизии высказал сомнение, «что приказание, отданное офицером, будет в точности исполнено, и может случиться, что в нужную минуту солдаты откажутся перейти в наступление». Целый ряд командиров и начальников заявили о способности войск только к обороне, что наступление «возможно только при поддержке могучей артиллерии» и с обязательной уверенностью в его успехе. Начальник 73-й пехотной дивизии ответил на запрос словами: «Необходимо время, чтобы сделать правильное заключение». От начальников 12 дивизий сведений вообще не поступило¹.

Получив сведения от главнокомандующих фронтами, Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев 30 марта направил письмо военному министру, в котором сообщал, что только главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский, указывая на то, что внутренние события отозвались на армиях вверенного ему фронта «весьма болезненно», ссылаясь на расстройство продовольственных, вещевых и артиллерийских запасов, на ненадёжность укомплектований, пришёл «к определённом заключению о необходимости отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне». «Совершенно иначе отнеслись к этому острому, большой важности вопросу главнокомандующие Западным и Юго-Западным фронтами, – продолжал М. В. Алексеев, – оба высказали, что решительные действия наступающим летом неизбежны»². Вкратце «изложив мнение» В. И. Гурко и А. А. Брусилова, Верховный высказал «свой взгляд»: «Учитывая крайне тяжёлое наше положение в отношении продовольственном, транспорта, металла... принимая во внимание кризис,

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 432–440.

² Там же. Л. 136.

переживаемый армией, я тем не менее считаю, что обречь себя на оборону до июня–июля мы не имеем права... Как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желаниям наших союзников». Однако к этому, считал генерал Алексеев, необходима «в меру возможности» подготовка: «особенно нужны ружейные патроны... тяжёлая артиллерия, снаряды для неё»¹.

Получив сведения от командующих армиями о положении в войсках, их боеготовности и способности к наступательным действиям, главнокомандующий Западным фронтом В. И. Гурко, констатируя изложенное в них в своём рапорте от 21 апреля под грифом «Секретно, в собственные руки» Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву, утверждал: «... снова прихожу к тому же заключению, что нам необходимо наступать». Своё утверждение он мотивировал теми же доводами, что были им изложены в телеграмме от 24 марта. Кроме того, он полагал, что «войска будут способны к наступлению ещё в большей степени, чем раньше», к «половине мая армия будет снова дееспособной»². Причём генерал, как и другие начальствующие лица фронта, считал, что организующиеся солдатско-офицерские комитеты вносят заметное успокоение в войсковую среду. Ссылаясь на постановления 1-го съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта, состоявшегося в середине апреля 1917 г. в Минске, он уверял, что «стремление к победе над врагом является господствующим». «Приводимое военным министром мнение, что нравственный уровень укомплектований... во внутренних округах сильно понизился и что таковые ранее 3–4 месяцев будут для армии не пригодны, – считал Гурко, – не могут играть решающей роли для определения нашего образа действий»³. Он признавал, что «наше наступление при соз-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 428.

² Там же. Д. 1716. Л. 202.

³ Там же. Д. 63. Л. 430.

давшихся... условиях жизни страны и армии связано с большим риском, нежели это было раньше. Мужественное же решение в этих тяжёлых условиях, – полагал он, – единственно достойным решением, дающим... возможность с честью выйти из создавшегося положения перед родиной, союзниками, всем миром и потомством»¹.

30 марта Верховный главнокомандующий отдал приказ о подготовке наступления, которое должно было состояться в начале мая 1917 г.

Временное правительство, Верховное командование, командование фронтов и армий приступили к подготовке наступления. Вместе с боевой учёбой, обеспечением войск вооружением большая роль отводилась морально-политической подготовке солдат. С этой целью одно за другим последовали воззвания военного министра, Председателя Государственной Думы к войскам и населению с призывом «сплотиться», «восстановить порядок», вернуться «к спокойному упорному труду», «к боевой работе»². Однако этого оказалось недостаточно. 24 марта генерал М. В. Алексеев в своём письме к М. В. Родзянко, признав, что «воззвания эти, распространяемые при посредстве плакатов, остаются в глазах относительно бессознательных масс мёртвой буквой», просил «содействия» его в восстановлении «боеспособности армии при надвигающихся событиях, укреплении воинского духа, а главным образом для внушения войскам убеждения необходимости продолжать войну до победного конца» и с этой целью «командировать, по соглашению с Временным правительством, членов законодательных палат и влиятельных представителей общественности для состояния при штабах армий и объезда войсковых частей». Предложение Верховного получило поддержку Генерального штаба. Об этом было сообщено главнокомандующим фронтами с просьбой «предписать командному составу по прибытии делегатов в армии оказывать им полное чем можно

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 431.

² Там же. Д. 1716. Л. 1.

будет содействие»¹. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко откликнулся на просьбу генерала Алексеева. На Западный фронт были командированы депутаты Н. Н. Щепкин, Ф. Д. Филоненко и Н. О. Янушкевич, которые, прибыв в штабы армий, совершали поездки в войсковые части и соединения, выступали на организованных командованием митингах с информацией о свершившейся революции и политических событиях в стране, с призывами сплотиться вокруг Временного правительства, к совместной борьбе офицеров и солдат в защиту революции и свободы от внешнего врага, к продолжению войны до победного конца.

С целью агитационной пропаганды Временное правительство и командование широко использовали партии революционной демократии. Войска Западного фронта посещали депутаты Петроградского совета (Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели, Н. Д. Соколов, Д. П. Михайлов), Минского Совета и Минской офицерско-солдатской комиссии (Н. И. Кривошеин, И. Г. Дмитриев, С. Г. Могилёвский, М. А. Михайлов (М. В. Фрунзе) и др.), а также делегации Кронштадтского Совета, Черноморского флота и др.

Проводимая в войсках разъяснительная и агитационная работа давала только частичные результаты. Посещавшие войска делегаты, принадлежавшие к разным полюсам общества, различным политическим партиям, нередко имели диаметрально противоположные цели и взгляды на продолжение войны в целом и подготовку наступления на фронте в частности. Поэтому и отношение к их агитации и пропаганде в войсках не было однозначным. Основная масса войск – солдаты не доверяли буржуазной пропаганде, прежде всего по причине призыва к продолжению «войны до победного конца». Им больше импонировали лозунги, пропагандируемые партиями революционной демократии – «война в защиту Отечества, революции и свободы».

Результаты проводимой агитационно-пропагандистской работы подавали командованию какие-то надежды на успех.

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1716. Л. 210.

Однако как только вопрос о наступлении начинал переходить из теоретической плоскости в практическую, стали проявляться сложности. Уже при восстановлении старых и строительстве новых укреплений и плацдармов имели место многочисленные массовые отказы солдат от производства работ, усматривавших в этом подготовку к наступлению¹.

Для выяснения готовности войск к наступлению 1 мая в Ставке Верховного главнокомандующего состоялось совещание с главнокомандующими фронтами. Последние отмечали, что по морально-политическому и боевому состоянию войск армия не готова для успешного проведения боевых операций. По мнению участников совещания, наступление можно было осуществить не ранее июня 1917 г. Началась усиленная подготовка наступления. Для поднятия боевого духа войска Западного фронта посетили военный и морской министр А. Ф. Керенский и Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов. Для морально-политического воздействия на солдат на Западный фронт приезжали представители английской лейбористской и французской социалистической партий. На воспитание солдат в морально-психологическом отношении, повышение их боеготовности к наступательным действиям была направлена в большом количестве поступающая в войска буржуазная и революционно-демократическая печать (кроме большевистской). Для этого командованием была призвана деятельность войсковых комитетов.

Следует сказать, что главнокомандующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко всё время ратовал за наступательные действия русской армии, несмотря на неготовность к этому войск. В середине мая, по его словам, якобы в ответ на публикацию военным и морским министром А. Ф. Керенским предложенного комиссией генерала Поливанова проекта «Декларации прав военнослужащих», в которой усмотрел

---

¹ См. об этом более подробно: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. Минск : Навука і тэхніка, 1991. С. 123–129.

«лишение права просить об увольнении от должности», генерал «немедленно написал рапорт на имя Верховного главнокомандующего Алексеева», указав на это и заявив, что оставляет «на усмотрение Временного правительства вопрос о том», может ли он «при данных условиях оставаться на своём посту, не имея способов к исполнению порученного дела», и что снимает «с себя моральную ответственность за всё, что может произойти в дальнейшем при управлении войсками фронта». Копию рапорта «со своим личным письмом» Гурко отправил также Председателю Временного правительства князю В. Е. Львову¹.

В ответ на заявление генерала В. И. Гурко Временное правительство постановило «отчислить генерала от кавалерии Гурко от должности главнокомандующего Западным фронтом» и поручило Керенскому «снести с Верховным главнокомандующим о назначении Гурко на должность не выше начальника дивизии». Временное правительство ограничивалось этой мерой «лишь ввиду прежних боевых заслуг» генерала².

Верховный главнокомандующий 5 июня издал приказ «по поводу рапорта Гурко», в котором отмечалось, что «сложение с себя всякой нравственной ответственности является свидетельством несоответствия генерала Гурко своему назначению; без нравственной ответственности перед Родиной Гурко не может более занимать своего высокого военного поста и отчисляется от должности Главнокомандующего» в распоряжение Верховного главнокомандующего. На должность главнокомандующего Западным фронтом был назначен генерал А. И. Деникин.

Тем временем проводимые агитационные мероприятия не давали желаемых результатов. С фронтов в Ставку Верховного главнокомандующего поступали сведения о тревожном положении в войсках, об их нежелании наступать.

---

¹ Гурко В. Война и революция в России : мемуары командующего Западным фронтом, 1914–1917. М. : Центрполиграф, 2007. С. 366–367.

² РГВИА. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 905. Л. 21.

Однако, несмотря на отказы солдат воевать, неподготовленность наступления, 16 июня военный и морской министр А. Ф. Керенский отдал приказ о переходе в наступление на фронте, которое началось 18 июня войсками Юго-Западного фронта. Имея значительный перевес над противником в живой силе и артиллерии, ими был достигнут значительный успех¹. Австро-германское командование было чрезвычайно встревожено этим наступлением и срочно приступило к перегруппировке и усилению своих войск путём переброски подкреплений с других фронтов. В связи с сильным сопротивлением противника в конце июня наступление войск Юго-Западного фронта прекратилось. Австро-германские войска перешли в контрнаступление, прорвали фронт и до середины июля развивали наступление. Российские войска отошли к Государственной границе, понеся огромные потери за период военных действий с 18 июня по 21 июля – 132,5 тыс. человек².

Войскам Западного фронта приказом Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова предписывалось перейти в наступление не позднее 3 июля. Роль нанесения главного удара отводилась силам 10-й армии. Командующий 10-й армией генерал Н. М. Киселевский решил нанести основной удар по германцам в районе Сутьковского и Новоспасского лесов с дальнейшим развитием его в направлении между деревнями Глинная и Базары с целью овладения линией Сола – Жупраны – Ошмяны – Граужишки. Следует сказать, что подготовка к наступлению началась ещё зимой 1917 г.: в штабах тщательно изучались сведения о противнике, его численности, передвижениях, системе обороны, расположении огневых точек. С помощью авиации все позиции были сфотографированы. Оборона противника состояла из нескольких укрепленных полос. Перед каждой линией окопов были проволочные заграждения. Большинство блиндажей

---

¹ См.: Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М. : Наука, 1983. С. 76.

² РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 101. Л. 7.

и убежищ имели железобетонные покрытия, были сооружены железобетонные доты и пулемётные гнёзда.

С целью наступательных действий командованием Западного фронта производились перегруппировка войск и инженерные работы по оборудованию плацдармов, отработывалась согласованность действий артиллерии и пехоты. На 20-километровом участке прорыва была сосредоточена крупная группировка войск, значительно превосходившая силы противника: 184 батальона и около 900 артиллерийских орудий против 29 батальонов и 300 орудий. Ударную группу войск составляли 38-й армейский, 1-й Сибирский и 2-й Кавказский корпуса¹. Им противостояли части 10-й и 12-й армий противника, занимавшие укрепленные позиции по линии Василевичи – Крево – Слайковщина – Бакшты – Делятичи – Малый Куписк.

Общее нанесение удара войсками 10-й армии планировалось в направлении на Вильно. 3-й и 2-й армиям Западного фронта была поставлена задача «всеми средствами содействовать наступлению 10-й армии и, по мере развития успеха, перейти в наступление в общем направлении на Вильно и Слоним»².

Однако успех наступления в большей степени зависел от настроения солдатской массы. Как только войскам стало известно о предстоящем наступлении, то целые полки и даже дивизии отказались занять исходные позиции. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А. И. Деникин счёл необходимым отвести в тыл и расформировать как наиболее неблагонадёжные 2-й Кавказский корпус и 169-ю пехотную дивизию 1-го Сибирского корпуса. Заменявшие их части 28-й и 29-й пехотных дивизий заняли исходные позиции только под угрозой разоружения и расформирования.

Не имея полной уверенности в стойкости войск при столкновении с противником и предвидя их самовольный уход с поля боя, командование формировало специальные

---

¹ Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). С. 84.

² РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 101. Л. 7.

отряды для удержания солдат на боевой линии силой оружия. Так, накануне перехода войск 10-й армии в наступление начальник 132-й пехотной дивизии в телефонограмме под грифом «Совершенно секретно, в собственные руки», сообщая командиру 525-го Курюк-Даринского полка о распоряжении командира 1-го Сибирского корпуса формировать из казачьих полков и батарей и учебных команд от пехотных частей отряды по разоружению неповинующихся, приказал «один из таких отрядов формировать сегодня (8 июля. – М. С.) в районе нашего корпуса; в состав отряда включается учебная команда 525-го Курюк-Даринского полка». Начальнику команды предписывалось «сегодня же явиться в инспекторское отделение штаба дивизии в д. Долгилог к прапорщику Маненко» за получением сведений о месте расположения учебной команды, к «кому явиться и доложить о своём прибытии в состав сводного батальона учебных команд». По прибытии команда «вошла в подчинение полковнику 1-го сибирского полка Малышкину, а с 9 июля – комиссару Временного правительства поручику Романенко»¹. Из донесения от 11 июля начальника учебной команды командиру полка о проделанном следует, что, «занимаясь поимкой дезертиров и возвращением их в окопы, число задержанных не поддавалось точному учёту, во всяком случае возвращено в окопы не менее 300 человек, которые препровождены в штабы 6-го и 7-го сибирских стрелковых полков»².

Следует отметить, что меры вооружённой борьбы с дезертирами имели место и в боевых частях. Например, по словам донесения командира 3-й роты 525-го полка, помогая «вернуть бегущих», он получил приказание «расположиться среди поляны и стрелять в намеревающихся бежать». И это «возложенное он выполнил блестяще»³.

Нежелание солдат наступать заставило командование фронта неоднократно переносить срок наступления. Только

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 57.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 65.

6 июля 1917 г., когда наступление войск Юго-Западного фронта окончательно прекратилось, началась 3-дневная артиллерийская подготовка на Западном фронте. Значительно были разрушены укрепления противника, сделаны проходы в проволочных заграждениях, подавлены огневые точки. Артиллерия расчистила путь пехоте в проволочных заграждениях, произвела большие разрушения в трёх линиях обороны. От мощной артиллерийской подготовки командование ожидало подъёма настроения солдат, их наступательного духа, успешного наступления. Однако настроение во многих частях ударных корпусов, по признанию командиров, продолжало оставаться неустойчивым. В 20-м армейском корпусе, включённом в ударную группу вместо 2-го Кавказского, отказались наступать 114, 115, 116-й полки 29-й пехотной дивизии, в 1-м Сибирском корпусе категорически отказался от наступления 62-й Сибирский полк. Несмотря на это, генерал А. И. Деникин отдал приказ войскам 10-й армии 9 июля атаковать врага.

9 июля в 7 часов утра войска ударной группы под прикрытием мощного артогня перешли в наступление, сломили сопротивление противника, прорвали линию его обороны. Уже через несколько минут войска 1-го Сибирского и 38-го армейского корпусов заняли первую линию вражеских окопов, а 175-я дивизия проникла во вторую линию. Вскоре штурмовые части 1-го Сибирского корпуса закрепились в Новоспасском лесу. Было взято в плен 24 офицера, 4 подпрапорщика, 1900 солдат, захвачено 50 пулемётов, 20 бомбётов¹.

Однако успешное продвижение ударных корпусов не получило развития. Противник оправился от замешательства, вызванного артподготовкой и атакой русских, подтянул резервы. К середине дня сопротивление германцев усилилось. Командование предпринимало меры, направленные для поддержки штурмовых частей резервами. Уже в 7 часов

---

¹ Жилин А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). С. 87.

40 минут 9 июля находившийся в резерве 525-й пехотный Курюк-Даринский полк по приказанию начальника 132-й пехотной дивизии походным порядком выступил по направлению деревень Синьки, Гореняты. В пути следования командир полка получил «новое приказание» начальника дивизии «немедленно и возможно быстрее двигаться через дер. Чеплеи к дер. Саковичи, где поступить в распоряжение начальника 1-й сибирской дивизии». По прибытии в 10 часов 20 минут полк «получил приказание» от последнего «поддерживать сибирские части, занять западную опушку Новоспасского леса, закрепить позицию и упорно её оборонять»¹.

Из донесений в штаб полка командиров батальонов, выполнявших поставленную «боевую задачу», следует, что «полк развернулся в боевой порядок, перешёл через первую линию наших окопов», «несмотря на заградительный артиллерийский огонь неприятеля, продолжал двигаться вперёд и вступил в восточную опушку Новоспасского леса». Продвигаясь дальше, наступавшие роты 525-го полка «всё время встречали отдельные команды дезорганизованных, напуганных» солдат, в числе которых была «большая часть 527-го Бельбекского полка, которые, пройдя некоторое расстояние с наступавшими, разбрелись и ушли обратно».

При подходе к дороге на Глодово наступавшие подразделения 525-го полка «неожиданно были обстреляны пулемётным огнём». Этим было вызвано «частичное замешательство» в их рядах. Благодаря принятым командирами батальонов и рот «энергичным мерам успокоения и воодушевления», наступавшие достигли назначенного пункта и окопались.

Занятая подразделениями полка позиция на западной опушке Новоспасского леса оказалась изолированной – «ни спереди, ни слева и справа» (отмечалось в донесениях в штаб полка) наших войск не было. Проводная связь со штабом постоянно нарушалась. В этих условиях командному

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 ; Д. 8. Л. 36, 46.

составу батальонов и рот пришлось приложить немало усилий по организации и обеспечению обороны позиции. При этом «особенное мужество и хладнокровие» было проявлено командиром 1-го батальона поручиком Ивановым, который «лично наблюдал за действиями противника... переходя из одной роты в другую, всё время подбадривал солдат» как своего, так и соседнего, 2-го батальона¹.

Оторвавшаяся от полка во время атаки группа из 2-го батальона, которую возглавил подпоручик А. В. Тарноградский, вышла на юго-западную опушку Новоспасского леса. Посланная им разведка выяснила, что «многие наши части разбежались» и на флангах группы стоят «мало организованные, неустойчивые команды различных рот и полков». Подпоручик принял решение закрыть «большой прорыв на 600 шагов по фронту», чтобы, как он считал, «не дать противнику зайти в тыл, произвести панику и разгромить весь корпус». Для заполнения прорыва и удержания позиции он объединил в свой отряд 30 человек 8-й роты, 60 человек 13-й роты, 30–35 человек женского отряда смерти и «несколько десятков задержанных дезертиров различных полков, которых посадить в окоп и удержать в нём можно было только под угрозой оружия»².

Разобщённость, несогласованность боевых действий частей, судя по донесениям командиров батальонов, продолжались в течение всего дня 9 июля. Так, командир 3-го батальона капитан Иванов в 17 часов 15 минут сообщал командиру 525-го полка: «Доношу, что связь, согласно Вашего приказанья, с первым батальоном держу всё время... выслал разведчиков узнать какая часть справа от нас». В 19 часов он же отмечал, что «неоднократные попытки установить связь с кем-нибудь справа моего батальона ни к чему не привели...» В свою очередь командир 1-го батальона подпоручик Иванов доносил командиру полка: «Связь со 2 и 3 батальонами есть... Слева никого нет. Телефонов нет. Поло-

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 63–64.

² Там же. Л. 66.

жение опасно ввиду наступления ночи. Где наши части не знаем...»¹

Получив такие неутешительные сведения от командиров батальонов, командир полка тотчас направил «полевую записку» начальнику 1-й Сибирской дивизии, в которой сообщал, что «1, 2-й и 3-й батальоны свою задачу выполнили: заняли опушку леса и охраняют свой правый фланг, но связи справа установить нельзя. Прошу оказать содействие... Во чтобы то ни стало необходимо удержать большую часть Новоспасского леса, занятую 525 Курюк-Даринским полком». Для этого, он считал, «нужно не менее двух полков и полная поддержка артиллерии», так как «других частей на фронте позиции почти нет»².

В день наступательной операции к 525-му Курюк-Даринскому полку был прикомандирован женский батальон смерти под командованием прапорщика Марии Бочкарёвой. Воины-женщины группами по 30–40 человек были распределены по ротам батальонов с целью морально-боевого воздействия на солдат. Наравне со всеми они принимали участие в атаке 9 июля. Так, по словам командира 6-й роты, к которой были прикомандированы 40 женщин, «согласно приказанию командира батальона, рота двигалась одной цепью, за ней женский отряд», который действовал «в течение всего боя в общем вполне удовлетворительно, больше, чем можно было ожидать». При занятии захваченной позиции командир роты, «очувившись в положении, когда каждый стрелок на счету, принужден был поставить их в положение обыкновенных солдат, и они занимали место в окопах на интервалах в несколько шагов от других стрелков-соседей. Вели стрельбу энергично, не прятались...»³

Во время контратаки противника, когда «вследствие паники стрелки бежали», женщины-воины «Казабойм, Луид Екатерина, Прохорова, Ценарская Анна помогали уговорами

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 32, 33, 35.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 80–81.

остановить бегунов, вернуться к окопам и пойти в атаку, в каковой и сами участвовали». При этом у германцев были отобраны захваченные ими два пулемёта 527-го полка и взяты ещё два немецких. «По чести и совести, – признавал командир, – этих четырёх женщин достойными награждения Крестами Святого Георгия 4-й степени» за «безукоризненное выполнение обязанностей», участие в захвате и удержании линии, оказавшейся «прорывом».

Следует сказать, что добровольцы женского батальона смерти кроме обороны занятой линии по приказам командования выполняли и другие поручения: ходили в ночную разведку и полевой караул (Казабойм и Прохорова Анна), когда отказались солдаты «идти на верную смерть»; принимали участие в установлении связи «под сильным ружейно-пулемётным огнём противника» (Евгения Анчурова); на место выбывших из строя по ранению санитаров командиром были назначены четыре девушки; пять человек подносили патроны стрелкам и пулемётчикам. В целом, по оценке командования, «женская команда показала пример храбрости, мужества и спокойствия» и что «звание воина русской революционной армии им присуще»¹. В 5 часов утра 10 июля атака германцев на юго-западную опушку Новоспасского леса была отбита частями 1-й Сибирской дивизии при содействии женской команды смерти Марии Бочкарёвой. После этого на этом участке до 16 часов «велась только незначительная стрельба»².

В ходе сражения добровольцы женского батальона смерти понесли потери. Разрывом недалеко упавшего от неё неприятельского снаряда была тяжело контужена и более часа находилась в безсознательном состоянии командир прапорщик Мария Бочкарёва, которая после того, как пришла в сознание, была «привезена в лазарет 6-го Сибирско-Бурятского врачебно-питательного отряда Всероссийского союза

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 81.

² Там же. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 101. Л. 35.

городов», затем эвакуирована в Молодечно в 15-й госпитально-эвакуационный пункт на лечение.

Разорвавшимся на бруствере окопа снарядом были одна девушка убита, несколько солдат и шесть девушек ранены. В «результате частых нападений и непрерывной стрельбы немцев было выведено из строя много людей, в том числе две девушки: Казабойм и Прохорова», – записано в документах 525-го пехотного полка¹.

В середине дня 10 июля в штаб 1-й Сибирской дивизии поступило приказание командира корпуса: «Донести об участии в бою отряда Бочкарёвой, сообщить о потерях поимённо. Отряд вывести из боевой линии и отправить в расположение штаба корпуса госп. двор Каскевичи, где отряд получит новое назначение»². Однако женский батальон тотчас не был выведен из боевой линии. В тот же день начальник штаба 132-й пехотной дивизии, сообщая командиру 525-го полка о том, что к штабу дивизии в Дабутишки прибыли только 20 человек женского отряда, просил направить туда же «оставшихся в живых женщин отряда смерти», а также их обоз и кухню. Поздним вечером командир 2-го батальона капитан Баронин с тревогой сообщал командиру 525-го Курюк-Даринского полка: «Часть батальона смерти под командой Бочкарёвой и полурота 8-й роты занимают прорыв между 4 Сибирским и 527 полками. С уходом батальона смерти образуется прорыв». Комбат просил «назначить часть для заполнения прорыва»³.

Судя по донесениям командиров батальонов и рот 525-го Курюк-Даринского и 4-го Сибирского полков, другим архивным документам, в ходе наступательной операции в войсках царила дезорганизация: была нарушена связь наступавших подразделений и частей со штабами, не имелось связи и взаимодействия между наступавшими соединениями и частями, пехотой и артиллерией. При наступлении войск с восточной

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 49–50, 68.

² Там же. Д. 103. Л. 480.

³ Там же. Д. 8. Л. 13, 52.

опушки Новоспасского леса в сторону западной для её занятия подразделения и части перемешались. По словам одного из офицеров 2-го батальона 525-го полка подпоручика А. В. Тарноградского, он, «равняясь на правофланговую 13-ю роту, оторвался от своего батальона и попал почти на две версты влево», очутившись «случайно в расположении чужих частей». Офицер 1-й Сибирской дивизии подпоручик Таросвода сообщал командиру батальона о том, что на занимаемом его подразделением участке позиции «прорывы едва заполнены... Слева части различных рот, справа 30 человек 3-го полка нашей дивизии». Командир 3-го батальона 525-го полка капитан Иванов, сообщая о сложной ситуации, в какой очутился батальон, доложил о том, что «с самого начала дезорганизована штурмовая рота, которая потеряла весь порядок». Командир 1-го батальона подпоручик Иванов рапортовал командиру полка: «Вышли на опушку леса... Слева нет никого... Не ориентирован в действиях наших частей. Телефонной связи нет»¹.

Отвечая последнему, командир 525-го полка полковник Закржевский сообщал: «Влево от вас, то есть к югу до дер. Рогачёво, линия занята частями 2-й сибирской дивизии. Вы должны занять опушку Новоспасского леса справа на запад. Справа от вас расположены части 1-го – 4-го сибирских полков (1-я Сибирская дивизия. – М. С.)»². Таким образом, по словам командира полка, 525-й полк должен был занять позицию между 1-й и 2-й Сибирскими дивизиями, а как выяснилось, полк оказался на участке позиции справа от 4-го Сибирского полка 1-й Сибирской дивизии и слева 527-го Бельбекского полка 132-й пехотной дивизии, то есть в промежутке между ними.

Более ясной, но остававшейся сложной, ситуация с занятием позиций и заполнением «прорывов» становилась в течение дня 10 июля. «Батальон растянут почти всеми ротами, в которых очень мало штыков, в одну линию... Люди

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 26, 34, 40, 66.

² Там же. Л. 34.

окопались, но несут потери», – доносил утром командир 3-го батальона в штаб 525-го полка. «1-й батальон стойко защищает боевой участок, поддерживая связь со 2 и 3 батальонами. Продолжаются контратаки противника...», – сообщил в 6 часов утра командир 1-го батальона. «Поддержка пришла и прорывы заполнены. Стоим на прежнем месте и положение улучшилось...», – рапортовал во второй половине дня командиру 527-го полка прапорщик Игнатъев¹.

Одновременно все с тревогой доносили об обстреле окопов не только противником, но и своей артиллерией. Например, командир 3-го батальона 525-го полка сообщал, что «контратака немцев блестяще отбита всем полком. Был общий порыв преследовать противника, но завеса нашего артиллерийского огня, не перенесённого далее, не дала возможности преследования». «Прошу принять самые энергичные меры для восстановления связи. С трудом удерживаю два батальона... Артиллерия наша то и дело бьёт по нашим окопам, нанося большие потери. Так дальше оставаться не может. Спешите. Пришлите людей, катушки есть», – просил начальника команды связи командир 1-го батальона².

Уже в ходе наступления частей, захвата и удержания позиций на западной опушке Новоспасского леса, в условиях, когда противник стал оказывать упорное сопротивление, обстреливать опушку леса артиллерийским шрапнельным и ружейно-пулемётным огнём, а в ряде мест переходить в контратаку, огромных усилий и самопожертвования стоило командирам батальонов, рот и взводов воодушевить солдат, удержать от бегства, заставить сражаться с противником. «Всю ночь, охраняя занятый участок передней линии, моя сборная рота потеряла много людей. Немцы неустанно беспокоят. Люди так устали, что долго не продержатся уже. Патронов и гранат доставлено в небольшом количестве и со страшными трудностями. Участок непомерно велик. Фельдфебель убит, взводный ранен, остальные

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 26, 45, 47.

² Там же. Л. 22, 26.

разбежались. Остался один унтер-офицер из 8-й роты. Девочки окоченели», – доносил в 12 часов 10 июля командиру 525-го полка подпоручик Тарасов и просил «скорейшей смены», так как «люди разбегаются и в ночь участок достанется немцам». «Доношу, что с левой стороны немцами был прорван фронт между 4 сибирским полком и полуротой 8-й роты и женской командой смерти. Полурота 8-й роты и 7-я рота под натиском противника отступили. Но воодушевленные мной, командиром 7-й роты и унтер-офицером 4-й роты нашего полка Пивоваровым, собрались и бросились в контр-атаку», – сообщал командиру 2-го батальона прапорщик Кравченко. В итоге названные подразделения с присоединением к ним учебной команды 3-го Сибирского полка и взвода 6-й роты во главе с подпоручиком Кервалидзе своим натиском заставили противника отступить¹.

«При неоднократных попытках противника выбить нас из занятых позиций особое хладнокровие и мужество были проявлены подпоручиком Ковальчуком, который лично управлял пулемётом и меткой стрельбой заставлял отступить врага. Подпоручик Иванов, будучи командиром батальона, лично наблюдал за действиями противника, своим хладнокровием и мужеством, переходя из одной роты в другую, всё время подбадривал солдат», а с переходом неприятеля в наступление он с подпоручиком Кервалидзе и младшим унтер-офицером «первыми бросились в атаку, увлекая за собой расстроенные ряды солдат, и, убив часть немцев, отбили захваченных наших несколько человек и пулемёт», – записал в «сведениях о боях с 9 по 11 июля» прапорщик Усович. При этом он отмечал «громадные заслуги» унтер-офицера Пивоварова и солдата 2-й роты Пиндюрина, «употреблявших самые решительные меры против малодушных и слабых солдат всех частей, принимавших участие в боях». «Командующий 3-й ротой прапорщик Николаев, получив задачу руководить защитой средней части (1/3 всего

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 21.

участка) окопов, подавал пример дисциплинированности своим людям, твёрдой решимости победить или умереть, спокойствием и выдержкой в огне проявлял необходимую требовательность и суровость к малодушным, помог остановить бегущих и вернуть их для контратаки», – отмечал в своём донесении начальник отдельного отряда, оперировавшего на юго-западной опушке Новоспасского леса, подпоручик А. В. Тарноградский¹. Хладнокровие, распорядительность и личная храбрость, воодушевлявшие солдат на самоотверженное удержание позиций, неоднократное отражение атак германцев, были отмечены командирами батальонов у поручика Щербакова, подпоручиков Медведева и Смирнова, прапорщиков А. С. Бокарёва, М. Л. Бочкарёвой, Кормякова, Вализера, Усовича и Яковенко².

В невероятно сложных условиях небольшой группе офицеров и оставшейся верной воинскому долгу части солдат и унтер-офицеров пришлось удерживать занятый участок Новоспасского леса. Без отдыха и сна, уставшие и голодные, они в течение полутора суток отстаивали от атак неприятеля (было отбито 14 атак) свои позиции. В течение этого времени ощущались перебои с доставкой гранат и патронов. Имели место случаи, когда посланные за патронами повозки «возвращались ни с чем», так как ни в Касимово не оказалось склада с боеприпасами, ни в фольварке Дзераки³.

На западную опушку Новоспасского леса сражавшимся войскам не доставлялась пища. Командиры батальонов и рот в своих сообщениях в штабы о боевой обстановке почти во всех случаях обращали и на это внимание. Например, командир 3-го батальона в донесении командиру полка просил его «распоряжения относительно пищи». Командир 2-го батальона сообщал о том, что «люди два дня не ели и просят хотя бы хлеба». Взводный командир женского отряда просил прислать хлеба. Прапорщик Игнатьев сообщал

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 63–65.

² Там же. Л. 82, 87, 90.

³ Там же. Л. 5.

командиру 527-го Бельбекского полка: «Со вчерашнего утра люди без еды и питья, страшно утомились, требуют смены...» Командир 1-го батальона с тревогой сообщал: «Голодные, усталые солдаты ждут с нетерпением смены, продержавшись при таких ненормальных условиях столько времени»¹.

Распоряжение о смене начальником дивизии было направлено командирам 525-го и 527-го полков 10 июля в 24 часа. Смена производилась в ночное время частями 9-й пехотной и 7-й Сибирской дивизий. Сменившись, полки отводились в район деревень Сельце и Саковичи в дивизионный резерв 9-й пехотной дивизии; 526-й и 528-й пехотные полки – в плацдарм севернее д. Танщина. По смене полкам предписывалось «сформировать из остатков» личного состава трёхротные батальоны, при каждом из которых «оставить одну пулемётную команду и необходимую часть команды связи». Всем батальонам дивизии – «составить один четырёхбатальонный полк»².

На других участках выдвинувшиеся вперёд штурмовые отряды корпусов, попав под сильный фланговый артиллерийский и пулемётный огонь, вынуждены были отойти в исходное положение. Так, в 38-м армейском корпусе в наступление пошли 11-я Сибирская стрелковая, 62-я и 175-я пехотные дивизии. 246-й Бахчисарайский, 247-й Мариупольский и 248-й Славяносербский пехотные полки попали под сильный фланговый ружейно-пулемётный огонь германцев со стороны южной опушки Богушинского леса и закрепились у первой линии неприятельских окопов. Наступавший вслед полк дивизионного резерва – 245-й Бердянский – не остановился, продолжал наступление и штыковым ударом выбил германцев из д. Томасовка. Однако по какому-то недоразумению среди солдат пронёсся слух, что соседняя 16-я Сибирская дивизия отступает, бердянцы начали митинговать

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 22, 26, 39, 44, 47.

² Там же. Л. 54.

и, смешавшись, отошли назад. Это повлекло отступление и других полков 62-й дивизии.

Следует сказать, что наиболее удачно в этом бою действовал 247-й Мариупольский полк под командованием полковника И. Ясницкого. Когда левый боевой участок полка дрогнул, командир батальона подполковник Юрасов личным примером смог воодушевить личный состав шести рот и довёл их до успешного штыкового удара. В бою отличились также штабс-капитаны А. Забелло и П. Быстрицкий, возглавившие штурмовую роту полка; поручик Д. Сидоров, принявший на себя командование обезглавленной ротой; поручик М. Рудомёткин, геройски павший во время атаки, и подпоручик И. Рябушин, уничтоживший несколько германских пулемётов вместе с расчётами. В 248-м Славяносербском полку геройски проявили себя прапорщик П. Дербышев, который первым ворвался в неприятельские окопы и выбил немцев гранатами, и поручик Х. Василенко, во главе роты взявший три линии окопов, миномёт и бомбёт.

11-я Сибирская стрелковая и 175-я пехотная дивизии атаковали местечко Крево, выбили немцев из руин костёла и нескольких редутов. Несмотря на то, что за противником осталось сильно укреплённое католическое кладбище, 697-й Проскуровский, 698-й Шаргородский, 699-й Саровский и 700-й Елатомский пехотные полки дошли до западной опушки Попелевичского леса. В бою отличились: в 697-м полку – подпоручик В. Потапов и прапорщик П. Коваль, в 700-м полку – прапорщик С. Анципович, в 698-м полку – подполковник В. Шевчук, который командовал батальоном, а после ранения командира полка – полком. Под его руководством полк преодолел три линии окопов противника. При этом командир был дважды ранен. В этом полку также отличились подполковник О. Харагезян, который бросился во главе полка в атаку и штыковым ударом выбил противника из окопов, а подпоручик Э. Полкозник, будучи дважды ранен, захватил германский пулемёт.

У Попелевичского леса наступающие были встречены сильным ружейно-пулемётным огнём противника. Бой продолжался в течение пяти часов. В середине дня, не получив поддержки, полки 175-й дивизии отступили сначала в третью линию германских окопов, затем – в своё исходное положение. Ещё более неудачным было наступление частей 69-й пехотной дивизии. Попад под фланговый огонь противника со стороны д. Гейлеша, они сразу же прекратили наступление. К ночи все части 38-го армейского корпуса оказались на исходных позициях.

При переходе в наступление войск 20-го армейского корпуса почти вся 29-я пехотная дивизия отказалась от активных боевых действий. Части 28-й пехотной дивизии, не заняв вовремя исходного положения, перешли в наступление позже назначенного срока и, встретив упорное сопротивление противника, отступили. Только частям 51-й пехотной дивизии, несмотря на артиллерийский и ружейно-пулемётный огонь, удалось штурмовать и занять первую линию окопов противника у д. Сутьково: 202-й Горийский, 204-й Ардагано-Михайловский пехотные полки и две роты 203-го Сухомского и штурмовые роты 201-го Потийского пехотных полков взяли две линии окопов, перекололи их защитников и ринулись на штурм третьей линии. Атака была настолько стремительной, что германцы не успели открыть даже заградительный артиллерийский огонь. При этом свою самоотверженность проявили штабс-капитан 203-го Сухомского полка И. Кондратьев, который, несмотря на ранение в голову, первым врывался во все три линии вражеских окопов и пал смертью храбрых; героически действовали поручик Н. Поляниченко, подпоручик Е. Молостов и прапорщик М. Шерстнев¹.

51-ю пехотную дивизию должны были поддержать соседние 28-я и 29-я пехотные дивизии, но перешедшие в наступление намного позже назначенного срока и встреченные сильным артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём

---

¹ См.: Лигута В. Н. У Сморгони под знаком Святого Георгия. С. 98.

части этих дивизий залегли у первой линии проволочных заграждений и никакой поддержки не оказали.

Не получив поддержки с флангов и с тыла (201-й Потийский полк, заняв первую линию окопов, отказался идти дальше и ушёл назад; шедшие за 201-м полком части 134-й пехотной дивизии, попав под сильный артиллерийский огонь, частью залегли, а частью рассеялись) полки 51-й дивизии, потерявшие убитыми почти всех офицеров, стали отходить и к 10 часам, то есть через три часа после начала наступления, были в своих окопах. В течение дня на участке 20-го армейского корпуса предпрималось ещё несколько попыток атаковать. Снова были захвачены вражеские окопы, но слабые и разрозненные атаки окончились безуспешно. «После неудачи утечка солдат стала возрастать, – отмечал в своём донесении командир корпуса генерал А. Я. Ельшин, – и к наступлению темноты достигла огромных размеров. Солдаты усталые, изнервничавшиеся, не привыкшие к боям и грохоту орудий после стольких месяцев затишья, бездеятельности, братания и митингов, толпами покидали окопы, бросая пулемёты, оружие, и уходили в тыл...»¹

В первый день наблюдалось много случаев самовольного ухода солдат с захваченных позиций поодиночке, группами и целыми ротами, считавших, что наступательная задача ими выполнена. Наступавшие части понесли большие потери. Командование было этим сильно озабочено.

Например, начальник штаба 132-й пехотной дивизии в середине дня 10 июля запрашивал у командиров 525-го Курюк-Даринского и 527-го Бельбекского пехотных полков «сообщить, сколько штыков осталось и каковы потери убитыми, ранеными, контуженными, без вести пропавшими и разбежавшимися»².

Очевидно, сведения были трагичными. Например, как свидетельствует донесение начальника штаба 1-й Сибирской

¹ Цит. по: Бондаренко В. Западный щит Российской империи, 1915–1917. Историческая реконструкция событий. С. 294–295.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1050. Л. 178.

дивизии о численности штыков в полках, на этот день насчитывалось в 525-м пехотном полку 600 человек, в 527-м пехотном – 500 человек. Ещё меньшей была численность в полках 1-й Сибирской дивизии: в 1-м Сибирском – 300 человек, во 2-м Сибирском – 80, в 3-м Сибирском – 60, в 4-м Сибирском – 250, в женском батальоне смерти – 190 человек¹. Потери 1-го Сибирского корпуса в целом составляли 345 офицеров и 7639 солдат убитыми и ранеными, 10 офицеров и 9210 солдат пропавшими без вести. В числе последних, на наш взгляд, было много «разбежавшихся». Потери в целом по 10-й армии, как показано в сводке о потерях, составленной ГУГШ на основе представленных сведений штабом Западного фронта и Ставкой Верховного главнокомандующего, составляли 11 642 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Эти сведения, очевидно, занижены. Эмигрантский историк А. А. Керсновский оценивает потери русских в этом наступлении 6–7 тыс. убитыми и пропавшими без вести и около 30 тыс. ранеными².

Таким образом, в результате наступления соединений 10-й армии был занят и удержан участок германских позиций только частями 1-го Сибирского корпуса в районе Новоспасского леса. 12 июля начальник штаба 132-й пехотной дивизии подполковник Леонов сообщал командиру 525-го полка: «Новоспасский лес охраняется разведчиками полков 9-й пехотной дивизии, осматривающими этот лес до западной его окраины. Немцы в этом районе активности не проявляют, в лесу работают части 1-го Сибирского корпуса по уборке своих убитых и раненых». Ещё двумя днями раньше, 10 июля, начальник штаба корпуса генерал Костяев телеграфировал начальникам дивизий, входивших в состав корпуса, о том, что «командир корпуса обратил внимание на полное отсутствие организованных команд для сбора оружия и военных материалов на участках противника, захваченных нами», и «приказал теперь же выслать команды

---

¹ РГВИА. Ф. 2277. Оп. 1. Д. 103. Л. 488.

² Керсновский А. История русской армии: 1881–1916. С. 492–493.

с подводами в Новоспасский лес и южнее с целью в течение ночи вывезти военное имущество, оставленное противником». 12 июля, по словам начальника штаба 132-й дивизии, «командир корпуса приказал сегодня же, не позднее 14 часов выслать от 525-го и 527-го полков по 200 человек рабочих в Новоспасский лес» (во главе с офицерами) «для работы по сбору оружия и для уборки огнестрельных припасов»¹.

Из журнала военных действий 525-го Курюк-Даринского полка следует, что в тот же день по приказанию командира полка была направлена группа солдат и офицеров численностью 100 человек для сбора трофеев в Новоспасском лесу. Там они были «встречены немецкими разведчиками, которые в страхе бежали»².

Таким образом, в целом наступление войск 10-й армии не получило развития по причине нежелания солдат продолжать наступление. Начальник штаба Западного фронта генерал С. Л. Марков в донесении в Ставку, оценивая ход военных действий за 9 июля, сообщал: «Дальнейшее развитие успеха 1-го Сибирского корпуса задержано вследствие стояния на месте частей 20-го корпуса и отхода в свои основные окопы почти всех частей 38-го корпуса. Главная причина отхода – малый подъём духа войск... Ряды бойцов быстро редуют не только от огня, но и от разбегающихся»³. Причиной неуспеха являлось и отсутствие внезапности наступательных действий русских войск для противника. Подготовка наступления в течение полугода, обсуждение предстоящих боевых действий на многочисленных митингах, собраниях и заседаниях как в тылу, так и на фронте не были неизвестными для германцев. Начальник штаба германского Восточного фронта генерал Э. Людендорф отмечал, что предстоящее наступление «не являлось тайной для главнокомандующего Востоком. Он принял все меры для

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 54.

² Там же. Д. 11. Л. 1.

³ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 306. Л. 105.

отражения наступления»¹. Однако Людендорф признавал: «Надо отметить особенно сильную атаку, последовавшую 21 июля (по новому стилю. – М. С.) у Крево, южнее Сморгони. Русские прорвали там позиции ландверной дивизии, которая оборонялась необыкновенно храбро, но была растянута на очень широком фронте. Несколько дней обстановка была очень серьёзной, пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили положение. Русские оставили наши окопы. Это уже были не прежние русские солдаты»². Руководивший операцией по прорыву укрепленной линии германского фронта главнокомандующий Западным фронтом генерал А. И. Деникин принял решение прекратить операцию. Согласившись с ним, Ставка Верховного главнокомандующего директивой от 10 июля постановила Западному фронту перейти к обороне. С таким неуспехом было закончено последнее наступление войск Западного фронта на территории Беларуси.

Как показали события тех дней, вся тяжесть организации и ведения боевых действий легла на плечи тех командиров и начальников, которые были в непосредственном контакте с личным составом. Прежде всего, это командиры полков, батальонов, рот и взводов, которые в большинстве случаев, возглавляя штурмовые части и подразделения, шли впереди наступающих, показывая подчинённым пример бесстрашия и мужества, презрения к смерти. Многие из них пали в сражениях. По окончании наступательных действий командование корпусов запросило у штабов дивизий сведения о наиболее выдающихся подвигах для освещения в прессе с целью их популяризации. Например, командир 1-го Сибирского корпуса генерал Е. А. Искрицкий 12 июля телеграфировал начальникам дивизий, входивших в состав корпуса: «Приказываю донести о всех выдающихся случаях доблести офицеров, депутатов и солдат, предварительно проверив факты опросом свидетелей. Собранный

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1.

² Там же. С. 28–29.

материал будет опубликован». В приказе оговаривалось, что эти донесения сделать «независимо от наградных представлений, каковые сделать обычным порядком»¹.

Анализ списка награждённых офицеров – георгиевских кавалеров, опубликованного в книге В. Н. Лигуты «У Сморгони под знаком Святого Георгия», показал, что около 100 человек, в основном в чине капитана, поручика, подпоручика и прапорщика, были удостоены высоких наград за боевые заслуги в сражениях 9 июля 1917 г., в том числе 27 человек посмертно².

Ценой большой крови и человеческих жертв Верховное командование в очередной раз подтвердило свою верность и приверженность выполнению принятых обязательств перед союзниками по Антанте. Итог наступательной операции показал, что неуверенность командования в успехе в ходе её подготовки оправдалась. Противоборствующие стороны остались на прежних позициях. Преследуемая цель «отвлечь войска от политических увлечений» боевыми действиями, если не принимать во внимание до 40 тыс. человек убитых и раненых, также не была достигнута. Об этом говорит последующее развитие всех военно-политических событий на Западном фронте, во всей русской армии и в стране в целом.

---

¹ РГВИА. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

² Подсчитано автором по: Лигута В. Н. У Сморгони под знаком Святого Георгия. С. 184–232.

ПАДЕНИЕ МОРАЛЬНО-БОЕВОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЙСК ЗАПАДНОГО ФРОНТА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Накануне войны царскому правительству, буржуазным партиям и православному духовенству путём идеологической пропаганды с целью психологической подготовки населения к войне удалось достичь гражданского согласия в обществе во имя защиты Отечества (на стороне патриотических сил выступили и эсеро-меньшевики). Однако с началом войны в результате поражений российских войск по причине военно-технической отсталости, зависимости Верховного командования в планировании и проведении боевых операций от союзников по Антанте и его бездарности дух патриотизма начал проходить. В войсках стали проявляться брожение умов и стихийный протест против войны, падение морально-боевого духа.

Угнетённое настроение солдат нарастало в связи со всё возрастающими проблемами быта как самих фронтовиков, так и их семей, оставшихся в тылу без мужской рабочей силы. На фронт доходили тревожные сведения о возрастающей дороговизне жизни, об отсутствии предметов первой необходимости, о спекуляции торговцев и т. д.

На почве необеспеченности, тягот и лишений, испытываемых солдатами на фронте и их семьями в тылу, нарастали недовольство существующим государственным строем, его внутренней и внешней политикой, желание заключения мира. Это послужило основой для подпольной партийной пропаганды в войсках политических партий. Уже в конце ноября 1914 г. департаментом полиции было установлено и сообщалось в Ставку Верховного главнокомандующего,

что РСДРП, «стремящаяся к ниспровержению существующего государственного строя, с начала открытия военных действий занялась пропагандой идеи о необходимости скорейшего окончания войны»¹.

Верховное командование было встревожено этим сообщением. Начальник штаба Ставки тут же сообщил о нём главнокомандующим фронтами русской армии и о содержании принятой большевиками на Циммервальдской конференции резолюции, в которой, по его словам, признавалось, что «лозунгом социал-демократии в настоящее время должны быть всесторонняя распространяющаяся в войске и на театре боевых действий пропаганда социалистической революции, безусловная необходимость организации для такой пропаганды нелегальных ячеек и групп в войсках и пропаганда республики». В заключение он требовал принять «самые энергичные меры» против пропаганды, «следя за всякими организациями и добровольцами из студентов». Спустя месяц, 28 декабря из Ставки телеграфировали в штабы фронтов о том, что «по полученным агентурным сведениям проживающие в России евреи и агитаторы различных политических партий стремятся распространять в действующей армии воззвания, призывающие войска воспользоваться своими победами над врагом и предъявить русскому правительству требования осуществления основных идеалов, проповедуемых революционными партиями»².

За год военных действий, которые заканчивались в основном неудачей, Россия потеряла огромные территории. К осени 1915 г. фронт стабилизировался по линии от Рижского залива до устья р. Дунай. По территории Беларуси линия фронта прошла по линии Двинск – Поставы – Барановичи – Пинск (тут дислоцировались войска 1,5-миллионного Западного фронта). Четверть её территории была оккупирована противником.

---

¹ РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 68. Л. 10.

² Там же. Л. 17.

Отступление русских войск из Галиции, Польши и Восточной Пруссии и перенесение военных действий на территорию Беларуси нанесли огромный ущерб её народному хозяйству. В 1915 г. в глубь Российской империи были эвакуированы 432 фабрично-заводских предприятия¹. На неоккупированной части территории белорусских губерний осталось только 139 таких предприятий, большинство из которых работало с перебоями и выполняло в основном военные заказы для фронта. В результате сильно сократилось производство товаров широкого потребления.

Военное положение Беларуси, захват противником части территории особенно отрицательно отразилось на сельском хозяйстве. Территориальные потери, массовые мобилизации мужчин, реквизиция лошадей для нужд армии лишили деревню основных рабочих рук и тягловой силы, привели к сокращению посевов продовольственных культур, а выращенный урожай не был полностью собран. Посевы озимых культур в значительной части уничтожались передвижением войск, волной беженцев, прогоном военных гуртов скота.

Тяжким бременем для сельских жителей прифронтовых губерний явились военно-оборонительные работы: строительство мостов, дорог, рытьё окопов и т. д., часто требовавшие многодневного участия в них сотен и тысяч трудоспособных мужчин и женщин вместе с гужевым транспортом. Так, летом 1915 г. в самый разгар полевых работ только в Гродненском уезде из 17 490 трудоспособных мужчин на военно-инженерных работах, охране железнодорожных линий, других казённых работах, по неполным данным, одновременно было занято свыше 10 тыс. человек и около 1 тыс. подвод². В июле волковысскому уездному начальнику было предписано немедленно отправить на военные работы

---

¹ Победа Советской власти в Белоруссии / редкол.: И. И. Минц [и др.]. Минск : Наука и техника, 1967. С. 61.

² Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1914 гг.). Т. 3. С. 813–814.

400 рабочих. У минского губернатора военные власти требовали для строительства подъездов к мосту через Березину 400 рабочих и 200 подвод сроком на четыре недели. В Новогрудском уезде, по сообщению уездного исправника минскому губернатору, «оставшееся население не занятой неприятелем части уезда было почти всё занято исключительно работами по укреплению позиций». Таким положение было повсеместно в прифронтовой полосе.

Тягостное впечатление на солдат действующей армии производили двигавшиеся на восток из мест военных действий – Вольни, Польши, Прибалтики – огромные массы беженцев, переполняя города и местечки неоккупированной части белорусских губерний. К осени 1915 г. только на территории Минской губернии скопилось до 120 тыс. беженцев, в Гомеле и окрестностях – около 300 тыс., в Витебске – более 90 тыс.¹ Не имевшие средств к существованию, беженцы являлись тяжёлым бременем для местных жителей. Последние, сами испытывая все тяготы войны, делились с беженцами последним из съестных припасов, фуражом, одеждой и обувью, предоставляли кров. «Самое участливое, гуманное отношение к беженцам» жителей Минской, Витебской, Смоленской и Псковской губерний отмечали в своих сводках военные цензоры². Однако всем оказать помощь было невозможно. Свыше 35 тыс. беженцев находились под открытым небом в лесах и на полях в районе железнодорожных станций Койданово, Столбцы и Городея, до 40 тыс. – в имении Хмельники около Бобруйска, до 64 тыс. – в районе Речицы, других местах³. В условиях голода, холода, антисанитарии, отсутствия медицинской помощи беженцы ежедневно десятками умирали. Кроме того, их обозы и таборы часто подвергались артиллерийским обстрелам и бом-

¹ Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск : Наука и техника, 1987. С. 40.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 20.

³ Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / [рэдкал.: М. П. Касцюк і інш.]. Мінск : Беларусь, 1994. Ч. 1. С. 443.

бёжкам авиации противника. Военные и гражданские власти делали попытки эвакуировать беженцев в более благоприятные восточные губернии России. Однако из-за разрухи на транспорте и отсутствия необходимых средств это не всегда удавалось.

Между тем война продолжалась. Расчёты правительства и военных верхов на быстротечность войны не оправдались. Уже в начале 1916 г. и солдатам стало ясно, что война затянется на неопределённый срок. По сведениям военной цензуры, в письмах солдаты «мир нередко приурочивали к поздней осени, но высказывалось мнение, что война продлится ещё год и более». Однако настроение солдат, по словам военных цензоров, продолжало оставаться бодрым, заметно было «стремление довести войну до полной победы над врагом»¹.

Несколько иным, по сведениям военной цензуры, было положение в тылу. Давая характеристику поступавшей из империи на фронт корреспонденции, она отмечала сообщения в письмах о понизившемся настроении в Петрограде, откуда «больше всего писали о влиянии немецкой партии». Кроме того, отмечались «жалобы на дороговизну», отсутствие предметов первой необходимости, что ложилось «тяжким бременем не только на сельское и рабочее население, но и на более зажиточные слои, и озлобляли население». В одном из задержанных писем «утверждалось, что в тылу очень ярко выражается ропот и даже возмущение по поводу так долго затянувшейся войны»².

Продолжавшаяся война требовала всё новых материальных затрат и ещё больших людских пополнений. Так, если в 1915 г. было мобилизовано в войска более 4 млн человек, то в 1916 г. – около 5 млн призывников³. Только из белорусских Минской, Витебской и Могилёвской губерний к осени 1917 г. было мобилизовано 634 400 человек.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 97.

² Там же. Л. 117.

³ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985. С. 47.

Всё новые и новые массовые мобилизации обескровливали тыл, приводили в упадок производительные силы страны, особенно сельское хозяйство. По причине нехватки рабочих рук и тягловой силы (на фронт было мобилизовано 2,5 млн лошадей) в 1916 г. имели место значительные сокращения посевных площадей основных продовольственных культур, а выращенный урожай не был полностью и своевременно собран. Всё это привело к острому недостатку продовольствия и фуража, сокращению поголовья скота, в конечном счёте – разорению деревни. В прифронтовых белорусских губерниях, переполненных военными частями и беженцами, почти повсеместно не хватало хлеба, соли, мяса. Истощались запасы, до минимума сократился подвоз из глубинных районов России. К примеру, для нормального снабжения населения Витебской губернии в октябре–ноябре 1916 г. требовалось 1188 вагонов продовольствия, фактически же было завезено только 211¹. Из запланированных к поставке в Полоцк и Дриссу 506 вагонов муки и крупы было завезено только 84².

Ухудшалось положение солдат на фронте. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах страны из-за развала на транспорте в ноябре 1916 г. было погружено для армии 73,7 % вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре – только 67 %. «Вместо того чтобы иметь месячный запас, мы живём ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение... Раскладка сокращена так, что дальше идти не желательно», – докладывал на совещании в Ставке в Могилёве 17–18 декабря 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом генерал А. Е. Эверт³. И с каждым днём положение со снабжением всё ухудшалось, приближаясь к кри-

---

¹ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64.

² Полоцк : ист. очерк / редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. 2-е изд. Минск : Наука и техника, 1987. С. 122.

³ Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. [М. ; Л.] : Соцэжгиз, 1935. С. 20.

зисному. В начале февраля 1917 г. интенданты на Западном фронте отмечали, что «за последнее время мяса прибывает только 25 % суточной потребности. Если подвоз скота и мяса не будет усилен немедленно, то через 2–3 дня войска окажутся в крайне нежелательном положении в отношении снабжения мясом»¹.

В начале 1917 г. на Западном фронте катастрофически не хватало и других видов продовольствия. Так, в 20-х числах февраля, по донесениям интенданта фронта главнокомандующему фронтом, вместо крупы войска получали чечевицу, а вместо хлеба – сухари. Не доставлялись чай, сахар, сушёные овощи. В первых числах марта «в наличии на фронте ни муки, ни сухарей почти не было»².

Командование делало попытки восполнить недостающее продовольствие путём реквизиций у местного населения. Но и оно (особенно в городах) голодало не меньше, чем солдаты на фронте. Например, в начале 1917 г. выдача продуктов по карточкам жителям Минска и других городов неоккупированной части белорусских губерний сократилось до минимума и составила в Минске 4 кг ржаной и до 2 кг пшеничной муки и по 400 г крупы, а в феврале – всего только 1 кг ржаной муки³. Тут, как и в крупнейших промышленных центрах страны – Петрограде, Москве, других городах, разразился сильный продовольственный кризис. Надвигался голод.

Русская армия по причине слабого вооружения, зависимости Верховного командования от союзников в планировании и проведении боевых операций, а также плохого управления войсками терпела поражения, несла большие потери. Наряду с нехваткой вооружения не доставало обмундирования, в зимнее время – тёплой одежды, а также сапог, продовольствия и фуража. С продолжением войны процесс недопоставок на фронт развивался с нарастающей силой. Солдаты

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 622.

² Там же. Л. 35.

³ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64.

переживали горечь поражений, огромные людские потери в сражениях, испытывали голод и тяготы лишений на фронте, достигшие к 1917 г. критической черты. Всё это способствовало тому, что российская армия – бывший оплот самодержавия – стала ему мощной оппозицией и в феврале 1917 г. перешла на сторону восставшего народа.

27 февраля 1917 г. в результате восстания питерских рабочих и солдат Петроградского гарнизона было свергнуто царское самодержавие – в России победила Февральская буржуазно-демократическая революция, явившаяся прологом Великой Октябрьской социалистической. Монархически настроенные силы во главе со Ставкой Верховного главнокомандующего в Могилёве, а также штабы фронтов предпринимали попытки подавить народные выступления. Однако успеха они не имели. Революцию поддержали все социальные группы и слои населения, которые ждали от неё решения тех задач, которые не были решены революцией 1905–1907 гг., и в первую очередь – прекращения войны и заключения демократического мира, ликвидации самодержавных порядков, помещичьего землевладения, предоставления свобод, созыва Учредительного собрания, решения вопроса о государственном строе.

Однако события первых дней революции свидетельствовали о том, что время единодушия, проявленного всеми слоями российского общества (кроме монархистов) при свержении самодержавия, прошло. Наступил период резкой дифференциации политических сил в вопросах революции.

Буржуазия была против углубления революции и ограничивала её задачи свержением самодержавия, созданием буржуазного Временного правительства. Основной задачей общества она считала консолидацию всех сил для успешного ведения войны до победного конца. В армии такой взгляд разделяли генералитет и часть офицерского корпуса. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский в своём письме от 4 марта 1917 г. Верховному главнокомандующему генералу М. В. Алексееву писал: «В настоящее

время после опубликования манифестов, формирования ответственного министерства и вступления такового в управление государством, о чём войска и население широко оповещены, нет больше почвы для внутренней борьбы и нарушения нормальной жизни страны»¹.

Партии революционной демократии, создавшие Петроградский Совет, ставили «своей основной задачей организацию народных сил на борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления». Обращаясь к населению страны, Совет призывал к доведению борьбы до конца в интересах демократии и для этого «создать свою, собственную властную организацию»². Минский Совет, приветствуя Временное правительство, заявил, что «рабочие и солдаты будут оказывать ему полную поддержку» лишь в том случае, если оно «будет неуклонно вести борьбу с приверженцами старой власти, охранять начала полной политической свободы для гражданского и военного населения, готовить созыв Учредительного собрания и установления демократической республики»³.

Наиболее радикально настроенные силы – большевики, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры – имели свои задачи в революции. В манифесте РСДРП, с которым обратился ко всем гражданам России центральный орган этой партии, они заключались в конфискации всех земель и передаче их народу, введении 8-часового рабочего дня, созыве Учредительного собрания на основе прямого и тайного голосования, конфискации запасов, заготовленных прежним правительством, для обеспечения продовольствием населения и армии, создании временного революционного правительства, «немедленной и неотложной» задачей которого явилось бы обращение к пролетариату всех воюющих стран превратить империалистическую войну в войну гражданскую

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1756. Л. 84.

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии : док. и материалы. Минск, 1957. Т. 1. С. 81.

³ Там же. С. 91.

против царских правительств и капиталистов своих стран, прекратить мировую войну¹.

Отчётливо понимая, что успешное решение задач революции зависит от того, на чьей стороне окажется вооружённая сила – армия, все политические партии направили свои усилия на идейно-политическую пропаганду в войсках. Для этого они использовали периодическую печать, специальные листовки, делегирование своих представителей в части и соединения. Наибольшим влиянием среди солдат с первых дней революции до июля 1917 г. пользовались вышедшие из подполья самые многочисленные партии меньшевиков и эсеров, важную роль в росте авторитета которых сыграл Приказ № 1 Петроградского Совета, возглавляемого лидерами этих партий. Он был направлен на демократизацию армии, предоставление солдатам демократических прав и политических свобод.

Временное правительство и Верховное командование, сделав попытки оградить армию от политической пропаганды, введения демократических начал во взаимоотношениях между начальниками и подчиненными, вскоре убедились, что этот путь таит в себе ещё большую угрозу – рост недоверия солдат к офицерам, выход их из повиновения своим начальникам. В вопросе формирования войсковых комитетов они пошли на компромисс. Было разрешено создать такие комитеты с избранием в их состав представителей от офицеров, чтобы взять их деятельность под контроль командования. Функции таких комитетов ограничивались решением хозяйственно-бытовых вопросов, улаживанием возникавших конфликтов между офицерами и солдатами и культурно-просветительной работой.

Особенно решительно командование выступило против политической пропаганды в войсках, участия солдат в политических акциях: митингах, собраниях, различных шествиях.

---

¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия / под. ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.) [и др.]. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. С. 3–4.

В первые дни революции направлявшиеся на фронт с целью политической пропаганды депутаты Петроградского, Московского, Минского и других Советов арестовывались. Однако под напором революции командование вынуждено было уступить, отдавая предпочтение поездкам на фронт депутатам Государственной Думы и членам Временного правительства, то есть представителям буржуазных партий. Совершали поездки в войска и депутаты Советов, агитаторы из служащих ВЗС – в основном меньшевики и эсеры. Такие поездки для пропаганды в войсках использовали и большевики.

Представители каждой политической партии вели агитацию среди солдат, разъясняли сущность и задачи революции через призму своих программ. Буржуазные и мелкобуржуазные партии выступали за продолжение империалистической войны до полной победы, называя её теперь войной в защиту революции и свободы. Большевики выступали за прекращение войны, за заключение справедливого демократического мира, разъясняя вместе с тем, что осуществление этого возможно только посредством перехода государственной власти в по крайней мере нескольких воюющих странах в руки класса пролетариев и полупролетариев. Однако деятельность большевиков в войсках и её результаты, особенно в период марта–апреля 1917 г., были мало заметны по причине их малочисленности и слабой организации. Буржуазии путем лавирования, с помощью массивированной идеологической обработки масс, при поддержке меньшевиков и эсеров удалось настроить российское общество, в том числе солдат на фронте, в поддержку лозунга: «Война в защиту свободы и революции». Обществу предстояло на практике убедиться, что с революцией характер войны не изменился, что она по-прежнему продолжалась по тайным договорам царского правительства и имела захватнический характер, в интересах капиталистов и помещиков.

Первым таким практическим уроком, преподанным Временным правительством народным массам и солдатам российских войск, явилась нота министра иностранных дел

П. Н. Милюкова от 18 апреля 1917 г. правительствам союзных по Антанте стран, в которой были изложены задачи внешней политики страны. Они сводились к тому, что в вопросе ведения войны всё осталось без изменения – «довести мировую войну до решительной победы».

Народ впервые почувствовал себя обманутым. Состоялись мощные демонстрации протеста рабочих и солдат в Петрограде, Москве, других промышленных центрах страны. С осуждением ноты и разоблачением в связи с этим политики Временного правительства выступили Минский, Гомельский и Слуцкий Советы рабочих и солдатских депутатов. С негодованием и протестом встретили ноту Временного правительства солдаты действующей армии, которые требовали прекращения войны, опубликования тайных договоров. На демонстрациях впервые появились лозунги: «Война войне!», «Долой Временное правительство и Милюкова!». Разразился правительственный кризис. Под давлением революционных масс партии меньшевиков и эсеров высказались за «неизбежность радикального перелома в международной политике России». Они видели это в изменении состава правительства путём удаления из него скомпрометировавших себя министра иностранных дел Н. П. Милюкова и военного министра А. И. Гучкова.

Чтобы ликвидировать правительственный кризис, успокоить массы, Временное правительство пошло на это. Удалив из своего состава двух министров-капиталистов П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова, оно включило туда двух министров-социалистов. Только благодаря поддержке Советов Временному правительству удалось ликвидировать кризис, удержаться у власти. Исполком Петроградского Совета предложил министрам пойти на компромисс: не отменяя ноты, дать разъяснение отдельных её пунктов. 21 апреля лидеры Совета приняли решение считать инцидент исчерпанным и обратились с воззванием к гражданам России, в котором призывали «во имя спасения революции от грозящей ей смуты» сохранять «спокойствие, порядок и дисциплину». Постановлением Совета на два дня запрещалось

проведение митингов и демонстраций. О принятых мерах и решении оказывать «поддержку правительству на прежних основаниях» исполком Совета сообщил всем Советам рабочих и солдатских депутатов и армейским комитетам¹.

В дни апрельского политического кризиса военные верхи впервые повели речь о ликвидации двоевластия, подавлении революции. Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев, получив телеграмму военного министра А. И. Гучкова с предупреждением о «неизбежности общего правительственного кризиса» из-за политики Исполкома Петроградского Совета, «слишком далеко зашедшего в захвате власти и особенно в распоряжении войсками», сообщал о ней главнокомандующим фронтами. Он также перечислял целый ряд действий Петроградского Совета, не способствовавших продолжению войны, считал, что «отечество скоро может оказаться в руках самозванного правительства» и требовал действий. «Настала минута, – заявлял Верховный главнокомандующий, – когда начальники армии, на которых лежит великая ответственность... за дальнейшее ведение войны, за конечные результаты её... должны определённо, по совести, ответить на вопрос: допустят ли они изменить слову и присяге Временному правительству и дать новую присягу стремящемуся к власти комитету рабочих и солдатских депутатов. Если нет, то мы немедленно должны обратиться к Временному правительству с коллективным требованием... властно возвысить свой голос, проявить твёрдую власть и наладить порядок». Генерал М. В. Алексеев предлагал также главнокомандующим фронтами «обратиться с воззванием к русскому народу, пригласить его объединиться, поддержать законное правительство, дать ему авторитет и силу для борьбы и победы»².

Главнокомандующий Западным фронтом и созданные им для обсуждения телеграммы командующие армиями

---

¹ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 89.

² Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 324.

фронта готовы были подписать воззвание, «если Временное правительство признает его совершенно необходимым и своевременным». Однако они считали, что в воззвании не следует упоминать о Совете рабочих и солдатских депутатов, «так как его престиж в войсках очень силён»¹.

Огромную роль в осознании революционными массами сущности политического кризиса, происходивших революционных событий в стране имели возвращение из эмиграции и деятельность В. И. Ленина. В опубликованных на страницах большевистской печати «Апрельских тезисах» он дал ответы на главные вопросы революции – о переходе её от демократического этапа к социалистическому, об отношении трудящихся масс к войне и Временному правительству, о Советах как форме государственной власти, о необходимости осуществления первоочередных экономических преобразований, о задачах партии большевиков в новых условиях. Развитые и конкретизированные в докладах В. И. Ленина на состоявшейся 24–29 апреля в Петрограде VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) «Апрельские тезисы» явились руководящим документом в деятельности большевиков.

Ленинская тактика была рассчитана на мирное развитие революции. Борьба за массы, за большинство в Советах, за изоляцию меньшевиков и эсеров, за превращение пролетариата из гегемона буржуазно-демократической революции в гегемона революции социалистической была в то время одной из основных задач большевиков.

Руководствуясь решениями апрельской партийной конференции, большевики усилили работу по созданию самостоятельных большевистских организаций. В апреле–июле 1917 г. большевики Гомеля, Минска, Полоцка, Речицы, Бобруйска, Слуцка и других городов вышли из объединённых организаций, окончательно порвали с меньшевиками и бундовцами, целеустремлённее стали вести политическую работу среди масс по разоблачению антинародной политики

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1773. Л. 136.

Временного правительства, призывали рабочих, солдат и крестьян сплотиться вокруг партии большевиков и идти по пути, указанному В. И. Лениным¹.

Под влиянием агитации в политическую борьбу втягивались новые массы рабочих, солдат и крестьян. Укрепился их союз, они всё более убеждались в империалистических устремлениях Временного правительства, соглашательской политике меньшевиков, эсеров и бундовцев. Падало моральное настроение войск на фронте. Большинство солдат высказывались против готовившегося командованием наступления русской армии на Юго-Западном фронте, назначенного на 18 июня 1917 г., а на Западном фронте – на 8 июля. Подготовка наступления и начало военных действий вызвали возмущение рабочих и революционных солдат Петрограда. 18 июня они вышли на демонстрацию. Демонстрации также состоялись и в Минске, Гомеле, Витебске, Орше, Несвиже, Замирье, Двинске, других городах². Антивоенные настроения охватили широкие массы солдат.

Затеянное правящими верхами с целью остановить развитие революции, установить единовластие буржуазии в стране, выполнить требование союзников по Антанте наступление войск российской армии провалилось. Одной из причин поражения являлось нежелание солдат воевать. Провал наступления, десятки тысяч новых жертв в угоду империализму, хозяйственная разруха вызвали новый прилив массового недовольства в стране и армии. В этих условиях министры-кадеты заявили о выходе из состава Временного правительства, ещё больше обострив политический кризис. Основной целью такого манёвра являлась попытка запугать министров-социалистов единоличной ответственностью за последствия поражения на фронте, вынудить их просить кадетов вернуться в правительство, заставить принять все кадетские требования.

¹ Каменская Н. В., Селиванов П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. Минск : Наука и техника, 1987. С. 17.

² Победа Советской власти в Белоруссии. С. 159; Каменская Н. В., Селиванов П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. С. 21.

Распространившиеся слухи о выходе министров-кадетов из состава правительства вызвали новые массовые волнения среди рабочих и солдат Петрограда, вылившиеся в 400-тысячную демонстрацию, которая потребовала от Центрального исполнительного комитета Советов взять власть в свои руки. Демонстрация была разогнана Временным правительством.

События 3–4 июля в Петрограде круто изменили обстановку в стране. По определению В. И. Ленина, они явились переломным моментом в развитии революции. Двоевластие кончилось, буржуазия установила своё единовластие, перешла от политики обмана масс к политике открытой физической расправы над ними. В Петрограде начались жестокие репрессии против большевиков. Были разгромлены редакция и типография большевистской газеты «Правда», запрещено издание её и других большевистских газет. Партия большевиков в этот период оказалась в особенно трудных условиях. Многие её видные деятели были арестованы. 7 июля военный и морской министр А. Ф. Керенский отдал приказ об аресте В. И. Ленина.

Вслед за Петроградом волна репрессий прокатилась по всей стране. 12 июля на фронте была введена смертная казнь. Начались массовые расформирования революционных частей. Контрреволюция прилагала все усилия к тому, чтобы использовать появившуюся возможность для подчинения армии своему влиянию, восстановить прежний порядок, превратить её в послушное орудие империалистической политики.

В этих условиях большевистская партия взяла новую ориентацию в революционной борьбе – на мобилизацию пролетариата на взятие власти вооружённым путем. Разъяснению политической обстановки и новой тактики большевиков были посвящены статьи В. И. Ленина «К лозунгам», «Политическое положение», «Три кризиса». В определении дальнейшей тактики главную роль сыграл VI съезд РСДРП(б), состоявшийся 26 июля – 3 августа 1917 г. Съезд

утвердил курс партии большевиков на вооружённое восстание, определил программу борьбы за победу социалистической революции, которая была одобрена всеми большевистскими организациями страны. 14 августа большевики Минской организации на собрании поддержали резолюции съезда, наметили практические мероприятия по их осуществлению.

Курс Временного правительства и Верховного командования на восстановление порядка в стране, дисциплины и боеготовности в войсках путём применения репрессивных мер: арестов, расформирований воинских частей и подразделений, запрещения демократической прессы, запрещения политических акций, ограничения прав и функций демократических организаций (Советов и войсковых комитетов) — не увенчались успехом. Применение репрессий ещё больше взбудоражило общество и войска, в ряде случаев вызвало вооружённые конфликты, привело к дискредитации Временного правительства, вызвало новый прилив антивоенных настроений. Развивался процесс отхода масс от партий меньшевиков и эсеров, падало их влияние. В самих партиях начался раскол, многие их рядовые члены заявляли о своём выходе из партий, наиболее левые элементы переходили на сторону большевиков.

В стране нарастал новый революционный подъём. Участились случаи политических выступлений рабочих. Борьба крестьян за землю перерастала в борьбу против буржуазного правительства. Всё настойчивее звучал голос солдат, добивавшихся заключения мира и удовлетворения требований трудового народа.

Военщина в тесном союзе с реакционными кругами буржуазии взяла курс на разгром революционных сил в Петрограде, на подавление революционного движения в стране в целом, на установление военной диктатуры. Выполнение своих планов она возлагала на генерала Л. Г. Корнилова, назначенного 18 июля Временным правительством на пост Верховного главнокомандующего. В целях объединения

усилий Временное правительство и Верховное командование 12 августа созвали в Москве Государственное совещание, на котором Л. Г. Корнилов, А. М. Каледин, А. Ф. Керенский и другие требовали подавления «железом и кровью» революционного движения, упразднения всех демократических преобразований, ликвидации Советов и солдатских комитетов. Центром сосредоточения сил явилась Ставка Верховного главнокомандующего в Могилёве.

Чтобы создать общественное мнение, буржуазные организации Союз офицеров, Союз Георгиевских кавалеров, Совет Союза казачьих войск, Республиканский центр и другие развернули на страницах своей прессы политическую шумиху вокруг личности Л. Г. Корнилова и Государственного совещания. Меньшевики и эсеры объявили Государственное совещание «совещанием всех живых сил страны»¹.

Большевики выступили с разоблачением сущности Государственного совещания. В резолюции ЦК РСДРП(б) от 6 августа 1917 г. говорилось: «Московское совещание, прикрываемое и поддерживаемое мелкобуржуазными партиями – эсерами и меньшевиками, – на деле является заговором против революции, против народа». ЦК предлагал партийным организациям это контрреволюционное сборище как «орган заговора контрреволюционной буржуазии против революции, против народа», раскрывать антинародный характер политики эсеров и меньшевиков, поддерживавших его, организовывать массовые протесты рабочих, крестьян и солдат против совещания².

Выполняя указания ЦК партии, большевики Минского комитета РСДРП(б) и других городов и воинских частей включились в активную борьбу по разъяснению массам сущности совещания, призывали рабочих, солдат и крестьян мобилизовывать силы и дать достойный отпор контрреволюции. Такую работу проводили большевики К. И. Ландер,

¹ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 163.

² Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 378–379.

А. Ф. Мясников, В. В. Каменщиков, Н. В. Рогозинский, С. А. Анучин и многие другие. За свою деятельность они преследовались командованием. Однако разъяснительная работа большевиков имела успех. В одном из донесений командиров на Западном фронте в вышестоящий штаб, например, сообщалось: «Обвинения левых ораторов на Московском совещании в контрреволюционности офицеров в среде солдат находит благоприятную почву. Появилось много неуловимых агитаторов, призывающих солдат к защите революции и недоверию к командному составу. Настроение понизилось. Агитация большевиков даёт губительные результаты. Агитация других партий влияния не оказывает»¹.

Верховное командование концентрировало наиболее реакционные силы вокруг Петрограда, готовя их вступление в город. С 20 августа в городе было введено военное положение. Подтягивались ударные батальоны и полки георгиевских кавалеров. Подготавливая мятеж, генерал Л. Г. Корнилов и его сторонники рассчитывали на многочисленное офицерство фронта, которое в количестве до 3 тыс. человек стягивалось в Ставку Верховного командования в Могилёв якобы для обучения стрельбе из английских миномётов нового образца. В Ставке прибывших офицеров встречали представители Главного комитета Союза офицеров. Прапорщик 29-го Плевненского полка Филатов (с Западного фронта), которому удалось бежать из Могилёва, как только ему стала известна истинная цель командировки, вернувшись в свою часть, рассказывал: «По приезде в Ставку мы были размещены в вагонах, стоявших на пути. Утром к нам пришли офицеры Ставки и, выпроводив из вагона поездную прислугу, объявили: “Не будем играть с вами в прятки, скажем открыто, что вы сюда призваны не для изучения миномётов, а будете немедленно отправлены в Петроград для смещения Временного правительства. Ваш поезд наготове, и мы вам даём пять минут на размышление и ответ”»².

¹ РГВИА. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 66. Л. 219.

² Известия исполнительного комитета Гренадерского корпуса. 1917. 10 сент.

Временное правительство не препятствовало готовящемуся контрреволюционному заговору. Генерал Л. Г. Корнилов действовал в прямом сговоре с А. Ф. Керенским. Контрреволюционный мятеж начался 25 августа 1917 г. Генерал Л. Г. Корнилов двинул на Петроград 3-й конный корпус и «дикую дивизию». Получили приказ о наступлении и другие воинские части.

Необходимы были неотложные меры для защиты революционного Петрограда. ЦК партии большевиков призвал питерских рабочих и солдат к вооружённому отпору мятежникам. 27 августа против корниловских войск выступили десятки тысяч рабочих и солдат. Повсюду формировались красногвардейские отряды. На защиту Петрограда становились полки и отряды моряков Балтийского флота. Отрядами красногвардейцев, солдат и матросов корниловские войска на подступах к Петрограду были остановлены. Большевистские агитаторы разъясняли солдатам суть происходящих событий, разоблачали антинародную политику Временного правительства. Поняв свои заблуждения, солдаты отказывались наступать. А. Ф. Керенский, поддерживавший Л. Г. Корнилова, почувствовав неуверенность в осуществлении своих честолюбивых планов возглавить диктаторский режим, страшась возмездия народа, отмежевался от него и сделал корниловский мятеж достоянием гласности. 28 августа в войсках фронта была объявлена его телеграмма, сообщавшая о «попытке контрреволюции в лице генерала Корнилова свергнуть народное правительство и вернуть старый строй». А. Ф. Керенский демонстрировал свою «верность народу», то есть обманывал его. По его приказу Л. Г. Корнилов был снят с поста Верховного главнокомандующего и арестован¹.

Упорную борьбу с корниловщиной вели большевики Беларуси и Западного фронта, где под ружьём стояло более 1,5 млн войск. К этому следует добавить удобное стратегическое положение территории, близость к столице. Через

¹ РГВИА. Ф. 2596. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

Беларусь пролегали железные дороги, связывающие Ставку с Западным и Юго-Западным фронтами.

Борьба с корниловским заговором, опасность военной диктатуры способствовали объединению всех демократических сил. Эсеро-меньшевистский ВЦИК Советов, объявляя войскам о контрреволюционном заговоре, а Корнилова – «изменником и врагом Родины», поставил перед войсковыми комитетами и Советами задачу поддерживать Временное правительство и исполнять приказы его и верных ему лиц из командного состава, устранять попытки содействовать заговору на местах. В Минске в первый же день, как только стало известно о мятеже, большевики, меньшевики и эсеры на совместном заседании фронтового комитета Западного фронта и исполкома Минского Совета создали «Штаб революционных войск по борьбе с корниловщиной» во главе с М. В. Фрунзе, а 30 августа – Временный революционный комитет (ВРК) Западного фронта под председательством эсера Н. А. Полянского, его заместителем стал большевик К. И. Ландер¹.

Большую помощь Минскому ВРК в борьбе с корниловщиной оказывали Советы других городов. Когда, например, корниловцы попытались направить войска с Юго-Западного фронта по железнодорожной линии Гомель – Орша, Оршанский Совет силами красногвардейских отрядов и революционных солдат организовал контроль за их продвижением и эшелоны не ушли за пределы Беларуси. На железнодорожных путях возле Гомеля было задержано 30 воинских эшелонов, направленных Ставкой на помощь Л. Г. Корнилову. Большевики Витебска, Речицы, Рогачёва установили строгий контроль за передвижением воинских эшелонов. Энергичной деятельностью рабочих, революционных солдат Минска, Орши, Витебска, Гомеля и других городов Ставка была блокирована. Контрреволюционные действия были парализованы. Под влиянием агитации большевиков и в Могилёве –

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. С. 81.

центре заговора – некоторые воинские части (Георгиевский батальон, ударный полк и др.) отказались поддерживать мятежное выступление корниловцев.

Важную роль в борьбе против корниловщины сыграли войсковые комитеты. Они являлись центрами сплочения солдат, превращались в оперативные органы или создавали специальные исполнительные бюро по организации борьбы с возможными выступлениями сторонников Л. Г. Корнилова на фронте. Во многих соединениях по получении известий о корниловском мятеже войсковыми организациями занимались средства связи, устанавливался контроль за всеми командировками, перепиской и телефонными переговорами командиров и штабных работников, отдаваемыми ими приказами и распоряжениями войскам в связи с мятежом. Районы дислокации войск были разбиты на участки между частями, которым предписывалось выставить посты на всех дорогах. Во все части для разъяснения событий были направлены члены комитетов, чтобы предотвратить возможные эксцессы между солдатами и командным составом, «поддерживать спокойствие в частях»¹.

Следует сказать, что инициаторами активной борьбы с корниловщиной были большевики. Однако массовость движения против корниловского мятежа была за меньшевиками и эсерами, как преобладавшими в Советах и комитетах, так и наибольшими по численности вообще.

Вождь партии большевиков В. И. Ленин, не отрицая борьбы рабочих и солдат с контрреволюцией и под знаменем эсеров и меньшевиков, категорически отвергал возможность политического блока большевиков с эсеро-меньшевиками по причине распространения ими предположений, «будто поддерживаемое ими правительство спасает революцию»². В осознании массами предательства меньшевиков и эсеров, полном разрыве с ними, безусловном бойкоте

¹ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 184–185.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 76.

их В. И. Ленин видел залог успеха революции. Воспитание в массах такого сознания было главной задачей большевиков.

Большевики Беларуси и Западного фронта, выполняя задачу по мобилизации и организации рабочих и солдат на борьбу против корниловщины, разъяря опасность корниловского мятежа, косвенно разоблачали политику Временного правительства и А. Ф. Керенского. Успеху деятельности большевиков способствовали колебания Временного правительства с самого начала его правления в решении поставленных революцией задач. Особенно наглядно это проявилось с послеиюльской период и в дни корниловщины. В самый напряжённый момент, вызванный контрреволюционным мятежом, когда, по признанию самих прокорниловски настроенных командиров, солдаты готовы были на один выстрел мятежных войск в Могилёве ответить миллионами выстрелов в окопах, А. Ф. Керенский, назначенный после отстранения Л. Г. Корнилова Верховным главнокомандующим, 1 сентября издал приказ «О восстановлении порядка в армии». Приказом запрещались политическая борьба в войсках, выступления солдат против офицеров, предусматривался роспуск всех революционных органов и отрядов войск, созданных для борьбы с корниловским мятежом, войсковым комитетам категорически запрещалось вмешиваться в вопросы назначения или смещения начальствующих лиц, приказывалось «стать в строгие рамки деловой работы и не вмешиваться в строевую и оперативную работу». Уклонение от исполнения этих требований А. Ф. Керенский грозил подавлять «всей силой власти»¹.

Следует отметить, что в целом приказ был направлен на восстановление дисциплины в войсках и их боеготовности, на предотвращение опасности гражданской войны. Однако он был не ко времени. Это признавали даже близкие к политике правительства члены ВЦИК Советов, не сразу поверившие в подлинность приказа и встревоженные тем, что

---

¹ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа.

«приказ этот вызовет возбуждение среди солдат и может иметь роковые последствия, которые Советам едва ли удастся предотвратить»¹.

Основания для такой тревоги были. Например, на Западном фронте размах борьбы солдат, войсковых комитетов и созданных специальных органов достиг таких размеров, что заодно с Л. Г. Корниловым они готовы были смести всех его сторонников, оставшихся у власти. Приказ же А. Ф. Керенского вызвал у солдат такую резко отрицательную реакцию, что они немедленно отреагировали на него потоком писем во ВЦИК Советов, в которых высказывались против Временного правительства и эсеров-меньшевиков, поддерживающих его.

Против приказа А. Ф. Керенского о запрещении политической деятельности в армии выступил Исполком фронтового комитета Западного фронта. В принятой на общем собрании резолюции Исполком призывал ВЦИК Советов и Временное правительство «решительно отказаться от политики соглашения со всеми партиями и кругами общества», причастными к корниловщине, «немедленно устранить со всех постов в армии лиц, связанных сочувствием мятежникам», «решительно и без замедлений» проводить демократизацию армии².

Корниловский мятеж ускорил общенациональный кризис, вызванный глубокими социально-экономическими и политическими противоречиями. В стране царил хозяйственная разруха. Неуклонно падали объёмы промышленного производства. Его валовая продукция по сравнению с 1916 г. снизилась на 60 %. Становилась массовой безработица, росли цены на продукты и товары первой необходимости, ощущался их острый недостаток. Беднейшим слоям населения грозил голод. Всё это вызывало ещё большее недо-

---

¹ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 610. Л. 29–34.

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 1. С. 637–638.

вольство Временным правительством. Солдаты требовали от Петроградского Совета и ВЦИК Советов принять меры для предотвращения надвигающейся катастрофы, подсаживали выход из создавшегося трудного экономического положения, который они видели, прежде всего, в прекращении империалистической войны, в революционном решении экономических проблем: имущественном уравниении генералов, офицеров и чиновников с солдатами, в реквизиции излишков хлеба у помещиков и продаже его по твердым ценам, переходе некоторых крупных предприятий в руки государства, немедленном установлении государственного контроля с обязательным участием в нём рабочих организаций над всей промышленностью, решительной борьбе с саботажем в промышленности. В ряде случаев в принятых резолюциях солдаты требовали немедленной передачи всех земель в распоряжение крестьянских земельных комитетов до окончательного решения вопроса о земле на Учредительном собрании.

Революционный подъём в стране и армии дал основание большевикам снова выдвинуть временно снятый VI съездом РСДРП(б) лозунг «Вся власть Советам!» и предложить эсеро-меньшевикам создать коалиционное правительство без участия буржуазии. Большевики и эсеры не воспользовались этим предложением и созвали 14 сентября 1917 г. Всероссийское демократическое совещание в Москве, на котором имели абсолютное большинство. Большевики не примирились с этим и считали совещание и созданный на нём Предпарламент ширмой, которой меньшевики и эсеры хотели прикрыть диктатуру буржуазии.

Развернулась острая межпартийная борьба за массы, главным образом между кадетами и эсеро-меньшевиками с одной стороны и большевиками – с другой. Узловыми вопросами, вокруг которых теперь велись идеологические и политические баталии, являлась подготовка к выборам в Учредительное собрание и созыву II Всероссийского съезда Советов.

Большевики заранее видели, что буржуазные партии используют всё, чтобы обеспечить своё большинство в Учредительном собрании, от состава которого зависели пути решения всех жизненно важных вопросов: войны и мира, земли и свободы, государственного устройства, социальных реформ. Однако, зная, что идея созыва Учредительного собрания была одной из самых популярных среди широких масс, они не выступили открыто против его созыва, а приняли самое активное участие в предвыборной кампании. Вопрос о выборах в Учредительное собрание широко обсуждался на I Северо-Западной конференции РСДРП(б), состоявшейся 15 сентября 1917 г. в Минске, где были приняты постановление и обращение к Советам, солдатским, крестьянским и фабрично-заводским комитетам, профсоюзам по поводу выборов с предложением предвыборной большевистской программы. Решения конференции затем широко обсуждались в частях и соединениях фронта.

Повысили свою активность в войсках фронта в связи с выборами в Учредительное собрание также меньшевики и эсеры. С этой целью они в конце сентября – начале октября 1917 г. провели корпусные совещания и конференции, армейские конференции 2, 3 и 10-й армий и фронтovou конференцию меньшевиков, а также организовали выступления на митингах и собраниях, заседаниях войсковых комитетов, с публикациями в печати. Они отводили Учредительному собранию высокую роль «хозяина земли Русской», связывали с ним справедливое решение всех вопросов, призывали ждать его и не предпринимать никаких революционных мер. Причём эсеро-меньшевики не давали полной гарантии, что вопросы о войне и мире, земле и социальной справедливости будут решены Учредительным собранием в пользу широких народных масс. Например, по вопросу о земле основным содержанием пропаганды эсеров была социализация земли. Однако прежде чем провести этот закон, они собирались «основательно разобраться, какие законы на пользу крестьянину», «в чём зло» существовавших земельных

порядков и т. п., связывали с этим неоднократное откладывание созыва Учредительного собрания¹.

Интересам солдат больше отвечала программа большевистской партии, провозглашавшая немедленное прекращение войны и заключение мира, конфискацию частнособственнических земель и передачу их крестьянам, другие социальные реформы. В условиях нараставшего революционного подъёма происходил быстрый численный рост большевистской партии. Достаточно сказать, что меньше чем за три недели, прошедшие между I Северо-Западной областной конференцией большевиков (состоялась 15–17 сентября 1917 г.) и II Чрезвычайной Северо-Западной областной конференцией (состоялась 5–7 октября того же года) большевистские ряды на Западном фронте выросли с 4590 членов партии до 21 138, то есть более чем в 4,5 раза, а также было много сочувствующих большевикам. Численность гражданских партийных организаций увеличилась с 2542 до 7453 большевиков, или в 2,9 раза².

Осенью 1917 г. наблюдался рост влияния большевиков в Советах и войсковых комитетах, в составе некоторых из них создавались большевистские фракции. Например, на Западном фронте уже к середине сентября такие фракции были созданы во Фронтовом комитете, в армейских комитетах 2-й и 10-й армий, в исполкоме гренадерского корпуса. Особенно острая борьба между большевиками и эсеро-меньшевиками развернулась вокруг вопроса о созыве II Всероссийского съезда Советов. Меншевистско-эсеровский ВЦИК Советов, объявив под давлением масс о созыве съезда 20 октября, выступил за его отсрочку. Затем под предлогом того, что съезд помешает созыву Учредительного собрания, отвлечёт на местах агитационные и организационные силы, признав съезд опасным и нежелательным, выступил вообще против его созыва и призвал свои местные организации

---

¹ Смольянинов М.М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 211.

² Там же. С. 217.

не посылать на съезд делегатов. В связи с этим шла межпартийная борьба за влияние в Советах и комитетах, которым предстояло делегировать на съезд своих представителей. В прямой зависимости от того, на чьей стороне будут Советы и войсковые комитеты, таким будет и состав делегатов II съезда Советов.

После ликвидации корниловщины рабочие, крестьяне и солдаты более решительно выступили против политики Временного правительства, за переход власти в руки Советов. С этого времени начался особенно быстрый процесс большевизации Советов путем перевыборов депутатов. В результате перевыборов в Советах возросло число депутатов-большевиков, что дало возможность Петроградскому Совету 31 августа принять резолюцию о переходе власти к Советам. 5 сентября большевистская резолюция была принята Московским Советом. Резолюции о передаче власти Советам приняли Советы Киева, Харькова, Самары, Казани и других городов. После перевыборов в сентябре большевистским стал Минский Совет. Выросло влияние большевиков в Гомельском, Витебском, Полоцком, Оршанском Советах. За безотлагательный созыв II Всероссийского съезда Советов высказались участники проходившей 16 октября в Минске конференции Советов рабочих и солдатских депутатов Северо-Западного края, избрав на съезд 46 делегатов. 12 человек (5 большевиков, 5 эсеров, 1 меньшевик и 1 беспартийный) были делегированы армейским совещанием 2-й армии, избирались делегаты в соединениях 3-й армии¹.

Убедившись в провале планов сорвать созыв II съезда Советов и увидев, что выборы делегатов проводятся независимо от их желания, эсеро-меньшевистские лидеры решили срочно включиться в выборную кампанию на местах и принять участие в выборах делегатов. С целью выиграть время ВЦИК Советов решением от 17 октября перенёс созыв съезда с 20 на 25 октября.

---

¹ Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 227.

Одной из важнейших страниц в истории подготовки вооружённого восстания в Петрограде явился день 10 октября 1917 г., когда состоялось историческое заседание ЦК РСДРП(б). По докладу В. И. Ленина оно приняло резолюцию о подготовке вооружённого восстания. Для политического руководства восстанием было создано Политбюро во главе с В. И. Лениным. 16 октября состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП(б), на котором был избран Военно-революционный центр в составе А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, М. С. Урицкого. Принятая на заседании резолюция призывала всех рабочих и солдат к усиленной подготовке вооружённого восстания¹.

В октябрьские дни 1917 г. Северо-Западный комитет РСДРП(б) и Минский Совет рабочих и солдатских депутатов явились политическим центром подготовки социальной революции в Беларуси и на Западном фронте.

Успех вооружённого восстания в Петрограде и Москве во многом зависел от поддержки его рабочими и беднейшими крестьянами всей страны. Поэтому В. И. Ленин, ЦК большевистской партии придавали большое значение событиям, происходившим и на территории Беларуси, учитывали их при разработке планов вооружённого восстания. И неслучайно. Здесь размещались обслуживающие фронт предприятия, на которых работало много кадровых рабочих, мобилизованных из промышленных центров – Москвы, Петрограда и других городов России. Они активно участвовали в революционном движении, способствовали его организованности.

Ближайшими союзниками рабочих в борьбе за победу революции было беднейшее крестьянство и солдаты Западного фронта. В. И. Ленин, ЦК РСДРП(б) учитывали важное стратегическое положение белорусских губерний. На заседании ЦК 10 октября Я. М. Свердлов в докладе о положении в Минске и на Северном фронте отмечал: «Из Минска

---

¹ Каменская Н. В., Селиванов П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. С. 31.

сообщают, что там готовится вторая корниловщина. Минск ввиду характера гарнизона окружён казачьими частями. Идут какие-то переговоры между штабами и Ставкой подозрительного характера. Ведётся агитация среди осетин и отдельных частей войск против большевиков. На фронте же настроение за большевиков, пойдут за ними против Керенского... при этом местный гарнизон может разоружить всё кольцо войск... Могут из Минска послать корпус в Петроград»¹.

На заседании ЦК РСДРП(б) В. И. Ленин указывал на необходимость начала решительных действий и призывал воспользоваться предложением из Минска и съездом Советов Северной области. Глубоко проанализировав новую расстановку сил в стране, В. И. Ленин, большевики пришли к выводу, что в октябре борьба за власть вступила в новую фазу, и усилили работу по подготовке вооружённого восстания: разрабатывали план выступления, создавали вооружённые отряды, изыскивали оружие для них.

В целях усиления руководства подготовкой к вооружённому восстанию Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) и Минский Совет послали своих представителей в наиболее крупные фабрично-заводские и армейские партийные организации. С их участием во 2-й армии состоялось армейское совещание большевиков, на котором обсуждались вопросы непосредственного участия в революции. Такая же работа проводилась в Минске, Витебске, Гомеле, в 3-й и 10-й армиях. Создавались отряды Красной гвардии: на железнодорожном узле в Минске (отряд из рабочих депо численностью 50 человек под руководством И. Ф. Скуратовича), а также в Гомеле, Бобруйске, других городах. Накануне Октябрьской революции отряды Красной гвардии на территории Беларуси насчитывали более 3 тыс. человек. Наряду с Красной гвардией вооружённой силой являлись

---

¹ Цит. по: Каменская Н. В., Селиванов П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. С. 31.

революционные части солдат, в том числе 37-й и 289-й запасные пехотные полки¹.

Тем временем в Петрограде завершилась подготовка к взятию власти. В ночь на 21 октября ВРК направил во все революционные части, стратегически важные пункты столицы и её окрестности своих комиссаров. 21 октября состоялось собрание полковых комитетов частей Петроградского гарнизона, которое заявило о готовности к восстанию. 22 октября в ряде районов столицы состоялись митинги, на которых были приняты резолюции о переходе власти к Советам.

К утру 24 октября 1917 г. в Петрограде вышли большевистские газеты с лозунгом «Вся власть Советам!». Это означало открытый призыв к началу восстания. Были приведены в боевую готовность отряды Красной гвардии и революционные части, взяты под контроль стратегически важные пункты города. К вечеру 24 октября начались столкновения вооружённых отрядов рабочих с правительственными войсками. Отряды Красной гвардии, революционные солдаты и матросы заняли наиболее важные объекты: почту, телеграф и др.

Вечером 24 октября В. И. Ленин прибыл в Смольный, чтобы непосредственно взять в свои руки руководство восстанием, центром которого стал Петроград. Успех борьбы в Петрограде в значительной мере предопределил победу восстания по всей стране. К утру 25 октября 1917 г. почти вся столица уже была в руках восставших, кроме Зимнего дворца, подступы к которому были заняты красногвардейцами, солдатами и матросами. Временное правительство было изолировано. Власть взял в свои руки ВРК при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

В октябрьских событиях в Петрограде активно участвовали многие белорусы. В их числе – уроженцы Витебской губернии Ф. А. Быков, А. А. Данилевич, Д. Н. Панов; могилевчанин Н. П. Вишневецкий, В. М. Пригоровский; минчанка

---

¹ Каменская Н. В., Селиванов П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. С. 32–33.

В. К. Слуцкая. 77 уроженцев Беларуси были в составе команды крейсера «Аврора». Среди них – Ф. А. Денисов, Я. Г. Мартынюк, И. Ф. Петруша, Д. М. Соколов. На эсминце «Самсон» – командор В. Ф. Купревич (крестьянин Минской губернии). Уроженцы Беларуси – рабочие Путиловского завода В. Е. Спиридонов и М. П. Заяц, слесарь завода «Айваз» Я. И. Весник, машинист крейсера «Андрей Первозванный» В. С. Борейко, рядовые запасной артиллерийской бригады С. Василенко, А. Астапенко и П. В. Думченко и многие другие¹.

Днём 25 октября в Смольном открылось экстренное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором В. И. Ленин объявил: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась. Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетённые массы сами создадут власть»². Во втором часу ночи 26 октября восставшие штурмом взяли Зимний дворец. Министры Временного правительства была арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. В штурме принимала участие посланная большевиками из Минска красногвардейская дружина под командованием П. Ф. Голуба³.

В 22 часа 40 минут 25 октября в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов, которому ВРК передал всю власть в стране. На съезде присутствовали 649 делегатов, в том числе 390 большевиков. От трудящихся Беларуси и солдат Западного фронта на съезд прибыл 51 делегат, в том числе 24 большевика. Съезд принял Декрет о мире и Декрет о земле и создал рабоче-крестьянское правительство –

---

¹ Каменская Н. В., Селиванов П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. С. 35–36.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.

³ Каменская Н. В., Селиванов П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. С. 37.

Совет Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) Российской республики во главе с В. И. Лениным.

Однако лидеры свергнутой власти не оставили надежд на восстановление положения. Бежавший из Петрограда А. Ф. Керенский, члены меньшевистско-эсеровского ВЦИК Советов, создавшие Всероссийский комитет спасения революции, двинули на Петроград возглавляемый генералом П. Н. Красновым 3-й конный корпус. Начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Духонину было приказано срочно направить на Петроград преданные Временному правительству войска. На фронт они возлагали свои последние надежды. Комиссар Ставки, находившийся в Петрограде, телеграфировал Н. Н. Духонину: «Здесь создано крайне сложное положение, из которого нет выхода без поддержки и решительного слова со стороны фронта. Так, как фронт решит и как будет действовать, так сложится и судьба власти в России».

Свои телеграммы и воззвания направляли в войска и большевики. Уже 25 октября II Всероссийский съезд Советов обратился с воззванием «К рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором призвал солдат к бдительности и стойкости, выразил уверенность, что «революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма». В этот же день послал телеграмму всем армейским комитетам и Советам солдатских депутатов Петроградский ВРК с призывом к солдатам «бдительно следить за поведением командного состава», офицеров, которые прямо и открыто не присоединились к свершившейся революции», немедленно арестовывать как врагов и «не допускать отправки с фронта ненадёжных войсковых частей на Петроград», действуя «словом и убеждением, а где не помогает – препятствовать отправке беспощадным применением силы»¹.

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 30.

На Западном фронте и в Беларуси о событиях в Петрограде стало известно уже 25 октября. Отношение к революции тут не было однозначным. Революцию приветствовали большевики и их сторонники. Большевики Минского Совета в первый же день, 25 октября, в своём обращении к населению Минска и его окрестностей объявили о переходе власти в руки Совета, предложили «всем революционным организациям и политическим партиям... немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах». Затем с 27 октября по 2 ноября создали орган такой власти – ВРК.

Сторонники Временного правительства – штаб фронта, фронтовой комитет – по примеру Всероссийского в Петрограде создали Комитет спасения революции в Минске и вступили в борьбу за власть. Действуя в тесном контакте со Ставкой в Могилёве, они подтянули к Минску части Кавказской кавалерийской дивизии и польского корпуса И. Р. Довбор-Мусницкого и, опираясь на них, выступили против большевиков, предъявив Минскому Совету ультиматум с требованием передачи ему власти в городе и на Западном фронте. Благодаря тактическому манёвру большевики Минска избежали разгрома. Не располагая достаточными силами, они, выигрывая время, вошли в соглашение с Комитетом спасения революции, одновременно тайно послав своих представителей на Западный фронт за подкреплением.

Заклучив соглашение, обе стороны не собирались выполнять принятые обязательства. Комитет спасения делал попытки снять с фронта и отправить на Петроград и Москву верные Временному правительству войска, пропускал эшелоны, направляемые с Юго-Западного и Румынского фронтов, вёл агитацию против Петроградского ВРК, Совнаркома, большевиков и их сторонников. Большевики за спиной у Комитета спасения вызвали с фронта войска в свою поддержку, усиленно агитировали за революцию и власть Советов, против А. Ф. Керенского и его сторонников, задерживали эшелоны, направляемые Ставкой на Петроград.

В ночь на 2 ноября в Минск прибыли блиндированный поезд под командованием большевика В. И. Пролыгина и революционные части, посланные 2-й армией. Минский Совет и город были взяты под охрану. Прибытие этих войск, а также вести об успехах революционных войск под Петроградом преопределили судьбу контрреволюции в Минске. Комитет спасения революции распался, и в Минске была восстановлена Советская власть.

Уставшие от трёхлетней войны, полуголодные и полурасдетые, распропагандированные большевиками, подкупленные их программой решения важнейших социальных вопросов, требованием немедленного прекращения войны, солдаты Западного фронта встретили весть о свержении Временного правительства с большой радостью. С гневом и возмущением осуждали они попытки командования скрыть от них или представить в искажённом виде сведения о революции. В войсках повсюду прошли митинги и собрания, на которых солдаты приветствовали победу вооружённого восстания, выбирали делегатов для поездки в Петроград, чтобы выяснить истинное положение, информировать Петроградский ВРК об отношении к революции на фронте, получить инструкции для деятельности на местах.

Солдаты связывали с революцией надежды на скорое заключение мира, получение земли, социального равноправия и политических свобод. В принятых на собраниях, заседаниях и съездах войсковых комитетов резолюциях они выражали солидарность с революционным пролетариатом и готовность выступить с оружием в руках на защиту Советской власти.

Приветствия и заверения солдат Западного фронта о готовности выступить на защиту революции свидетельствовали об их морально-политическом настроении в пользу большевиков. Оно проявилось не только на словах, но и в конкретных действиях – массовом создании оперативных органов – ВРК, передаче всей власти в армии в их руки, в борьбе

против отправки командованием фронта частей для подавления революции в Петрограде и Москве.

Таким образом, все попытки контрреволюции собрать сколько-нибудь значительные силы и направить их против революционных центров потерпели провал. Войска Керенского–Краснова, не дождавшись подкреплений с фронта, были разбиты революционными войсками на Пулковских высотах.

Большой вклад в разгром контрреволюции под Петроградом внесли солдаты Западного фронта, среди которых победа пролетарской революции нашла самое горячее сочувствие и поддержку. Выступив в поддержку вооружённого восстания в Петрограде, солдаты Западного фронта под руководством большевиков создали для борьбы с контрреволюцией свои оперативные органы – ВРК, опираясь на которые смогли парализовать действия местной контрреволюции и предотвратить все попытки ввести в заблуждение отдельные части войск и двинуть их на подавление революции. Более того, революционные силы Беларуси и Западного фронта, выступив в поддержку вооружённого восстания в Петрограде, смогли не только воспрепятствовать отправке войск для подкрепления контрреволюции со своего фронта, но и, заняв железнодорожные узлы и установив на них контроль за передвижением воинских эшелонов, отрезали путь обманутым контрреволюцией и двинутым на Петроград войскам менее революционных Юго-Западного и Румынского фронтов.

Великая Октябрьская социалистическая революция была подготовлена всем ходом общественного развития. Она свершилась в ходе Первой мировой войны, развязанной империалистами крупнейших мировых держав за раздел уже поделенного колониального мира, за захват новых колоний. Первая мировая война наиболее полно и остро обнажила существовавшие в Российской империи политические, социально-экономические и национальные противоречия и яви-

лась ускорителем назревания революции. Военно-техническая отсталость России, зависимость от союзников по Антанте в планировании и проведении военных операций, заканчивавшихся поражением, потерей территории с многочисленными человеческими жертвами, чуждые интересам широких народных масс, в том числе солдат на фронте, захватнические цели войны создали условия, в которых российская армия из оплота самодержавной власти превратилась в могильщика самодержавия, а затем – и Временного правительства, проводившего, по сути, ту же внутреннюю и внешнюю политику, что и самодержавие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Взяв в свои руки власть, большевики приступили к выполнению тех обещаний, которые они пропагандировали и благодаря которым за ними пошли многочисленные массы рабочих, солдат и беднейших крестьян. Зная, что одним из главных чаяний измученных войной масс является скорейшее прекращение войны, большевики в первый же день своего правления, 26 октября 1917 г., с трибуны II Всероссийского съезда Советов провозгласили составленный В. И. Лениным Декрет о мире.

В Декрете было выдвинуто предложение «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире»¹. Таким миром Советское правительство считало «немедленный мир без аннексий (то есть без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей. – М. С.) и без контрибуций»². Для ведения переговоров о мире, «созыва полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира» правительство народных комиссаров предлагало «правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие... не меньше как на 3 месяца»³, не отвергая и «более короткого срока»⁴.

Правительства стран Антанты не ответили на мирные предложения Советского правительства. 7 ноября Совнарком

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.

² Там же. С. 13.

³ Там же. Т. 35. С. 15.

⁴ Там же. С. 17.

обратился к исполняющему должность Верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Духонину с предписанием «немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам»¹. Генерал Н. Н. Духонин, не признавший власть Совнаркома, пытался уклониться от ответа на предписание. На категорическое же требование «вступить немедленно в формальные переговоры» он ответил отказом. Уполномоченные Совнаркомом народные комиссары В. И. Ленин, И. В. Сталин и Н. В. Крыленко за «неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям», отстранили генерала от занимаемой должности, предписав ему «под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела» до прибытия в Ставку нового Верховного главнокомандующего².

9 ноября 1917 г. от имени советского правительства Председатель Совнаркома В. И. Ленин и народный комиссар по военным делам и Верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко обратились с радиограммой ко всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота, в которой призывали взять дело мира в свои руки, не дать «контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира», окружить их стражей, чтобы не допустить «самосудов и помешать» им «уклониться от ожидающего их суда»³. Стоявшим на позициях полкам предоставлялось право тотчас выбирать «уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем»⁴.

На Западном фронте уже накануне Октябрьского переворота главным требованием солдат было прекращение империалистической войны. Сама победа вооружённого

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 81.

² Там же. С. 82.

³ Там же.

⁴ Там же.

восстания в Петрограде и передача власти Советам воспринимались ими как установление мира. Таким было видение сущности революции и одной из её основных задач солдатами 5-го гренадерского Киевского полка, частей 75-й пехотной дивизии 2-й армии, дивизий 3-го армейского корпуса 10-й армии¹, других частей и соединений фронта. Даже в 3-м Сибирском стрелковом корпусе, по мнению командования «в наиболее спокойном» из всех корпусов 2-й армии, «войсковой массой владело одно сильное, неудержимое желание знать, что мир будет, и притом сейчас же»².

Войсковые комитеты многих частей и соединений Западного фронта, выражавшие настроения солдат, важнейшей задачей победившей революции считали заключение мира. Так, пленарное заседание комитетов 6-й пехотной дивизии 3-й армии в принятом постановлении, приветствуя совершившийся переворот, выразило уверенность, что «наконец-то окончена грабительская война»³. В принятой резолюции на съезде гренадерского корпуса 2-й армии было заверено, что «новая власть... поведёт решительную борьбу за мир»⁴. Съезд комитетов 10-й армии считал одной из важнейших «текущих задач революционного правительства... решительные шаги к заключению демократического мира... с предложением перемирия на всех фронтах»⁵.

Провозглашение Декрета о мире, его широкая пропаганда и разъяснение большевиками вызвали среди солдат всеобщее одобрение и поддержку, требование от Совнаркома немедленного проведения его в жизнь. Например, общее собрание полкового комитета при штабе 20-го армейского корпуса 3-й армии, заявив о признании власти народных комиссаров, наряду с другими требованиями, призвало

---

¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. : сб. док. / под ред. Л. С. Гапоненко ; сост.: Е. П. Воронин [и др.]. М. : Наука, 1973. С. 35, 48, 52.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 34.

к немедленному проведению в жизнь Декрета о мире¹. Армейский съезд 10-й армии приветствовал Декрет о мире как один из первых шагов Советского правительства к «осуществлению стремлений революционного народа»². Армейский съезд 2-й армии, приветствуя председателя Совнаркома В. И. Ленина, одним из «дальнейших шагов народной власти» считал осуществление Декрета о мире и немедленное объявление перемирия на всех фронтах³.

Получив радиограмму Совнаркома с предписанием начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия, ВРК Западного фронта обратился к главнокомандующему Западным фронтом П. С. Балуеву с предложением предписать командующим армиями фронта приступить к переговорам с неприятелем о заключении перемирия. Генерал П. С. Балуев, сославшись на свои политические убеждения, отказался подчиниться этому требованию ВРК. За это он был отстранён от командования фронтом. На временное исполнение должности главнокомандующего фронтом ВРК назначил большевика – подполковника В. В. Каменщикова.

В этот же день, 11 ноября 1917 г., приказ ВРК о смещении генерала П. С. Балуева и назначении подполковника В. В. Каменщикова был объявлен в войсках. ВРК уведомлял солдат и офицеров армий и тыла Западного фронта о том, что с этого времени военная власть фронта полностью находится в их руках, и предписывал им соблюдать полное спокойствие, революционную дисциплину и оказывать поддержку ВРК и вновь назначенному временно исполняющему должность главнокомандующего Западным фронтом подполковнику В. В. Каменщикову⁴.

12 ноября ВРК Западного фронта обратился к солдатам фронта с призывом усилить борьбу за перемирие во имя «спасения всей страны от голода и разорения, от оконча-

¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 89–90.

² Там же. С. 99.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 160.

⁴ Там же. С. 168–169.

тельной гибели». ВРК призвал солдат быть сильными и решительными в борьбе за мир, устранять всех, кто мешает заключению мира, «соединиться» вокруг ВРК и «поддерживать его во всех начинаниях, направленных к заключению перемирия»¹.

В тот же день ВРК Западного фронта обратился ко всем офицерам армий фронта с уведомлением об отстранении от должности главкозапа генерала П. С. Балуева и о немедленном начале переговоров о заключении перемирия на фронте как «предварительного условия немедленного начатия мирных переговоров»². ВРК сообщал, что находит «необходимым устранение от должностей всех противящихся» этому лиц, и заявлял, что по отношению ко всем добровольно сдающим должности никакие репрессии применяться не будут. ВРК выразил «твёрдую уверенность», что офицерство фронта «стоит на высоте поставленных историей задач и в громадной части своей не пойдёт против ясно и определённо выраженной воли народа»³.

По получении радиogramмы в войсках Западного фронта состоялись экстренные заседания войсковых и военно-революционных комитетов с целью выразить отношение к ней и наметить меры по её осуществлению. Первым мероприятием комитетов в связи с этим являлось немедленное доведение содержания радиogramмы до всех солдат частей и подразделений. Так, ВРК 15-го армейского корпуса 3-й армии, получив радиogramму, в тот же день, 9 ноября, огласил её на своём заседании и принял решение сообщить о ней всем частям корпуса по телеграфу. Здесь же была разработана и единогласно принята инструкция дивизионным, бригадным и полковым комитетам и учреждениям корпуса для руководства на случай, «если бы какая-нибудь часть решилась заключить перемирие»⁴.

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 169–170.

² Там же.

³ Там же.

⁴ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.

Радиограмма Совнаркома и обращение ВРК Западного фронта с призывом к войскам начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия были встречены солдатами и частью офицеров с большой радостью и сочувствием. Например, оглашение радиограммы на многолюдном соединённом заседании полкового, ротных и командных комитетов 8-го гренадерского Московского полка 2-й армии вызвало у присутствующих энтузиазм¹. Полковой комитет 530-го пехотного Василь-Сурского полка 3-й армии рассмотрел радиограмму на своём заседании уже на второй день, 10 ноября, и принял решение «избрать на общем собрании полка двух солдат и одного офицера для переговоров о перемирии»². Такое же решение было принято на экстренном заседании ВРК 515-го пехотного Пинежского полка. Здесь была избрана комиссия из трёх членов, которой предписывалось «войти в переговоры с уполномоченными от германских войск и заключить перемирие сроком на 15 дней»³.

Радиограмма Совнаркома и обращение ВРК Западного фронта с призывом приступить к переговорам с неприятелем о заключении перемирия не встретили на Западном фронте открытого массового противодействия. Имели место лишь отдельные случаи отказа приступить к переговорам со стороны высшего командования. Стремление солдат к миру было настолько велико, что они готовы были устранить на этом пути любые препятствия. Так, за отказ вести переговоры с немцами о перемирии вслед за главкозапом генералом П. С. Балухевым были отстранены от должности и арестованы командующий 3-й армией генерал Д. П. Парский, начальник гарнизона Полоцка генерал В. В. Нечаев, начальник 134-й пехотной дивизии 10-й армии генерал Л. В. Афанасьев и некоторые другие должностные лица.

Радиограмма Совнаркома с призывом к войскам начать переговоры с неприятелем о перемирии развязывала ини-

---

¹ РГВИА. Ф. 2598. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

² Там же. Д. 8. Л. 36.

³ Там же. Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 107.

циативу на местах, санкционировала вступление в переговоры и заключение временных соглашений о перемирии и прекращении военных действий отдельными частями и соединениями, не дожидаясь общего перемирия на всём русско-германском фронте.

Для ведения переговоров с неприятелем о заключении перемирия в частях и соединениях фронта на заседаниях и съездах войсковых и военно-революционных комитетов избирались специальные комиссии. Численный состав комиссий зависел от войсковой единицы. В полку, как правило, она состояла из трёх человек, в корпусе – из 10–12¹. По социальному и партийному составу комиссии были смешанными. В них избирались солдаты и представители от офицеров, как большевики, так и эсеро-меньшевики.

Во время переговоров комиссии должны были руководствоваться специальными инструкциями, которые разрабатывались вышестоящим комитетом. Например, в 15-м армейском корпусе 3-й армии такая инструкция была разработана, принята на корпусном съезде и адресована всем дивизионным, бригадным и полковым комитетам и учреждениям уже 9 ноября 1917 г. Инструкцией определялись юридическое лицо и место для ведения переговоров, а также порядок действий частей и подразделений во время переговоров и в случае заключения перемирия.

Вышестоящие ВРК, предоставляя право войсковым частям вступить в переговоры с противником о заключении перемирия, проявляли осторожность. С целью согласованности действий комиссий частей и подразделений на переговорах, унификации предлагаемых противнику условий, а также во избежание оплошностей и ошибок при заключении частных перемирий, ВРК 15-го армейского корпуса, направляя дивизионным, бригадным и полковым комитетам инструкцию, одновременно уведомлял о том, что вопрос о заключении перемирия «обсуждается во фронтовом

---

¹ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 96, 113 ; Ф. 3052. Оп.1. Д. 78. Л.107 ; Ф. 2048. Оп. 5. Д. 8. Л. 36 ; Ф. 2218. Оп. 4. Д. 5. Л. 148.

и армейских комитетах с участием командного состава», и просил «до получения оттуда указаний воздержаться от всяких попыток заключить частичное перемирие»¹. В свою очередь ВРК 3-й армии 11 ноября в телеграфном обращении к солдатам с просьбой «сохранять строжайший революционный и военный порядок» предлагал «избрать по 4 делегата на чрезвычайные дивизионные съезды на 12 ноября для выработки совместного с представителями армейского комитета и ВРК образа действий, до этого... не предпринимать никаких самостоятельных шагов и переговоров с неприятелем»².

12 ноября 1917 г. была разработана, принята на заседании бюро ВРК Западного фронта и затем отдана приказом главкозапа для руководства и сведения общая для фронта инструкция по подготовке перемирия. Основные её положения перекликались с положениями инструкций, разработанных в корпусах. Инструкция предписывала войсковым комитетам немедленно образовывать комиссии по организации перемирия на фронте; для согласованных действий вышестоящие комиссии должны были выделять не менее двух представителей в комиссии нижестоящих комитетов. Инструкцией определялись место, время и порядок ведения переговоров: переговоры должны были вестись только днём, в нейтральной зоне, через заслуживавших полное доверие комиссии переводчиков; на переговорах «под страхом революционной ответственности» воспрещалось говорить о составе боевых частей, их состоянии, довольствии, передвижении войск, разглашать другие сведения, составлявшие военную тайну. Войсковым частям предписывалось соблюдать бдительность, не ослаблять боеспособности фронта; все комитеты и солдаты обязывались «строжайше следить за выполнением неприятелем всех условий по ведению переговоров о перемирии». Комиссии ВРК Западного фронта по перемирию предписывалось немедленно войти в связь

---

¹ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 96.

² Там же. Л. 97.

со всеми фронтами с предложением немедленно образовать такие же комиссии. Создаваемому при Ставке Верховного главнокомандующего ВРК предлагалось «безотлагательно взять на себя общее руководство по организации перемирия на русском фронте»; вопрос о перемирии считался окончательно решённым по уведомлении о нём Совнаркома и по получении от него полномочий на заключение перемирия. О ходе переговоров и каком-либо изменении на фронте немедленно должны были уведомляться как Совнарком, так и войсковые комитеты соседних и вышестоящих организаций. Передавая инструкцию в войска фронта, главкозап В. В. Каменщиков приказывал «немедленно приступить к переговорам с немцами для заключения перемирия»¹.

Отдельные части и соединения Западного фронта уже до приказа главнокомандующего, руководствуясь Декретом о мире и радиограммой Совнаркома, самостоятельно вступили в переговоры с противником. 10 ноября штаб гренадерского корпуса 2-й армии по предложению ВРК корпуса направил радиограмму в штаб противостоящей германской армии генерала Р. фон Войерша с предложением приступить к переговорам о перемирии. Штаб германской армии ответил согласием на радиограмму. Для ведения переговоров немецкое командование предлагало направить с обеих сторон парламентёров и просило сообщить о согласии и дне переговоров².

Встреча делегации ВРК гренадерского корпуса с представителями штаба армии генерала Р. фон Войерша состоялась 15 ноября 1917 г. в 12 часов дня недалеко от Барановичей. В состав делегации гренадерского корпуса входили шесть человек (все солдаты): корпусной комиссар В. Воробьёв, председатель корпусного ВРК В. Н. Конобеев, секретарь комитета С. Рак, председатель полкового комитета штаба кор-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С.184–185.

² Победа Советской власти в Белоруссии. С. 349.

пуса Грецен, член корпусного комитета старого состава А. Лебедев. Сопровождал делегацию исполняющий дела обер-офицера для поручений штаба корпуса прапорщик Гордон. В состав германской делегации входили пять человек: генерального штаба майор Гудовиус, начальник штаба армии, майор 6-го корпуса Бенккер, два обер-офицера – переводчики¹.

Германской делегацией был представлен готовый проект договора о прекращении военных действий между гренадерским корпусом и соответствующей частью армии генерала Р. фон Войерша. В результате четырёхчасового обсуждения проекта договора было достигнуто соглашение о прекращении военных действий 16 ноября с 12 часов дня на участке фронта Барановичи – Горбачи – Полонечка протяжённостью до 30 вёрст. Здесь с обеих сторон прекращались все военные действия, запрещались работы, которые могли служить для подготовки наступления, совершенно прекращались минёрные работы².

В этот же день, 15 ноября, состоялись переговоры о перемирии между делегацией 15-го армейского корпуса 3-й армии и представителями штаба противостоящего 67-го корпуса германской армии генерала Комана. Здесь также был подписан договор о прекращении военных действий председателем ВРК 15-го корпуса А. А. Вашневым, уполномоченными корпусной комиссии по ведению переговоров о перемирии Герасимовым, Славных, Новодворским и Ушаковым и с германской стороны – генералом Нагелом. Договор вступал в силу с 14 часов 19 ноября. В соответствии с ним на участке фронта от северного берега оз. Нарочь до местечка Петруши прекращались все военные действия, запрещались инженерные работы, которые могли бы послужить для наступления. Всякое сообщение солдат через передовые про-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 188–189.

² Там же.

волочные заграждения противоборствующих сторон запрещалось, за исключением условленных для этого мест – севернее местечка Пасынки у северного берега оз. Нарочь и западнее местечка Рассохи¹.

Подготовительные работы к переговорам о заключении перемирия с неприятелем проводились в 20-м армейском корпусе. 16 ноября на заседании корпусного съезда по заслушании поступивших «телеграмм и инструкций по ведению мирных переговоров», вызвавших долгие прения, была избрана комиссия из 12 человек – представителей всех частей дивизии, и принята инструкция по ведению переговоров с немцами. В соответствии с нею «всякие сношения с немцами» могли вестись «только избранной съездом комиссией или уполномоченными ею лицами в присутствии члена комиссии». Время и место встреч с немцами должны были намечаться «по усмотрению ВРК 20-го армейского корпуса». В первой линии окопов устанавливались ежедневные дежурства ротных комитетов для «строгого наблюдения за недопустимостью братаний или вступления в переговоры с неприятелем не уполномоченных на то лиц». Комиссии предписывалось без «особых поручений ВРК не задаваться никакими дальнейшими задачами, кроме приостановления военных действий». Полковые комитеты обязывались следить за точным соблюдением Инструкции и о «всех случаях нарушения её немедленно сообщать в военно-революционные комитеты дивизии и корпуса». По получении телеграммы Совнаркома с призывом начать переговоры с неприятелем о заключении перемирия в 35-м армейском корпусе был создан корпусной съезд для выработки инструкции и «немедленно приступлено к переговорам о перемирии»². 15 ноября представители дивизионного и полковых комитетов 67-й пехотной дивизии этого корпуса, возвратившиеся из штаба 31-й немецкой дивизии, сообщили

---

¹ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 106.

² Там же. Д. 5. Л. 148.

начальнику 67-й дивизии «условия прекращения враждебных действий на участке дивизии, выработанные [ими] совместно с начальником 31-й немецкой дивизии». «Всякие военные действия с обеих сторон» прекращались с 24 часов того же дня¹.

Переговоры о заключении перемирия велись в частях и соединениях 10-й армии. Так, по донесению начальника 69-й пехотной дивизии полковника Немчинова от 14 ноября командиру 38-го армейского корпуса, 13 ноября «на участке ударного батальона в районе деревни Новосёлки батальонный комитет с офицерами выходил для переговоров о мире. Немцы приняли солдата и офицера, которые побывали в штабе полка и дивизии, где получили условия перемирия на 3 месяца за подписью генерала фон Адриани... По этому условию стрельба прекратилась с 22 часов вчерашнего дня (13 ноября. – М. С.)»². 14 ноября по требованию дивизионного комитета начальник дивизии подписал удостоверения солдатам – представителям частей дивизии для переговоров с немцами о перемирии на всём участке фронта, занимаемом дивизией³. 19 ноября состоялось перемирие между 3-м армейским корпусом Западного фронта и 57-м корпусом германских войск⁴. На три месяца было заключено перемирие с немцами 14-м гренадерским Грузинским полком 2-го Кавказского гренадерского корпуса на участке фронта Кунава – Сутково⁵. Для ведения переговоров о перемирии создавались комиссии при дивизионном комитете 134-й пехотной дивизии⁶.

В ряде случаев с инициативой вести переговоры о заключении перемирия на фронте выступили немцы. Так, по

---

¹ РГВИА.Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 138.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Д. 27. Л. 31.

⁴ Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). [М.] : Госполитиздат, 1953. С. 161.

⁵ РГВИА. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 35. Л. 60.

⁶ Там же. Л. 287.

донесению начальника штаба 134-й пехотной дивизии штабу 10-й армии от 30 октября, на участке фронта «у фольварка Неверишки немцы вышли из своих окопов и передали записку нашим солдатам» с просьбой «прислать делегацию солдат или офицеров для заключения перемирия»¹. На участке фронта, занимаемом 6-й пехотной дивизией 3-й армии, с предложением вступить в мирные переговоры выходил немецкий генерал². «14 ноября комиссия вступила в перемирие с неприятельскими парламентами от всего корпуса. Причём выяснилось, что немцы согласны заключить перемирие на всём фронте и обратились к нам, чтобы не было стрельбы на участке нашего корпуса», – сообщалось «во все полковые и бригадные комитеты 6-й и 8-й пехотных дивизий» 15-го армейского корпуса³. 15 ноября в 14 часов по инициативе германской стороны перемирие сроком на 15 суток было заключено на участке фронта от Телехан до д. Валище, занимаемом 515-м пехотным Пинежским полком 50-го армейского корпуса 2-й армии. В проекте договора, представленном немецкой стороной, излагались условия перемирия «для пехоты и артиллерии»: с обеих сторон запрещалось переходить за проволочные заграждения на «нейтральное пространство», кроме обозначенных пунктов для «переговоров или дружеских бесед» в установленное время; воспрещались полёты воздухоплавательных аппаратов через участок перемирия, работы по укреплению позиций в первой линии для оперативных действий. В «случае возобновления оперативных действий» стороны обязывались уведомить об этом и в «течение трёх дней на участке перемирия не допускать активных действий». В «случае не заключения официального перемирия» до конца обозначенного срока перемирие могло быть «продолжено новым договором». В конце текста, в «примечании», была сделана оговорка, что «переговоры о мире со стороны Германии

¹ РГВИА. Ф. 2447. Оп. 1. Д. 35. Л. 186.

² Там же. Д. 6. Л. 115.

³ Там же. Д. 23. Л. 24–25.

должны вестись германским правительством, но мы, заключающие перемирие с 515 Пинежским полком, подтверждаем согласие нашего народа на ведение мирных переговоров на основах декларации с СНК». По поручению армейского отделения Гранау договор о перемирии подписал генерал-лейтенант Бак¹.

Опираясь на массовое движение солдат за заключение перемирия на фронте, армейские ВРК вступали в переговоры с противостоящими немецкими соединениями. 17 ноября в 18 часов 30 минут ВРК 2-й армии направил радиограмму в штаб германской армии генерала Р. фон Войерша с предложением немедленно начать официальные переговоры о перемирии на фронте армии. В тот же день в 18 часов 40 минут ВРК 10-й армии обратился с телеграммой в штаб 12-й германской армии с аналогичным предложением². Характеризуя положение, создавшееся в связи с заключением перемирий, генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта Н. В. Соллогуб сообщал 17 ноября в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилёв: «Обстановка на фронте следующая: почти повсюду фактически заключено перемирие, которое выражается в некоторых местах в полном прекращении всякого огня, в иных местах происходит под видом братания и лишь в редких местах перестрелка. Сегодня и этой перестрелки не было. В некоторых частях, число которых постепенно быстро умножается, данное положение бездействия закреплено формальными договорами. Пока я имею лишь один, посланный Вам – гренадерского корпуса. Не подлежит никакому сомнению, что в ближайшее время такая же обстановка разольётся от нас вправо на север и влево на юг, т. к. занятое фронтом положение чрезвычайно соблазнительно»³.

17 ноября ВРК Западного фронта запросил немецкое командование о времени и месте переговоров о перемирии.

¹ РГВИА. Ф. 3052. Оп. 1. Д. 80. Л. 68.

² Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.). С. 161.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 10. Д. 196. Л. 180–181.

Главнокомандующий германской армейской группой генерал Г. фон Эйхгорн согласился войти в переговоры с ВРК Западного фронта.

Комиссия по перемирию при ВРК Западного фронта, готовясь к переговорам, разработала проект договора, который был рассмотрен ВРК фронта. 20 ноября в местечке Сола начались переговоры. Делегация ВРК Западного фронта по заключению перемирия состояла из 11 человек: от ВРК – солдаты С. Е. Щукин, В. В. Фомин, младший унтер-офицер С. И. Берсон; от 2-й армии – доктора Н. С. Тихменев, Н. Г. Петров; от 3-й армии – солдаты В. Ф. Лукьянов, Школьников; от 10-й армии – солдаты В. И. Яркин, Н. В. Хрусталёв; в качестве военно-технических советников – капитаны Генштаба О. А. фон Крузенштерн и Липский.

С немецкой стороны для ведения переговоров о перемирии были уполномочены: начальник штаба группы армии генерала Г. фон Эйхгорна, генерал-майор фон Зауберцвейг, начальник оперативного отдела того же штаба майор Генерального штаба фон Альтен, начальник разведки штаба капитан Меркер и штаб-офицер для поручений при генерале Г. фон Эйхгорне ротмистр граф цу Эленбург¹.

После длительного обсуждения проекта соглашения о перемирии утром 21 ноября был подписан договор о временном перемирии на Западном фронте – с 12 часов 23 ноября 1917 г. до 12 часов 24 января 1918 г. или «до заключения общего перемирия на всём Русско-германском фронте, если таковое последует ранее означенного срока»².

По вступлении договора в силу на линии фронта от местечка Видзы на севере до р. Припять на юге немедленно прекращались все боевые действия всеми видами вооружения и средствами массового поражения, а также все мин-

---

¹ Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. М. : Изд-во Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина, 1972. С. 252–253.

² Там же.

ные и сапёрные работы; воздушные полёты как над расположением противостоящей стороны, так и в десятивёрстной полосе от передовой линии своих окопов; действия разведчиков. Обе стороны обязались не производить никаких подготовительных к наступлению работ, крупных перебросок и перемещений войск с одного фронта на другой.

Делегация Западного фронта, руководствуясь идеей мировой революции, проявила упорство при обсуждении вопроса о братании и добилась принятия с некоторыми изменениями пункта, разрешающего солдатам выходить в нейтральную зону без оружия с рассвета до наступления темноты. Хотя переход солдат противостоящих сторон за своё проволочное ограждение не допускался, но и против нарушавших это условие насильственных мер не применялось.

Заключение перемирия на Западном фронте ускорило подписание соглашений о перемирии на других фронтах (на Юго-Западном фронте такое было подписано 24 ноября, на Румынском – 26 ноября), а также всеобщего перемирия на всём русско-германском фронте (было заключено в Брест-Литовске 2 декабря 1917 г.).

В советской исторической литературе заключение перемирия на Западном фронте, да и на других фронтах, а также всеобщего перемирия считается победой дипломатии молодого Советского государства. На самом деле, на наш взгляд, это было признание Россией своего поражения в Первой мировой войне, так как огромная часть территории бывшей Российской империи оставалась под оккупацией австро-германскими войсками.

Заключение перемирия в создавшейся к концу 1917 г. ситуации на фронте и в стране было жизненно необходимым как для фронта, всей русской армии, так и для страны в целом. Это признавали и солдаты, и в большинстве своём офицерство и генералитет, а также лидеры враждующих между собой политических партий. Перемирие могло стать той передышкой, которую жаждали истрадавшие от более

чем трёхлетней войны фронт и тыл. Оно давало возможность произвести перегруппировку сил, наладить вконец расстроившееся снабжение фронта продовольствием и фуражом, обмундированием и боевым снаряжением, произвести частичную демобилизацию армии. Однако после Октябрьского переворота в условиях разгоравшейся Гражданской войны в стране, усиленной поляризации политических сил заключение перемирия и начавшая затем демобилизация русской армии способствовали перегруппировке сил по классовому признаку и концентрации их в жизненно важных районах страны с целью вооружённого противостояния друг другу.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ АРМИЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Взяв власть, большевистское руководство стало перед необходимостью окончательного разрушения старой армии, которая по своей сути не была пригодна к защите этой власти. Сохранение армии с враждебным большевикам командным составом, всем офицерским корпусом, ударными, штурмовыми и казачьими частями являлось угрозой устанавливаемому новому государственно-политическому строю. Не имея возможности в условиях войны распустить старую армию, СНК избрал путь её слома полной демократизацией и постепенной демобилизацией при одновременном формировании новой, социалистической армии.

Демократизация русской армии была начата партиями революционной демократии в дни Февральской революции 1917 г. созданием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, издавшего приказ № 1, в соответствии с которым в войсках формировались выборные органы солдатского самоуправления – войсковые комитеты. В период двоевластия демократизация проводилась снизу под давлением солдатских масс и тормозилась сверху правительственными органами и командным составом. Проведение полной демократизации армии стояло в числе важнейших политических и социальных задач советской власти, о немедленном решении которых было заявлено большевиками уже 25 октября 1917 г. в воззвании II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!»¹.

---

¹ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. / С. Н. Базанов [и др.] ; редкол.: Л. М. Гаврилов (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1982. С. 379–380.

Суть «полной демократизации армии» заключалась в устранении от управления войсками командно-офицерского состава, не признавшего власти Совнаркома, и выборах на их место лояльно относившихся к Советской власти и согласившихся работать с ней. Понимая, что осуществить эту задачу возможно только в условиях повсеместного установления в войсках советской власти, центральный орган большевистской диктатуры – Петроградский ВРК, 25 октября в своём приказе фронтовым, армейским, корпусным, дивизионным и полковым комитетам, сообщая о свержении Временного правительства и программе решения социальных и политических задач новым правительством, приказал им немедленно взять на местах всю власть, установить строжайший контроль над всем командным составом, устранить комиссаров Временного правительства¹. Кроме того, войска Западного фронта, по словам командования, были наводнены радиogramмами Минского Совета, в которых сообщалось о победе пролетарской революции в Петрограде и Москве, об объявлении Совнаркомом «всем народам Декрета о мире и немедленном перемирии и Декрета о немедленной передаче земли», и звучал призыв поддержать «своё правительство и комитеты, идущие прямо к этому; противников и противные комитеты – опрокидывать, создавать новые»².

Следует сказать, что в частях соединений Западного фронта уже накануне Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде многие войсковые (особенно полковые) комитеты по истечении их срока деятельности и по настоянию солдат были переизбраны. Особенно активно этот процесс развивался после подавления корниловского контрреволюционного мятежа³. Теперь, по получении сведений о свержении Временного правительства и победе вооружённого

---

¹ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 380–381.

² РГВИА. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1564. Л. 305; Ф. 2179. Оп. 3. Д. 54. Л. 361.

³ См. об этом более подробно: Смольянинов М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. С. 223–227.

восстания в Петрограде, призывов о поддержке победившей революции и проведении революционных преобразований на местах, большевики Минского Совета и Западного фронта направили все свои усилия на организацию и проведение такой работы. Ими был создан ВРК, который сосредоточил в своих руках всю полноту власти на территории Беларуси и в районе Западного фронта, установил контроль за всеми передвижениями войск; в штаб фронта, во все управления и учреждения направил своих комиссаров. Приказом ВРК вынужден был подчиниться главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балувей, отдавший 5 ноября распоряжение начальствующему составу фронта «без вызова революционного комитета не допускать самочинных перевозок и передвижений войск, пользуясь для этого влиянием образовавшихся в армиях военно-революционных комитетов»¹.

Полную уверенность большевикам в признании советской власти в войсках Западного фронта дали состоявшиеся в конце октября – первой половине ноября 1917 г. дивизионные, корпусные и армейские съезды, в ходе работы которых были созданы временные оперативные органы власти – военно-революционные комитеты. Одной из задач последних являлось проведение демократизации старой армии и её демобилизация.

Отстранения и выборы командного состава в отдельных подразделениях и частях армий Западного фронта начали проводиться уже после получения первых вестей о победе вооружённого восстания в Петрограде. Главными причинами отстранения командиров соединений, частей и подразделений от командования являлись непризнание ими новой власти (Совнаркома) и отказ выполнять её приказы и распоряжения. Такой подход отвечал обращению Петроградского ВРК к «революционным солдатам» в телеграмме от 25 октября с призывом «бдительно следить за поведением команд-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 109.

ного состава». Офицеров, «прямо и открыто» не присоединившихся к совершившейся революции, «немедленно» арестовывать как врагов¹. За непризнание власти Совнаркома и отказ вступить в переговоры с противником о заключении перемирия были отстранены от должностей Верховный главнокомандующий генерал Н. Н. Духонин, главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балуев, командующий 3-й армией генерал Д. П. Парский, начальник гарнизона Полоцка генерал В. В. Нечаев, начальник 134-й пехотной дивизии 10-й армии генерал Л. В. Афанасьев; за нежелание работать с комитетами были отстранены командир 15-го армейского корпуса генерал Будчик; командиры пехотных полков: 534-го Новокиевского – полковник Зиневиц, 536-го Ефремовского – полковник Вержбицкий, командир 134-го отдельного артиллерийского дивизиона полковник Скиргайло-Яцевич² и др.

Вместо отстранённых командиров на командные должности солдатами выбирались благонадёжные младшие офицеры и даже наиболее политически развитые солдаты. Так, на должность начальника Полоцкого гарнизона был назначен солдат 7-й автороты М. Чутков, командующим 3-й армией – поручик 23-го пехотного Низовского полка С. А. Анучин, командиром 15-го армейского корпуса – прапорщик Морозов, командиром 534-го пехотного полка был избран поручик Михайловский, а 536-го пехотного полка – штабс-капитан Славцов, командиром 17-го стрелкового полка – прапорщик Осиновский. Причём в 17-м полку были арестованы командир полка и часть ротных командиров и командующий батальоном.

Имели место случаи, когда заслуживавшие доверия солдат и готовые «работать с демократическими организациями», но выступавшие против братаний солдат с противником

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 30.

² РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 23. Л. 83, 85 ; Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1082. Л. 550, 536, 615.

командиры подлежали устранению от командования «до ареста включительно». Так было в артиллерийском дивизионе 50-го армейского корпуса: когда комиссар предложил командиру дивизиона полковнику Ретилову подписать подготовленное им «обращение к солдатам» от имени командира и комиссариата, то согласный работать с комиссариатом командир попросил исключить из «обращения» пункт о братании. Предлагавшие подписать «обращение к солдатам», «будучи смущены... отказом, заявили, что будут вынуждены доложить об этом высшему комиссару и опасаются... серьёзных для него последствий, до ареста включительно»¹. Не внял доверию общего собрания отдельной инженерной роты 16-й Сибирской стрелковой дивизии прапорщик Кузнецов, отказавшись от предложения «занять должность старшего офицера роты и временно заведующего хозяйством, мотивируя отказ неспособностью к ведению этого дела и нежеланием признать власть военно-революционного комитета роты». Прапорщик был объявлен ротой «врагом Родины, ибо он, – как считали солдаты, – позорно дезертировал в этот грозный час испытаний» для неё. Кроме того, на том же заседании ВРК 12 ноября были рассмотрены «обвинительные акты», в которых солдатами были даны следующие характеристики офицерам: 1. Подпоручик Плаксин как командир роты сам не заботился о политическом развитии своей роты и мешал другим, приходившим в роту с этой целью, «забывая головы солдат корниловскими идеями». 2. Поручик Михайлов – «явный монархист – при старом режиме бил солдат по физиономии. Теперь же, при случае, ругает солдат непристойными словами, оскорбительными для свободного солдата-гражданина, горой стоит за Корнилова». 3. Прапорщик Сомов был «нежелателен роте и не внушал доверия своими взглядами на политическую жизнь, стоял далеко от солдат»².

---

¹ РГВИА. Ф. 2275. Оп. 2. Д. 23. Л. 68–69.

² Там же. Д. 2. Л. 18.

Попытка инженера 1-го Сибирского армейского корпуса полковника Зонова вмешаться в дела ВРК отдельной инженерной роты путём «предписания» об командировании как отстранённых от должностей офицеров, так и выбранных на эти должности, успеха не имела. Офицеры Кузнецов, Плаксин, Михайлов и Сомов были арестованы как «контрреволюционные» и, согласно предписанию ВРК 1-го Сибирского корпуса, препровождены и сданы во фронтовой ВРК Западного фронта¹.

«Предписание» полковника Зонова было рассмотрено на заседании ВРК 16-й инженерной роты и признано «незаконным», так как бывший командир роты подпоручик Плаксин находился под арестом, а откомандирование «выбранных ротой на ответственные посты» грозило «расстройством ротного хозяйства и всех дел». За его угрозу расформировать роту, лишиться права на получение денег и фуража, за нежелание «признать законную власть военно-революционных комитетов и действия им наперекор» и неподчинение главкозапу ВРК выразил недоверие полковнику Зонову и потребовал «удаления его от должности как контрреволюционного офицера»².

Бурно, с проявлением актов грубого насилия над командирами и офицерами решались вопросы демократизации в соединениях 2-й армии. Основными причинами эксцессов являлось непризнание командно-офицерским составом многих частей и подразделений власти военно-революционных комитетов. Как было отмечено в сводке штаба армии, по постановлениям комитетов арестам подверглись в 66-м Сибирском полку капитан Козловский, поручик Верьялов и прапорщик Ларонюк; в 7-й Сибирской дивизии – командир батальона, прапорщики Ерарский и Островский; в 3-м гренадерском Перновском полку требовали «отвода командира полка и целого ряда офицеров и предания их суду». Даже в 15-й Сибирской дивизии, по мнению командования, «при

¹ РГВИА. Ф. 2277. Оп. 7. Д. 2. Л. 21.

² Там же. Л. 20.

относительном её спокойствии имели место 4 случая арестования офицерского состава»: начальника дивизии генерала Буйвида, трёх офицеров 59-го Сибирского стрелкового полка – поручика Фризеля, подпоручика Апсита и прапорщика Накалова. В 75-й пехотной дивизии «положение офицеров сделалось невыносимым, – было записано в сводке, – находясь фактически в плену у солдатской массы, офицеры вынуждены терпеть унижения и оскорбления»: лишены вестовых, средств передвижения, возможности взаимного общения, смещения на низшие должности, помещение вместе с фельдфебелями, довольствие из общего котла, получение отпуска через военно-революционные комитеты¹. Требования уравнивания офицерского состава с солдатами в бытовом отношении, денежном довольствии и продовольственном пайке имели место во многих частях и других соединениях Западного фронта.

Чтобы упорядочить развивавшийся процесс демократизации, направить его в организованное русло, ВРК Западного фронта разработал специальные правила по проведению выборов командного состава, которые под названием «Временные положения о командном составе» вводились в действие по телеграфу приказом № 4 от 12 ноября 1917 г. о демократизации армии временно главнокомандующего армиями Западного фронта подполковника В. В. Каменщикова. В «Положениях» определялся порядок отстранения и выборности командиров, который возлагался на войсковые комитеты.

Согласно «Положениям», войсковые комитеты обязывались выдвигать кандидатов на соответствующие должности и представлять их на утверждение в вышестоящий комитет. О каждом выдвинутом кандидате необходимо было представлять отзыв о нём непосредственного начальника. Пользовавшиеся доверием солдат и оставляемые на занимаемых должностях командиры также подлежали утверж-

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 137–140.

дению. Отстранённые лица до 39-летнего возраста назначались на нижестоящие должности, вплоть до рядового. Старше 39 лет, признанные комитетами не соответствующими занимаемым должностям, подлежали увольнению в отставку с получением пенсии. «Положения» объявлялись как временные до выработки СНК общих положений о демократизации армии¹.

Вопрос о демократизации армии был одним из основных при рассмотрении на заседаниях 2-го съезда армий Западного фронта, состоявшегося 20–25 ноября 1917 г. в г. Минске. Съезд абсолютным большинством голосов принял резолюцию о демократизации армии, в соответствии с которой командиры подразделений и частей, до полка включительно, должны были избираться на общих собраниях солдат конкретной части или подразделения. Избранные командиры входили в состав комитета данной войсковой единицы по должности. За комитетом сохранялось право смещения командира или перевод его на низшие должности, вплоть до рядового. Командиры выше полкового звена избирались съездами представителей нижестоящих комитетов и утверждались вышестоящими. Начальники штабов и управлений (от дивизии и выше) должны были избираться съездами или совещаниями при соответствующих комитетах. Упразднялись офицерские и унтер-офицерские звания, классы чиновников, отменялось ношение орденов, кроме георгиевских крестов и медалей. Уравнивались в правах и условиях службы все части и роды войск. Высшим органом управления фронтом провозглашался избираемый фронтовым съездом комитет в составе 100 человек по принципу пропорционального представительства от всех партийных фракций. Принятое решением съезда положение о демократизации армии сразу же вводилось в действие на Западном фронте и было направлено во ВЦИК Советов и Совнарком для утверждения и распространения на всех фронтах².

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 185–186.

² Там же. С. 282–285.

Резолюция 2-го фронтового съезда о демократизации армии была одобрена ВРК при Ставке Верховного главнокомандующего и с небольшими уточнениями 30 ноября 1917 г. передана по телеграфу как «Положение о демократизации армии» для руководства и исполнения всем частям и соединениям на всех фронтах. В этот же день, исполняя распоряжение Ставки, избранный на 2-м фронтовом съезде главнокомандующим Западным фронтом А. Ф. Мясников своим приказом предписал войскам фронта и Минского военного округа «немедленно ввести его в жизнь» и «руководствоваться исключительно» им¹.

После 2-го фронтового съезда демократизация на Западном фронте приняла повсеместный характер. Одним из главных критериев, которым руководствовались солдаты и созданные ими ВРК при назначении на ту или иную должность, являлась политическая благонадёжность назначаемого, отношение его к Советской власти, а так как офицерство во многих случаях не пользовалось популярностью и доверием среди солдат, то на командные должности были избраны солдаты и унтер-офицеры². В то же время офицеры, лояльно относившиеся к этой власти, перешедшие на её сторону и выразившие готовность работать, оставались на занимаемых должностях.

Центральные советские военные органы, внимательно следившие за ходом демократизации, предостерегали, чтобы при проведении выборов не наносился вред аппарату управления войсками; требовали, чтобы на командные и штабные должности выдвигались лица, обладавшие достаточным опытом и знаниями. В одной из телеграмм военно-революционного комитета Ставки указывалось на необходимость «достигнуть того, чтобы на ответственных должностях находились люди, соответствующие этим должностям по своему

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 335–337.

² См. об этом более подробно: Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. С. 140 ; Победа Советской власти в Белоруссии. С. 356.

характеру, способностям и знанию дела»¹. С этой целью в принятом 16 декабря 1917 г. Декрете Совнаркома «О выборе в начале и об организации власти в армии» предписывалось начальников штабов избирать из лиц со специальной подготовкой, которые затем в свою очередь должны были назначать всех остальных штабных с последующим утверждением их соответствующими съездами².

Большевистские военно-революционные и войсковые комитеты в ходе демократизации в основном действовали в соответствии с таким подходом. Например, ВРК 3-й армии ещё 15 ноября, отдавая приказ о немедленном и полном проведении выборного начала, потребовал от ВРК частей и учреждений армии «срочно донести о выдающихся качествах лиц командного состава для замещения высших ответственных должностей в армии»³. 4 декабря на общем собрании на должность корпусного интенданта 20-го армейского корпуса, «принимая во внимание образование... громадный опыт в деле снабжения», внимательное отношение к людям, большинством был избран занимавший эту должность полковник Гергардт⁴.

Приступив к выборам интенданта 50-го армейского корпуса 2-й армии, заседание комитета, учитывая, что должность эта очень серьёзная и ответственная, требующая знаний и опыта, единогласно оставило состоявшего в этой должности полковника Попова, заслужившего доверие «неутомимой и полезной службой на пользу Родины и порученного ему дела»⁵. На съезде гренадерского корпуса большинством голосов было принято решение корпусным интендантом оставить полковника Трошина⁶. В артиллерийских частях 3-го Сибирского корпуса, по сообщению представителей,

¹ РГВИА. Ф. 2275. Оп. 4. Д. 8. л. 290.

² Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 283–287.

³ РГВИА. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 23. Л. 39–40.

⁴ Там же. Оп. 10. Д. 5. Л. 454.

⁵ Там же. Ф. 2275. Оп. 4. Д. 13

⁶ Там же. Ф. 2179. Оп. 4. Д. 3. Л. 10.

прибывших на общее собрание 28 декабря, «большинство офицеров осталось на прежних своих должностях»¹.

Однако больше такого подхода придерживались при выдвижении кандидатур на командные должности в технических частях и интендантских учреждениях, требовавших специальной подготовки, и меньше – в пехотных и стрелковых частях, где большевикам и их сторонникам достаточно было политической благонадёжности, принадлежности к большевистской партии. Так, если в 11-й Сибирской артиллерийской бригаде из 56 кандидатур, выдвинутых батареями и управлениями бригады, приказом ВРК были утверждены на командные должности более 40 офицеров в звании от прапорщика до полковника, шесть фельдфебелей и только четыре солдата, то в 4-м Сибирском стрелковом полку 1-й Сибирской стрелковой дивизии из 31 командной должности на 15, в том числе и на должность командира полка, были избраны солдаты. В 62-й пехотной дивизии 38-го армейского корпуса командирами были избраны 10 солдат, 24 офицера понижены в должностях и 23 отстранены от командования².

Следует отметить, что такой подход к выборам командного состава скоро дал о себе знать. Уже 27 декабря на совместном заседании президиума ВРК 3-го Сибирского корпуса с командирами полков 7-й и 8-й Сибирских стрелковых дивизий было отмечено, что «командный состав в тех полках, где наблюдалось серьёзное отношение к выборам, выбран и утверждён с боевым опытом и специальной подготовкой. В некоторых же частях, где к этому отнеслись менее серьёзно, там выбран командный состав без всякого опыта и специальной подготовки» (25, 27, 29-й Сибирские полки. – М. С.). Более того, представители от частей заявили, что «большинство офицеров осталось на своих должностях

---

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 6. Д. 2. Л. 1.

² Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. С. 172 ; Победа Советской власти в Белоруссии. С. 356.

и что смена командного состава, где таковая была, всегда вредно отражалась на боеспособности части»¹. Такое положение с командным составом было характерно для всего Западного фронта. Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич, ссылаясь на сводки донесений Северного, Западного фронтов и Особой армии, в своём сообщении в Совет Народных Комиссаров 4 января 1918 г. о состоянии действующей армии констатировал, что «громадное большинство опытных боевых начальников или удалено при выборах, или ушло при увольнении от службы солдат их возраста. Нынешний командный состав не имеет достаточных знаний и боевого опыта. Особенно губительно отражается это на артиллерии...»²

Наиболее преданные делу установления большевистской диктатуры офицеры – во многих случаях большевики – выдвигались на высшие командные должности. Так, главнокомандующим Западным фронтом на фронтовом съезде был избран большевик прапорщик А. Ф. Мясников, на армейских съездах 2-й и 3-й армии командующими армиями – соответственно прапорщик Киселёв и большевик подпоручик С. А. Анучин и т. д.

В этих и многих других случаях при выдвижении младших офицеров на высшие командные посты большевистские ВРК и войсковые комитеты руководствовались больше политической, чем практической, военной целесообразностью. Отсутствие необходимых знаний и опыта у младших офицеров, выдвинутых для управления крупными войсковыми соединениями, большевики стремились компенсировать деятельностью опытных штабных специалистов, перешедших на сторону Советской власти или давших своё согласие сотрудничать с ней. Кроме того, для осуществления контроля за деятельностью штабов большевистские ВРК и войсковые комитеты назначали своих комиссаров, в подавляющем большинстве из солдат.

¹ РГВИА. Ф. 2280. Оп. 6. Д. 2. Л. 1–2.

² Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 350.

В конце декабря 1917 г. – начале января 1918 г. переборы командного состава в армиях Западного фронта были в основном завершены. ВРК, выполнив свою задачу по установлению большевистской диктатуры в войсках, сливались с войсковыми комитетами. В руках последних сосредотачивалась вся полнота власти.

Организация власти в войсках на большевистских началах проходила в острой политической борьбе большевиков с другими политическими партиями, противопоставлявшими большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!» лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». С целью противостояния этому лозунгу, сплочения всех своих сил под лозунгом «Вся власть Советам!» большевики приняли решение реорганизовать войсковые комитеты в Советы солдатских депутатов.

Инициатором реорганизации на Западном фронте выступил армейский комитет 3-й армии, принявший на заседании 27 декабря 1917 г. решение о своём переименовании в армейский Совет солдатских депутатов и соответствующем переименовании всех низших комитетов¹. Уже на следующий день, 28 декабря, в соответствии с телеграммой армейского Совета на заседаниях комитетов 15-го и 20-го армейских корпусов были приняты решения о реорганизации комитетов в корпусные Советы. Кроме того, упразднились должности командиров корпусов, функции и обязанности которых передавались корпусным Советам². В 35-м армейском корпусе решение о такой реорганизации было принято на 6-м чрезвычайном корпусном съезде 3 января 1918 г.³ Решение о реорганизации войсковых комитетов в Советы в соединениях и частях 10-й армии было принято на заседании армейского комитета 4 января 1918 г. Руководствуясь этим, ВРК 10-й армии издал приказ, в соответствии с которым с 5 января армейский комитет переименовывался

¹ РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 5. Л. 537.

² Там же. Ф. 2208. Оп. 8. Д. 4. Л. 3 ; Ф. 2218. Оп. 10. Д. 4. Л. 6 ; Д. 6. Л. 20.

³ Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 71.

в армейский Совет депутатов 10-й армии, сам ВРК упраздняясь, а его функции переходили к президиуму армейского Совета. Переименовывались также все корпусные, дивизионные, полковые и другие комитеты в соответствующие Советы¹.

С реорганизацией комитетов в Советы, упразднением должностей командного состава и переходом обязанностей командиров к соответствующим Советам состав и функции последних расширялись. Так, 6-й чрезвычайный съезд 35-го армейского корпуса, заявив о «переименовании всех существующих в войсках корпуса комитетов в Советы солдатских депутатов», переходе всей полноты власти в их руки и об упразднении должностей начальствующих лиц, принял решение определить численный состав корпусного Совета из 54 человек. В его состав вошли все 16 членов упраздняемого ВРК, 28 – от частей корпуса (в расчёте по семь членов от каждой входящей в состав корпуса дивизии), 10 членов должны были кооптироваться Советом из квалифицированных специалистов «для планомерного распределения работ и более удобного управления корпусом». В структурном отношении корпусной Совет состоял из президиума, революционного трибунала, продовольственной, демобилизационной, оперативной, инспекторской, хозяйственной, юридической, санитарной, политической и культурно-просветительской комиссий².

Таким образом к концу 1917 – началу 1918 г. демократизация армий Западного фронта в основном была завершена. Главная цель, которую преследовали большевики демократизацией, – вырвать армию из рук старого командования, не дать ему использовать вооружённые силы против установления советской власти – была достигнута.

Окончательный успех для большевиков в проведении демократизации зависел от установления большевистской

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 706.

² РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 71.

диктатуры как в главных центрах революции, так и на местах, в том числе в частях и соединениях на фронте. Основными проводниками большевистской диктатуры являлись повсеместно созданные большевиками боевые чрезвычайные органы власти – военно-революционные комитеты.

Установление большевистской диктатуры в войсках Западного фронта проходило в острой политической борьбе большевиков с представителями других политических партий. Успех большевиков определялся поддержкой основной массовой и боевой силы – солдатами, интересам которых отвечала политика большевистской партии, и прежде всего провозглашенные декреты о мире и о земле.

Устранение большевиками старого командования от управления войсками, а затем замена единоначалия коллегиальным управлением в армиях Западного фронта не встретили непосредственного открытого активного противодействия со стороны генеральско-офицерского корпуса. Многие из них устремились в тыл, примыкали к организуемой на Дону, Урале, других регионах страны белой гвардии, вступали на путь вооружённой борьбы против Советской власти.

Одновременно с проведением полной демократизации армии осуществлялся процесс её «постепенной» демобилизации. Уже 10 ноября 1917 г. Советское правительство издало Декрет «О постепенном сокращении численности старой армии», начиная с немедленного увольнения в бессрочный запас солдат – граждан призыва 1899 г. Оружие при увольнении предписывалось сдавать в полковые комитеты, на которые возлагалась ответственность за его хранение. Верховному главнокомандующему вменялось в обязанность «немедленно объявить об этом приказом по армии»¹.

Солдаты Западного фронта весть о начале демобилизации армии встретили как долгожданную и желанную. В этом они видели возможность покончить с лишениями окопной

---

¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 96.

жизни и вернуться к родным очагам, а также «частично устранить остроту продовольственного вопроса» в войсках¹. Вопрос о демобилизации солдат старших сроков призыва рассматривался на заседаниях военно-революционных и съездах войсковых комитетов. В принятых резолюциях и наказах солдаты требовали «немедленной частичной демобилизации армии». Причём уже в последних числах ноября они настаивали на «немедленной демобилизации солдат 1900, 1901 и 1902, а также 1911 и 1912 гг. действительной службы»².

В декабре 1917 г. в войска фронта поступил приказ Верховного главнокомандующего об увольнении от службы всех солдат действующей армии 1900 и 1901 гг. призыва. На Западном фронте демобилизация солдат указанных сроков призыва с последующей отправкой по домам производилась с интервалом в 10 дней один от другого. С 10 декабря предписывалось уволить и начать перевозку солдат 1900 г. призыва, с 20 декабря – солдат 1901 г. призыва. Увольняемых из тыловых учреждений предписывалось предварительно заменять солдатами строевых частей призыва 1912, 1913, 1914, 1915, 1916 гг. «в таком числе, чтобы тыловые учреждения могли продолжать работу, но не стремиться доводить их состав до полного штата»³. Во фронтовых частях командование фронта предписывало проводить перегруппировку «с тем, чтобы в передовой линии оставить минимум сил, нужных для её занятия и поддержания в порядке». Кроме того, путём увеличения занимаемых частями участков фронта рекомендовалось «вывести возможно больше в резерв для обеспечения регулярной смены частям в передовой линии»⁴.

Следует отметить, что пришедшее к власти советское правительство, успешно осуществив заключение перемирия

---

¹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 26 ; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 420.

² РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 17, 26.

³ Там же. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 91. Л. 37 ; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1564. Л. 388, 389, 410.

⁴ Там же. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 91. Л. 26.

на фронтах, завершение демократизации старой армии, не смогло выполнить обещанного в первых своих обращениях к солдатам «обеспечения армии всем необходимым». Основными причинами являлись развал на железнодорожном транспорте с имевшим местом саботажем перевозок, поставок хлебных запасов и фуража производителями, их отток на внутренний фронт борьбы, а также имевший место захват следовавших для Западного фронта грузов выступившими на борьбу с Советской властью польскими легионерами. Всё это приводило к тому, что, например, в местечке Радошковичи для 3-го армейского корпуса 10-й армии в течение четырёх дней (с 11 по 15 декабря) не поступали грузы, в местечко Першай были отправлены «остатки армейского магазина». В результате на 15 декабря 1917 г. в корпусных магазинах и дивизионных складах хлеба и консервов было на полдня; мяса и сушёных овощей – на один день; крупы, рыбы и чая – на два дня; вовсе не было муки и жиров, а также зерна и сена для лошадей¹. В это же время в 20-й армейский корпус 3-й армии «из тыла не поступало никаких пищевых продуктов, а запасов оставалось не больше, чем на 8 дней»². Голод усиливал стремление солдат уйти с фронта. Об этом с тревогой сообщалось в штаб фронта из многих частей и соединений.

Ссылаясь на разгоравшееся в стране вооружённое классовое противостояние, в подавляющем большинстве резолюций, наказов и постановлений солдаты требовали демобилизуемых отпускать домой с оружием. Так, солдаты частей штаба 3-й армии, объединённые дивизионным комитетом этапно-хозяйственного отдела, в наказе армейскому съезду 3-й армии потребовали принять «все меры для того, чтобы все солдаты... при увольнении в запас были снабжены оружием» для борьбы с контрреволюцией³. Солдаты 21-го пехотного Муромского полка в наказе делегатам на армейский

¹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 964. Л. 71, 74.

² Там же. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 4. Л. 2.

³ Там же. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 91. Л. 19.

съезд требовали от «правительства Народной Республики издать обязательный декрет, чтобы увольняемым солдатам выдавалось оружие, на случай, если контрреволюция поднимет голову».

Снабдить оружием демобилизованных требовали солдаты починочной мастерской 3-й армии, общее собрание полкового ВРК санитарных и интендантских частей 6-й пехотной дивизии с участием представителей 1-го и 2-го лазаретов этой дивизии, съезд 15-го армейского корпуса¹.

Лишь в отдельных случаях войсковые комитеты принимали решения, в соответствии с которыми «оружие, как народное достояние... после демобилизации должно сдаваться на склады», поступавшие «в непосредственное ведение Советов». Таким было решение армейского съезда частей, подведомственных начальнику военных сообщений армий Западного фронта². «Желательной передачу оружия запасно-отпускных через военно-революционные комитеты местным Советам» считали солдаты 29-го пехотного Черниговского полка³. Заседание полкового Совета солдатских депутатов 23-го пехотного Низовского полка приняло решение «насильственного отображения оружия не производить, но в то же время ротным и командным Советам морально воздействовать на товарищей, чтобы они не приносили ущерба полку в боевом отношении, т. к. война не окончена...»⁴

Штаб Западного фронта болезненно реагировал на утечку с фронта вооружения и снаряжения. Чтобы как-то воздействовать на этот процесс, главнокомандующий фронтом А. Ф. Мясников обратился с приказанием к командному составу частей и соединений армий, в котором, констатируя увоз из частей увольняемыми от службы солдатами или отпускниками оружия и снаряжения, назвал это явление

---

¹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 91. Л. 37 ; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 420.

² РГВИА. Ф. 6565. Оп. 2. Д. 30. Л. 4.

³ НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л.13.

⁴ РГВИА. Ф. 2213. Оп. 5. Д. 8. Л. 97.

«совершенно недопустимым» и просил немедленно разьяснить это солдатам. Ответственность за неисполнение этого приказа главкозап возлагал на соответствующие комитеты и командный состав¹.

К концу декабря 1917 г. эйфория демобилизации охватила все части и соединения армий Западного фронта. Уставшие, полураздетые, очутившиеся перед призраком неминуемого голода солдаты устремили свой взор в тыл, угрожая повальным бегством с фронта. «Настроение полка весьма печально, в связи с недостатком хлеба бегство в тыл усилилось. Пулемётные команды выясняют, что при недостатке фуража лошади ежедневно валяются», – такой представлялась картина состояния 23-го пехотного Низовского полка полковому Совету на основании докладов представителей рот и команд к 30 декабря 1917г.² Подобное состояние войск было характерным для всего фронта.

Имели место случаи, когда под давлением солдат войсковые комитеты самочинно принимали решение о демобилизации и даже о расформировании частей, мелких подразделений и команд. Чтобы удержать фронт от повального бегства, осуществлять демобилизацию более-менее планомерно, не допускать в этом сложном процессе стихии, штабы и созданные при них демобилизационные органы запрещали самочинные действия на местах. Так, канцелярия по демобилизации при штабе 3-й армии направила 3 декабря 1917 г. телеграмму начальнику этапно-хозяйственного отдела армии с просьбой дать «распоряжение, чтобы в частях войск и учреждениях без санкции штаба армии никакие расформирования, демобилизации и увольнения солдат не производились». При необходимости произвести расформирование рекомендовалось обращаться «по команде в штаб армии с мотивированным представлением»³. Главкозап А. Ф. Мясников, как только ему стало известно, что в соединениях

¹ РГВИА. Ф. 2275. Оп. 4. Д. 8. Л. 284.

² Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 97.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1564. Л. 375.

2-й армии «по самочинным постановлениям производится расформирование частей и учреждений», назвал такой порядок «ликвидации частей и их имущества даже при их тяжёлом положении... не допустимым для армии» и приказал «не приступать ни к каким расформированиям или реорганизациям войск» без его разрешения¹.

К концу 1917 г. в особенно сложном положении оказались кавалерийские, артиллерийские и транспортные части и подразделения. В связи с недополучением фуража приходила в упадок основная тягловая сила – конский состав. Положение усугублялось начавшейся демобилизацией, вследствие которой сокращался обслуживающий персонал. «С наступлением холодов, благодаря отсутствию фуража, лошади пришли в полную негодность, едва лишь в состоянии подвозить продукты... со станции Дайнова до местечка Камень – на расстояние 2-х вёрст. Ротные лошади не в состоянии даже подвозить продукты... до места расположения рот... Частые командировки в тыловые учреждения и увольнение нескольких годов от службы окончательно подорвали живую силу полка», – констатировал кризисное состояние полка в принятой на пленарном заседании и направленной в дивизионный комитет резолюции полкового комитета 681-го пехотного Алтайского полка². «В настоящее время кормить коней нечем. Из интендантства сейчас совсем ничего не получаем... При такой бескормнице на коней напал сильный падёж. Если будет дальше продолжаться такой голод, то через неделю будет падать по 50 голов в сутки», – сообщал в принятой на заседании резолюции комитет 1-го парка 1-го Сибирского паркового артиллерийского дивизиона в дивизионный ВРК и «во избежание этого» просил «немедленно сократить конский состав парка»³. Тревожные телеграммы о создавшемся критическом положении в специальных частях сообщали в армейский ВРК и коман-

¹ РГВИА. Ф. 2275. Оп. 3. Д. 12. Л. 131.

² НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15. Л. 68.

³ Там же. Л. 156.

дующему 10-й армии командир 38-го армейского корпуса, председатель ВРК 5-й отдельной телеграфной роты, в армейский комитет 10-й армии и фронтовой комитет – дивизионный комитет 2-го Сибирского паркового артиллерийского дивизиона¹, других частей и соединений.

Сообщая в высшие инстанции о создавшемся критическом положении с продовольствием и фуражом, начавшемся в связи с этим голоде и массовом падеже лошадей, части и подразделения требовали отвода их в глубокий тыл или частичного сокращения и даже расформирования. Так, о категорическом требовании 11-й Сибирской артиллерийской бригады отвода в тыл в связи с кризисом в продовольственном и фуражном вопросах сообщало руководство 38-го армейского корпуса в ВРК и командующему 10-й армии². По причине некомплекта в личном составе и малого запаса фуража требовали отправки в тыл артиллерийских батарей комитет 2-й батареи и общее собрание 3-й батареи 50-го отдельного тяжёлого полевого артиллерийского дивизиона³. При этом батарейный комитет 2-й батареи в «спешном порядке» ходатайствовал перед дивизионным комитетом о частичном сокращении численности лошадей и материальной части артиллерийского парка. Подобные требования выдвигали комитет 1-го парка 1-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, многие другие части и подразделения.

В связи с создавшейся кризисной ситуацией с продовольствием и фуражом на фронте и под давлением солдатских требований, командование и ВРК принимали решение об отходе в тыловые районы отдельных частей и соединений, а также о расформировании мелких подразделений и команд. Например, уже в последних числах ноября 1917 г. главнокомандующий Западным фронтом отдал распоряжение «для облегчения фуражного довольствия расположить Уральскую казачью дивизию в районе Халч – Марьино – Новое

¹ НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15. Л. 133, 138, 149, 150.

² Там же Л. 149.

³ РГВИА. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 193, 196.

Место – Громыки (северо-восточнее Гомеля)»¹. В середине декабря с фронта в центральные районы России начался отвод 291-го пехотного Трубчевского полка 10-й армии, 515-го пехотного Пинежского полка 2-й армии², других частей и подразделений. 12 декабря ВРК 15-го армейского корпуса 3-й армии принял решение о расформировании 6-го и 8-го парковых артиллерийских дивизионов, огнёмётных и пулемётных школ и пулемётных команд корпуса³.

Однако в условиях полного расстройтва железнодорожного сообщения, слабого притока продовольствия и фуража на фронт, отсутствия значительных запасов такового в интенданствах частичный отвод войск с фронта не решал фуражно-продовольственной проблемы. В штабы армий и фронта продолжали поступать тревожные сигналы об угрозе целых частей и соединений оставить фронт, о гибели дорогостоящего войскового имущества, требования сохранить его для справедливого распределения среди населения. Так, съезд Совета крестьянских депутатов при этапно-хозяйственном отделе 3-й армии, рассмотрев вопрос о демобилизации армии, в принятой и затем направленной в демобилизационную комиссию при штабе 3-й армии резолюции констатировал «ежедневную гибель народного богатства», особенно лошадей, в военных транспортах и просил обратить самое серьёзное внимание на справедливое распределение высвобождающегося при демобилизации имущества между неимущими крестьянами. Съезд требовал «не допустить продажи инвентаря скупщикам и кулакам, не дать им набивать за счёт бедных крестьян свои карманы»⁴.

Возможно, в ответ на это и многие другие поступающие в штаб армии требования армейский Совет 3-й армии издал приказ, в котором обращал внимание солдат на правильную

---

¹ НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.

² РГВИА. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 18. Л. 155 ; Ф. 3052. Оп. 1. Д. 78. Л. 118.

³ Там же. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 179.

⁴ Там же. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1607. Л. 566.

и планомерную демобилизацию как на одну из главных задач текущего момента. Совет обязывал демобилизационные комиссии всех уровней «работать между собой в полном контакте, позаботиться о постепенном отправлении на родину личного состава армии, учёте и сохранении многомиллионных народных богатств», передаче их «по указаниям центральной власти в руки демократических организаций для справедливого распределения между трудовым населением». Совет призывал солдат к совместной с комиссиями работе, заострял их внимание на сохранении конского состава, правильной передаче народу как на вопросе, «имеющем в нашей земледельческой стране особо важное значение»¹. 5 декабря 1917 г. штаб Западного фронта своей телеграммой предписал штабам армий для исполнения утверждённое главкозапом постановление, принятое на совещании демобилизационных комиссий фронта, о предоставлении корпусным комитетам права «бесплатной передачи негодных для несения службы лошадей местным крестьянским комитетам»².

Вопрос сохранения конского состава был предметом обсуждения на заседаниях войсковых комитетов и Советов. В частности, неоднократно этот вопрос стоял в повестке дня ВПК 15-го армейского корпуса, на одном из заседаний которого было принято решение о создании в дивизиях специальных пунктов для ветеринарного осмотра животных и последующей передаче наиболее слабых из них через волостные комитеты местным крестьянам³. О немедленном назначении комиссии по передаче отощавших, неспособных к работе в транспорте лошадей нуждавшемуся населению ходатайствовал перед ВПК 3-й армии ВПК 75-го транспорта 15-го обозного батальона⁴. Подобные ходатайства поступали в адрес ВПК 2-й армии.

---

¹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Л. 59.

² Там же. Оп. 1. Д. 1564. Л. 403.

³ Там же. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 177.

⁴ Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 28. Л. 103.

Принимая решения о передаче непригодных к службе лошадей местным жителям, штабы и ВРК были озабочены тем, чтобы в ближайших к местам дислокации войск местностях не создавался их избыток, что могло бы, по их мнению, привести к спекуляции. Так, дежурный генерал 2-й армии, предоставляя ветеринарным комитетам частей, не входивших в состав корпусов, право передачи лошадей, сообщал им об «общем требовании», «чтобы число передающихся лошадей не превышало действительной нужды населения, во избежание какой-либо эксплуатации (спекуляции. – М. С.)»¹. Он предписывал «проводить эту меру не как средство избавления частей от ненужных лошадей, а как первую помощь для восстановления разорённых хозяйств местных крестьян», и требовал, чтобы передача лошадей осуществлялась «исключительно через волостные местные крестьянские Советы бесплатно, не допуская никакой купли-продажи»².

С целью равномерного рассредоточения лошадей в крестьянских хозяйствах штабы и ВРК принимали решение наиболее слабых из них передавать местным крестьянским комитетам, более сильных, «способных совершать переход», предписывали отправлять в отдалённые от фронта районы Беларуси или железнодорожным транспортом – в центральные губернии России. Такое решение было принято на заседании ВРК 15-го армейского корпуса 3-й армии. Слабосильные лошади со 2-го Кавказского корпуса 10-й армии отправлялись эшелоном со станции Пруды в Орловскую губернию, 1-го Сибирского стрелкового корпуса – со станции Пруды до станции Толочин³. «В самом спешном порядке отдать распоряжение о предоставлении прав начальникам станций совместно с ревкомами использовать весь имеющийся в их распоряжении порожняк для погрузки военного имущества, в особенности лошадей», – требовали ВРК и командующий 38-го армейского корпуса в телеграмме в ВРК 10-й армии⁴.

¹ РГВИА. Ф. 2275. Оп. 3. Д. 11. Л. 132.

² Там же

³ Там же. Ф. 4157. Оп. 1. Д. 6. Л. 141, 145, 179.

⁴ Там же. Л. 150.

В связи с ускоренным процессом демобилизации, сокращением и расформированием частей и подразделений возникли проблемы с многочисленным вооружением и войсковым имуществом. Уже в середине декабря 1917 г. начальник штаба 10-й армии Суворов своей телеграммой ставил в известность командиров корпусов, начальников отделов и ВРК 10-й армии, что, «по заявлению начальника артиллерийского снабжения Западного фронта, войсковые части массами и без всякого порядка сдают всякого рода огнестрельные припасы, предметы материальной части и оружие, не считаясь с тем, могут ли передовые армейские запасы и мелкие парки принять это имущество, и бросают его на произвол судьбы, лишая тем возможности произвести какую-либо, хотя бы поверхностную приёмку». От имени командующего армией он требовал принять срочные меры к упорядочению этого вопроса¹.

К началу 1918 г. положение войск Западного фронта ещё более ухудшилось. Продовольственно-фуражный кризис в войсках, вести об экономической разрухе в стране окончательно подорвали моральный дух солдат. Например, пленарное заседание полкового Совета 32-го Сибирского полка, заслушав своего делегата о посещении им Ставки Верховного главнокомандующего и Центрального комитета действующих армий и флота (ЦЕКОДАРФ) с целью выяснить положение дел на фронте и в тылу, пришло к заключению, что «страшный продовольственный призрак вносит дезорганизацию в ряды армии», «армия не сегодня-завтра, гонимая голодом и холодом, двинется неорганизованной бандой в тыл, всё уничтожая и сокрушая на своём пути», и что «не будет той авторитарной силы, которая бы остановила это бегство, кроме пули и штыка». Чтобы не допустить этого, полковой совет требовал «систематической разгрузки армии» путём демобилизации солдат «не менее двух годов призыва в неделю»².

¹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 91. Л. 46.

² Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 8. Д. 82.

Такая характеристика состояния армии Западного фронта была близка к истине. Уже в декабре оставила свои позиции 5-я пехотная дивизия 2-й армии, требовала немедленной смены с позиций 67-я пехотная дивизия 3-й армии, предупреждали о своём уходе с позиции и требовали смены многие части и подразделения фронта. Под давлением требований солдат и низовых войсковых комитетов продолжалась ускоренная демобилизация. В конце декабря 1917 г. было начато увольнение солдат 1902 г. призыва, с 10 января 1918 г. увольнялись солдаты 1903 и 1904 гг. призыва, с 22 января было объявлено об увольнении солдат 1906 г. призыва, с 25 января – 1907 г.¹ Во многих случаях демобилизуемые и под их давлением низовые войсковые Советы продолжали требовать увольнения солдат домой с оружием. Например, полковой Совет 32-го Сибирского полка, приняв решение «совершать систематическую разгрузку армии, посредством увольнения не менее двух годов (по срокам призыва) в неделю», постановил «увольнять всех с оружием в руках и довести об этом до сведения всех вышестоящих инстанций – от дивизионного Совета до ЦЕКОДАРФ включительно»².

Верховные военные органы и штаб Западного фронта на все эти требования отвечали неоднократным отказом³. Главкозап и начальник демобилизационного отдела Западного фронта в телеграмме командующим армиями и армейским ВРК напоминали о том, что «увольняемые солдаты подлежат отпуску на родину без оружия, оставляя таковое в своих частях», и предписывали «всё оружие, просмотренное, смазанное и укупоренное в частях, сдавать в артиллерийские фронтовые склады»⁴.

Однако в условиях форсированной демобилизации солдат, сокращений и расформирований многих подразделений и команд артиллерийские фронтовые склады не в состоянии

¹ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 21. Л. 197 ; Оп. 1. Д. 1570. Л. 104.

² Там же. Оп. 5. Д. 8. Л. 82.

³ Там же. Ф. 2049. Оп. 2. Д. 2. Л. 147 ; Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1570. Л. 317.

⁴ Там же. Ф. 2275. Оп. 3. Д. 12. Л. 204.

были принять и разместить всё подлежащее сдаче войсками вооружение и снаряжение. Для обеспечения приёма войскового имущества командующие армиями распорядились использовать корпусные склады как наиболее близко расположенные от станций железных дорог. В частности, во 2-й армии такими пунктами являлись: для 3-го Сибирского корпуса – станции Осиповщина, Столбцы и Негорелое; гренадерского – станции Погорельцы, Хвоево и Замирье; 9-го армейского – станции Мальковичи, Люща и Луинец¹. В районе дислокации частей и соединений 3-й армии в середине января 1918г. открывались склады для войскового имущества – временные в Кривичах, Будславе и Сеславине, постоянные – в Полоцке и дополнительные в районе станций Ловша и Сиротино². Всё сдаваемое имущество предписывалось принимать по описям, а специально выделенным дружинами сортировать его по видам.

К февралю 1918 г. в результате форсированной демобилизации солдат, частичного отвода полков и подразделений в глубокий тыл с целью разгрузки фронта и их последующего расформирования, увольнения старослужащих в трёхмесячный отпуск и имевшего места дезертирства Западный фронт был окончательно обескровлен. Уже в середине декабря 1917 г. на участке фронта, занимаемом 10-й армией, приходилось на 1 версту от 70 штыков в 73-й пехотной дивизии до 140 штыков в 5-й стрелковой дивизии. В начале января 1918 г. на всей линии Западного фронта, протяжённостью в 450 вёрст, по сообщению начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича в Совнарком о состоянии действующей армии, «по сильно преувеличенным данным» насчитывалось не более 150 тыс. штыков³. К середине января на участке фронта в 120 вёрст, занимаемом 3-й армией, насчитывалось только от 5 тыс. до 6 тыс.

¹ РГВИА. Ф. 2275. Оп. 3. Д. 12. Л. 204.

² Там же. Ф. 2113. Оп. 5. Д. 21. Л. 190.

³ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 350.

штыков (на 1 версту от 15 до 20 штыков). Таким же положение было во 2-й и 10-й армиях. Причём численность личного состава продолжала уменьшаться «с необыкновенной быстротой вследствие увольнения, не ожидая распоряжения свыше, и дезертирства». Общее положение фронта характеризовалось совершенно небоеспособным, «на значительных расстояниях» обнажённым, по причине ухода в тыл «целых полков и артиллерии»¹. К началу февраля 1918 г. на участке фронта, занимаемом 69-й пехотной дивизией, позиции охраняли одни сторожевые посты². Таким было положение на многих участках Западного фронта.

Советское командование понимало, что на части старой армии надеяться нельзя. Четырёхлетняя война, разруха и голод, огромная усталость сказались на моральном состоянии и боеспособности войск. Большевики делали попытки удержать солдат на фронте до заключения мира, но остановить процесс распада старой армии было уже невозможно. Приступив к постепенной её демобилизации, Совнарком и верховные военные органы разрабатывали организационные принципы создания новой армии, которые были утверждены 22 декабря 1917 г. на заседании образованной при Наркомате Всероссийской коллегии по формированию новой, социалистической армии. Было принято решение комплектовать её на добровольных началах из наиболее сознательной части рабочих, крестьян и солдат старой армии. Работа по созданию отрядов социалистической армии возлагалась на войсковые и местные Советы, в помощь которым направлялись члены специально созданной комиссии при Военной организации большевистского ЦК совместно с его агитаторами. Все эти меры по созданию новой армии были одобрены Общеармейским съездом, состоявшимся в Петрограде с 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г., и от имени Наркомата по военным делам опубликованы в печати в виде

¹ Октябрьская революция и армия. 25 августа 1917 г. – март 1918 г. С. 380–381.

² РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 89.

«Положений об организации Социалистической армии». 25 декабря в войска телеграфно был передан приказ Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко о создании новой армии¹.

Вопрос о создании новой армии стоял и перед военным руководством Западного фронта. По рассмотрении его на совещании представителей частей армий фронта, состоявшемся 29–30 декабря 1917 г. в Минске, было принято постановление с проектом формирования революционных частей новой армии. В проекте определялись порядок формирования, структура, численный состав и материальное обеспечение частей. Отдавая приказ войскам фронта о реорганизации старой армии, главкозап А. Ф. Мясников признал проект Западно-фронтowego совещания формирования революционных частей согласным с приказом Верховного главнокомандующего, призвал руководствоваться им, «скорее строить ряды новой Красной армии»².

Вопрос о создании «народной социалистической гвардии» широко обсуждался на заседаниях войсковых Советов частей и соединений фронта и, как правило, получал поддержку. В частях и подразделениях организовывалась запись добровольцев. Однако по причине того, что фронтовые части и соединения к этому времени были сильно обескровлены демобилизацией, расформированиями, отводом многих частей в тыл, а также дезертирством, число вступивших в формирования новой армии было незначительным. Например, ВРК 24-го пехотного Симбирского полка, обсудив вопрос о формировании Красной гвардии в полку, принял решение поручить президиуму ВРК «сформировать команду Красной гвардии из солдат рот и команд численностью 8 человек»³.

Следует сказать, что были и другие примеры, когда полки принимали решение о вступлении в социалистическую

¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 309–311.

² РГВИА. Ф. 2218. Оп. 10. Д. 4. Л. 12.

³ Там же. Ф. 2213. Оп. 5. Д. 8. Л. 14.

гвардию всем составом: 5-й гренадерский Киевский, 8-й гренадерский Московский, 19-й пехотный Костромской, 60-й Сибирский, 266-й пехотный Пореченский полки. Однако численность каждого из них осталась не более 200–250 штыков. Всего же к середине февраля 1918 г. в армиях Западного фронта в народно-социалистическую армию записались около 5 тыс. человек¹.

Для демобилизации старой армии и создания новой требовались время и необходимые благоприятные экономические и военно-политические условия. Ни для одного из этих процессов таких условий не было. В условиях войны, экономической разрухи и острой классовой борьбы в стране большевики, почти распустив старую армию, не успели создать новой. Страна оказалась почти беззащитной перед угрозой нового германского вторжения.

Несмотря на это демобилизация старой армии продолжалась. В январе 1918 г. было начато расформирование запасных частей и соединений Западного фронта. 20 января главкозап А. Ф. Мясников отдал приказ расформировать 25 запасных полков, три запасных артиллерийских дивизиона, управление инспектора запасных войск фронта и управления пяти пехотных запасных бригад². Продолжались усиленная демобилизация фронта, расформирование частей и соединений. В то же время почти всё имущество фронта было сконцентрировано у крупных железнодорожных узлов. Вывоз вооружения и войскового имущества затягивался и при наступлении германских войск в феврале 1918 г. добрая половина его попала в руки врага.

---

¹ 50 лет Вооружённых Сил СССР. М. : Воениздат, 1968. С. 28.

² РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 43. Л. 195.

**ФЕВРАЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ
ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК.
ОРГАНИЗАЦИЯ ОТПОРА ПРОТИВНИКУ**

В то время как войска Западного фронта и других фронтов русской армии, вследствие демобилизации, дезорганизации снабжения и ухода целыми частями в тыл, окончательно теряли свою боеспособность, германские войска наращивали силы, усиленно обучались, приводили в исправное состояние пути к передовым российским позициям, активно готовились к наступлению. Всё это не осталось незамеченным для русских войск. Об этом ещё в середине января 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич сообщал в Совнарком, народному комиссару по военным делам и Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко¹.

Начавшаяся активность германцев была вызвана отказом советской мирной делегации, возглавляемой Л. Д. Троцким, подписать в Брест-Литовске предложенный германским правительством аннексионистский мирный договор и заявившей, что «демобилизуем нашу армию и состояние войны с Германией считаем прекращённой»². Противник действовал уверенно. Офицер штаба 134-й пехотной дивизии, ведающий разведкой, вернувшись 4 февраля из немецких окопов, отмечал «большое оживление» у них, «подходят много солдат со Сморгони... исправляется железнодорожный путь перед немецкой позицией»³.

---

¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 381.

² Там же. С. 397.

³ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 93–94.

Следует сказать, что своих приготовлений к возобновлению военных действий противник не скрывал. Более того, германские солдаты и офицеры, установившие за время перемирия приятельские отношения с солдатами и офицерами русской армии, накануне наступления услужливо предупреждали последних о готовившейся на 5 февраля 1918 г. операции. Так, по словам донесения начальника штаба 134-й пехотной дивизии Самойлова в штаб 10-й армии, вечером 4 февраля он «получил записку от командира 535-го пехотного Липецкого полка Троянова, в которой последний сообщал, что, по сведениям его хорошего знакомого германского офицера, немцы 5 февраля с 12 часов возобновят боевые действия». При этом германский офицер просил «оповестить русских солдат, чтобы они не ходили в немецкие окопы», так как «будут встречаться в начале холостыми выстрелами»¹. Прибывший из немецких окопов офицер штаба дивизии, ведавший разведкой, также сообщил начальнику штаба дивизии о том, что «немцы-офицеры совершенно открыто говорили, что мирные переговоры закончены» и они «в 12 часов (по их исчислению)» после «первого холостого артиллерийского выстрела... перейдут в наступление», что они «вынуждены продолжать военные действия», заверяли, что «боевой стрельбы не будет, если не будут встречены сопротивлением»². О «довольно вызывающем» поведении германских солдат по отношению к русским сторожевым постам, охранявшим позицию и задержавшим местных жителей, которые направлялись к немцам для продажи им продуктов, сообщали в тот же вечер в штаб 10-й армии (по донесению начальника 69-й дивизии) командир 38-го армейского корпуса Любенецкий и председатель корпусного Совета Аршавский. Солдаты неприятеля, потребовав «от наших постов пропуска к себе жителей, заявили, что наши посты будут стёрты ими с лица земли,

---

¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 93.

² Там же. Л. 94.

так как завтра, 5 февраля, срок перемирия оканчивается и немцы перейдут в наступление»¹.

Об этих и других фактах, свидетельствовавших о намерениях противника, неоднократно с тревогой сообщалось из штабов корпусов в армейские штабы, а из последних – в штаб главнокомандующего Западным фронтом. Одновременно в донесениях командиры корпусов и председатели корпусных Советов просили указаний об отводе войск в тыл, так как имевшимися в их распоряжении совсем незначительными силами, по их мнению, не было смысла оказывать сопротивления во много раз превосходящему по численности и вооружению противнику. Кроме того, они запрашивали указаний как поступить с сосредоточенным на складах имуществом, а также архивами штабов и денежными суммами, уведомляя, что «получить вагоны на вывоз хотя бы более ценного нет никакой надежды»².

Ещё в начале января 1918 г. штабы армий и фронта, видя полную небоеспособность войск, поставили перед Ставкой Верховного главнокомандующего вопрос о необходимости быстрой ликвидации Западного фронта и перемещении оставшихся частей, управлений и военных учреждений со всем имуществом за естественный рубеж – за р. Березина по линии Псков – Полоцк – Борисов – Бобруйск – Речица, а штаба фронта – из Минска в Смоленск.

Получая тревожные донесения о состоянии войск фронтов, начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич приводил сводки донесений в неоднократных своих сообщениях Совнаркому, Верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко и Генеральному штабу, в которых говорилось об «отсутствии» в соединениях как Западного, так и других фронтов «воинского порядка», о «полном расстройстве, местами критическом довольствии людей и особенно лошадей», в связи с этим о «неспособности к передвижению артиллерии», «полной невозможности

---

¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 90.

² Там же. Л. 95.

дальнейшего пребывания на позициях» и необходимости отвода войск за естественные рубежи. Он также считал, что «единственным выходом для предотвращения полного уничтожения армии был бы отход... за большие реки, как Березина, Днепр и др.», но в то же время усматривал, что «отсутствие дорог, снежные заносы, деморализация войск и истощение конского состава не позволяют надеяться на успех этой операции, и армия перестанет существовать ранее отхода на намеченный рубеж»¹.

Такие тревожные сообщения М. Д. Бонч-Бруевич с начала января 1918 г. периодически отправлял в Петроград², но «ни на одну телеграмму ответа не получил»³. И только 7 марта В. И. Ленин, оценивая состояние старой армии, сделал заключение: «Лучшее, что можно сделать, – это как можно скорее демобилизовать её»⁴.

Верховный главнокомандующий и главнокомандующий Западным фронтом медлили с ответом на вопрос «Как поступить войскам в случае германского наступления?». Уже накануне наступления, 17 февраля, командующий 10-й армией вынужден был «вторично» телеграфно запросить у штаба Западного фронта «скорейших», «вполне определённых указаний: как поступать войскам в случае наступления немцев». При этом командарм предупреждал, что «промедление и неточность в указаниях могут повлечь ненужное кровопролитие»⁵. Чтобы успокоить командарма, начальник штаба Западного фронта полковник Н. В. Соллогуб в тот же день поздно вечером телеграфировал в штаб 10-й армии, что «ввиду близкого срока окончания перемирия главнокомандующим будут даны не позднее утра

¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 350–352.

² См.: Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 350, 362, 369, 375, 377.

³ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам : воспоминания. М. : Воениздат, 1958. С. 232.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 13.

⁵ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 87.

18 февраля исчерпывающие указания о дальнейших действиях войск»¹.

Лишь 18 февраля 1918 г. под грифами «Весьма срочно», «Очень секретно» главкозап А. Ф. Мясников со ссылкой на постановление Западно-фронтового совещания (состоялось 14–15 февраля) и указания Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко телеграфно просил командующих армиями «в срочном порядке» оповестить войска о том, что «в случае нападения немцев оказывать сопротивление в виде партизанских вылазок», в «последнюю минуту вооружить всё надёжное местное население», «эвакуировать казначейскую наличность и самое необходимое штабное имущество 2-й и 10-й армиям в Минск, 3-й в Витебск, а оттуда по его особому указанию в Смоленск. Остальное имущество и пути сообщения уничтожить»².

Факты говорят о том, что такое распоряжение было отдано А. Ф. Мясниковым самолично, не совещаясь с военными специалистами штабов армий и фронта, которые, кстати, не разделяли такого порядка действий. Вот что говорил об этом в переговорах с начальником штаба Западного фронта Н. В. Соллогубом начальник штаба 10-й армии К. И. Рылский – бывший полковник старой армии: «Мясников дал “вполне самостоятельно” указания, которые с военной точки зрения вызывают полное недоумение, а по идее резко расходятся с торжественными заявлениями народных комиссаров, главковерха и главкозапа о том, что мы больше не воюем. Первый же выстрел с нашей стороны развязал бы руки немцам и упростил их юридическое положение, а предложение вооружить жителей для партизанских действий навлекло бы только на них жестокую расправу неприятеля. Одним словом, наше вооружённое сопротивление ничего бы нам не дало кроме напрасной крови... а имущество и территорию всё равно бы потеряли. Не лучше ли

---

¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 91.

² Там же. Л. 92.

попытаться что-нибудь выговорить путём переговоров? Спасём хоть что-нибудь»¹.

Полностью согласившись с ним, начальник штаба Западного фронта Н. В. Соллогуб ответил, что ещё за три дня до наступления противника он предлагал главкозапу А. Ф. Мясникову «подписать директиву, указывавшую армиям определённый способ действий, сводившийся к отводу, не ввязываясь в какой-либо бой». Однако такое предложение А. Ф. Мясниковым было отвергнуто как «не отвечающее обстановке»².

Кроме того, распоряжение главкозапа об оказании сопротивления германским войскам было запоздалым. Оно было передано в войска в день начала наступления противника. К этому времени на фронте, не дождавшись указаний, командующие армиями стали действовать по своему усмотрению. Например, начальник штаба 10-й армии К. И. Рылский от имени командующего армией в телеграмме всем командирам корпусов и начальникам дивизий утром 18 февраля подтверждал, что в случае наступления немцев «вооружённого сопротивления не применять, ввиду объявленного прекращения военных действий. Войскам необходимо спокойно оставаться на местах, а штабам немедленно сообщить штабу армии и предложить немцам войти в переговоры со штабом армии для объяснения цели их движения»³.

18 февраля 1918 г., нарушив условия перемирия, германские войска перешли в наступление на широком фронте от Рижского залива до устья Дуная. На Западном фронте в этот день действия противника начались ранним утром открытием артиллерийского огня и выступлением конных и пеших разведывательных отрядов, а также разведывательными полётами аэропланов. Под влиянием артстрельбы и полётов авиации противника, при отсутствии необходимых сил для отражения наступления противника в занимавших

¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 117

² Там же.

³ Там же. Л. 88.

позицию войсках начались паника и их беспорядочное отступление¹. В первые же часы штабы армий и фронта потеряли управление войсками. Была нарушена связь между корпусами.

21 февраля в 11 часов 30 минут начальник штаба армий Западного фронта Н. В. Соллогуб телеграфно направил донесение в Петроград в Генеральный штаб и в Ставку Верховного главнокомандующего о положении на Западном фронте к вечеру 20 февраля, из которого следовало: «В третьей армии германские разъезды вызвали панику, которая постепенно улеглась. Наступление крупных сил не обнаружено. Работы по демобилизации продолжаются». Штаб армии и армейский Совет находились в Полоцке. В районе 10-й армии «ст. Радошковичи занята крупными силами немцев, которые продолжают наступление на Минск». Штаб 10-й армии выехал из Молодечно, и его местонахождение не было известно. В зоне действий 2-й армии «днём 20 февраля г. Несвиж был занят германской пехотой, которая продвигалась далее на Клецк, Слуцк, Бобруйск, дошла до Киевичи... Через Слуцк дезорганизованно отступали в беспорядке солдаты 9-го корпуса». Часть армейского комитета «исчезла из Слуцка». Командующий армией и штаб оставались в Слуцке, так как «не имели перевозочных средств для выезда»².

Далее в телеграмме сообщалось, что «19 февраля по получении известия о приближении немцев Мясников и советские власти разными путями решили покинуть Минск. Вследствие происшедшей паники и недоразумений с железнодорожниками никто организованно не выехал и эшелон Мясникова отошёл с большим трудом. При таких условиях я, штазап (штаб Западного фронта. – М. С.) вынуждены были остаться в Минске. Власть в городе перешла в руки польских и белорусских военных организаций, действующих в контакте с Довбор-Мусницким. Прибытие германцев

¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 27. Л. 110.

² Там же. Д. 2001. Л. 5–6.

в Минск можно ожидать к вечеру сегодня 21 февраля и к этому же времени возможен и приход сюда Довбор-Мусницкого»¹.

О судьбе штаба фронта в этой же телеграмме Н. В. Соллогуб сообщил следующее: «Вследствие создавшегося положения я нахожу бесцельным существование штаба и сегодня утром отдал приказ о его расформировании»².

Следует сказать, что обстоятельства менялись очень стремительно. Пока начальник штаба фронта передавал эту телеграмму, противник уже вступил в Минск. Об этом говорят последние слова Н. В. Соллогуба: «Сейчас передовые части германцев и корпус генерала Довбор-Мусницкого вошли в Минск»³.

В результате неорганизованного отступления части и соединения Западного фронта понесли большие потери в вооружении, войсковом имуществе и личном составе. Не имевшие для передвижения средств, многие штабы остались на месте и были захвачены противником. В тылах противника остались штаб 2-й армии с подведомственными ему учреждениями, гренадерский и 9-й армейский корпуса, части и соединения 3-го Сибирского и 50-го армейского корпусов 2-й армии; 38-й и наполовину 3-й армейские корпуса 10-й армии; штаб 35-го армейского корпуса 3-й армии, другие соединения и части. Кроме того, противнику достались огромные склады дорогостоящего вооружения и войскового имущества, сосредоточенных на железнодорожных станциях для вывозки в глубокий тыл, но не эвакуированных из-за полной дезорганизации железнодорожного движения и развала транспортных средств.

За несколько дней германские войска, фактически не встречая сопротивления, захватили значительную территорию. До конца февраля немцы оккупировали Могилёв,

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2001. Л. 6–7.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 8.

Полоцк, Гомель, угрожали Витебску, Орше и другим городам и местечкам Беларуси.

Следует сказать, что сформированные к этому времени красногвардейские отряды и выделившиеся из состава старой армии революционные части были малочисленны и не были способны вести борьбу с хорошо вооружёнными и снабжёнными многочисленными войсками противника. К началу 1918 г. в Российской республике Красная гвардия насчитывала 150 тыс. бойцов. Численность революционных войск не превышала 50–70 тыс. человек. В Беларуси и на Западном фронте отряды Красной гвардии и революционных солдат насчитывали в своих рядах около 20 тыс. человек.

Советское правительство и народный комиссар по военным делам настойчиво искали пути создания вооружённых сил. 13 декабря 1917 г. вопрос о создании новой социалистической армии рассматривался на заседании военной организации ЦК РСДРП(б). 14 декабря этот же вопрос обсуждала Коллегия Наркомата по военным делам с участием делегатов, прибывших на общеармейский съезд по демобилизации армии. Этот съезд проходил с 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. и имел важное значение в строительстве вооружённых сил страны Советов. На съезде, наряду с вопросами демобилизации старой армии, обсуждалось создание новой военной организации. На одном из заседаний присутствовал председатель Совнаркома В. И. Ленин. В ходе этого заседания народным комиссаром по военным делам Н. И. Подвойским был предложен проект основных условий создания Красной Армии на добровольческих началах, с обеспечением семей добровольцев натуральным довольствием. В целом разделяя эти предложения, В. И. Ленин указал на тяжёлое положение республики и на настроение утомлённых войной трудящихся масс, при котором будет трудно вести агитацию за создание новой армии. На заседании была оглашена анкета, подготовленная В. И. Лениным, которая содержала ряд вопросов, касающихся возможности

сопротивления старой армии немецкому наступлению¹. Ответы делегатов съезда указали на неспособность старой армии задержать наступление германских войск. Они подтвердили низкое политическое и моральное состояние старой армии, её небоеспособность и помогли определить пути создания новой армии.

Создание Красной Армии законодательно закреплялось в принятой 3 января 1918 г. «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В этом документе впервые было закреплено название «Красная Армия»².

Важным моментом в создании новых вооружённых сил стало обсуждение военного вопроса на совещании делегатов 3-го Всероссийского съезда Советов, состоявшегося 10–15 января 1918 г. Делегаты одобрили проект Декрета Совнаркома о создании Красной Армии, который 15 января был принят Совнаркомом и обнародован в печати. Согласно Декрету, в ряды Красной Армии вступали граждане не моложе 18 лет, готовые отдать свои силы и жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции. Принимались в армию по рекомендации партийных, профсоюзных и других общественных организаций, стоявших на платформе советской власти. Сразу же после опубликования Декрета Совнаркома об организации Красной Армии местные Советы, их военные отделы и штабы по формированию развернули работу по созданию отрядов Красной Армии. В первую очередь в Красную Армию записывались рабочие Петрограда и Москвы.

Началось создание частей Красной Армии и в белорусских губерниях. Этот вопрос обсуждался на губернских, уездных и волостных съездах Советов. В первую очередь добровольцами стали записываться рабочие Витебска: уже в феврале 1918 г. в Красную Армию тут вступили 1242 человека. Из добровольцев были сформированы 1-й и 2-й красноармейские батальоны им. Витебского Совета. Кроме

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 179–180.

² Там же. С. 222.

того, здесь были сформированы 4-й Варшавский полк из перешедших на сторону Советской власти солдат-поляков 1-го польского корпуса Довбор-Мусницкого, а также кавалерийский полк из солдат-латышей старой армии¹.

Вербовка добровольцев и формирование отрядов Красной Армии проводилась местными Советами Могилёвской губернии: в Орше за одну неделю записались около 300 человек, в Климовичском уезде вступили несколько сот добровольцев, в Гомеле добровольцами записались рабочие железнодорожных мастерских, в Сенно, Черикове, Толочине в Красную Армию охотно записывались крестьяне. К середине февраля 1918 г. в Могилёве в Красную Армию вступили более 2 тыс. человек, из которых стал формироваться 1-й Могилёвский полк. В это же время организовывались 1-й и 2-й Гомельские красноармейские батальоны.

30 января 1918 г. начал запись добровольцев в Красную Армию военный отдел Минского Совета. Сотни рабочих и крестьян выразили готовность встать на защиту Советской власти. Всего здесь записались 5 тыс. человек.

Широкую работу по организации Красной Армии развернули ВРК и штабы на Западном фронте. С этой целью создавались специальные органы по вербовке добровольцев и формированию частей. Так, 23 января на заседании Совета 3-й армии была создана коллегия в составе С. А. Анучина, М. С. Хомутова, И. Л. Когана, И. Царёва. К 15 февраля в 3-й армии в Красную Армию записались 500 солдат. Запись проводилась во 2-й и 10-й армиях. Всего до середины февраля 1918 г. на Западном фронте в Красную Армию вступили около 5 тыс. добровольцев².

Следует сказать, что все эти отряды были немногочисленны, разрозненны, не имели спланированной координации действий и потому серьёзной военной силы не представляли.

---

¹ Селиванов П. А. На защите завоеваний Октября: из истории борьбы большевиков Белоруссии за создание советской военной организации (октябрь 1917 – 1918 г.). Минск : Беларусь, 1971. С. 60–61.

² Селиванов П. А. На защите завоеваний Октября... С. 62–63.

Только некоторые ВРК, штабы и командиры совершали попытки организовать сопротивление, вступали в бой с противником. Вооружённый отпор оказали 266-й Пореченский полк 35-го армейского корпуса 3-й армии, 60-й Сибирский стрелковый полк и 1-й социалистический отряд 3-го Сибирского корпуса 2-й армии. Делались попытки к организованному отступлению с оказанием сопротивления со стороны командира 50-го армейского корпуса¹.

Советское правительство принимало все меры к тому, чтобы добиться прекращения германского наступления. В ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. Совнарком радиограммой сообщил германскому правительству о согласии подписать мир, но немцы продолжали наступать. Были захвачены многие города РСФСР, пал Псков, нависла угроза над Петроградом. Интервенты захватили Полоцк, Оршу, Могилёв, Гомель, Минск, подошли к Витебску. Над Советской страной нависла смертельная угроза.

21 февраля 1918 г. советское правительство обратилось к трудящимся страны с воззванием «Социалистическое Отечество в опасности!», в котором призвало трудящихся к вооружённой защите страны Советов от полчищ империалистической Германии². 22 февраля начальник штаба Ставки М. Д. Бонч-Бруевич от имени Верховного главнокомандующего отдал приказ войскам об организации обороны, в котором предписывалось всем Советам, командирам и начальникам войсковых частей, расположенных в районе Нарвы, Пскова, Невеля, Витебска, Орши, Могилёва, Жлобина, Мозыря, Раздельной, Одессы, задерживать отступающие части старой армии и сосредотачивать их в указанных районах для приведения в боеспособность и организации отпора противнику³.

---

¹ Селиванов П. А. На защите завоеваний Октября... С. 65–66.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 359–360.

³ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 402–403.

23 февраля 1918 г. главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников объявил приказ о мобилизации всех сил на борьбу с германскими оккупантами. Для организации сопротивления германским войскам на линии Витебск – Орша – Могилёв – Гомель были выдвинуты Витебский, Оршанский, Могилёвский отряды и 2-я революционная армия. Им приказывалось «малой войной» задержать продвижение противника. Эти войска выдвинулись к Полоцку, Борису и на Бобруйское направление.

Упорная борьба с германскими войсками развернулась при их направлении на Оршу. На пути продвижения противника создавались различные препятствия: был взорван мост через Березину у Борисова. На поддержку находившимся на этом направлении Оршанскому, Невельскому и Сенненскому полкам главнокомандующим Западным фронтом А. Ф. Мясниковым был направлен прибывший в его распоряжение в Смоленск из центральных губерний России 1-й Московский красногвардейский отряд особого назначения численностью 500 человек под командованием А. А. Знаменского. Московские красногвардейцы вместе с оршанскими сходу вступили в бой с противником под Толочином и нанесли ему серьёзное поражение. В бою захватили ценные трофеи, в том числе важную штабную переписку германского генерала Гофмана, которая была затем передана главкозапу и использована в планах борьбы с оккупантами¹. Второй удар 1-м Московским отрядом совместно с прибывшим из Витебска красногвардейским конным отрядом численностью 250 кавалеристов под командованием Севрюкова был нанесён под Толочином белополякам. Днём позже на поддержку названным двум отрядам прибыл ещё один белорусский красногвардейский отряд численностью 200 человек под командованием Костерина. Совместными действиями

---

¹ Хохлов А. Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). Минск : Наука и техника, 1965. С. 173–174.

отряды нанесли серьёзное поражение превосходящему по численности германскому гусарскому отряду войск под Кохановым¹.

Борьба против германских войск в Витебской губернии была организована Витебским революционным штабом, располагавшим силами 5-го красногвардейского полка численностью 500 бойцов, 1-го революционного батальона поляков – 250 человек, латышского отряда – 200 и отрядом красногвардейцев-подрывников – 75 человек. Причём, согласно приказу Витебского революционного штаба «всех сознательных рабочих и крестьян, стоящих на советской платформе, немедленно вооружить и поставить на защиту революции», в городе и губернии создавались добровольческие отряды Красной гвардии, в которые только в Витебске ежедневно вступали более 60 добровольцев².

При наступлении германских войск в направлении Бешенковичей навстречу им из Витебска выступил конный отряд, который внезапно атаковал и захватил противника в д. Свеча. Витебские красногвардейцы приостановили наступление германцев в районе станции Горяны, совместно со смоленскими бойцами дали бой противнику в районе станции Ловша.

На Бобруйское направление, к Жлобину и Калинковичам были выдвинуты авангарды для задержания противника и порчи путей. Предполагалось также подготовить часть отрядов для ведения партизанской борьбы. К строительству оборонительных сооружений привлекалось всё трудоспособное население. Упорные и кровопролитные бои развернулись в районе Калинковичей, Жлобина и Речицы. 24 февраля советские войска выбили противника из Калинковичей, но в связи с подходом германских резервов вынуждены были отступить. Под Жлобином противник потерял

---

¹ Хохлов А. Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). С. 175.

² Там же. С. 177.

400 человек убитыми. Речица несколько раз переходила из рук в руки¹.

Наступление германских войск со стороны Жлобина и Речицы угрожало Гомелю. Красноармейцы оказывали врагу упорное сопротивление. В районе Красного Берега было отбито несколько атак превосходящих сил противника. Укреплению советских войск под Гомелем способствовало возвращение из Киева отряда во главе с командующим революционными силами Гомельского участка фронта Р. И. Берзиным и обращение последнего с воззванием ко «всем рабочим и крестьянам» с призывом записываться в «народно-социалистическую гвардию». Это сыграло важную мобилизующую роль в организации Красной Армии в Гомельском уезде. Для вооружения созданных в деревнях отрядов на каждую волость было выдано по 1 тыс. винтовок с патронами. Наступление германских войск было приторможено. Это позволило эвакуировать из Гомеля ценное имущество: около 600 тыс. винтовок, около 400 пулемётов, запасные части паровозов и вагонов, состав из 10 вагонов с медью и бронзой, весь подвижной состав пассажирских вагонов².

Приказом А. Ф. Мясникова весь район Западного фронта и области был объявлен на военном положении. Начал создаваться Западный революционный фронт под командованием Р. И. Берзина. В его составе образовались 1-я и 2-я революционные армии и местные революционные отряды. На ряде участков фронта было организовано отражение натиска германцев. Стойко держались революционные части на правом фланге Западного фронта, оборонявшие Витебск и Оршу под командованием большевиков С. Н. Крылова,

---

¹ Антонов А. Е. Разгром австро-германских интервентов на Украине и в Белоруссии в 1918 г. // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.: сб. ст. М. : Политиздат, 1956. С. 118–119.

² Хохлов А. Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). С. 171.

М. Д. Кафиева и Н. А. Ефимова. Ими враг был задержан на линии Невель – Витебск – Орша – Могилёв. Активно действовали созданные части Красной Армии, народной социалистической и Красной гвардии на линии Могилёв – Быхов – Рогачёв под командованием Чердынцева. Отпор германским войскам был дан на участке в районе Жлобина латышскими стрелками под командованием И. И. Вацетиса.

В направлении Гомеля, Добруша, Новозыбкова оказали сопротивление части и отряды 1-й революционной армии Западного фронта. В бою на станции Добруш отличился Московский отряд Красной гвардии.

Несмотря на самоотверженную борьбу частей Красной Армии и отрядов Красной гвардии, германские войска, пользуясь превосходством в живой силе и вооружении, продолжали наступление. Даже после подписания 3 марта 1918 г. мирного договора противник продолжал продвижение до его ратификации в течение двухнедельного срока. Агрессор, стремясь захватить как можно большую территорию, подтянул новые силы и перешёл в наступление восточнее Гомеля. Красногвардейские отряды оказывали сопротивление, переходили в контратаки. Дали ожесточённый бой противнику в районе деревни Головинцы и разъезда Ларишево. Чтобы сломить сопротивление, интервенты пустили бронепоезд. Только это заставило бойцов отступить к разъезду Закопытье¹.

Для борьбы с интервентами на Гомельском участке в марте формировались новые подразделения Красной Армии. Например, были сформированы отряды в г. Чечерск численностью 100 бойцов, в деревнях Раковичи, Рагинь, Носовичи, Жгунь – более 30 человек в каждой. Отряды вступали в борьбу с германскими войсками объединёнными силами. Так, в бою у д. Липа (севернее Гомеля) Носовичский, Раковичский и Чечерский отряды окружили подразделение противника численностью в 100 человек. На предложение

---

¹ Хохлов А. Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). С. 178.

сложить оружие последние отказались и открыли огонь. Красногвардейцы бросились в штыковую атаку с применением ружейно-пулемётного огня. Противник отступил с большими потерями убитыми и ранеными¹.

В районе Ветки 2-й Гомельский отряд Красной гвардии в трёхчасовом бою нанёс поражение германским войскам: были убиты 70 солдат, взяты трофеи – винтовки и два пулемёта, 160 голов скота. Более пяти часов сражался отряд с противником под Дубовым Логом: были убиты около 100 германских солдат. В отряде были раненые. Успеху красногвардейцев способствовали хорошее вооружение и знание местности. Продвигаясь с боями в сторону Добруша, отряд освободил д. Марьино. В ходе рейда ряды красногвардейцев выросли: от 170 бойцов до 300. В районе Добруша 2-й Гомельский отряд соединился с 1-м Гомельским отрядом. К ним присоединялись отряды ближайших деревень. 7 марта объединённые силы красногвардейцев выбили германцев из Добруша. В бою было убито 150 солдат противника, захвачен бронепоезд и много оружия². В разгар ожесточённого боя на поддержку к белорусским красногвардейцам прибыл 1-й Московский отряд Красной гвардии. Успеху способствовало также присоединение к отряду красногвардейцев ближайших деревень.

Новые отряды численностью 50–70 бойцов в это время были организованы юго-восточнее Гомеля, в деревнях Крупец, Перерост, Корма и Хорошевка. Объединённые силы этих отрядов более двух суток вели бой в районе д. Корма. Противнику был нанесён урон в 400 солдат и офицеров. Потери красноармейцев составили 27 человек³.

Следует сказать, что, несмотря на героическое сопротивление красноармейских и красногвардейских отрядов, германским захватчикам, имевшим огромное превосходство

---

¹ Хохлов А. Г. Красная гвардия Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917 – март 1918 г.). С. 178–179.

² Там же. С. 179–181.

³ Там же. С. 181.

в боевых средствах и живой силе, до середины марта удалось занять почти всю территорию Беларуси. 15 марта 1918 г. из Витебска в телеграмме, адресованной IV Чрезвычайному съезду Советов, сообщалось: «Немецкие контрреволюционные отряды, не ожидая ратификации мирного договора, 13 марта начали наступление на Витебск, заняли местности от Полоцка до Ушачи, от Орехова до Мстижа, от Докшицы до Пышно, Лепеля, а 15 марта приблизились на 6 вёрст к Бочейково. Наши отряды мужественно защищают революционную страну. Потери обеих сторон значительны»¹.

Согласно грабительскому мирному договору, подписанному 3 марта 1918 г., огромная территория белорусских губерний была оккупирована германскими войсками. Линия фронта проходила западнее Витебска, на юг (по Днепру) и восточнее Гомеля. Не занятыми противником остались только шесть уездов: Климовичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, Витебский, Городокский; частично неоккупированными восемь уездов: Горецкий, Могилёвский, Оршанский, Быховский, Гомельский, Рогачёвский, Лепельский и Сенненский Витебской и Могилёвской губерний. Попытки германских войск после заключения мира захватить новые территории были предотвращены. В марте 1918 г. для охраны западных границ Высший военный совет Советской республики создал заградительный участок «Завесы», в который вошли Витебский, Оршанский, Смоленский отряды, а также Рославльская и Брянская группы революционных отрядов. Эти силы сдерживали наступление германских войск в глубь Советской России².

---

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 52. Д. 93. Л. 42.

² Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. Ч. 2. С. 39.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРЕСТСКОГО
МИРНОГО ДОГОВОРА.
ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ В 1918 г.**

Переговоры о заключении мирного договора между Советской Россией и государствами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция) начались в Брест-Литовске 9 декабря 1917 г. Советскую делегацию возглавил А. А. Иоффе, в её составе были Л. Б. Каменев, М. Н. Покровский, А. А. Биценко, Л. М. Карахан, военные консультанты В. М. Альтфатер, А. А. Самойло и др. Со стороны Четверного союза в мирных переговорах участвовали от Германии – статс-секретарь ведомства иностранных дел Р. Кюльман и начальник штаба Восточного фронта генерал М. Гофман, от Австро-Венгрии – министр иностранных дел О. Чернин, от Болгарии – министр юстиции Х. И. Попов, от Турции – великий визирь М. Тлаат-паша¹.

На первом заседании советская делегация предложила положить в основу переговоров по заключению всеобщего демократического мира свою программу их ведения, в основе которой были следующие положения:

1. Отказ обеих сторон от насильственного присоединения оккупированных во время войны территорий и вывод оттуда оккупационных войск.
2. Восстановление во всей полноте политической самостоятельности тех народов, которые лишились её в ходе войны.
3. Гарантирование национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, права на самоопределение.

---

¹ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. С. 417.

4. Законодательное оформление культурной самостоятельности и административной автономии национальных меньшинств.

5. Отказ от взыскания с других государств контрибуций и «военных издержек».

6. Предоставление колониям независимости и политической самостоятельности в соответствии с принципами, изложенными в пунктах 1–4¹.

Совершенно противоположными принципами руководствовались представители стран Четверного союза, и прежде всего Германия, руководящие военно-политические круги которой провели несколько совещаний с целью определения своей позиции на предстоящей мирной конференции в Брест-Литовске. В основу их программы мирных переговоров были положены директивы генерала Э. Людендорфа, дополненные и конкретизированные на совещании 5 декабря 1917 г. в Главной штаб-квартире под председательством Вильгельма II, сводившиеся к аннексиям и контрибуции: присоединение к Германии Литвы и Курляндии (в том числе Рига и Моонзундские острова); вывод российских войск из Финляндии, Эстляндии, Лифляндии, Молдавии, Восточной Галиции и Армении; признание независимости Польского Королевства и его связей с Центральными державами и другие условия².

Однако так как советская делегация настаивала и добилась обязательной публикации отчётов о ходе переговоров, делегаты Четверного союза, чтобы не разоблачать себя перед всем человечеством как сторонников агрессии и захватов чужих территорий, вынуждены были согласиться с условиями подписания мирного договора, предложенными советской стороной. При этом они сделали оговорку: лишь при условии, если их признают все страны Антанты. Эта оговорка сводила на нет согласие Германии и её союзников

¹ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. С. 418.

² См. об этом: Трацяк С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы у Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. С. 22.

на мир без аннексий и контрибуций, так как правительства стран Антанты, не признав установления Советской власти в России, уже не ответили на предложение советского правительства «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» от 26 октября 1917 г.

15 декабря 1917 г. в работе мирной конференции по просьбе советской делегации был объявлен десятидневный перерыв для выяснения вопроса с союзниками России по Антанте. 17 декабря нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий направил народам и правительствам Антанты и США «с последним предложением принять участие в мирных переговорах» и предупреждением, что в случае отказа вина за возможное не заключение всеобщего и подписание сепаративного мира ляжет «на империалистические круги стран Антанты и США»¹. Это обращение снова осталось без ответа. Германцы тут же этим воспользовались. Статс-секретарь ведомства иностранных дел Р. Кюльман, выступая от имени Центральных держав на возобновившей 27 декабря 1917 г. свою работу мирной конференции, ссылаясь на позицию Антанты, заявил о категорическом отказе продолжать переговоры на основе советских предложений о всеобщем мире и подчеркнул, что теперь речь может идти лишь о заключении сепаратного мира.

Советское правительство должно было решить: или заключить вынужденный аннексионистский мир со странами Четверного союза, или продолжать войну против заведомо сильного в военном отношении противника. В. И. Ленин предложил советской делегации назначить перерыв в переговорах и выехать в Петроград для решения вопроса.

При обсуждении вопроса о заключении сепаратного мира в ЦК РСДРП(б) и на 3-м Всероссийском съезде Советов большинство голосов поддержало предложение Л. Д. Троцкого немедленно отклонить немецкие условия мира, пре-

---

¹ Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Мінск : БелЭн, 1994. Т. 2 / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. С. 102.

кратить переговоры и объявить странам Четверного союза «революционную войну». Такую позицию разделяли «левые коммунисты», единомышленники Троцкого, а также левые эсеры, представители которых входили в состав советского правительства, рассчитывавшие на «мировую революцию»¹. Председатель Совнаркома В. И. Ленин резко выступил против такой позиции, объясняя это тем, что измученные войной страна и армия нуждаются в передышке, для чего необходимо немедленное заключение мира.

Сторонникам В. И. Ленина удалось провести предложение всячески затягивать переговоры о мире, чтобы выиграть время для убеждения колеблющихся в необходимости подписания мирного договора и использовать переговорные дискуссии для пропаганды с целью подъема международного (прежде всего в Западной Европе) рабочего движения за прекращение войны, приближение мировой революции. С такой установкой советская делегация, возглавляемая наркомом по иностранным делам Л. Д. Троцким, 24 декабря 1917 г. выехала в Брест-Литовск.

Второй этап переговоров начался 27 декабря 1917 г. В центре дискуссии участников конференции оказались вопросы, связанные с понятием «самоопределение наций». Германцы потребовали признания права на самоопределение для Курляндии, Литвы, Лифляндии, Польши и Эстляндии. Советская делегация утверждала, что самоопределение в условиях германской оккупации этих земель невозможно и потребовала вывести германские войска с захваченных территорий. Однако положение советской делегации осложнилось занятой позицией делегации Украинской Рады, руководитель которой В. А. Голубович на заседании 28 декабря заявил о непризнании власти Совнаркома Российской Республики над Украиной и о самостоятельном участии делегации Рады в конференции, о неприемлемости будущего

---

¹ Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. С. 321–322.

российско-германского мира для Украины. На конференцию прибыли также белорусская (С. Рак-Михайловский, И. Середа, А. Цвикевич) и польская делегации. Троцкий согласился признать полномочия украинской делегации, но выступил против участия в конференции представителей Беларуси и Польши, как ещё не получивших самоопределения и не признанных советским правительством государств. Немцы с этим согласились, и белорусская делегация присутствовала на конференции в составе украинской с правом совещательного голоса¹.

Делегация Украинской Центральной Рады грубо нарушила соглашение, согласно которому была допущена на переговоры, и заняла антисоветскую позицию. Германская делегация воспользовалась заявлением, согласилась с решением Центральной Рады о выходе из состава России и создании независимой Украинской Народной Республики (УНР), признала её и подписала с представителями УНР договор, по сути, явившийся основанием для оккупации Украины австро-германскими войсками. Украинская Центральная Рада отказывалась от претензий на Восточную Галицию и Буковину и заключала кабальное экономическое соглашение с германо-австрийцами. Северная граница УНР была проведена от Мельника через Высоко-Литовск, Каменец-Литовск, Пружаны до оз. Выгоновское и прирезала часть территории Беларуси с Брестом, Кобриным и Дрогичиным.

Кроме того, руководитель германской делегации Кюльман в ультимативной форме потребовал от советской делегации ответа на предложенные ранее условия заключения мира. Руководитель советской делегации Л. Д. Троцкий на второй день, 28 января, на заседании политической комиссии выступил с декларацией, основанной на решениях 3-го съезда Советов, и от имени Совнаркома заявил, что Россия отказывается от подписания аннексионистского мира, войну прекращает и армию демобилизует. Глава германской делегации указал Троцкому, что в случае отказа заключить

---

¹ Энциклопедія гісторыі Беларусі. Т. 2. С. 102.

мир «договор о перемирии теряет своё значение, и по истечении предусмотренного в нём срока война возобновляется». Троцкий категорически заявил о невозможности продолжения переговоров, и советская делегация выехала из Брест-Литовска.

Троцкий и его сторонники исходили из того, что немцы не смогут выступить против Советской России из-за революционного подъёма в Германии и Австро-Венгрии. 14 февраля 1918 г. брестскую декларацию поддержал ВЦИК Советов.

18 февраля австро-германские войска развернули наступление по всему фронту под кодовым названием «фаустшлаг» («удар кулаком»). В этот же день, 18 февраля, утром, на совместном заседании Центрального и Петроградского комитетов РСДРП(б) В. И. Ленин сделал последнюю попытку переубедить своих соратников в необходимости принять германский ультиматум, но без успеха. Предложение Ленина было отклонено. Только после того, как стало известно, что немецкие войска заняли Двинск, Ленин настоял на возобновлении переговоров. Его предложение в ЦК партии большевиков приняли с перевесом в два голоса¹. Утром 19 февраля В. И. Ленин от имени СНК РСФСР радиogramмой сообщил германской стороне о согласии на подписание мира. Однако наступление германских войск продолжалось. Противник занял Несвиж, Слуцк, Минск. 21 февраля советское правительство обратилось к трудящимся страны с воззванием «Социалистическое Отечество в опасности!», в котором призвало к вооружённой защите страны «от полчищ буржуазно-империалистической Германии»².

Немцы с ответом сознательно медлили, чтобы захватить большую территорию. Только 23 февраля 1918 г. в Петрограде был получен от них новый ультиматум, в котором содержались ещё более тяжёлые условия подписания мира.

¹ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М. : РОССПЭН, 2014. С. 948.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 359.

Помимо утраты оккупированных территорий Россия обязывалась вывести войска с Украины, объявившей себя независимой, и заключить с Центральной Радой сепаратный мир, а также с территориями Финляндии и Прибалтики. Кроме того, Турции передавались территории Карса, Ардагана и Батума. Было выдвинуто требование контрибуции в 6 млрд марок¹.

Угрожая отставкой, Ленин добился согласия ЦК большевистской партии на принятие германского ультиматума. 24 февраля ВЦИК решил принять германские условия. На новые переговоры была направлена делегация в составе Г. Сокольников, Л. Карахана, Г. Петровского, Г. Чичерина. 3 марта 1918 г. в 17 часов 30 минут российская делегация подписала договор на германских условиях. Согласно договору, от России отторгалась Польша, большая часть Беларуси, Прибалтика; Турции передавались округа Ардагана, Карса и Батума. Советское правительство должно было признать договор между Германией и Украинской Центральной Радой и определить границу России с Украиной.

По условиям Брестского мирного договора большая часть белорусских земель (170 тыс. км²) к западу от демаркационной линии оставалась под германской оккупацией. Неоккупированными остались только 14 уездов Витебской и Могилёвской губерний: Витебский, Городокский, Климовичский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский; частично Оршанский, Быховский, Гомельский, Горецкий, Лепельский, Могилёвский, Рогачёвский и Сенненский².

В сложившейся ситуации перед советскими органами власти встал вопрос об административно-территориальном устройстве свободных от оккупации уездов Витебской и Могилёвской губерний. На состоявшемся 10–14 апреля 1918 г. в Смоленске 2-м съезде Советов Западной области было принято решение об учреждении Западной области в составе Смоленской, Могилёвской, Витебской и Минской губерний, имевших много общего в географическом, эконо-

---

¹ Россия в годы Первой мировой войны... С. 949.

² Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. С. 103.

мическом и этнографическом отношениях. Создание области диктовалось необходимостью восстановления разрушенного войной хозяйства. Областным центром этого территориального образования временно стал Смоленск. В свою очередь оккупированные Германией белорусские земли, согласно условиям мирного договора, были поделены по линии Двинск – Свенцяны – Лида – Пружаны – Брест-Литовск. Германцы ориентировались на создание «малой Литвы» с присоединением к этнической Литве части белорусских земель, в том числе Виленщины и Гродненщины. Остальная часть территории Беларуси рассматривалась как прерогатива Российской Федерации. Земли южнее Полесской железной дороги, согласно договору с Центральной Украинской Радой, передавались Украинской Народной Республике: Гомельский, Пружанский, Кобринский, Речицкий, Мозырский, Пинский и Брестский уезды¹.

Следует сказать, что иностранная военная интервенция на территории Беларуси началась уже в начале января 1918 г. контрреволюционными действиями польского корпуса под командованием генерала И. Р. Довбор-Мусницкого. Ещё в ноябре–декабре 1917 г. части корпуса под видом охраны имущества помещиков-поляков неоднократно выступали против мероприятий, проводимых советскими органами власти и реализуемых местными крестьянами в соответствии с Декретом о земле². По распоряжению своих штабов польские уланы препятствовали земельным комитетам брать на учёт земельные владения и имущество в помещичьих имениях, избивали крестьян. Такие факты имели место в Витебской, Могилёвской и Минской губерниях.

Советские власти стремились к мирному решению всех спорных вопросов. Главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников в приказе от 29 ноября 1917 г. об устране-

---

¹ Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. С. 39.

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 258–260, 323–324, 348–349.

нии препятствий со стороны польских войск в проведении Декрета о земле на местах, констатируя факты поступавших жалоб от крестьян на польских улан «со всех концов Минской (да не только Минской) губернии», ссылаясь на постановления 1-го Всероссийского съезда военных поляков, в которых было заявлено, что «польские войска не имеют права вмешиваться во внутренние дела российских народов», «польский солдат, как свободный гражданин Польши, не принимал, не принимает и не будет принимать участия во внутренних столкновениях в России», считал «происходившее недоразумением». Он предлагал командиру польского корпуса «скорее стянуть вверенные ему части в отведённый Верховным главнокомандующим для корпуса район» Орша – Смоленск – Жлобин¹.

Однако командование 1-го Польского корпуса, не признавшее Советской власти, не собиралось прислушиваться к её призывам, не реагировало на их обращения. Бесчинства, грабежи, насилие легионеров над местными жителями продолжались. 10 декабря 1917 г. Лепельскому землячеству в Петрограде, по сообщениям специально направленных в Лепельский уезд Витебской губернии делегатов, стало известно, что «в Лепельском уезде... в Коптевичской, Смолянской, Бочейковской, Бешенковичской, Станиславской и других волостях прибыли и расквартировались по именным... неизвестные части войск, именуя себя “польскими легионами”, которые навели панику на население, разгоняя волостные комитеты и отнимая у крестьян хлеб, скот и фураж, а также агитируют в контрреволюционном направлении против Рабоче-Крестьянского Правительства – Совета Народных Комиссаров и Лепельского военного комиссара...»² В это же время о «столкновениях польских легионов с представителями земельных комитетов, чинимых препятствиях осуществлению земельной реформы, защите интересов

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 323.

² Там же. С. 486–487, 512.

польских помещиков сообщалось из Могилёвской губернской земской управы Учредительному собранию¹.

Сообщения заканчивались обращением в адрес народного комиссара по военным делам, Учредительного собрания «сделать распоряжение о прекращении бесчинств» польских легионов, «немедленном уводе польских войск». При этом Могилёвская губернская земская управа, считая, что «одним уводом» этих войск с целью «обеспечения внутреннего порядка в губернии» и решения земельного вопроса «не разрешить» проблемы в целом, требовала «положить конец их использованию польской реакционной буржуазией в качестве своего орудия вообще» и против «польской демократии, польских рабочих и крестьян и самих польских солдат» в частности; считала долгом польских социалистов «обратить внимание на положение дел в легионах и усилить там свою работу», а Верховному командованию российских революционных войск помочь «рядовой массе польских легионов и поскорее освободиться от своих реакционных командиров...»²

14 декабря 1917 г. в связи с невыполнением предписания Верховного главнокомандующего командиру польского корпуса в проведении демократизации в польских частях, о переходе корпуса на отведённый ему участок в Могилёвской губернии, о ликвидации жалоб на польские войска, временно исполняющий должность Верховного А. Ф. Мясников издал приказ, в котором было предписано польский корпус подчинить Западному фронту с обязательством «исполнять все приказы, приказания и распоряжения его главнокомандующего»; предложено «немедленно приступить к демократизации частей в духе российской армии». Временный исполняющий должность Верховного главнокомандующего русской армии предупреждал, что «в случае неисполнения этих требований» им «незамедлительно будут приняты

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 516–517.

² Там же. С. 486–487, 512.

самые крайние меры»¹. Главнокомандующему армиями Западного фронта приказывалось «сейчас же зачислить польский корпус в состав одной из армий фронта и сделать распоряжение о передвижении всех... польских частей в район расположения всех корпусов фронта». Для выполнения изложенного в приказе определялся срок до 1 января 1918 г. Этот приказ не был исполнен.

11 января 1918 г. командир 1-го Польского корпуса И. Р. Довбор-Мусницкий телеграфно сообщил Верховному главнокомандующему и главнокомандующему Западным фронтом о том, что с 12 часов 12 января корпус находится в состоянии войны с Советской Россией. Имея численное превосходство в живой силе (25–27 тыс. легионеров против 9,5–10 тыс. красногвардейцев) и в вооружении, мятежный генерал двинул свои части на Могилёв, Жлобин и Бобруйск. До 24 января легионеры захватили Рогачёв, Бобруйск, развернули наступление на Слуцк и Минск; стремились соединиться с войсками Украинской Центральной Рады, выступившими против Советской России, вступили в связь со штабом германских войск и стали действовать по их указке. Польские интервенты преследовали цель присоединить захваченные земли Могилёвской и Минской губерний к ещё не созданному Польскому Королевству.

Таким образом, в результате заключения Брест-Литовского мирного договора между Советской Россией и Германией с её сателлитами белорусские земли оказались разрезанными на части. Большая часть территории была оккупирована германскими войсками; семь уездов (Брестский, Кобринский, Пружанский, Пинский, Мозырский, Речицкий и Гомельский), образовавших Полесскую область, переданы германцами Украинской Центральной Раде за её вооружённую поддержку против Советской России; территория пяти уездов Минской и Могилёвской губерний – в треугольнике Могилёв, устье р. Березина, Слуцк – составляла

---

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 516–517.

район оккупации 1-го польского корпуса Довбор-Мусницкого; 14 неоккупированных (6 полностью и 8 частично) уездов восточной части Витебской и Могилёвской губерний были присоединены в состав Западной области Советской России с центром в Смоленске.

На оккупированных землях Восточной Беларуси германская военная администрация ликвидировала созданные к этому времени органы советской власти. В губернских и уездных городах и в волостных центрах размещались гарнизоны германских войск, установлен жестокий оккупационный режим для местных жителей. Немецкий комендант, градоначальник, начальник уезда являлись властелинами с неограниченными правами. Например, с оккупацией германскими войсками западной части Слуцкого уезда административное управление осуществлялось вначале из Несвижа, затем из Слуцка, где начальником гарнизона был генерал фон Вебер. Остальные воинские отряды были направлены в волости. В местечке Копыль и в деревнях восстановились ранее существовавшие капиталистические порядки. Население должно было выплачивать налоги и нести повинности по приказам германской военной администрации. Наступавшие в направлении Бобруйска и Гомеля войска 21-го германского резервного корпуса уже на второй день заняли Осиповичи, начали восстанавливать старые порядки, широко использовали в своих целях железную дорогу, промышленные предприятия рабочего посёлка, всё захваченное и награбленное (лесоматериалы, продовольствие) отправляли в Германию¹. Так было повсеместно. При этом немецкая налоговая система обеспечивалась прежде всего за счёт помещичьих имений, а затем и крестьян².

С первых дней оккупации интервенты взяли курс на восстановление права частной собственности. Под угрозой

---

¹ Памяць : гіст.-дакум. хроніка Асіповіцкага раёна. Мінск : БелТА, 2002. С. 105.

² Памяць : Капыль. р-н : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Мінск : Беларус. навука, 2001. С. 104.

жестоких репрессий крестьян заставляли возвращать бывшим собственникам-помещикам национализированные Советами земли, сельскохозяйственные машины и инвентарь, лошадей, коров, другое движимое и недвижимое имущество. Предприятия и имения, в которых не объявились их владельцы, всё неэвакуированное фронтовое имущество и вооружение объявилось собственностью Германской империи.

На линии Минск – Осиповичи германские войска вошли в соприкосновение с легионами 1-го польского корпуса генерала И. Р. Довбор-Мусницкого, занимавшими территории Могилёвского, Быховского, Жлобинского, Рогачёвского и Бобруйского уездов. При поддержке германцев этот район был объявлен Независимой Республикой Довборией. Войска корпуса численностью 2 тыс. офицеров и 6 тыс. унтер-офицеров и солдат от германских войск ничего не получали и содержались за счёт оккупированных уездов. Ими был установлен жестокий режим, направленный не только против советской власти, но и против местных жителей. Как сообщалось в докладе Быховского уездного исполкома Наркомзему РСФСР, всё ценное, главным образом продовольствие и фураж, было вывезено польскими легионерами. Органы советской власти были разогнаны, партийные и советские работники арестованы и казнены или приговорены к долговременной каторге и тюрьме. Трудящееся население жестоко терроризировалось, расстреливались жители целых сел. Под угрозой избиения, двойного обложения налогом и большого штрафа жители каждой волости были обязаны сдать польским властям ржи – 3000 пудов, овса – 3000, ячменя – 1000, гречихи – 4000, картофеля – 5000, сена – 1000 пудов, яиц – 4000 штук, а также 7 коней, 40 коров и т. д. Население облагалось налогом на окна, двери, кур, собак, кошек, других домашних животных. Вводилась барщина: в восстановленных помещичьих имениях крестьянин обязан был два дня в неделю бесплатно работать на помещика.

Белорусское Полесье, согласно германско-украинскому соглашению начала 1918 г., должно было отойти в состав Украинской Народной Республики. В соответствии с разработанным украинскими властями законопроектом о Государственной границе, Гомельский уезд должен был войти в состав Черниговской губернии; Мозырский и Речицкий уезды – в Киевскую губернию; Пинский, Кобринский, Брестский – в Волынскую губернию. По планам украинских националистов северная граница Украинской республики должна была проходить по линии северного побережья оз. Выгоновское на восток в границах Минской губернии по р. Щара – на Любашево – Круговичи – Локтыши – Чепели – Погост – Уречье – Пасека – Слуцк – Барово – Новый Степ; в границах Могилевской губернии – по р. Днепр, севернее Жлобина – на Рогинь – Шепелевичи, рекою Сож на Святск, далее до административной границы Черниговской губернии¹. В уезды Полесской губернии вслед за германскими войсками вступали украинские гайдамаки, жестокость которых по отношению к местным жителям ничем не отличалась от жестокости германских и польских оккупантов. Так было в Мозырском уезде, территория которого вошла в Полесскую губернию, подчинявшуюся гетману Скоропадскому. Органы советской власти были ликвидированы. Установились власть немецкой комендатуры и гетманская стража, «государственная полиция»; вводились военное положение и комендантский час: с 20 часов вечера до 5 часов утра жителям запрещалось выходить на улицу. Население терроризировалось оккупационными властями. От Гомеля до Бреста в городах и местечках, наряду с немецкими, были размещены отряды гайдамаков.

Украинская Центральная Рада, объявившая войну Советской России, позволила германским войскам оккупировать всю Украину и южную часть Беларуси. Для обеспечения

---

¹ Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915 гадавіны з першага летапіснага ўпамінання. г. Мінск, 2012. С. 386.

договорных поставок в Австро-Венгрию и Германию продовольствия и материалов, главным образом леса и оборудования, население облагалось невероятными разного вида налогами: подушным, наёмным, поземельным, а также на торговлю, на животных, в том числе на собак, целым рядом косвенных налогов и натуральными платежами. Специальные военизированные отряды забирали в деревнях животных и сельхозпродукты. Более того, принудительно заставляли крестьян вылавливать рыбу. Например, в Малоритской волости Брестского уезда в Луковском, Ореховском и Олтушском озёрах, в Мостовской волости Гродненского уезда в Нёмане и озёрах. Почти весь улов отправляли в Германию¹.

Оккупанты систематически проводили реквизиции у населения практически всех видов продовольствия и фуража, а также скота для снабжения войск и отправки в Германию. Так, по агентурным данным в сводке оперативного отдела Высшего Военного Совета Красной Армии от 1 августа 1918 г. отмечалось, что в Могилёвском уезде германскими властями был отдан приказ, чтобы каждая волость поставила в месяц 800 пудов мяса; в окрестностях Минска по деревням проводилась «усиленная реквизиция продовольствия и животных». Все реквизированные запасы продовольствия и скота немцами «усиленно» вывозились в Германию. 10 июля со станции Шклов было отправлено 32 вагона льна, 40 вагонов лошадей, после этого дня ежедневно вывозилось по 2–3 вагона животных². В>Note постоянного представителя РСФСР в Германии от 5 октября 1918 г. отмечалось, что в Молодечненской волости немцами был отдан приказ поставить войскам 3000 пудов зерновых, 12 000 пудов ярового хлеба, 12 000 пудов соломы. Кроме того, отбирались

¹ Памяць : гіст.-дакум. хроніка Маларыц. р-на. Мінск : Ураджай, 1998. С. 119 ; Памяць : гіст.-дакум. хроніка Мастоўс. р-на. Мінск : Паліграффармленне, 2002. С. 93.

² Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918-1920 гг. : сб. докум. и материалов : в 2 т. Минск : Беларусь, 1968. Т. 1 : Февраль 1918 г. – февраль 1919 г. С. 161.

кони, коровы, свиньи и куры¹. Судопроизводство на оккупированной территории осуществлялось военной администрацией. В состав судов входили только немцы. Судопроизводство велось только на немецком языке, не понятном местному населению. В судебной деятельности оккупантов, по сути, царил полный произвол властей, жаловаться на который никто из местных жителей не имел права. В приказе главнокомандующего германским Восточным фронтом по этому поводу говорилось, что обжалование распоряжения о наказании может быть только в том случае, если обвиняемый имеет германское подданство².

Следует сказать, что с приходом германских оккупантов возобновили свою работу Минский окружной суд (его юрисдикция распространялась на бывший Могилёвский судебный округ), уездные мировые суды. Однако эти суды были лишены права рассматривать административные, политические и криминальные дела, которые вошли в компетенцию германских военно-полевых судов. Несмотря на публичное обещание принимать во внимание русские законы, германские суды в нарушение международного права в основном пользовались немецким правом или приказами местных комендантов. Для прикрытия своей оккупационной политики германцам удалось создать развёрнутый аппарат вспомогательной администрации из числа чиновников старого режима Российской империи, которые являлись посредниками оккупантов с местным населением, содействовали проводимым акциям его ограбления.

Необходимо признать, что отдельные представители белорусской национальной интеллигенции также были лояльно настроены к германским оккупантам. Так, Иван Луцкевич, по словам воспоминаний Ю. Витан-Дубейковской, готовился к встрече немцев, встретил их на «Зелёном мосту» при вступлении в Вильно и беседовал с «первыми немецкими

¹ Документы внешней политики СССР : в 24 т. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 1 : 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. С. 511.

² Цит. по: Победа Советской власти в Белоруссии. С. 394.

патрулями»¹. При германских оккупантах он «надеялся шире поставить белорусский вопрос». С этой целью братья Луцкевичи (Иван и Антон) и их соратники широко использовали работу Белорусского комитета по оказанию помощи потерпевшим от войны.

Реквизиции оккупантами продуктов сельского хозяйства доходили до полного ограбления крестьян и приводили их к нищенскому существованию. Согласно приказу германского командования, после реквизиции у крестьян Гомельского уезда должна была оставаться дневная норма на одного жителя не более 225 граммов хлеба и 300 граммов картофеля. А военная администрация Койдановской волости Минского уезда после реквизиции оставила всего 200 граммов зерна в день на семью².

Не лучшим было положение городских жителей. Так, минский городской голова 12 апреля 1918 г. сообщал в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР о том, что «немецкие власти считают, что имеют право наложить на город квартирную повинность, принуждают городское самоуправление не только предоставлять квартиры для военных, но и обогревать их, освещать и меблировать»; что «за полтора месяца оккупации это уже обошлось городу в несколько сотен тысяч рублей»³. В городах и местечках была введена жёсткая карточная система распределения продуктов питания. Военный комендант Минска установил, что горожанину достаточно для поддержания сил 250 граммов мяса на неделю, 200 граммов хлеба в день и 1200 граммов хлеба на неделю. Ограбление населения белорусских губерний и вывоз продовольствия в Германию приводил к росту на внутреннем рынке спекулятивных цен на продовольствие и другие предметы первой необходимости. В дни оккупации цена на мясо выросла почти в 3 раза, на хлеб – почти в 4 раза.

¹ Вітан-Дубейкоўская Ю. Мае ўспаміны. Вільня, 2004. С. 36.

² Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / И. М. Игнатенко [и др.]. Минск : Наука и техника, 1990. С. 112.

³ Там же.

Отягощала положение населения финансовая политика оккупационных властей, направленная на максимальное получение прибыли с оккупированных территорий. С целью выкачивания у жителей российских рублей и защиты немецкой марки от инфляции с 1 июля 1918 г. вместо российских денег вводились в денежное обращение кредитные билеты германского Восточного торгово-промышленного банка – «острубля». 3 июля 1918 г. командование германской 10-й армии приняло «Постановление относительно уплаты налогов, податей и сборов», в соответствии с которым местные жители должны были выплачивать оккупационные поборы немецкими марками или «острублями». За нарушение этого налагался штраф до 20 тысяч марок и тюремное заключение до одного года¹. С первых дней оккупации белорусских земель политика германских властей была направлена на максимальную эксплуатацию природных ресурсов: лесных богатств, залежей торфа, фосфоритов. Объектом большой хозяйственной ценности для них представлялась Беловежская пуца, из которой оккупанты планировали вывозить 1–1,5 млн м³ древесины в год².

Для этого они проложили узкоколейные подъездные пути общей протяжённостью до 150 км, соорудили шесть лесопильных и один шпалопропиточный заводы, вели торфоразработки в районах городов Гродно, Литва, Лунно, Белосток; в районе Волковыска добывали фосфориты³.

Хозяйничайные германских оккупационных властей на белорусских землях показало свой колониальный характер, целью которого являлись хищническая эксплуатация производственных и природных ресурсов, ограбление белорусского народа в интересах первоочередного удовлетворения потребностей Германии и её войск.

Население белорусских земель, несмотря на жестокий террор и расправы за малейшее сопротивление оккупантам,

¹ Иностранная военная интервенция в Беларуси, 1917–1920.

² Там же. С. 107.

³ Победа Советской власти в Белоруссии. С. 395–396.

не склонило головы. Безусловно, в самом начале оккупации, когда на протест психологически трудно было решиться, население выражало своё неприятие оккупационного режима в основном в пассивных формах: уклонение от реквизиций, поборов и штрафов, обязательных поставок, принудительных работ, игнорирование распоряжений администрации и установленного оккупационными властями жестокого внутреннего режима. Однако имеется много сведений о том, что уже в 1916–1917 гг. белорусские крестьяне начали вступать в действовавшие в лесах, особенно в Беловежской пуще (в районе Пинска и его окрестностей) партизанские группы, образованные бежавшими из плена солдатами русской армии или созданные в русских воинских частях и заброшенные в тыл врага¹.

Качественно новый этап активного сопротивления оккупантам начался в 1918 г., в период февральского наступления германских войск и установления ими контроля почти над всей территорией Беларуси. Оставшиеся в тылу интервентов и брошенные на оккупированную территорию большевики стремились расширить и направить стихийное сопротивление населения оккупантам в организованное русло. С этой целью во многих уездах и волостях начало создаваться партийное подполье. 28 февраля 1918 г. на первом нелегальном собрании был образован Минский подпольный комитет. В течение марта – мая 1918 г. были созданы Полесский, Рогачёвский, Мозырский, Жлобинский, Бобруйский, Борисовский, Речицкий партийные комитеты, которые сформировали широкую сеть подпольных партийных организаций, насчитывавших в своих рядах к концу лета 1918 г. более 4 тыс. членов партии².

Для руководства борьбой населения против интервентов подпольные партийные комитеты создавали специальные боевые органы – революционные комитеты (ревкомы). Например, ревком в Гомеле был образован в мае 1918 г.

---

¹ Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920. С. 121.

² Гісторыя Беларусі : у 6 т. Мінск : БелЭн, 2006. Т. 5. С. 67.

Принятые организационно-политические меры способствовали формированию партизанских отрядов. Уже в марте 1918 г. они возникли во многих волостях Гомельского уезда. Повышалась активность их действий. Так, в начале марта партизаны взорвали гостиницу «Савой» и городской театр, где были расквартированы германские солдаты и офицеры; бросили бомбу в кафе, в котором ужинали офицеры германского штаба. В Городокском уезде Витебской губернии по состоянию на 22 апреля действовало 4 партизанских отряда численностью 378 человек. Всего в Витебской губернии на конец марта 1918 г. в партизанских отрядах насчитывалось 2400 человек. Крупные партизанские отряды развивали свою деятельность в районе Лепеля, деревень Запутье, Гладково, местечка Сухар Могилёвского уезда, д. Рудобелка Бобруйского уезда. В Оршанском уезде на 15 апреля общая численность партизан составила около 1400 человек¹.

Рост партизанского движения был вызван стремлением трудящихся защитить советскую власть, предоставленные ею права и свободы. Например, общее собрание крестьян Козьянской волости Городокского уезда Витебской губернии 6 апреля 1918 г. постановило не отдавать снова в руки буржуазии добытую кровью свободу и землю: «Мы призываем трудящееся крестьянство объединиться в одну семью, организовать добровольную запись в партизанский отряд для борьбы с оккупантами»².

Организаторами партизанских отрядов нередко становились демобилизованные солдаты русской армии. Например, в Рудобельской волости бывшие солдаты А. Соловей и М. Левков организовали подпольный партийный комитет, усилиями которого было создано несколько партизанских отрядов объединившихся в партизанскую бригаду. В Дукорской волости демобилизованный солдат Г. Шычко в июле 1918 г. в д. Равнополье организовал революционно

---

¹ Гісторыя Беларусі. Т. 5. С. 67.

² Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920. Т. 1. С. 64.

настроенных крестьян. Такие кружки появились в Дукоре и других деревнях волости. Г. Шычко объединил всё в единую организацию. Подпольщики сформировали крупный партизанский отряд¹. Новые отряды создавались подпольными комитетами в районах Могилёва, Бобруйска, Орши, Быхова, Слуцка, Речицы, Новогрудка, Молодечно, где к осени 1918 г. развивали свою деятельность 80 партизанских формирований. Кроме большевиков в подполье действовали также левые эсеры, партия Поалей-Цион, анархисты и др.

Большую работу по организации партизанских отрядов проводили подпольщики Гомельщины. Гомельский подпольный Совет обратился с воззванием к рабочим и трудящимся крестьянам, в котором сообщалось, что оккупантам объявлена беспощадная война. В предместье Гомеля – Ново-Белице из рабочих предприятий сформировался большой партизанский отряд. В деревнях Гомельщины было создано несколько партизанских отрядов, наиболее сильным из которых был Переростский. Сеть партизанских отрядов действовала в Полесье. Некоторые из них насчитывали до 500 бойцов².

Состоявшаяся 15 июля 1918 г. первая Минская районная конференция РКП(б) считала, что главной задачей партийной работы на оккупированной территории является подготовка вооружённого восстания с целью восстановления советской власти. Обсудив вопрос об отношениях с другими партиями, конференция признала возможность работы с другими партиями при условии признания ими позиции большевиков и стоявших на платформе советской власти³. Попыткой такого сотрудничества можно считать организацию большевиками Речицы совместно с левыми эсерами и анархистами восстания против оккупантов. Выступление

---

¹ Гісторыя Беларусі. Т. 5. С. 67.

² Антонов А. Е. Разгром австро-германских интервентов на Украине и в Белоруссии в 1918 г. С. 128.

³ См.: Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918–1920. Т. 1. С. 145–147.

намечалось в ночь с 16 на 17 августа. Однако по причине слабости сил и несогласованности действий оно не состоялось. Речицкий партизанский отряд под командованием эсера Алексеева не выступил, как и группы, рассредоточенные вдоль железной дороги. Более успешно действовал Горвальский партизанский отряд под командованием большевика И. Костромы, сформированный из крестьян соседних волостей. Отряд напал на подразделение «варты» в Береговой Слободе. Отняв у гайдамаков оружие, партизаны разгромили немецкий конвой, охранявший имение графа Зубова¹.

Следует сказать, что крестьянские восстания против оккупантов вспыхнули с началом весны 1918 г. в Новогрудском, Слуцком, Быховском, Речицком, Бобруйском уездах и вскоре вылились в вооружённую партизанскую борьбу. Против установленного оккупантами политического режима выступили рабочие. Во многих местах забастовки переросли в вооружённую борьбу. Так, 15 июля 1918 г. вспыхнувшая в знак солидарности со всеобщей забастовкой железнодорожников Украины забастовка железнодорожников Гомеля переросла в вооружённую стычку с оккупантами. Гомельских железнодорожников поддержали рабочие Могилёва, Жлобина, Рогачёва, других городов Беларуси².

Усилившаяся борьба подпольщиков и партизан с оккупантами вкупе с улучшившимся внутренним положением Советской России (поддержка трудящимся крестьянством советской власти), ухудшившееся политическое и военное положение Германии, международное положение заставили германское командование пойти на подписание 27 августа 1918 г. добавочного к Брест-Литовскому мирному договору соглашения об отводе оккупационных войск с временно оккупированной территории до заключения всеобщего мира.

¹ Речица. Дорогой столетий в будущее : [к 800-летию юбилею города / В. М. Лебедева и др.] ; Речиц. район. исполн. Комитет. Речица : Ред. газ. «Дняпровец», 2013. С. 96.

² Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2. С. 41.

В соответствии с принятым соглашением правительство РСФСР приняло меры к занятию войсками Красной Армии районов, оставляемых оккупантами. Первоначально задача освобождения Беларуси от немецких оккупантов возлагалась на войска Западного района обороны, сформированного 11 сентября 1918 г. (15 ноября был преобразован в Западную армию). В его состав вошли Витебская, Псковская и Западная дивизии. Отвод германских войск начался с их ухода из уездов Витебской губернии. К середине сентября был освобождён Полоцкий уезд, 25 сентября – Лепельский. В 20-х числах оккупанты начали отводить войска из уездов Могилёвской губернии. К началу ноября были очищены часть Сенненского, Оршанского и Могилёвского уездов. На оставляемую оккупантами территорию вступали войска Красной Армии: части Псковской, 17-й, позже Западной, стрелковых дивизий¹.

Германское командование в первое время выполняло взятые по добавочному договору обязательства. Об этом 7 октября 1918 г. Верховное командование докладывало Председателю Совнаркома В. И. Ленину: «...проведение в жизнь дополнительного соглашения к Брестскому миру пока немцами выполняется серьёзно»². Но подписание дополнительного договора не сдерживало враждебного отношения правительственных кругов Германии к Советской стране, от продолжения интервенции. В приказе германского Верховного командования от 16 ноября 1918 г. говорилось, что «быстрый уход со всех восточных областей... противоречит национальным и хозяйственным интересам Германии». Продолжалось ограбление белорусского народа.

Однако ситуация, сложившаяся в результате вспыхнувшей в Германии революции, разложения оккупационных войск под влиянием русской революции и проводимой

---

¹ Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920. С. 135–136.

² Цит. по: Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920. С. 136.

агитации большевиков, поражения блока Четверного союза в мировой войне, позволила советскому правительству 13 ноября 1918 г. аннулировать Брестский мирный договор. В принятом ВЦИК Советов постановлении указывалось, что все заключённые в договоре обязательства по выплата контрибуции или уступке территорий объявляются недействительными.

Все эти события ускорили отвод оккупационных войск на запад. К началу ноября 1918 г. ими были оставлены территории по линии Днепра и Друти. Во второй половине ноября германские оккупационные власти сообщили советскому командованию о продолжении отхода с 22 ноября, очищении территории Беларуси к востоку от Березины. Главное командование Красной Армии отдало распоряжение командованию Западной армии организовать разведку в направлении Речица – Гомель – Борисов – Полоцк и, по возможности, занять эти пункты. На занятых территориях военным властям при содействии местных комиссариатов и губернских исполкомов рекомендовалось устанавливать советскую власть. Кроме того, продвижение вперёд рекомендовалось производить поэтапно и на первое время ограничиваться захватами главных железнодорожных узлов. Причём советским правительством и Реввоенсоветом (РВС) давалось указание командованию Западной армии без необходимости не вступать в вооружённую борьбу с немецкими войсками. Занятие крупных железнодорожных узлов и важных пунктов должно было производиться по взаимному согласию с германским командованием.

Следует отметить, что в основном очищение белорусских земель от немецких войск и занятие их частями Красной Армии проводилось на основе договорённостей. Необходимо признать положительную роль в этом процессе созданных к этому времени в германских войсках солдатских Советов, как правило, извещавших командование советских войск о времени своего отхода. Таким образом, в конце ноября 1918 г. были освобождены Дрисса, Полоцк, Рогачёв, Жлобин,

Бобруйск, восточная часть Могилёвской губернии, 3 декабря – Борисов, 8 декабря – Слуцк, 9 декабря – Игумен, 10 декабря – Минск¹.

Сложнее проходило освобождение южной части Беларуси. Более длительному задержанию германских оккупантов на территории Беларуси способствовали помещики, зажиточные слои населения и украинские гайдамаки. Так, в Гомеле каждому немецкому солдату было обещано по 1200 руб. в месяц за то, чтобы войска оставались в городе и не сдавали его большевикам. Петлюра делал попытку использовать гайдамаков в качестве козырной карты и выдвигал ультиматум немцам, подписавшим договорённость с Советской Россией о передаче Калинковичей Красной Армии².

Всё это вызвало ещё больший всплеск недовольства и сопротивления населения, партизанской борьбы. В это время в районе Калинковичей действовали партизанские отряды под командованием Петра Короля, уроженца д. Огородники; Андрея Зубца из д. Рудня Горбовицкая; около местечка Юровичи – отряд Филиппа Нагорного. В Мозырском уезде партизаны и подпольщики д. Скородное и окрестных населённых пунктов на собрании в конце ноября 1918 г. приняли решение поднять вооружённое восстание против оккупантов по всей округе. С этой целью они установили контакт с подпольщиками г. Овруч, от которых получили оружие и патроны. Частично для вооружения отряда оружие подпольщиками было захвачено в немецком гарнизоне д. Валавск.

Воспользовавшись выездом немцев из имений Валавск и Кузьмичи через станцию Словечно в Мозырь с целью очередного ограбления жителей, Скороднянский партизанский отряд под командованием Р. Т. Витко 4 декабря начал действовать: в Скородном и других населённых пунктах волости была разоружена германская стража. При этом гайдамаки, которые оказывали вооружённое сопротивление, были

¹ Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920. С. 139.

² Памяць : Калінкавіцкі р-н : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі. Мінск : Ураджай, 1999. С. 113–114.

разогнаны или уничтожены. Занятие партизанами помещичьих имений позволило им значительно пополнить вооружение отряда, конфисковать пригодных для верховой езды и обоза лошадей, а также повозки, упряжь и сёдла, взять под охрану всё имущество¹.

В первой половине декабря партизанский отряд Р. Т. Витко численностью 300 человек выступил из д. Скородное, имел вооружённые схватки с гайдамаками в д. Кочище. Затем партизаны направились на Каролин и для восстановления советской власти в Буйновичскую, Лельчицкую, Петриковскую и Слободо-Скрыгаловскую волости. Из местечка Каролин Р. Т. Витко повёл партизан на Мозырь. По пути они освободили от оккупантов д. Мелешковичи и подошли к уездному центру. В это время, 14 декабря 1918 г., в Мозыре начались переговоры советской делегации с представителями германских войск о допуске советских войск в Мозырь, Калинковичи и Лунинец. 17 декабря 151-й и 153-й полки 17-й стрелкой дивизии заняли Калинковичи, затем Лунинец. Здесь партизаны – участники Скороднянского восстания слились с частями Красной Армии².

Германское командование совместно с петлюровцами пыталось всеми силами удержать Гомель. 20 октября 1918 г. оккупанты арестовали членов Гомельского военно-революционного комитета. В ответ на это гомельские железнодорожники объявили забастовку. Бастующих железнодорожников поддержали рабочие заводов и фабрик города и уезда. В результате всеобщей забастовки, наступления Красной Армии и действий партизан германские оккупанты вынуждены были отступить. В первой половине января части Красной Армии во взаимодействии с партизанскими отрядами освободили от оккупантов Полесье. Освобождение всей территории Беларуси завершилось к концу февраля 1919 г.³

---

¹ Памяць : Ельскі р-н : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі. Мінск : Ураджай, 2001. С. 71.

² Там же. С. 72.

³ Гісторыя Беларусі. Т. 5. С. 69.

Таким образом, переговоры делегации Советской России с государствами Четверного блока велись в сложных условиях. Основной причиной этих трудностей для советской делегации являлся отказ Англии и Франции – союзниц Российской империи по Антанте от прекращения империалистической войны и заключения справедливого демократического мира. Молодое Советское государство, получившее тяжёлое наследие от царизма, осталось в одиночестве на пути достижения мира с германским хищником, который бесцеремонно стремился использовать эти сложности в своих захватнических целях. В процессе ведения переговоров не все члены советской делегации и Совнаркома (возможно из-за патриотических побуждений) были согласны с предложенными условиями мирного договора. Германцы всё это ловко использовали. Сославшись на окончившийся срок подписанного перемирия, они на всём российско-австро-германском фронте перешли в наступление и захватили огромную, в том числе почти всю белорусскую территорию. Только благодаря настойчивости и аргументам председателя Совнаркома В. И. Ленина, советской делегацией нового состава был подписан «кабальный», грабительский со стороны Германии мирный договор, в результате которого Советская Россия вышла из войны. Белорусские земли оставались под оккупацией. Оккупанты, установив свой жестокий режим на занятой территории, стремились к максимальной эксплуатации людских, производственных и природных ресурсов белорусских земель, «высасывая» всё до последнего не только для содержания оккупационных войск, но и для отправки в Германию.

Военно-полицейский режим и экономический гнёт оккупантов вызвали массовое сопротивление белорусского народа, вылившееся в вооружённую борьбу против оккупантов, которая вкупе с улучшившимся внутренним положением Советской России и ухудшившимся военным положением Германии, её поражением в мировой войне, вспыхнувшей Ноябрьской революцией в Германии заставили интервентов очистить белорусские земли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война явилась первым глобальным вооружённым конфликтом в истории человечества. Развязанная правящими кругами крупнейших империалистических держав, она принесла многомиллионные человеческие жертвы и огромные страдания всем народам мира. Неисчислимыми жертвами, разрушениями, материальными потерями, страданиями и горем обернулась война для тех народов, на территории проживания которых происходили боевые действия.

Трагичными события Первой мировой войны были и для белорусских земель, которые являлись форпостом Российской империи на западе. Уже само геополитическое и стратегическое положение этих земель в случае войны предопределяло суровые испытания для их обитателей. По объявлении войны белорусские губернии оказались на военном положении. Уже заранее, при составлении плана войны и мобилизационного расписания российским Генеральным штабом первоочередными к выдвижению в места сосредоточения и развёртывания для начала военных действий определялись соединения приграничных военных округов, в спешном порядке пополненные по штатам военного времени мобилизованными из местного населения. Такими были 2, 3, 4 и 19-й армейские корпуса русской армии, дислоцировавшиеся в белорусских губерниях. Население же белорусских земель явилось надёжным людским резервуаром, из которого оперативно была влита «живая сила» в части и подразделения этих соединений, сформированы

новые полки действующей армии, дружины государственного ополчения, другие подразделения.

Не дожидаясь полного развёртывания войск, при почти полной неготовности тыловых служб обеспечить длительное наступление, Верховное командование в соответствии с российско-французской конвенцией в угоду союзной Франции поспешно двинуло русские армии в наступление. Благодаря мужеству и упорству солдат русских войск, в их числе было много белорусов, войска имели успехи в Гумбинен-Гольдапском сражении в Восточной Пруссии, Галицийской и Варшавско-Ивангородской операциях. Однако плохое взаимодействие войск, отсутствие телефонной связи и плохая радиосвязь позволяли противнику перехватывать отдаваемые командованием русских войск приказы и распоряжения и оперировать своими войсками, оперативно перебрасывая их по хорошо развитой сети железных дорог на наиболее угрожаемые участки. В силу этого, а также из-за недобросовестной разведки и плохого управления русские войска, уступая противнику в вооружении, особенно в тяжёлой артиллерии, не имея резервов для своевременного подкрепления, пополнения огневых средств, начали терпеть поражения и нести большие потери.

Методически отводя войска из-под ударов противника, чтобы избежать окружения и разгрома, Верховное командование русской армии прибегло к применению на оставляемой территории тактики «выжженной земли», обращая мирное население в беженство, лишая его своего крова и всего нажитого. До полутора миллионов человек из пределов Царства Польского, Волыни, Лифляндии и Курляндии в основном на подводах и пешим порядком, со своим домашним скарбом и скотом проследовало через белорусские земли, нанося огромный ущерб сельскому хозяйству и местным жителям. Многие из них нашли приют в белорусских городах, местечках и деревнях, встретив сочувствие и посильную помощь белорусов.

С перемещением линии фронта и его стабилизацией по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск белорусские земли на два с половиной года стали ареной боевых действий. Катастрофические события на фронте, потеря части территории не дали возможности полностью эвакуировать военные и промышленные объекты. Многие из них, как и сельскохозяйственные объекты и посевы, уничтожались, разрушениям и огню предавались отступавшими войсками города и сёла, обитатели их в большинстве обращались в беженство.

Война явилась тяжёлым испытанием для белорусского народа. Оккупационный режим в западных губерниях и массовые, неоднократные реквизиции, мобилизации, принудительный труд на военных объектах неоккупированных восточных белорусских земель легли непосильным грузом на плечи населения. Особенно сильно отразилась война на хозяйстве. Большинство (432) промышленных предприятий было эвакуировано, оставшиеся (139) переведены на выработку военной продукции для фронта. В результате мобилизаций 50 % мужской части населения и реквизиций лошадей для войск деревня лишилась основной рабочей силы. Сократились посевные площади, из-за недостатка рабочих рук не всегда убирался выращенный урожай, надвигался голод, росла социально-экономическая и внутривойсковая напряжённость.

Горечь поражений, отсталость русской армии в военнотехническом оснащении и превосходство противника в этом, усталость обезлюдевшей деревни, смятение столкнувшихся с реальностью потребительского отношения к себе, а в некоторых случаях предательства и измены командования (сдача противнику крепости Новогеоргиевск с 90-тысячным гарнизоном её комендантом генералом Бобырем, бегство в тыл коменданта крепости Ковно генерала Григорьева), вызвали падение морально-боевого духа солдатских масс. Это явилось основой для антиправительственной и антивоенной пропаганды партий революционной демо-

кратии (большевиков, меньшевиков, эсеров и бундовцев) в войсках, что в конечном счёте привело к социальным потрясениям в стране и армии – Февральской и Октябрьской революциям 1917 г.

Беларусь не осталась в стороне от этих потрясений. Напротив, развивавшиеся тут военные события, наводнение территории войсками с их повседневными потребностями привели к полному разорению края. Свержение монархизма, ввергнувшего страну в кровопролитную бойню, а затем и Временного правительства, продолжавшего войну, встретило одобрение и поддержку среди беднейшего населения.

Октябрьская революция, провозглашение декретов о мире и о земле, заключение перемирия на фронте усилили стремление солдат уйти в тыл. Положение усугублялось не только усталостью и лишениями окопной жизни, но более всего окончательным расстройством снабжения фронта продовольствием и фуражом по причине саботажа свергнутых имущих классов, оттока поставок на внутренний фронт борьбы за власть, расстройством железнодорожного транспорта. Устранение не признавшего советской власти командного состава лишило войска компетентного руководства, толкало большую часть генералов и офицеров на путь борьбы за своё властное и имущественное положение, способствовало развязыванию Гражданской войны в стране.

Сложившуюся в России ситуацию использовали германские империалисты. Предложив советской делегации на переговорах о мире кабальные, унижительные условия, с которыми не все члены делегации были согласны, германцы по всему фронту развернули наступление, в ходе которого почти все белорусские земли были оккупированы. Ценой потери огромной территории в результате заключения мира в Брест-Литовске и большого напряжения усилий вновь создаваемой Красной Армии, в которую вступило много и белорусов, германские интервенты были остановлены.

Заклучив мир с государствами Четверного союза, Российская Советская Республика вышла из состояния войны. Однако большая часть (4/5) белорусских земель оставалась под пятой германских оккупантов, жестоко эксплуатировавших её жителей, хищнически использовавших производственные, сельскохозяйственные и природные ресурсы. Лишь с поражением Германии и её союзников в Первой мировой войне осенью 1918 г., а также в связи со вспыхнувшими революциями в Германии и Австро-Венгрии и аннулированием Советской Россией Брестского мирного договора германские войска оставили белорусские земли.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1.</i> Мобилизация в белорусских губерниях Российской империи в начале Первой мировой войны.....	14
<i>Глава 2.</i> Сосредоточение и развёртывание войск. Участие в боевых действиях в августе–декабре 1914 г.	37
<i>Глава 3.</i> Белорусские полки июля 1914 г. и их боевое крещение.....	72
<i>Глава 4.</i> Отступление российских войск. Боевые действия на белорусской земле в 1915 г.	96
<i>Глава 5.</i> Эвакуация населения, предприятий и учреждений в июне–ноябре 1915 г.	119
<i>Глава 6.</i> Проблема беженства мирных жителей и её решение на белорусских землях	155
<i>Глава 7.</i> Нарочская операция в марте 1916 г.	179
<i>Глава 8.</i> Барановичская операция летом 1916 г.	197
<i>Глава 9.</i> Газовые атаки на территории Беларуси.....	231
<i>Глава 10.</i> Последнее наступление войск российского Западного фронта в июле 1917 г.	251
<i>Глава 11.</i> Падение морально-боевого состояния российских войск Западного фронта: причины и последствия	281
<i>Глава 12.</i> Заключение перемирия на Западном фронте.....	318
<i>Глава 13.</i> Завершение демократизации и демобилизация армий Западного фронта	335
<i>Глава 14.</i> Февральское наступление германских войск. Организация отпора противнику	365
<i>Глава 15.</i> Заключение Брестского мирного договора. Положение в Беларуси в 1918 г.	383
Заключение	410

Научное издание

Смолянинов Михаил Митрофанович

**БЕЛАРУСЬ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
1914–1918 гг.**

Редактор *И. А. Старостина*

Художественный редактор

Техническое редактирование

и компьютерная вёрстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 00.08.2017. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84+1,79 вкл. Уч.-изд. л. 17,2.

Тираж 300 экз. Заказ 000.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Типография

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ И ЕГО ПОМОЩНИКИ.
1. Е. П. В. Великий Князь **НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ**, Верховный Главнокомандующий,
2. генерал-отъ-инфантерій **М. В. АЛЕКСЕЕВЪ**, 3. генералъ-адъютантъ **Н. Г. ИВАНОВЪ**, 4. Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ-отъ-инфантерій **Н. ЯНУШКЕВИЧЪ**,
5. генералъ-отъ-инфантерій **Ю. ДАНИЛОВЪ**, 6. генералъ-адъютантъ **Н. В. РУЗСКИЙ**.

Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич
и его помощники

303-й Сенненский пехотный полк в районе Гродно. Осень 1914 г.

Николай II с императрицей Александрой Фёдоровной и дочерьми Ольгой и Татьяной при посещении земского лазарета. Двинск, 1914 г.

Похороны убитого воина из 530-го Василь-Сурского пехотного полка

Палата госпиталя. 1914 г.

Сёстры милосердия. Барановичи, 1914–1915 гг.

Беженцы около Бобруйска

Сироты Первой мировой войны

Амбулатория врачебно-питательного пункта, организованная Всероссийским земским союзом. Бобруйск

Хлебопекарня, организованная для беженцев Всероссийским земским союзом. Бобруйск

Прибытие поезда в Брест-Литовск в дни эвакуации

Беженцы в районе станции Барановичи

Шатёр беженцев в Бобруйске

Лагерь беженцев в Слуцке. 1915 г.

Крестьяне с русскими солдатами. Местечко Любань Вилейского уезда
Виленской губернии

Очередь за продовольствием

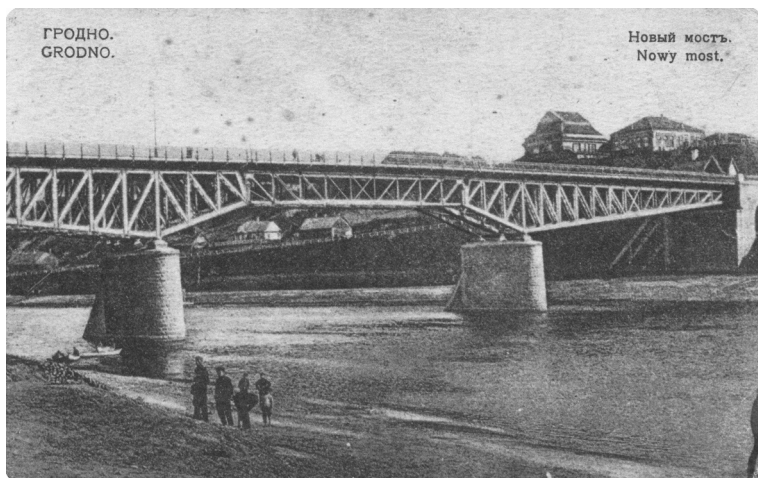
Разрушенная белорусская деревня. 1916 г.

Мещанская улица в Гродно. Немецкая открытка

Польские беженцы на улицах Гродно. Немецкая открытка

Новый мост в Гродно до и после разрушения во время военных действий

Беженцы на улицах Полоцка

Привет из Полоцка. Немецкая открытка

Slonim

Paradestrasse mit Markthalle.

Улица с торговыми рядами в Слониме. Немецкая открытка

Разрушенный костёл в Слониме. Немецкая открытка

Железнодорожная бригада возле моста Эфеля. Барановичи

Рождество Христово в прифронтовой полосе

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич выходит из вагона французского генерала По. Ставка, Барановичи, 1915 г.

На Северо-Западном фронте. 1915 г.

Забивание кольев
при обшивке стен
окопа

Окопы, обшитые
плетнём. 1915 г.

На краю воронки от тяжёлого немецкого снаряда

Солдатская походная кухня

В операционной на передовой

Санитарный автобус

Пленный
немецкий солдат.
Северо-Западный фронт,
июль 1915 г.

Раздача обеда немецким офицерам. Германский Восточный фронт

Немецкий
гаубичный расчёт
около пушки. 1916 г.

Снаряды для тяжёлого артиллерийского орудия

Немецкий военный телеграф

Офицеры 20-го пехотного Галицкого полка и полковой священник отец Николай. Северо-Западный фронт. 1915 г.

Первый корпусный авиационный отряд. Западный фронт. Фольварок Татарщина Минского уезда
(аэродром в Станьково). 1917 г.

Очистка окопов
после газовой атаки

Похороны в братской могиле

Немецкий аппарат
для обливания
противника горячей
жидкостью. 1915 г.

Разорванные динамитом при заложении мин. Зима 1916 г.

Войсковой театральный кружок 9-й роты 20-го пехотного Галицкого полка. 1915 г.

«Расстрел» (войсковая шутка). Северо-Западный фронт. 1915 г.

Передвижной военно-
санитарный госпиталь
в Минске

Русские солдаты строят землянку. 1916 г.

Пушка и артиллерийский расчёт

В перерывах между атаками

Экзамен в траншейной школе. 1916 г.

Смотр четырёх полков (девять бригад) перед боями под Молодечно.
Ляховичи, 1916 г.

Император Николай II
с наследником
цесаревичем Алексеем.
Ноябрь 1916 г.

В Царской Ставке в Могилёве. Октябрь 1916 г.

Здание Ставки в Могилёве. 1917 г.

Русские солдаты возле разрушенного здания в д. Замостье Вилейского уезда
Виленской губернии. Июль 1917 г.

Братание на фронте

Мирная политическая манифестация в Несвиже (во дворе артиллерийских казарм). 18 июня 1917 г.

Шествие манифестантов на общий митинг. Несвиж, 18 июня 1917 г.

На Западном фронте во время Февральской революции. 1917 г.

Во время переговоров в Брест-Литовске о мире. 1918 г.